

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Новокузнецкий институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы

*80-летию кафедры русского языка и литературы,
30-летию кафедры шорского языка и литературы
посвящается*

ЯЗЫК И РЕГИОНЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮГА КУЗБАССА

Том 2

Новокузнецк – Красноярск

2020

УДК 811.512.155+821.51(2Рос-Шор)+81.42

ББК 81.2+84(2Рос-Шор)+26.89(2Рос-4Кем)

Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 18-412-420001

Рецензенты:

О. В. Орлова, д-р филол. наук, доцент (Томский государственный педагогический университет);

Т. В. Шмельёва, д-р филол. наук, профессор (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Я 41 Язык и регионы: социокультурное пространство юга Кузбасса : монография. В двух томах / Н. А. Баланчик, Н. С. Баланчик, Ю. В. Косицина, Г. В. Косточаков, И. А. Пушкарева, В. М. Телякова, В. В. Трубицына ; под ред. И. А. Пушкаревой; М-во образования и науки РФ, Новокузнецк, ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Красноярск : Sitall, 2020. – Т. 2. – 372 с., цв. вкл. (Серия «Филологическое краеведение»)

Монография посвящена осмыслению специфики духовной жизни региона, отражённой в слове, основана на продолжении и развитии научных направлений кафедр, созданных в педагогическом вузе как центре гуманитарной мысли региона, – кафедр русского языка, литературы, шорского языка и литературы.

Второй том содержит сведения об истории кафедры шорского языка и литературы, раскрывает вопросы, связанные с шорской ономастикой, спецификой грамматической системы шорского языка, включает характеристику творчества шорских писателей и анализ отражения шорской темы в миссионерских записках XIX века и в современном региональном медиадискурсе.

Книга предназначена для филологов, историков, этнографов, краеведов, преподавателей школ и вузов, студентов гуманитарных вузов.

ISBN 978-5-8353-2465-1 (т. 2)
ISBN 978-5-8353-2463-7

© Баланчик Н. А., Баланчик Н. С., Косицина Ю. В.,
Косточаков Г. В., Пушкарева И. А.,
Телякова В. М., Трубицына В. В., 2020
© Новокузнецкий институт (филиал) Федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Кемеровский
государственный университет», 2020
© Полиграфическая компания «Sitall», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ко второму тому: об истории создания и деятельности кафедры шорского языка и литературы (В. М. Телякова)	6
Глава 1. Шорская ономастика (Г. В. Косточаков)	18
1.1. Шорская антропонимия	18
1.1.1. Шорские имена	18
1.1.1.1. О шорских традиционных (дохристианских) именах	18
1.1.1.2. Группы традиционных шорских имён	25
1.1.2. Шорские фамилии	31
1.1.2.1. Антропонимическая система шорцев	31
1.1.2.2. О написании современных шорских фамилий	48
1.3. Шорская этнонимия	52
1.3.1. Названия и самоназвания народа	52
1.3.2. Названия шорских родов	54
1.3.3. Автоэтнонимы шорского народа	68
1.3.4. Экзоэтнонимы шорского народа	72
1.4. Шорская топонимия	81
1.4.1. Кетский компонент в топонимии	81
1.4.2. Река Мрассу. Опыт ономастического анализа	90
1.4.2.1. Характеристика реки	90
1.4.2.2. Название реки в русском языке	93
1.4.2.3. Название реки в шорском языке	95
1.4.2.4. Название реки в прашорском кетском языке	98
1.4.3. Топонимия района Новокузнецкой агломерации: Новокузнецк, Мыски	105
Выводы к главе 1	112
Глава 2. Категория залога в шорском языке (в сопоставлении с русским) (В. М. Телякова)	115
2.1. Постановка проблемы. Терминологический аппарат исследования	116
2.2. Возвратный залог в шорском языке (в сопоставлении с русским)	121
2.2.1. Образование возвратного залога в русском языке	121
2.2.2. Способ выражения возвратного залога в шорском языке	123
2.2.3. Простые предложения, конституируемые возвратными формами глаголов, в шорском языке	125
2.2.4. Особенности возвратных глаголов шорского языка и грамматических конструкций, отображающих возвратные ситуации. Подведение итогов	136
2.3. Страдательный залог в шорском языке (в сопоставлении с русским)	139
2.3.1. Образование страдательного залога в русском и шорском языках	139

2.3.2. Система актантов пассивных конструкций в русском и шорском языках	141
2.3.3. Отличие пассивных конструкций от активных. Условия агентивности и безагентивности страдательных предложений русского языка	143
2.3.4. Простые предложения шорского языка, выражающие страдательное значение	154
2.3.5. Особенности пассивных конструкций в шорском языке. Подведение итогов	161
2.4. Каузативный залог в шорском языке (в сопоставлении с русским)	169
2.4.1. Функциональная типология каузатива	169
2.4.2. Способы выражения каузативных отношений в русском и шорском языках	174
2.4.3. Критерии различия каузатива и каузативных конструкций в шорском языке	184
2.4.4. Типы каузативных предложений, конституируемых залоговыми формами глаголов	188
2.4.5. Система актантов каузативных предложений и способы их выражения. Подведение итогов	193
Выводы к главе 2	196
Глава 3. Художественная литература шорского народа сегодня <i>(Г. В. Косточаков)</i>	201
3.1. Степан Семенович Торбоков	202
3.2. Шорская литература 90-х годов XX века	219
3.3. Николай Бельчегешев – Коя Бельчек	227
3.4. Геннадий Косточаков	241
3.5. Любовь Арбачакова	252
3.6. Вениамин Борискин	258
3.7. Таяна Тудегешева	265
Выводы к главе 3	274
Глава 4. Тема судьбы шорского народа в миссионерских записках XIX века и в дискурсе современной городской газеты <i>(И. А. Пушкарева)</i>	277
4.1. Лексика сферы коммуникации в «Записках миссионера» В. И. Вербицкого	278
4.1.1. Лексические репрезентанты сакрального аспекта коммуникации	279
4.1.2. Лексические репрезентанты социально-психологических аспектов коммуникации	284
4.1.3. Лексические репрезентанты этнографических и метаязыковых аспектов коммуникации	290
4.2. Тема «Судьба шорского народа» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в.	294
4.2.1. Шорская тема в городской газете 1980-х гг.	294

4.2.2. Ассоциативно-стилистический комплекс «Возрождение шорского народа»	306
4.2.3. Шорская тема в городской газете начала XXI в.	323
Выводы к главе 4	336
Заключение	341
Литература	343
Приложение: иллюстрации	

**Введение ко второму тому:
ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАФЕДРЫ ШОРСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ¹**

Кафедра шорского языка и литературы НГПИ (КузГПА) как самостоятельное подразделение открылась 7 декабря 1989 г.² Она была сформирована на базе Научно-методического центра по изучению шорского языка, созданного 26 июня 1989 г. [Шенцова 2005, с. 112]. На протяжении всей деятельности (с 1989 г. по 2010 г.) кафедра выполняла свою главную задачу – готовила учителей шорского языка и литературы и обеспечивала их послевузовскую поддержку. Но основную цель деятельности кафедры сотрудники видели в сохранении языка, культуры и традиций шорского народа через обучение языку, литературе и истории шорской молодежи, в возрождении национального самосознания, в обретении шорцами национальной гордости, духовной и нравственной самобытности. Ни одна кафедра академии не имела такой сверхзадачи – через образование и воспитание студентов шорской национальности возбудить в молодежи интерес к своему народу, языку, истории и традициям; пробудить в них желание сохранить свой язык и традиции, работать во благо погибающего малочисленного народа; затронуть в них национальные струны, чтобы они осознанно вносили посильный вклад в дело национального возрождения.

Первыми членами кафедры были сотрудники центра: канд. филол. наук, доцент А. И. Чудояков стал заведующим, ст. преподавателями Н. Н. Ошкачаков и И. В. Шенцова (данных, что И. В. Шенцова работала в центре, у меня нет. – *В. Т.*), Л. И. Попова, ассистентом В. М. Телякова. Внештатным членом был М. П. Амзоров, учитель и бывший редактор газеты «Кызыл Шор», знаток шорского языка. Одновременно с открытием на должность ст. преподавателя на кафедру перешла Ф. Г. Чиспиякова. В 1990 г. был принят Г. В. Косточаков, с отличием закончивший филологический факультет КемГУ. Таким образом, на кафедре работало 8 человек. Созданию центра и кафедры предшествовала большая подготовительная работа.

¹ Использованы материалы статьи: [Телякова 2019].

² Страницы истории кафедры шорского языка и литературы представлены в конце книги – на фотографиях из архивов С. И. Иванищева и В. М. Теляковой.

Рассказ об истории создания кафедры начну с далекого 1973 г. В этом году после защиты диссертации зав. кафедрой иностранных языков становится Электрон Федорович Чиспияков. Он подхватывает начатую М. А. Абдрахмановым инициативу развернуть шорское языкознание в научное направление в тюркологии, для чего привлекает преподавателей-германистов. Для них он организует теоретический семинар «Проблемы общего языкознания (с тюркологическим уклоном)». К 1989 г. из числа слушателей семинара было подготовлено четыре кандидата наук по тюркологии. Ф. Г. Чиспиякова и И. В. Шенцова стали работать на кафедре шорского языка и литературы. Н. В. Шавлова, А. В. Есипова активно участвовали в жизни кафедры. Деятельность семинара привлекла внимание ученых к шорскому языку, повысила интерес к Новокузнецкому пединституту: в 1980 г. впервые проводится заседание тюркологов с участием маститых ученых СССР.

Э. Ф. Чиспияков давно задумался о необходимости преподавания шорского языка в школах и вузе. Он писал в 1983 г.: «Позволить исчезнуть языку довольно крупного народа – такое же варварство для общества, как исчезновение редких в настоящее время растений и животных...» (цит. по: [Чиспиякова 2005, с. 5]). Чтобы узнать, нужно ли обучение шорскому языку, потратил целый год на социологическое обследование: шорцы отвечали положительно. Несмотря на то, что результаты обследования остались закрытыми, они, безусловно, сыграли определенную роль в побуждении государства пересмотреть языковую политику по отношению к коренному населению.

Предвосхищая перемены, в 1972–1973 гг. он пишет «Учебник шорского языка», изданный в 1992 г. Единственный базовый учебник содержит 318 стр. и построен по образцу вузовских, так как адресован в первую очередь преподавателям и студентам.

Э. Ф. Чиспияков активно принимал участие в обсуждении учебно-методической базы и состава будущей кафедры. Будучи эмоциональным, чутко реагирующим на несправедливость человеком, он разволновался после очередного бурного разговора – его сердце не выдержало. Его не стало 20 мая 1989 г. Остается только сожалеть, что студенты лишились возможности приобщиться к его энциклопедическим знаниям. Он свободно владел английским, немецким, готским (древнегерманский язык), татарским и другими тюркскими языками, знал арабский, а также иранские языки.

Итак, благодаря Э. Ф. Чиспиякову были подготовлены кадры, способные работать со студентами столь необычной специальности, разработаны графика и орфография шорского языка, подведена под образование родному языку учебно-методическая база в виде учебника и учебных пособий. На их основе были созданы учебные планы, без которых невозможно открытие любой вузовской специальности, любой кафедры.

Немаловажную роль в создании и деятельности кафедры шорского языка и литературы сыграл А. И. Чудояков. Обладая тонким дипломатическим даром, он списывался с чиновниками разного уровня, добиваясь введения специальности «шорский язык и литература» и внедрения учебных программ по изучению родного языка и литературы. Андрей Ильич стал первым зав. кафедрой. Он был незаурядной личностью, благодаря которой на кафедре царил атмосфера творчества, научной и человеческой этики. Это была эпоха Возрождения шорского языка и литературы. И, как человек Возрождения, Андрей Ильич был носителем культуры и хранителем культурных ценностей шорского народа. Пришлось быть и универсалом: совмещать в себе руководителя, ученого, писателя и преподавателя, разработавшего все курсы фольклорно-литературного цикла. Вел активную научную работу со студентами. То, что выпускница первого набора Л. Н. Арбачакова изъявила желание поступить в аспирантуру, его заслуга: он увлек старательную студентку лекциями и научной работой по фольклористике.

Андрей Ильич помог определиться с выбором научного пути и молодым коллегам, они получили реальную возможность поступить в аспирантуру: Г. В. Косточаков в Казанский государственный университет; Н. Н. Ошкочаков в Институт языкознания в Алма-Ате, а В. М. Телякова – в Институт истории, филологии и философии (г. Новосибирск). Чтобы члены кафедры приобщились к реальному языку и фольклору, он устроил в 1991 г. экспедицию в места компактного проживания шорцев. С 18 июня по 4 июля мы объехали поселки Артон, Учас, Ильинку, Трехречку; посетили Усть-Кобырзу, Кезес, Наа Чол, Тоску, Пурлу, Нижние Кичи, Чилису-Анзас и др.

Возможности даже самого трудолюбивого и талантливого человека ограничены. Потому такой важной и своевременной оказалась способность А. И. Чудоякова объединять вокруг себя самых разных людей, создавая коллектив единомышленников. Научно-

методическую помощь кафедре шорского языка и литературы оказывали кандидаты и доктора наук: из Новокузнецкого пединститута: С. И. Иванишев, А. Г. Балакай, Н. В. Жураковская, Г. С. Оксман. Специалисты из г. Кемерово – Н. Н. Курпешко, из Новосибирска – Н. Н. Широбокова, И. Я. Селютина; из Москвы – Д. М. Насилов, И. В. Кормушин. Большую методическую и языковую работу проводил М. П. Амзоров, автор «Грамматики шорского языка» [1992] и «Русско-шорского разговорника» (в соавторстве с И. В. Шенцовой) [Шенцова 2005, с. 112].

После безвременной кончины А. И. Чудоякова в 1994 г. эстафету зав. кафедрой приняла Ф. Г. Чиспиякова. Она работала в этой должности до 2001 г. и на протяжении всего времени относилась к ней со всей ответственностью. Фавзия Гизатулловна обладала особым талантом – руководить коллективом и направлять его работу так, что преподаватели не чувствовали давления: они спокойно занимались обучением студентов, вели занятия и воспитательные мероприятия, встречи с интересными людьми. К нам приезжал из Хакасии д-р ист. наук, профессор В. Я. Бутанаев, мы встречали американцев, потомков индейцев, слушали доклады ученого из Германии. Ежегодно проводили конференции, которые собирали ученых из Хакасии, Алтая, Новосибирска, Томска. Издавали сборники научных трудов, учебники, учебные пособия, монографии. В это время в аспирантуру в Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск) поступили выпускники Л. Н. Арбачакова, Н. С. Уртегешев. После успешной защиты кандидатской диссертации в 1994 г. Л. Н. Арбачакова вернулась на кафедру и работала до 2001 г. Н. С. Уртегешев остался в ИФ СО РАН.

Будучи отличным педагогом, Фавзия Гизатулловна много работала со студентами. Она верила в необходимость получаемой профессии, поэтому настойчиво требовала от них выполнения учебных заданий, часами консультировала их. Я думаю, что многие выпускники отделения получили необходимые знания, благодаря той настойчивости, с какой она «тащила» их к свету знаний. Некоторые из них, наверное, могли бы признаться, что получили знания вопреки своему желанию бросить все и вернуться домой.

Заняв должность зав. кафедрой, она высоко подняла методический уровень ее членов. При ней постоянно проводились научно-методические семинары для преподавателей по темам «Соотношение фонетического и орфографического облика слова», «Правописание

сложных глаголов и различие лексических значений слитного и раздельного их написания», «Палатализация шорских согласных в шорском языке». Фавзия Гизатулловна грамотно вела работу по адаптации учителей к новым требованиям, предъявляемым к образовательным стандартам, обеспечивала условия для профессионального роста за счет непрерывного и осознанного повышения квалификации. За все годы своей работы зав. кафедрой Ф. Г. Чиспиякова посетила многие занятия и всегда была в своих оценках объективна, ее конструктивные замечания и своевременные советы помогали сделать образовательную деятельность наиболее эффективной и интересной.

В 2001 г. администрация академии поставила во главе кафедры доктора филол. наук И. В. Шенцову. В 2002 г. она открыла аспирантуру по специальности 10.02.02 «Языки народов РФ (шорский язык)». В 2002 г. организовала «Лабораторию языка и культуры шорского народа» для издания учебно-методической литературы для школы и вуза. С 2000 по 2002 годы с аспирантами работала над грантом «Лингвистическое описание шорского фольклора» (проект Г 00-1.6-496). Выиграла конкурс на финансирование разработанных ею проектов: «Лаборатория учебников для коренного населения Кузбасса» (2003 г.) и «Система непрерывного образования для коренного населения Кузбасса (шорцев и телеутов)» (2004 г.) [Шенцова 2005, с. 116].

В течение всех лет основными научными темами кафедры шорского языка и литературы были, во-первых, всесторонняя фиксация языковых фактов и литературы исчезающего народа, их научное описание и сохранение для дальнейших поколений и филологии в целом. Во-вторых, создание учебно-методической базы для совершенствования преподавания родного языка на всех этапах его освоения. В рамках этих тем на кафедре решались следующие задачи: 1) проведение теоретических исследований по шорскому языку, фольклору и литературе; 2) обеспечение преподавания шорского языка и литературы в вузе и школе научной методологической базой путем создания учебников, учебных пособий, методических рекомендаций и указаний; 3) разработка содержательной части и выполнение программы по национально-региональному компоненту образовательной программы для школы и вуза. В общих кафедральных темах каждый преподаватель кафедры разрабатывал свое направление, издавал статьи, книги, учебные пособия, участвовал в конференциях разного уровня.

Ежегодно коллективом кафедры проводились преподавательские

научные и научно-практические конференции разного уровня. Мне особенно запомнились: I Международный симпозиум по горловому пению; международная научная конференция «Языки, история, культура тюркских народов Южной Сибири и прилегающих регионов», посвященная 75-летию со дня рождения Э. Ф. Чиспиякова (2005), международная научно-практическая конференция «Историко-культурное взаимодействие народов Сибири», посвященная 80-летию со дня рождения А. И. Чудоякова (2008).

Кафедра всегда поддерживала научные связи с вузами и научно-исследовательскими институтами, занимающимися проблемами тюркских языков и литературы: Институтом филологии СО РАН (Новосибирск); с кафедрой тюркологии МГУ; с Лабораторией языков народов Сибири ТГУ; с Хакасским научно-исследовательским институтом; с ХГУ им. Н. Ф. Катанова; с Горно-Алтайским научно-исследовательским институтом, с кафедрой алтайской филологии и востоковедения ГАГУ (Горно-Алтайск); с учеными Германии и Турции: К. Шенингом, М. Эрдалом, Л. Йохансоном, И. А. Невской, проф. Акалином. В контексте этих отношений кафедра регулярно выступала в качестве ведущего учреждения по защите диссертаций, преподаватели кафедры приглашались официальными оппонентами, писали отзывы на диссертации и рецензии на монографии, учебники и учебные пособия, участвовали в грантах, в том числе зарубежных.

Все годы существования кафедры преподаватели шорского языка и литературы большую часть времени тратили на разработку научно-методической базы. Работать было сложно: все аспекты учебно-методического цикла приходилось создавать самостоятельно, потому что многие вопросы шорского языкознания не были исследованы. Пришлось самим разрабатывать все читаемые курсы. У нас не было в достаточном количестве и объеме художественной, методической и научной литературы, которая бы помогла наполнить содержательную часть образования родному языку. Эта работа затруднялась отдаленностью научных библиотек. Работа над курсами усугублялась отсутствием единого мнения у самих шорцев, какой язык им нужен: диалектная раздробленность и отсутствие привычки соотносить письменный текст с устной речью, так как к моменту создания кафедры шорский язык был бесписьменным в течение 50-ти лет, – все это привело к тому, что какую бы книгу преподаватели ни издали, они слышали от носителей языка только одно: «Мы так не говорим». По-

этому перед членами кафедры стояла еще одна задача – создание шорского литературного языка, вокруг которого до сих пор ведутся дискуссии.

Подготовка национальных кадров требует обеспечения учебного процесса учебниками, учебно-методическими пособиями, методическими рекомендациями, большим количеством письменных литературных источников. Члены кафедры считали работу в этом направлении приоритетной и использовали все возможности для издания научно-методической литературы для студентов и школьников, изучающих шорский язык и литературу.

За 21 год существования кафедры шорского языка и литературы вышло в свет, по моим подсчетам, около 50 брошюр только научной и учебно-методической литературы по шорскому и телеутскому языкам (телеутский язык разрабатывал Д. М. Токмашев, работавший одно время на кафедре): это более 2 единиц в год. Среди них выпущено для школы 2 учебника (для 3 класса автор И. В. Шенцова и для 5–6 классов авторы Ф. Г. Чиспиякова, Н. В. Шавлова). Учебных пособий, в том числе методических указаний для учителей, – 4 (Ф. Г. Чиспиякова, Н. В. Шавлова). Книг для чтения школьников – 2 (И. В. Шенцова, Ф. Г. Чиспиякова, Н. В. Шавлова), развивающие книги для внеклассного и домашнего чтения – две брошюры авторов Л. Н. Арбачаковой, Ф. Г. Чиспияковой и И. В. Шенцовой.

Много учебной и научной литературы было издано для студентов. Среди них 2 учебника авторов Э. Ф. Чиспиякова и М. П. Амзорова; около двадцати учебных пособия к дисциплинам, которые изучают студенты. Авторами пособий выступили все члены кафедры: И. В. Шенцова; М. П. Амзоров; Г. В. Косточаков; Ф. Г. Чиспиякова; Э. Ф. Чиспияков; Д. М. Токмашев, В. М. Телякова. Среди них: «Казакшор эрбектери. Русско-шорский разговорник»; «Лекции по шорской литературе»; «Учебное пособие по диалектологии шорского языка»; «Графика и орфография шорского языка»; «Шорский язык. Морфология»; и др. Г. В. Косточаковым (в соавторстве) изданы словари: Шорско-русский словарь (Новокузнецк, 1992. 33 с.) и Словарь шорских фамилий (Кемерово, 2005. 140 с.). Чиспиякова Ф. Г., Шавлова Н. В. выпустили орфографический словарь. Для внеклассного чтения была издана хрестоматия *Ўлгер* (составитель Г. В. Косточаков).

За указанный период вышли в свет три монографии: Л. Н. Арбачаковой (Текстология шорского героического эпоса. – Новосибирск,

2001), И. В. Шенцовой (Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово, 1997), А. И. Чудоякова (Этюды шорского эпоса. Кемерово, 1995). А также научное издание «Шорские героические сказания» – автор-составитель А. И. Чудояков (Москва, Новосибирск: Наука, 1998). Сборники научных статей, материалы научных конференций разного уровня – в количестве семи брошюр. Усилиями Ф. Г. Чиспияковой были издано собрание научных статей Э. Ф. Чиспиякова «Язык, история, культура тюрков Южной Сибири» (Кемерово, 2004) и его же монография «К истории языков народов Алтая и прилегающих к нему районов» (Новосибирск, 2006). И это неполный перечень опубликованного.

Кроме того, Г. В. Косточаков и Л. Н. Арбачакова публиковали книги, отражающие их творчество, печатались с прозаическими и поэтическими произведениями в альманахе «Кузнецкая крепость». Г. В. Косточаков сотрудничал с Институтом перевода Библии и перевел на шорский язык Евангелие от Луки, от Марка, издал Библейские рассказы на шорском языке.

Изданные труды преподавателей кафедры ежегодно отмечались на выставках и образовательных ярмарках. Вот некоторые достижения, которые я смогла обнаружить:

- на Сибирской ярмарке «Учсиб-99» (г. Новосибирск) получили диплом и Малую Золотую медаль издания: 1) Шенцова И. В. Шор тили 3-чи класска ном (Кемерово, 1994); 2) Шенцова И. В. Акциональные формы глагола в шорском языке (Кемерово, 1997);

- на Кузбасской ярмарке «Книга-2002» (г. Новокузнецк) получили диплом I степени и медаль: 1) Арбачакова Л. Н. Текстология шорского героического эпоса: монография (Новосибирск, 2001); 2) Арбачакова Л. Н. Чиспиякова Ф. Г. Каас-пичиги. Шорский язык в картинках (Новокузнецк, 2002);

- на Кузбасской ярмарке «Книга-2004» (г. Новокузнецк) кафедре вручили диплом и медаль за учебно-методический комплекс «Национально-региональный компонент в образовательных программах Кузбасса»;

- на Сибирской ярмарке «Учсиб-2008» (г. Новосибирск) Большой Золотой медалью была отмечена программа «Межсекторное социальное партнерство в условиях этнической кафедры как фактор развития культуры малочисленных народов Кузбасса», подготовленная Л. И. Поповой.

Деятельность кафедры была ориентирована на сохранение позитивных ценностей отечественной педагогики и продолжает лучшие традиции фундаментального образования и практико-ориентированной подготовки будущих педагогов. С особым вниманием члены кафедры относились к музейной, диалектологической, фольклорной и педагогической практике по шорскому языку и литературе студентов шорского отделения. Ежегодно студенты готовили и проводили уроки, посвященные языку, литературе и культуре шорцев. Они проходили как в сельских, так и в городских школах. С 1999 г. студентами шорского отделения были разработаны и апробированы в школах программы спецкурсов по краеведению и градоведению [Попова, Чайковская 2008, с. 417]. В 2001 г. проведен цикл уроков по шорской национальной культуре. Результатом этой деятельности стала публикация методического пособия с мультимедийным приложением «Традиционная культура шорского народа: теория, программа и практика реализации в общеобразовательной школе».

В 2007 – 2008 гг. началась активная работа студентов по получению грантовых инвестиций. В январе 2007 г. были оформлены две грантовые заявки: на проект «Я педагог современной школы» и «Выдающиеся люди Кузбасса. Создание кабинета-музея А. И. Чудоякова». Главным партнером стала компания «Русал» с программой «Шагни за горизонт». В 2008 г. в рамках социальных грантов, предложенных компанией, был получен грант на проект «Чылтыстар», представляющий собой «первую серьезную попытку осмыслить перспективы развития дополнительного образования студентов шорского отделения» [Попова, Чайковская 2008, с. 417].

Понимая, что у значительной части студентов шорского отделения слабая школьная база, преподаватели кафедры старались обеспечить им достойное обучение по обязательной программе и одновременно повышать их интеллектуальный уровень, расширять кругозор, прививать профессиональные качества, воспитывать любовь к профессии учителя, к родному языку и литературе. Поэтому в процесс обучения были включены разработанные сотрудниками кафедры авторские спецкурсы, а также курсы общественных деятелей и специалистов «извне»: Ономастика; Поэтика (Г. В. Косточаков); Археология Южной Сибири (Ю. В. Ширин); Законодательство малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (Л. А. Тенешева); Электронные технологии в обучении шорскому языку в школе и вузе

(А. В. Есипова); Языки народов Сибири и Дальнего Востока (В. М. Телякова); Этнолингвистика; Язык фольклорного произведения (И. В. Шенцова); Организация преподавания родного языка и литературы в школе (Л. И. Попова).

Все преподаватели приобщали студентов к научно-исследовательской работе, руководили курсовыми, выпускными квалификационными работами, готовили студенческие научные доклады. Ежегодно на базе НГПИ (КузГПА) проводились студенческие научно-практические конференции, на которых каждый студент шорского отделения выступил с научным докладом. Более 40 докладов было прочитано на конференциях в других городах: Алма-Ата, Томск, Якутск, Элиста, Кемерово, Абакан, Новосибирск, Москва, Таштагол. Под руководством Л. И. Поповой студенты ежегодно читали доклады на областных чтениях, посвященных шорскому кайчы, поэту и учителю С. С. Торбокову, которые проводились при поддержке администрации Кемеровской области и г. Осинники. Труды преподавателей кафедры реализовались в публикациях студентов, включенных в материалы научных студенческих конференций (Новокузнецк); в сборниках научных статей по материалам конференций разного уровня, вышедшие в гг. Новокузнецке, Горно-Алтайске, Абакане, Красноярске, Кемерово.

Под руководством преподавателей студенты шорского отделения занимались творчеством: выпускали кафедральную газету, художественные издания, например С. Тенешев издал книгу для детей «Түргек» (1997). С 1992 г. по инициативе студентов С. Тенешева, М. Мандияковой, С. Ачулаковой и др. издавался журнал «Элим» (Земля предков). На его страницах обсуждались вопросы, связанные с интересными фактами языка и литературы, широко была представлена литературная жизнь студентов и преподавателей кафедры шорского языка и литературы, а также развлекательный материал: шорские загадки, пословицы, поговорки, кроссворды и т. п.

Члены кафедры постоянно повышали культурный уровень студентов шорского отделения. Прежде всего они старались наладить их быт в общежитии, часто посещали его, проводили там консультации и мероприятия. На кафедре было традицией организовывать вечера знакомств с первокурсниками; последний звонок для выпускников; новогодние вечера; творческие вечера с шорскими поэтами и кайчи; встречи с учителями-шорцами и общественными деятелями, КВНы,

экскурсии в Кузнецкую крепость, в музей Ф. М. Достоевского, в Томскую писаницу, посещение художественного музея г. Новокузнецка, спектаклей драматического театра и т.п.

За годы функционирования кафедра подготовила для системы образования около 150 высококвалифицированных педагогов, способных творчески работать в различных типах и видах образовательных учреждений, применять современные педагогические, управленческие и информационные технологии обучения и воспитания учащихся. Вследствие такой подготовки значительное большинство выпускников нашли себя в учительском труде, применили свои навыки в школе. За последнее десятилетие благодаря деятельности выпускников кафедры в Горной Шории появились свои музеи, печатные издания, телепередачи, этнографические культурные объединения, информационно-правовой молодежный центр.

Своей первостепенной задачей кафедра считала установление сотрудничества и оказание помощи образовательным учреждениям Кемеровской области, где преподавался шорский язык. Во время существования кафедры шорский язык изучался в девяти школах Таштагольского района в качестве основного предмета, в пяти в виде кружка родного языка. Как факультатив – в гг. Осинники, Мыски, Междуреченске. В Новокузнецке обучение проходило в детском шорском центре «Газыхан», в культурном центре «Аба-тура» [Попова, Чайковская 2008, с. 417]. Члены кафедры консультировали учителей, помогали организовывать школьные мероприятия, руководили научно-исследовательской работой учеников и учителей шорского языка и литературы, подбирали материал и участвовали в мероприятиях, проводимых средними учебными заведениями; рецензировали авторские программы учителей школ и руководителей факультативов. Принимали участие в работе курсов повышения квалификации учителей родного языка, проводимых областным ИУУ; в семинарах, совещаниях, конференциях учителей и преподавателей родного языка и литературы, организуемых областным департаментом образования, областным ИУУ и КузГПА; в мероприятиях на договорной основе – лекторий «Культура моего народа» в Центре развития личности г. Новокузнецка на базе школ № 31, 100, 62 [Шенцова 2005, с. 115]. Проводили беседы в шорских центрах «Газыхан» и «Аба-тура». В 1990 г. в Новокузнецке была учреждена общественная организация «Шория». Ее главной задачей было сохранение и возрождение само-

бытной культуры шорского народа. «Шория» стала социальным партнером кафедры: вместе с преподавателями заботилась о студентах и аспирантах. В центре внимания была не только организация совместных дел, но и финансовая поддержка студентам: с 1998 г. была учреждена именная стипендия А. И. Чудоякова, которая выплачивалась за хорошую учебу, творческие и научные достижения лучшим шорским студентам академии. Вместе с деятелями общественной организации студенческая молодежь участвовала в реализации международного проекта «Правовой статус коренных народов Кемеровской области» (финансовая поддержка Некоммерческой корпорации «Прожект Хармони ИНК»); в семинаре «Обзор международного, федерального и регионального законодательства по защите прав коренных народов». Проводились занятия по курсу «Обучение работе на компьютерной технике. Основы Интернет», «Правовые информационные системы».

В заключение хочется подвести итог: «Была кафедра – были и дела!» Заслуги кафедры и ее преподавателей были высоко оценены и неоднократно отмечены ректоратом КузГПА, депутатами и администрацией Кемеровской области, а также главами городов Кемеровской области.

ГЛАВА 1. ШОРСКАЯ ОНОМАСТИКА

В главе охарактеризована специфика шорской антропонимии, этнонимии и топонимии. Антропонимия рассматривается как существеннейшая часть культуры этноса. Представлены экзоэтнонимы и автоэтнонимы (частные и общие) шорского народа. Система топонимов шорского языка анализируется как отражение истории и культуры народа.

1.1. Шорская антропонимия

1.1.1. Шорские имена

1.1.1.1. О шорских традиционных (дохристианских) именах

Алтайские тюрки, в состав которых входят шорцы, исключительное значение (впрочем, как и все другие народы) придают человеческому имени. В шорском языке есть пословица: «Киик полза, тўктиг ползын, кижжы полза, аттыг ползын», которую можно перевести так: «Если это дикий зверь, то он должен иметь шерсть, *если это человек, то он должен иметь имя*».

А в героическом эпосе богатырь-алып вместе с именем от седовласого старца или старухи в открытой степи, где происходит их встреча, получает не только богатырское, но прежде всего человеческое достоинство, то есть, обретя имя, он становится полноправным человеком и богатырем. Без имени даже внешне человекоподобное существо вряд ли может быть отнесено к человеческому племени. Так повелось издревле.

Почему же имени придавалось столь громадное значение? На этот вопрос трудно ответить, потому что человеческое имя возникло, очевидно, вместе с языком, то есть очень и очень давно. Видимо, имя стало тем знаком, который подчеркнул выделение человека из мира природы.

В шорском языке есть признак, который запечатлел ту глубокую древность. Мы имеем в виду то, что в шорском языке символический мир, выражаемый словом (то есть вся лексика языка), условно делится на две части: на мир природы и его обозначения (*небе, небе ады*) и на мир человека и его обозначения (*кижи, кижжы ады*).

К первому миру относятся все неодушевлённые предметы, а так-

же животные: домашние животные, дикие звери, птицы, рыбы, насекомые и т. п. Ко второму миру относится, конечно, сам человек, все обозначения человека, в том числе обозначения человека по родственным отношениям, по профессии, по внутренним и внешним качествам, и, разумеется, сюда же относится человеческое имя.

Между этими двумя символическими половинками – почти что пропасть, преодолеть которую в языке можно только двумя способами: 1) при помощи специальных аффиксов; 2) при помощи смыслового переноса (заимствования и освоения чужого смысла). Эти два способа взаимосвязаны и неразрывны. Иначе говоря, смысловой перенос должен быть обязательно оформлен и специальными аффиксами.

Шорский антропоним как слово языка

Традиционное шорское имя формировалось в основном только за счёт заимствования и освоения слов из мира природы (*небе*). Однако законы шорского языка не позволяют, скажем, наименование того или иного животного автоматически (только смысловым переносом) перенести в мир человека (*кижи*), сделать его именем человека. Так можно в русском языке (*заяц* и *Заяц*), но нельзя в шорском.

В шорском языке для переноса слова из мира природы в мир человека, как мы сказали выше, существуют специальные аффиксы. Они называются **антропонимическими аффиксами**. Ими могут быть любые аффиксы шорского языка, главное, чтобы они ассоциировались с человеком.

В качестве антропонимического аффикса может использоваться любой уменьшительно-ласкательный аффикс, потому что он – о человеке: (простые аффиксы): *чақ* || *чек* || *яқ*; *нақ* || *нек*; (*а*)*қ* || (*е*)*к*; (*а*)*ш* || (*е*)*ш*; (составные): *агаиш* (*ақ+аиш*) || *егеиш* (*ек+еиш*); *чагаиш* (*чақ+аиш*) || *чегеиш* (*чек+еиш*); (ласкательные): *қай* || *кей*; *май* || *мей*; (*а*)*й* || (*е*)*й*; *қа* || *ке*. В качестве антропонимического аффикса используются и другие аффиксы языка, семантика которых тоже связана с человеком, например: *тай* || *тей* || *дей* || *дай* (подобный чему-л.); *пан* || *пен*; *ан* || *ен*. Также в качестве антропонимического аффикса может использоваться знаменательное слово, чётко связанные с человеком (возвышающие его), например: *пай* || *бай* (*богатый*); *пек* || *пий* (*бек, князь, сановник*); *қан* (*хан, царь*), *жан*, *джан* (*душа*).

При помощи этих и подобных им аффиксов слово из мира природы благополучно «перекочёвывает» в мир человека и становится

именем человека. Например: *қозан* – заяц; *Қозанақ* – имя человека; *пел* – таймень; *Пелчегеш* – имя человека. Без «перекочёвки», т. е. без того или иного антропонимического аффикса, слово из мира природы не может стать именем человека.

Обобщённо говоря, антропонимическим аффиксом может стать любой существующий в языке аффикс, семантически связанный с человеком, символизирующий человека.

По существующей традиции именем могло стать любое слово родного языка, если в нём развивается символическое расширение значения, то есть появляется переносное значение, куда в качестве означаемого обязательно входит человек.

Традиции имянаречения.

Шаманистская традиция имянаречения

А теперь поговорим не о собственно имени как слове языка, а о том, что оно обозначало в реальности.

Вопрос о семантике шорских антропонимов, по нашему мнению, является частью общего вопроса имянаречения у тюркских народов. В. А. Никонов об исторической роли антропонимов пишет: «Антропонимия может служить драгоценным историческим источником, помогая выявить былой этнический состав и миграции населения в прошлом, датировать, локализовать письменные памятники и т. д.» [Никонов 1974, с. 47]. К. М. Мусаев обращает внимание на большое значение антропонимов для понимания идеологии, мышления древнего человека [Мусаев 1984, с. 206]. Невозможно переоценить значение антропонимии для изучения прошлого, особенно тех народов, которые долгое время были бесписьменными.

Главным ключом в исследовании этого вопроса, безусловно, является проблема мотивировки имени или прозвища. Мотивировка приоткрывает завесу над мышлением наших предков, отображает связь имени с природой, культурой и бытом. Имя было не только неотъемлемой частью быта и бытия человека, но и его личным знаком-символом (мировоззренческого характера).

Существуют две традиции имянаречения: *языческая* (шаманистская – в нашем случае) и *теистическая* (традиция мировых религий: христианская, мусульманская и др.).

Языческая (шаманистская) традиция проявляет себя в следующих признаках:

1. Имя является словом своего родного языка, а следовательно, оно (имя) семантически прозрачно, понимаемо всеми носителями языка.

2. Имя в своей прозрачной семантике прямо (внешние данные, черты характера, этническая принадлежность и др.) или косвенно (предметы, топонимы и др.) связано с носителем имени.

3. Имя не только отображает человека – носителя имени, но и является знаком его связи с Богом, то есть семантика имени исходит не от людей, а от Бога-Кудая и только от Него.

Люди, дающие ребёнку имя, его (имя) не придумывают, а лишь истолковывают его (ребёнка-носителя имени) связь с Богом-Кудаем и фиксируют её (связь) в имени. Поэтому понятно, почему имя ребёнку дают не родители (молодые, неопытные), а только пожилые люди (дед, бабушка, посторонние старые люди), и они, опытные, мудрые люди, в качестве имени выбирают слова со сложным символическим смыслом, чтобы в уже имеющуюся смысловую структуру «включить» информацию о конкретном носителе имени и о его судьбе.

Первые два признака автоматически снимают лексико-семантические различия между именем и прозвищем. Прозвищем (по-шорски «шола») в языческой традиции принято называть имя, данное не ребёнку, но уже взрослому человеку, когда он званимает то или иное общественное положение или, напротив, – низкое положение, не реализовал своё предназначение.

Третий признак говорит о том, что имя и в языческой традиции всегда есть знак связи с Богом, просто этот Бог у многих народов был свой. У тюрков Бог – *Теңри* \ \ *Кудай*. И еще говорит о том, что имя изначально связано с религиозно-нравственными воззрениями народа – носителя имени.

Теистическая традиция имяназвания проявляет себя в следующих признаках:

1. Имя является словом чужого языка, языка того народа (или народов), из культуры которого (которых) выросла та или иная мировая религия. Для христианских имён такими языками являются древнееврейский (арамейский), древнегреческий и латинский, для мусульманских имён – арабский и фарси (персидский). Для других народов, принявших ту или иную мировую религию (а значит, и именник), эти имена непонятны, семантически пусты и являются лишь неким святым комплексом звуков речи.

2. Имя прямо никак не связано с носителем имени. Косвенная связь, конечно, есть: она в том, что ребёнок родился в день того или иного святого (в христианстве) либо ребёнок имеет отношение к данной религии в целом и непременно должен получить красивое высокое имя (в мусульманстве).

3. Имя является лишь чистым знаком связи с Богом (которому поклоняется данная мировая религия), знаком самой принадлежности к той или иной мировой религии. По имени можно определить, к какой мировой религии человек относится, например, *Иван* || *Ян* || *Жан* || *Джон* || *Йоханн* || *Иоганн* || *Вано*, *Михаил* || *Майкл*, – явно христианин (только разных этносов); *Сулейман*, *Мустафа*, *Ибрагим* – явно мусульманин; *Иосиф*, *Исаак*, *Давид* – явно иудей.

Таким образом, в языческой традиции актуализируется три аспекта имени:

1. Имя как знак реальности: имя в своей семантике фиксирует реальность в момент рождения носителя имени (его внешность, его поведение, события, связанные с его рождением), и этот смысл понятен каждому носителю данного языка.

2. Имя как знак Бога: посредством имени Бог влияет на судьбу носителя имени.

3. Имя как знак живого человека: знак его принадлежности к данному этносу-культуре-религии.

В теистической традиции актуализируются лишь два аспекта:

1. Имя как знак Бога: посредством имени Бог влияет на судьбу носителя имени.

2. Имя как знак живого человека: знак его принадлежности к данной религии.

Которая из традиций лучше – не нам судить. Мы лишь отметим здесь, что теистическая традиция выросла из традиции языческой (тех народов, которые на почве своих древнейших верований создали новую религию) и затем была распространена на многие народы вместе со своим языком отправления религиозных обрядов (в исламе до сих пор в религиозной сфере – арабский литературный, язык Корана) и со своей антропонимией (именником).

Шорский именник создан в русле своей языческой (шаманистской) традиции. Имя, согласно шорской традиции, – знак-символ человека и его судьбы. По-шорски судьба – *ýlúsh* = «доля, то, что тебе предназначено, предначертано Богом-Кудаем». Иначе говоря, по-

шорски судьба – это предназначение человека в этой жизни. Бог-Кудай вместе с душой даёт ребёнку и его судьбу-предназначение.

Так вот, нужно эту будущую судьбу-предназначение увидеть, понять и зафиксировать в его имени. О судьбе-предназначении новорожденного Бог-Кудай говорит не прямо, а посредством особых знаков, которые появляются в момент его рождения или чуть позже, и их следует правильно прочесть.

В качестве таких знаков может быть что угодно: необычная внешность ребёнка, необычное его поведение в первые дни жизни, необычный сон роженицы, неожиданные предметы, животные, растения, попавшие в поле зрения или привидевшиеся роженице, необычные гости (случайные прохожие) в день рождения ребёнка, необычные явления природы в это же время, особенные дни или что-то другое.

Всё это необычное – лишь знаки, их следует, как мы заметили выше, правильно прочесть. Ибо в них будущее ребёнка, его предназначение в этой жизни. А правильно прочесть знаки может только старый и мудрый человек. Вот такого человека искали, находили и просили дать ребёнку имя.

Может быть поэтому имя редко давалось сразу после рождения. Чаще по прошествии нескольких недель, месяцев и даже лет. Некоторые дети не имели имени где-то до пяти-семи лет от роду.

Но такие дети не оставались в буквальном смысле безымянными. Их звали словами, обозначающими соответствующие родственные отношения: *оолагаиш* *уулагаиш* (сын); *қызымай* (моя дочурка); *отче оол*, *отче оолақ* (самый младший сын), *тунек* (первенец), *ачай* (самый старший сын); или простыми ласковыми словами: *кичигеиш* (маленький, малец; самый младший), *эркемай* (милый мой, любимый).

Иногда данные слова постепенно становились полноправными именами (привыкли так называть ребёнка или так и не дождался человека, могущего дать имя, или был такой человек, но имени он так и не придумал), и большинство даже образовали шорские фамилии: *Уулагаиш* (*Улагашев*), *Отчеоол* (*Ачёлов*), *Отчеоолақ* (*Ачулаков*), *Тунек* (*Тунеков*), *Кичигеиш* (*Кичигешев*).

Почему были случаи, когда полноценное имя у ребёнка так и не появлялось и его вынуждены были называть разными словами-заменителями имени? Такое случалось тогда, когда не было ещё до-

статочного для имени знака от Бога-Кудая или когда так и не дождались того, кто мог бы дать ребёнку имя.

Ведь, тоже согласно древней шорской традиции, родители не могут дать имени своему ребёнку. В одном из произведений шорского героического эпоса мать героя-богатыря сокрушается: «Адыңны мага адарға чарабас!» – «Дать тебе имя мне нельзя!». В другом произведении отец одного из героев так мотивирует запрет родителю дать имя своему ребёнку: «Мен өреги турған Кудай эбессим» – «Я – не вверху находящийся Бог» [Дыренкова 1940, с. 13, 25].

Имя ребёнку от семи лет и старше всегда даёт в эпосе некий старик (или иногда старуха), потому что «улуг киж и адаған ат сийиктиг теп укчаным. Улуг киж и көптү көрген, көптү уккан. Силер пилбес та небе чоқ» – «имя, данное старым человеком, нерушимо. Старый человек много слышал, много видел. Нет ничего, что бы ты не знал» [Дыренкова 1940, с. 145]. Старик даёт имя «керектеринге, чозағынға көре» – «по делам и характеру», ибо он про мальчика знает всё. Поэтому в эпосе все имена героев-альпов говорящие (понятные для носителя языка) и отражают характер носителя имени, например, *Матыр Тас (Храбрый Плешивец)*, *Кара Қылыш (Чёрная Сабля)*, *Қартыға Перген (Ястреб Полководец)*, *Ақ Қаан (Светлый Хан)*, *Өлең Тайчы (Трава Царевич)*, *Ай Эргек (Луна Мужчина)*, *Қан Кес (Хан Режущий)*, *Алтын Шаппа (Золотой Топор)* [Дыренкова 1940, с. 57–79] и т. п.

Чтобы дать ребёнку имя, нужно быть, согласно текстам шорского эпоса, много пожившим, много повидавшим, мудрым человеком. Так не только в эпосе, но и в реальной жизни шорцев, когда они твёрдо придерживались шаманизма. Поэтому имянаречение – прерогатива пожилых и даже старых людей. Только они могут увидеть в знаке от Бога-Кудая имеющееся там содержание, т. е. истолковать знак.

После рождения ребёнка (или в момент рождения) приглашали пожилых и мудрых людей (одного или несколько, чаще – людей посторонних, но известных) и рассказывали ему (им) всё, что сопровождало само рождение ребёнка (сон, предметы, происшествия и др.). Приглашённые истолковывали случившееся, и в результате могло появиться у новорожденного имя. Приглашённые много и упорно думали, ибо дать имя – ответственный шаг, от имени зависит будущее нового человека. Люди не просто верили в это, а просто иного мнения не было и не могло быть.

Имядатель (старик или старуха) при наречении ребёнка исходил из общего взгляда на имя в шорской культуре: имя должно обозначать особенный путь ребёнка по жизни, а этот путь предназначен ему Кудаем, по этому пути ребёнок может прийти к своему счастью (*ырыс, абыр, кут*).

Дело в том, что, согласно шорскому мировоззрению, судьба-ўлұш-предназначение у всех людей изначально счастливая, т. е. нет понятия рока, изначально несчастливой судьбы. Бог-Кудай, наделяя только родившегося человека душой-кутом, одновременно даёт ему и возможность счастья: слово «кут» переводится как «душа», «благополучие, счастье».

Но пути к этому счастью у всех свои. В имени и должен отражаться этот путь. Если человек сворачивает с предначертанного Кудаем пути, то впадает в несчастье и горе. Но путь – это такая штука, что заблудший человек всегда может вернуться на свой путь, а вернувшись, вновь обретёт счастье. Имя и есть символический вывод ребёнка на его исконный путь. Поэтому наречение – чрезвычайно ответственное действие: надо определить путь ребёнка и связать его с именем ребёнка.

Иначе говоря, счастье полностью зависит от человека, от его сознания, ума, разума (по-шорски сознание, ум, разум – «сағыш», но это слово кроме главных значений имеет свои смысловые оттенки: чуткость, внимание, даже бдительность к себе самому, к ближнему и ко всему в мире). Ибо сбиться с пути своего счастья легко, вернуться обратно на путь – трудно.

Таково отношение к своей судьбе у взрослого человека. А ребёнок ещё неразумен. Имядатель, наделив его именем, таким образом как бы выводит его на путь счастья. Потом, став взрослым, он сможет сам собой руководить, а пока ему нужен поводырь.

Как же в имени отражается судьба носителя? Имя должно зафиксировать его индивидуальность, его неповторимость и, если хотите, – единственность, уникальность. Это и есть его судьба-предназначение. Если носитель будет следовать своей индивидуальности, он может и должен обрести счастье.

1.1.1.2. Группы традиционных шорских имён

Традиционные шорские имена давались в промежутке от рождения до семи лет от роду. Все шорские традиционные имена разделя-

ются на несколько групп-разрядов: 1) имена-благопожелания; 2) имена-характеристики; 3) имена-фиксации; 4) имена-описания; 5) защитительные имена.

1) Имена-благопожелания

Имена-благопожелания представляют самую многочисленную группу имён, прямо или (что много чаще) метафорически обозначают признаки, говорящие о явном благорасположении Бога-Кудая к носителю имени. Признаки могут проявиться во внешнем виде ребёнка, в его поведении, характере и т. п. метафорически – значит, посредством предметов, растений, животных, явлений природы, через цвет, через всё, что в культуре уже приобрело символический цвет. Приведём несколько примеров традиционных имён данной группы:

а) прямое благопожелание:

Ырыспай, Урус, Рышка, Рыспай (от «ырыс ≈ урус ≈ ырыш = счастье как удача; счастливый»); Чиспаяк (от «чыс \ чыш» = тайга, «пий» = князь, владыка); Тырған (от «тырыға» = прекрасный, совершенный); Ымайнақ, Майнақ, Ымайтақ, Майтақ (от «ымай» = богиня Ымай: посланный (бездетным родителям) богиней Ымай);

б) метафорическое благопожелание:

Шипей, Шүбечек (от «шипе ≈ шүбе» = пихта: стройный, красивый, мягкий); Чағачак (от «чаға» – воротник: достойный, богатый); Ёртек, Ёртегеш (от «ёртек ≈ ортек» – утка: вездесущный, свободный); Торғунақ (от «торғу» = шёлк: богатый, красивый); Тоқмағаш, Тоқмаш (от «тоқум» = чепрак: красивый, богатый); Торумаш, Торумазақ, Тобоқ, Топоқ, Тобоқай (от «торум, топо ≈ тобо» – кедровая шишка: полезный, многодетный, гостеприимный, дружественный); Тепчегеш, Тептегеш (от «тепчек ≈ тептек = деревянная чаша, используемая при жертвоприношениях: связь с Кудаем); Табырға (от «табырға» = кабарга: красивый, полезный, богатый); Судачак (от «судай» = стекло: красивый, необычный, беззащитный); Сузычак, Сузығаш (от «сус» = луч солнца: красивый, тёплый, сердечный); Шұлбай, Чұлжан, Чұлчек (от «чұл ≈ шұл» = дух человека, подобный перу птицы: прекрасный душой человек); Пыжлақ (от «пыжылақ» = сыр вареный: сытый, счастливый); Мустағаш, Пустағач (от «Мустағ ≈ Пустағ» = гора Мустағ: благословенный, имеющий покровительство священной горы); Аккушак, Аккужак (от «ак куш» = белый лебедь: красота, отмеченность Кудаем).

2) Имена-характеристики

Имена-характеристики прямо обозначают внутренние качества носителей имени, их характер, привычки, склонности, говорящие о сугубой индивидуальности людей. Имена-характеристики одновременно могут быть (но не все) и именами-благопожеланиями, но скрытыми, иначе выраженными, иными языковыми средствами. То есть по структуре они другие, а по смыслу почти те же. Приведём несколько примеров:

а) имена – положительные характеристики:

Шүренек (от «шүрен» = бойкий, подвижный, шустрый; Эптегеш, Эптееш, Иптегеш (от «эпте ≈ ипте» = быть умелым, аккуратным, уметь ужиться, приспособиться: умелый, уживчивый); Чынчыкай, Шынчыкай (от «чынчы ≈ шынчы» правдолюб, правдивый, честный); Патачак, Патанай (от «патта» = вязнуть, погружаться во что-л.: всем вокруг интересующийся, вселюбопытный); Ынақпай, Ынаққай, Ынақпан (от «ынағ» = дружественный, сочувствующий, страдающий); Амзор, Амзарақ (от «амза» – пробовать пищу на вкус, определять качество пищи: имеющий тонкий вкус); Изығаш, Изигеш (от «изиг» – горячий, энергичный);

б) имена – отрицательные характеристики:

Салбақ (от «салба» = качаться, колебаться, болтаться: неуверенный в себе, колеблющийся); Ундутчак (от «ундут» – забывать: забывчивый).

3) Имена-фиксации

Имена-фиксации фиксируют родовую принадлежность носителя имени – среди других родов, место рождения носителя, его положение в семье (старший – младший). Но во всём этом также присутствует, но в скрытом виде, – благопожелательный смысл. Однако на передний план здесь выносятся иные, чем в именах-характеристиках, приметы сугубой индивидуальности: родовая принадлежность носителя имени, в то время как многие другие принадлежат к другому роду (священная память о своём роде-сеоке) – терминологически – *отэтнонимный антропоним*; место рождения носителя имени, географическое название – топоним, который памятен, дорог сердцу – терминологически – *оттопонимный антропоним*; положение в семье носителя имени, это как раз тот случай, о котором мы говорили выше: когда ребёнку никак не могли подобрать полноценного имени, и поэтому именем становилось слово, обозначающее родственные от-

ношения, но, заметим, слова «самый младший, первенец, маленький, малец» ассоциируются со словами «любимый, дорогой», т. е. тоже имеют благопожелательный смысл. Приведём несколько примеров:

а) отэтнонимные антропонимы:

Тодыш, Тотыш, Тутуш (от «тодош» – этнонима сёбка); Байлағаш (от «пайлағас» – этнонима сёбка); Шорчак, Торчак (от «шор\чор\тор» – этнонима сёбка); Тодыяк, Тотыяк, Тодяк, Тодыгеш, Тудегеш (от «тот\тут» – корень этнонима «тодош»); Чудаяк, Чудай, Чудек, Чудағаш (от «чуда\чода\чудай» – этнонима сёбка); Арияк (от «арий» – этнонима сёбка); Суғаяк, Сағаяк (от «сағай\суғай» – этнонима сёбка);

б) оттопонимные антропонимы:

Аққуляк (от «аққол\ақоль» – топонима, ойконима); Напазак (от «напас» – топонима, гидронима); Күлбезек (от «күлбес\кульбес» – топонима, гидронима); Тайбачак, Тайбычак (от «тайба» – топонима, гидронима); Телбезек (от «телбес\тельбес» – топонима, гидронима); Мустағаш, Мустукқай\Мустаққай, Пустағач, Пустағаш (от «мустағ\пустағ» – топонима, оронима);

в) имена-фиксации родственных отношений носителей:

Тунек (от «тун (пала)»)» – первенец, старший сын); Отчы оол, Отчы оолақ, Отчы қыс, Отчы қысчак, Отчыбай, Отчықай (от «отчы (оол=сын; қыс=дочь)»)» – самый младший (младшая); Кичигеш (от «кичиғ» – маленький; младший); Ачай (от «ача» – старший брат).

4) Имена-описания

Имена-описания так или иначе описывают внешние признаки носителя имени и подчёркивают его индивидуальность, неповторимость, непохожесть на его ближних родственников. Эти имена могут иметь скрытый благопожелательный смысл (но не все). Вот несколько примеров:

а) имена-описания с положительным смысловым оттенком:

Абаққай, Абак, Аппак, Аппағаш\Аппағас (от «абак» – светловолосяй, белолицый);

б) имена-описания с отрицательным смысловым оттенком:

Қарачак, Қарағаш (от «қара» – чёрный, смуглый, черноволосый).

5) Защитительные имена

Защитительные имена были именами нарочито плохими, неблагозвучными и временными, до совершеннолетия носителя имени, и давались для того, чтобы отогнать от ребёнка злого духа-айну. Айна

не любит некрасивые имена, а значит, оставит ребёнка в живых. Ведь такие имена давались вынужденно, тогда, когда дети с настоящими (а не притворными, защитительными) именами умирали друг за другом. И в этих именах тоже таится скрытое благопожелание (желание сохранить жизнь ребёнку). Многие защитительные имена забылись, но некоторые сохранились до сих пор – в шорских фамилиях, образованных от них. Вот несколько примеров:

а) защитительные имена, сохранившиеся в шорских фамилиях:

Тенек (Тенеков), Тенеш (Тенешев) (от «тен» – блуждать без ума, не отдавать себе отчёта в своих действиях: глупый, неразумный); Чабалай (Чеболаев) (от «чабал» – плохой, злой);

б) защитительные имена, не создавшие шорские фамилии:

Иткөден (от ит көден» – собачья задница).

Таким образом, данные разряды-группы имён представляют собой разные структуры, но одного общего смысла (явного или скрытого): они все являются в сущности обозначениями благопожелания, но по-разному выраженного, а иногда и совсем незаметного. Благопожелания от Бога-Кудая к ребёнку. Оптимистичное миропонимание, выраженное в именах!

По времени получения имени все шорские традиционные имена подразделяются на *ат-имена*, которые даются после рождения и до семилетнего возраста, и *шола-прозвища*, которые даются взрослым.

В *ат-именах*, как мы выяснили выше (ведь большинство традиционных имён, приведенных нами выше относятся к *ат-именам*), явно или скрыто, незаметно, завуалированно выражается благопожелание от Бога-Кудая к ребёнку на его будущее.

В *шола-прозвищах* (а это чаще всего *имена-характеристики* и *имена-фиксации*) такой тенденции нет: здесь обозначается реальная индивидуальность без иллюзий и мечты, реальные признаки носителя *шола-прозвища*, черты его характера, склонности, привычки, родовая или иная принадлежность взрослых людей.

Лишь отсутствие тенденции к выражению явной или скрытой благопожелательности (взрослым она уже не очень нужна) отличает *шола-прозвища* от *ат-имён*.

Большинство *шорских традиционных имён*, известных нам, представляют собой *ат-имена* и многие из них мы показали выше, приведём примеры немногочисленных *шола-прозвищ* из списков, сделан-

ных выше – чтобы лишний раз подчеркнуть, что это *не ат-имена*, а *шола-прозвища*:

1) шола-прозвища – имена-характеристики:

– положительные характеристики:

Шүренек (от «шүрен» = бойкий, подвижный, шустрый; Эптегеш, Эптееш, Иптегеш (от «эпте ≈ ипте» = быть умелым, аккуратным, уметь ужиться, приспособиться: умелый, уживчивый); Чынчыкай, Шынчыкай (от «чынчы ≈ шинчы» правдолюб, правдивый, честный); Патачак, Патанай (от «патга» = вязнуть, погружаться во что-л.: всем вокруг интересующийся, вселюбопытный); Ынақпай, Ынаққай, Ынақпан (от «ынағ» = дружественный, сочувствующий, страдающий); Амзор, Амзарақ (от «амза» – пробовать пищу на вкус, определять качество пищи: имеющий тонкий вкус); Изығаш, Изигеш (от «изиг» – горячий, энергичный);

– отрицательные характеристики:

Салбақ (от «салба» = качаться, колебаться, болтаться: неуверенный в себе, колеблющийся); Ундутчак (от «ундут» - забывать: забывчивый); Качыр (от «кач» – убежать, сбегать: трусливый);

– метафорические характеристики:

Қазанақ (от «қазан» – котел: гостеприимный).

2) шола-прозвища – имена-фиксации:

– родового происхождения:

Тодыш, Тотыш, Тутуш (от «тодош» – этнонима сөбқа); Байлағаш (от «пайлағас» - этнонима сөбқа); Шорчак, Торчак (от «шор\чор\тор» – этнонима сөбқа); Тодыяк, Тотыяк, Тодяк, Тодыгеш, Тудегеш (от «тот\тут» – корень этнонима «тодош»); Чудаяк, Чудай, Чудек, Чудағаш (от «чуда\чода\чудай» – этнонима сөбқа); Арияқ (от «арий» – этнонима сөбқа); Суғаяк, Сағаяқ (от «сағай\суғай» – этнонима сөбқа);

– географического происхождения:

Аққуляк (от «аққол\ақоль» – топонима, ойконима); Напазақ (от «напас» – топонима, гидронима); Күлбезек (от «күлбес\кульбес» – топонима, гидронима); Тайбачак, Тайбычак (от «тайба» – топонима, гидронима); Телбезек (от «телбес\тельбес» – топонима, гидронима); Чыштанак (от «чыштан» – из тайги родом: таежный житель).

Обобщая сказанное, следует заметить, что шорский традиционный именник отражает в себе жизнь и деятельность шорцев. Именами и прозвищами шорцев становились названия зверей, на которых они охотились и повадки которых прекрасно знали, названия рыб, кото-

рых ловили, растений, которые они использовали для собственных нужд, названия объектов природы и явлений природы, среди которых они проживали. Не остались в стороне и названия птиц, домашних животных, пресмыкающихся, насекомых, а также предметов быта, хозяйства. Опыт и наблюдения многих поколений шорцев наделяли тех или иных животных, рыб, растений и т. п. символическим смыслом, простирающимся до человека, когда словом из мира природы можно было бы обозначать и человека, перенеся на него смысл природы. Наличие такого перенесённого смысла давало возможность использовать их (животных, рыб, насекомых и др.) названия в качестве человеческого имени.

Также тонко подмечались, оценивались и становились именем или (чаще) прозвищем особенности внешности носителя имени, строение его тела, телесный недостаток или ярко выраженная внешняя его особенность, черты его характера или темперамента, манера поведения и т. п. Иногда имена являлись пожеланием определённых, пока ещё не имеющих черт характера, поведения, цели и состояния. Названия некоторых профессий и рода занятий, склонности к чему-либо также становились именами или (чаще) прозвищами.

Природные, культурные и этнические апеллятивы, проникнув в шорский антропонимический ряд, сохранили для истории и потомства специфику имянаречения, материальную и духовную культуру одного из тюркских народов Северного Алтая и в целом Саяно-Алтая. Культуру определённой и, к сожалению, уходящей навсегда эпохи.

1.1.2. Шорские фамилии

1.1.2.1. Антропонимическая система шорцев

Современная шорская система личных имён (антропонимическая система) по своей структуре трёхчленна, состоит из собственно имени (индивидуального имени носителя), отчества (индивидуального имени отца) и фамилии (наследственного общего имени родственников по мужской линии), например, *Андрей Ильич Чудояков, Электрон Фёдорович Чистияков, Иван Матвеевич Штыгашев, Николай Егорович Бельчегешев*.

Наличие у шорцев такой антропонимической системы – результат принятия народом антропонимической системы русского языка и культуры. И структура – этнически русская и государственная, при-

нятая в Российской империи, Советском Союзе и России. Иначе говоря, современные шорцы пользуются русской трёхчленной антропонимической моделью.

До середины XIX века эта трёхчленная модель, как сообщалось о шорцах в российских документах, воспроизводилась редко, фиксировались только, по тогдашней традиции отношения к представителям низших сословий и инородцам, индивидуальное имя и фамилия шорцев. Здесь термин «фамилия» не ошибочен, фамилии у шорцев уже существовали, о чём разговор пойдёт ниже.

При этом и индивидуальное имя, и фамилия у шорцев были традиционными, шаманистскими, то есть своими, созданными на базе своего шорского языка, лишь в фамилиях добавлялся русский суффикс принадлежности – *-ов-*, *-ев-* и *-ин-*. В исторических документах XVIII века, например, встречаются следующие шорские имена и фамилии: *Татыга Шибичеков, Комзычан Куздеев, Акбаш и Казмачак Шоурчины, Щеголка Адаяков* [Памятники сибирской истории, с. 3–10, 319].

Крещение шорцев во второй половине XIX века миссионерами Алтайской духовной миссии повлекло за собой постепенное исчезновение своего, веками существовавшего традиционного имени (частично шаманистский именной сохранился вплоть до 20–30-х гг. XX века). Крещение символизировало новое рождение человека, следовательно, полагалось новое – христианское (в русской православной огласовке) имя.

Вообще, как мы говорили раньше, всякий именной прямо связан с религией, является символическим знаком, прежде всего, принадлежности человека к той или иной религии (знак связи с Богом данной религии).

В результате этой конфессиональной экспансии современные шорцы стали носить только русско-христианские индивидуальные имена и отчества. В записках миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии отца В. И. Вербицкого отмечены некоторые подобного рода антропонимические преобразования: *Таяна* стала *Анисьей*, *Эрке* – *Еленой*, *Пашпарақ* – *Анастасией*, *Чельбечек* – *Дарьей*, *Юстоқа* – *Анной*, *Унақпай* – *Николаем*, *Қачор* – *Иоанном*, *Қапый* – *Николаем*, *Оққа* – *Михаилом* и т. п. [Вербицкий 1862, с. 400–418].

Современные шорские фамилии имеют те же самые, как было замечено выше, русские суффиксы *-ов-*, *-ев-* и *-ин-*, что и в современ-

ных русских фамилиях: *Курунаков, Каучаков, Арбачаков, Тудегешев, Кыдымаев, Терендин, Шуткарин* и т. п.

Суффиксы русские, но корни шорских фамилий совсем иные, не русские, а свои, шорские: они происходят от своих вековых традиционных имён, которые в наше время уже вышли из употребления, но когда-то они были не только в ходу, но частью даже функционировали в качестве имён шорских *тёлей-семей* (т. е. в качестве фамилий, наследственных общих имён) и передавались в таком смысле детям по мужской линии родства.

Например, индивидуальное имя моего предка – *Қостачақ*, от которого произошла моя фамилия – *Косточаков*, ныне совсем не употребляется как индивидуальное имя. А в дохристианские времена оно было весьма распространено. Об этом говорит тот факт, что у шорцев и сагайцев (хакасов) выявлено несколько индивидуальных имён, имеющих тот же корень-основу «коста», что и у имени *Қостачақ*, но с другими антропонимическими аффиксами: *Қостачақ* || *Қостарақ* || *Қостаяқ* || *Қостақ* || *Қостагаиш* || *Қостааиш* || *Қостай* || *Қостам*.

Индивидуальных имён от корня-основы «коста», как мы видим, много, но не все перечисленные имена образовали тёли-семьи, есть *Косточаковы* ≈ *Костычаковы*, *Костораковы*, *Костояковы* ≈ *Костяковы*, но нет *Костогашевых*, *Костаевых*, *Костамоновых*, *Костаковых*, *Косташих*. Это говорит о том, что не все носители имён с корнем-основой «коста» образовали свои тёли-семьи и, следовательно, не смогли передать своё имя по наследству своим детям и внукам, а затем и дальним потомкам по мужской линии или образовали свои тёли-семьи, но потом наследственное имя по мужской линии пресеклось.

Мой предок по имени *Қостачақ* передал мне своё имя потому, что он когда-то смог основать свой тель-семью, из которой впоследствии вышли мои пра-пра-пра- и т. д. деды и мой отец. Тель моего пращура был создан предположительно в XVI или XVII веках в районе реки База (*Пасуг, Пасес* ≈ *Пазас*), что на территории нынешней Республики Хакасии, в Аскизском районе, на границе Абаканского хребта и Сагайской степи.

До сих пор в тех местах (селения Верхняя База и Нижняя База) живут многочисленные потомки нашего общего предка по мужской линии – *Қостачақа*, а ветвь (в виде одного мужчины), передавшая эту фамилию мне, согласно нашим семейным преданиям, пересели-

лась где-то в конце XVIII – начале XIX веков оттуда в Горную Шорию (по древнейшему пути из Сагайской степи по Томи почти от ее истоков вниз, а далее в Алтайскую степь и Кузнецкую котловину) в улус Чульжан-Орегаал (предместье нынешнего г. Междуреченска Кемеровской области).

Множество раз представители моей ветви фамилии в голодные годы (когда не было зверя в тайге) переселялись из Чульжана в подтаёжные долины реки Таштып (может быть поначалу они переселялись и в Базу, но о переселении в Базу в семейных преданиях не говорится), а после ухода тяжёлого времени возвращались обратно. Так было несколько раз. Последний раз Косточаковы во главе с моим прадедом по имени (традиционное имя) *Кускун (Ворон)* (а у него еще было христианское имя – *Фёдор \ Пёдор*) поехали в долины реки Таштып в голодные 1914–1915 гг., а назад вернулись в 1928 году, и вернулись не все, а только один мой дед Николай Фёдорович с семьёй, остальные (два брата и сестра с семьями) остались там, в улусе Анжувль (дед Кускун умер там). Так одна ветвь разделилась на несколько подветвей.

Почему же у шорцев имена их тёлей-семей смогли все-таки сохраниться в истории и стать современными фамилиями? И что представляли собой эти тели-семьи, почему они имели свои общие имена, передаваемые детям по мужской линии?

Для уяснения этого и других сопутствующих вопросов нам следует мысленно погрузиться в антропонимическую ситуацию дорусской Шории.

Шорская традиционная антропонимическая система до XVII века

Архивные материалы свидетельствуют, что до присоединения шорских земель к Российской империи, т. е. до 1618 года, у шорского народа, видимо, существовала своя традиционная антропонимическая система, которая, как и нынешняя русская, тоже была трёхчленна, но входившие в эту систему элементы имели несколько иное содержание, чем в русской системе.

Традиционно каждый шорец в те времена носил в качестве личного сложного имени:

1) своё индивидуальное *ат-имя* и (не обязательно) *шола-прозвище*;

2) имя своего *тёля-семьи* (большой патриархальной семьи-фамилии, откуда происходил). Это называлось *тёл ады* – имя тёля;

3) имя своего *сеока-рода*, в состав которого входил его тель-семья. Это называлось *сёок ады* – имя сеока-рода.

В полном составе такие сложные имена отдельных людей в русских архивных материалах не зафиксированы (речь идет о «ясашных списках» Сибирского приказа), но некоторые признаки говорят о том, что такая, ныне утраченная традиционная система личных имён у дорусских шорцев все же существовала.

Скажем, в «ясашных списках» XVII – XVIII веков у ясачных людей должны были фиксироваться только их индивидуальные имена, отчества и дедичества, ведь фамилии в России того времени существовали, как известно, только у дворян, а у низших сословий, а тем более ясачных, должны были записываться только отчества и дедичества. По отношению ко многим ясачным так оно и было. Исключение составляли только те ясачные, которые жили оседло в горной тайге.

Как выяснилось, исключение составляли и государственные крестьяне Севера и Сибири, которые, в отличие от крепостных крестьян центральной России, фамилии заимели очень давно, ещё в XVIII веке, а отдельные – и в XVII в. [Никонов 1993, с. 209].

И шорское имя тёля-семьи (реже – сеока-рода) сразу же обрело в русских документах ему надлежащее место, то есть стало функционировать именно в качестве наследственного имени большой семьи, устойчивого не менее как в трёх поколениях, то есть в качестве фамилии.

Иначе говоря, как и у государственных крестьян Сибири и Севера, фамилии у государственных шорцев стали известны с XVII – XVIII веков.

Тем более, что у государственных крестьян и шорцев того времени было нечто общее: и те, и другие жили большими патриархальными семьями, которые селились отдельно, вели одно общее хозяйство и управлялись одним старшим близким родственником. И происходили от одного предка по мужской линии, чьё имя и стало основой фамилии. Целые селения и русских государственных крестьян в Сибири, и шорцев порой носили одну фамилию, то есть относились к одной большой семье.

Поэтому нельзя назвать случайностью то, что 350 – 200 лет назад зафиксированные в «ясашных списках» и других документах в каче-

стве фамилий имена тѐлей-семей у шорцев продолжают существовать и донныне как современные шорские фамилии. Ведь шорский тѐль-семья и был в истинном смысле фамилией (лат. familia – семья; англ. family – семья; род, клан), т. е. большой патриархальной семьей, состоящей из близких родственников по мужской линии нескольких поколений и происходящей от одного предка (основателя тѐля).

В качестве имени тѐля-семьи и выступало индивидуальное имя этого предка. И каждый представитель этого тѐля-семьи носил имя того своего предка в качестве дополнительного наследственного своего имени, т. е. в качестве фамилии. При этом в имени тѐля-семьи фиксировалось реальное имя (а не легендарное, мифическое) реального (а не тотемного, как в имени сеока-рода) своего предка. Шорское слово «тѐл ≈ тѐль» переводится как «фамилия, фамильное имя, имя большой семьи; большая патриархальная семья, живущая обособленно, и ведущая общее хозяйство, часть рода-сеока» [Чульжанов, Судочаков, Косточаков 1992, с. 25].

Тѐль-семья. Первичные и поздние тѐли-семьи

Тѐль-семья была неотъемлемой, но достаточно автономной частью более крупного объединения под названием сеок-род. Сеок-род никогда не жил единым или сосредоточенным в одном месте поселением. Такое просто невозможно в условиях горной тайги, которая в силах прокормить (охотой, собирательством, очень ограниченным земледелием и скотоводством) только малое количество людей.

Сеок-род складывался из рассредоточенных на довольно больших пространствах маленьких поселений – аалов. Расстояние от аала до аала было многие и многие метры и даже километры. Каждый аал, как правило, населяли представители только одного тѐля-семьи. Следовательно, каждый аал – это отдельный тѐль-семья.

Большие расстояния от одного тѐля-семьи до другого, затруднённая доступа туда и обеспечивали ту самую относительную автономию тѐля-семьи от сеока-рода. А сам сеок-род часто отождествлялся с тѐлем-семьей паштыка-вождя рода, ведь и паштык-вождь тоже жил внутри своего тѐля-семьи. Были, следовательно, паштыкские тѐли-семьи и другие тѐли-семьи. Правда, были и сѐла-улусы, и группы селений-аймаки, где проживало несколько тѐлей-семей, но это были тѐли-семьи, которые входили в составы разных сеоков-родов и жили относительно обособленно.

Поскольку тель-семья вела отдельное хозяйствование (держали скот, обрабатывали пашни, ходили на охоту вместе, вместе занимались собирательством кедрового ореха, трав, корней, ягоды, грибов, калбы), то назначался главный по телью-семье, его называли *тёлчи*, глава теля-семьи. Это был старший родственник, не обязательно мужчина, часто главными были женщины. Через тельчи все люди теля-семьи связывались с сеоком-родом и паштыком-вождем.

Тельчи на общих собраниях сеока-рода были старейшиной – *улуз кижжи* – и в таком качестве участвовали во процессах суда-чаргы, обсуждении вопроса об ясаке-налоге (*албан*), в выборах паштыка (*паштыкқа тутқаны*) и других мероприятиях общего собрания. Тель-семья являлась основным плательщиком ясака-налога (по-шорски «албан»), видимо, не случайно слово «тёл» связано с глаголом «тёл (ерге)» – платить. Значение и роль теля-семьи непосредственно вытекали из значения и роли сеока-рода в жизни родовичей.

Различаются шорские тели-семьи первичные и поздние (образовавшиеся в XVIII – XIX вв.), а следовательно, и фамилии у шорцев можно разделить на два типа: фамилии древние и фамилии поздние.

Первичных телей в каждом сеоке-роде было мало, два или три. Они возникли в глубокой древности. Со временем от первичных телей-семей (если благоприятствовали обстоятельства) «отпочковывались» ветви, которые в большинстве случаев продолжали сохранять имена своих первичных телей-семей. Так появились и продолжали жизнь древние шорские фамилии, и они дошли до наших дней.

Первичные тели-семьи – это, как правило, тели-семьи паштыков, то есть это семьи, откуда выбирали паштыков. Должность шорского паштыка была наследственной. Новым паштыком выбирался не обязательно сын бывшего паштыка, но достойный человек из теля-семьи паштыка, то есть его племянник, брат, внук, внучатый племянник и т. п. Или человека из другого паштыцкого теля-семьи. Первичных телей-семей было не меньше двух в каждом сеоке-роде, поэтому была конкуренция.

Необходимо сказать несколько слов о шорской системе родства. По мужской линии близкими (*чагын қарындаш кижжи*) считались все родственники до седьмого колена. В шорском языке одним словом «ача» обозначались и «старший родной брат», и «каждый родной старший брат», и «каждый родной дядя со стороны отца», а также «его каждый сын, если он старше по возрасту» (если он младше по

возрасту, то он звался «туңма»), и «двоюродный дядя с той же стороны», а также «его каждый сын, если он старше по возрасту» (если он младше по возрасту, то он звался «туңма»), и так до седьмой степени родства со стороны отца.

Словом «туңма» обозначались «каждый родной младший брат», и «каждый двоюродный брат возрастом младше (со стороны отца)», «каждый троюродный брат возрастом младше (со стороны отца)», и так до седьмой степени родства со стороны отца.

По материнской стороне близкими родственниками (*чагын туган кижиси*) считались родственники только до третьего колена.

Известны первичные-паштыкские тѣли-семьи некоторых шорских родов, вот их список:

– Сеок-род *Қобый*: первичные-паштыкские тѣли-семьи-фамилии: *Шулбаевы (Шұлбайлар)* и *Сысканаковы (Саасқанақтар)*, *Шишканаковы (Шышқанақтар)*;

– Сеок-род *Қый*: первичные-паштыкские тѣли-семьи-фамилии: *Кусургашевы (Кусуруғаштар)* и *Шелтрековы (Шелтиректар)*;

– Сеок-род *Қалар*: первичные-паштыкские тѣли-семьи-фамилии: *Ошкачаковы (Ошкәчәктәр)* и *Топаковы (Топақтар)*;

– Сеок-род *Кечин*: первичные-паштыкские тѣли-семьи-фамилии: *Ептегешеы (Эптегештер)*, *Шипеевы (Шипейлер)* и *Тингешеы (Тинңештер)* (данные по первичным тѣлям-семьям-фамилиям взяты: [Потапов 1936, с. 177–178]).

Имена первичных тѣлей-семей-фамилий были не менее устойчивы, чем этнонимы. Точнее, по устойчивости их можно сравнить разве что только с этнонимами, особенно в Южной Шории (ныне это прежде всего Таштагольский район), где имена первичных тѣлей-семей-фамилий дошли до нас почти в том же составе, что и были в XVII – XVIII веках. Это произошло потому, что родовые отношения в Южной Шории просуществовали дольше, чем в Северной Шории (ныне часть Новокузнецкого и Междуреченский районы). Ведь крепость имени первичного тѣля-семьи-фамилии прямо зависела от крепости родовых отношений: в составе устойчивого рода выгодно было сохранять и сохранять имя паштыкского тѣля-семьи-фамилии, откуда выбирались паштыки, – как символ паштыкского, княжеского достоинства, как знак неперемнной возможности быть избранным в паштыки. Поэтому состав фамилий в Южной Шории был неизменным до конца XIX века и позже не очень изменился (полный список

соответствий между сеоком-родом и тѣлем-семьѣй-фамилией см.: [Кимеев 1989, с. 161–175]). Из четырех сеоков-родов, нами выше приведѣнных, состав фамилий не изменился, за исключением того, что к сеоку-роду *Кечин* добавились *Башевы (Паштар)* и исчезли *Тингешевы (Тингештер)*.

Появление поздних тѣлей-фамилий связано с процессом разложения сеока-рода на отдельные тѣли-сеоки, которые в этом случае получают не относительную, всегда в составе сеока-рода существовавшую, а абсолютную автономию, самостоятельность, как бы независимость от сеока-рода. Тѣль-семья теперь мог сам, минуя сеок-род, выплачивать ясак-налог и самостоятельно владел ближайшей к нему частью земель сеока-рода как собственник. Появление поздних тѣлей-семей (сначала – не паштыкских, а потом – просто отдельных, самостоятельных) и образование новых шорских фамилий началось в XIX веке (местами – в конце XVIII) и в основном протекало в Северной Шории, но об этом разговор ниже.

Сеок-род

До конца XVIII – XIX века шорцы жили крепким родовым строем. Основу шорского общества составлял сеок-род. Сеок-род был особой формой общественной организации жизни: каждый человек принадлежал тому или иному сеоку-роду, через него как через особый институт осуществлял свои права и обязанности, через него связывался с государственными органами (в г. Кузнецке, ныне г. Новокузнецк).

Каждому сеоку-роду надлежало раз в год выплачивать налог-ясак государству, к которому он относился. С начала XVII века таким государством стала Российская империя.

Сеоков-родов у шорцев было около двадцати (в разное время их было разное количество, некоторые иногда присоединялись к другому или объединялись: *Қара-Шор*, *Сары-Шор*, *Узют-Шор*, *Челей*, *Қый*, *Қобый*, *Қарға*, *Чедибер*, *Аба*, *Тартқын*, *Қалар*, *Қаран*, *Кереш*, *Кечин*, *Себи*, *Таяш*, *Чорал*, *Қызыл-ғая\Кызай*).

Они все были абсолютно самостоятельны по отношению друг к другу, но иногда объединялись и создавали что-то наподобие фратрий, например, фратрия *Шор*, объединяющая рода: *Қара-Шор*, *Сары-Шор* и *Узют-Шор*.

Конечно, могли бы объединиться не только рода фратрии Шор

(у них общий предок – угры народа Тора, память о которых сохранилась в части этнониме, в компоненте Шор), но и мрасские рода: *Қый, Қобый, Қызай, Кечин, Таяш*, потому что у них тоже один общий предок – кеты народа *Қыйо\Қыб*, и другие шорские рода.

Но дело в другом, в том, что все перечисленные рода проживали в одном замкнутом природном анклав и давно уже сложились в один этнос. В частности, шорцы согласно обычному праву не вступали в брак со своими родственниками – представителями одного сеока-рода (т. е. внутри рода), чтобы предотвратить кровосмешение, инцест, а значит, многие сеоки-рода между собой уже давно породнились. Точнее, роднились между собой отдельные тѐли-семьи разных сеоков-родов, если они жили по соседству друг с другом (в тайге соседство – многие километры). Следовательно, всех вместе удерживало и вековое родство.

Каждый сеок-род на основе обычного права владел собственностью на определённые охотничьи угодья (по-шорски «тайга»), на земли, используемые как пашни (по-шорски «қыра»), на кедровники (по-шорски «пакла») и территорию, занятую под селения сеока-рода (по-шорски «эл-аал»), а также на реки и ручьи для рыболовного промысла, места выкапывания кореньев, сбора трав, ягоды и грибов. Собственниками были все члены сеока-рода без исключения, достаточно было просто принадлежать к данному сеоку-роду и носить его название [Адрианов 1888, с. 316; Миротворцев 1911, с. 14; Потапов 1936, с. 166–167].

Во главе каждого сеока-рода стоял паштық – родовой вождь, «князец» русских документов. Каждый род управлялся независимо от других и независимо от власти в г. Кузнецке, на демократических началах. Паштық считался главным среди равных.

Члены одного сеока-рода были связаны между собой не только социальной жизнью, но и общностью культа, носившего ярко выраженный родовой характер. Формальное принятие христианства во второй половине XIX века не отменило родовой культ и даже не изменило его существенных черт, так как в сознании шорца христианство и шаманизм могли сосуществовать: христианское таинство было «привязано» к церкви-зданию, а шаманистский культ был «привязан» к природе и хорошо сочетался с укладом жизни охотника и вообще лесного жителя: для отправления шаманистского обряда храмом было не какое-то отдельное здание, как в христианстве, а вся природа,

весь мир. Уходя на охоту, занимаясь собирательством, покосом, работая на пашне, глядя за скотом, отмечая праздники-пайрамы, люди входили в этот всемирный храм-природу и там поэтапно могли отправлять свой культ.

Сеок-род объединял людей и по признаку родства. Все члены одного рода называли друг друга – «карындаш» – это значит «единоутробный брат или сестра», и браки внутри сеока-рода были запрещены. Можно с большой долей вероятности предположить преимущественное единство происхождения всех членов одного сеока-рода. Однако родство в тэле-семье было, несомненно, более близкое, чем в сеоке-роде. Особенно это касалось шорских сеоков-родов XVIII века, когда в их состав на правах отдельных телей-семей вошло некоторое количество переселившихся в Шорию телеутов и качинцев.

Собрание сеока-рода «чыылыг»

Высшим органом сеока-рода было родовое собрание «чыылыг», которое собиралось раз в два-три года на родовой территории (особая поляна среди тайги со священной берёзой – «пай казың» в центре) в дни летнего солнцестояния и где могли присутствовать и принимать участие все члены рода. Ограничение касалось только жён и детей: первых потому, что они брались обычно из другого сеока-рода, следовательно, в мужнем сеоке-роде они были чужими; вторых потому, что до совершеннолетия детям не полагалось принимать участие во взрослых делах, в том числе сидеть со взрослыми за одним столом. Совершеннолетним считался парень, когда он проходил инициацию и мог самостоятельно ходить на зверя, имел семью и детей (одного – обязательно).

Чыылыг-собрание решал все важные общие дела: выборы нового паштыка, раскладка налога-ясака по телям-семьям, из которых, собственно, как мы уже отметили, состоял сеок-род (раскладка налога железными изделиями и пушниной ежегодно выплачивалось государству через город Кузнецк), включались новые плательщики (совершеннолетние парни), исключались состарившиеся, освобождались от уплаты определенные люди в силу каких-то причин (покалечен медведем, серьезно заболел), разбирались спорные дела, происходили судебные разбирательства.

При каждом судебном разбирательстве сеок-род выдвигал из своих рядов в качестве судей-чаргычы шесть человек, большей ча-

стью умных, мудрых стариков, которые принародно совершали суд, а народ открыто оценивал работу чаргы-суда. Если большинство народа не соглашалось с решением суда, то дело разбиралось снова, пока решение не удовлетворяло большинство сеока-рода [Потапов 1936, с. 168–170].

Каждый член сеока-рода, независимо от того, где он проживал (иногда проживали далеко от родовой территории), был не только подчинён своему паштыку, но и мог в любое время и по любому поводу обратиться к нему и искать его защиты. Паштык обязан ему помочь.

Имя сеока-рода в фамилиях. Имя тёля-семьи

Каждый сеок-род имел своё имя, возраст которого исчислялся сотнями, а изредка и тысячами лет. Н. А. Аристов, говоря о степном сеоке-роде, признавая «всеобъемлющее значение» рода у тюрков, пишет: «Естественно, что при таком значении родов, когда вся жизнь и судьба определялись принадлежностью к роду, родовые имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в различные союзы, целиком или частями, но должны были твёрдо сохранять свои исконные имена» [Аристов 1897, с. 85].

Крепкая память на родовые имена характерна была и для жителей горной тайги, для шорцев. Более того, каждый человек, как сказано выше, носил родовое имя в качестве своего дополнительного имени.

Этнонимы (родовые имена) могут многое сказать о происхождении того или иного сеока-рода. Роды, меняя на протяжении веков свою этническую, языковую, политическую и иногда хозяйственную сущность, старались тем не менее сохранить своё исконное имя, пусть даже искаженное новой этноязыковой реальностью, но исконное.

Так было со многими шорскими этнонимами (родовыми именами). Они возникли в глубокой древности и идя к нам, в наше время, потеряли своё первоначальное звучание и потеряли свой смысл (своё лексическое значение), так как сеоки-роды изменили свою этническую принадлежность, стали входить в состав другого этноса (были кетским родом – стали тюркским родом), стали более мелкими единицами (были племенным образованием, стали мелким сеоком-родом) и т. п. Но тем не менее этнонимы выжили и дошли до конца

XIX века. Потом исчезли все-таки, потому что исчез сам сеок-род как форма общественного бытия, уступив место тѣлю-семье.

Шорские этнонимы частично сохранились в шорских фамилиях, например, *Челеев* (от этнонима *Челей*), *Кичеев* (от *Кичей* ≈ *Кечин*), но чаще всего в шорских фамилиях сохранились не исконные шорские, а этнонимы иных этносов и этнических групп, участвовавших в тюркском этногенезе на Саяно-Алтае. И при этом фамильные этнонимы на проверку оказываются не собственно этнонимами, а индивидуальными именами, образованными от этнонимов. Это были, как правило, индивидуальные имена основателей тѣлей-семей, переселившихся со стороны в Шорию и очень давно. Вот несколько примеров: *Чудояков*, *Чудаев* и *Чудеков* (от нешорского этнонима *Чудай*), *Сухаяков* (от нешорского этнонима *Сугай* ≈ *Сагай*).

Иногда, правда, в шорских фамилиях фиксировались чистые этнонимы (а не имена от этнонимов), например, *Тодышев*, *Тотышев* (от нешорского этнонима *Тодош*, переогласованного в *Тодыш* и *Тотыш*); *Байлагашев* (от нешорского этнонима *Пайлагас*, переогласованного в *Пайлагаш*, а в русском звучании – *Байлагаши*). Но это те случаи, когда имя тѣля-семьи совпадало с именем сеока-рода. Речь идёт о массовом переселении в Шорию телеутского сеока-рода *Тодош* и частично *Пайлагас*, которые расселились по тайге в виде нескольких отдельных тѣлей-семей, принявших себе в качестве имени нового тѣля-семьи привычное имя сеока-рода.

Сеок-род, как было сказано выше, состоял из нескольких относительно самостоятельных тѣлей-семей. Каждый тѣль-семья проживал в отдельном поселении, состоящем из нескольких домов (*ѳге* ≈ *ѳй* ≈ *эм*), это были юртообразные бревенчатые полуземлянки, в которых жили отдельные маленькие семьи.

Один из домов принадлежал старейшине тѣля-семьи (*улуйы* – старейшина; *тѣльчи/тѣлчи*). Им мог быть дед, бабушка, старший дядя по отцу, в общем, самый старший и умеющий реководить авторитетный человек. Все остальные члены тѣля-семьи были его внуками, племянниками, сыновьями, невестками. Тѣль-семья вѣл общее хозяйство и во многом подчинялся старейшине. Он обладал, конечно, большими, чем рядовой член тѣля-семьи правами и на периодических чылыгах-собраниях рода. Он имел право решающего голоса в вопросе раскладки ясака-налога, его могли выбрать вести суд-чаргы.

Каждый тѣль-семья, как было сказано выше, имел своё имя. Оно

совпадало с индивидуальным именем или прозвищем либо основателя тѣля-семьи (общего предка, это было довольно часто), либо ныне здравствующего старейшины-тѣльчи (случалось весьма редко). Каждый член тѣля-семьи носил это имя в качестве дополнительного имени, добавляя к нему аффикс притяжательно-родительного падежа (в шорском языке). На русский язык переводился с суффиксом притяжения «ов», «ев» или «ин». Например, шорца звали (как моего предка) *Қусқун*, имя его тѣля было *Қостачақ*, вместе получалось *Қосточақтың Қусқуны*, а по-русски: *Косточаков Кускун*.

Когда речь шла о нескольких или всех членах данного тѣля-семьи, то к имени тѣля-семьи просто добавлялся аффикс множественного числа (в шорском языке). По-русски суффикс притяжения остаётся, и к нему добавляется множественное число. Например, *Косточаковы* по-русски, а по-шорски будет *Қосточақтар*.

В хорошие времена, когда тѣль-семья разрастался и уже не мог на данных землях себя прокормить, то какая-то отдельная семья сына или внука отселялась в другое место в пределах родовой территории.

На новом месте вновь образованный тѣль-семья продолжал носить имя прежнего тѣля-семьи и поддерживал с ним отношения, являясь его составной частью и в ясаке-налоге, и в родовых собраниях-чылыге. То же самое делали отселившиеся (переселившиеся на другие земли, но в пределах родовой территории) части основного тѣля-семьи. Так продолжалось, можно сказать, всегда в Южной Шории, даже отселившиеся за Абаканский хребет (ныне это территория Республики Хакасия) в XVIII и XIX веках представители сеоков-родов *Қобый*, *Қый*, *Қызай* и др. сохраняли и сохранили до сих пор свои фамилии. Речь идёт о фамилиях: *Шулбаевы* (некоторые адаптировали их по-хакасски: *Сулбаевы*), *Сысканаковы*, *Шишканаковы* (адаптировавшись, фамилия стала *Сысканаковы*, совпала с предшествующей), *Шелтрековы* (некоторые адаптировались в *Султрековых*), *Кусургашевы*, из сеока-рода *Қызай*: *Адыяковы*, *Арбачаковы*, *Кушаковы* (некоторые адаптировались в *Кусаковых*) и *Судочаковы*.

Разложение сеока-рода и активное образование новых тѣлей-семей-фамилий

В XIX веке (а местами ещё в XVIII) сеок-род стал разлагаться. Процесс его разложения связан с факторами, способствующими ослаблению, а позже вообще прекращению прежде всего обществен-

ных и хозяйственных связей между отдельными тѣлями-семьями внутри рода. Назовѣм факторы, способствовавшие разложению сеока-рода.

1. Переориентация ясака-налога с железа и железных изделий на одну только пушнину (сбор железной руды, выплавка железа и изготовление железных изделий способствовали – через разделение труда – связи не только между тѣлями-семьями, но между сеоками-родами).

2. Появление и распространение ружья вместо традиционных лука и стрел (ружьѣ было дорого и эффективно, но на него ещё нужно было заработать, добыв пушнины сверх ясака-налога, а значит, и артели охотников стали маленькими и только из одного тѣля-семьи).

3. Переселение в XVII – XVIII веках в Шорию значительного (для малочисленных аборигенов) множества русских и других народов (они селились в пределах лесостепного ландшафта, т. е. в низовьях Кондомы и по Томи ниже современных Мысков) (постепенное вытеснение сеоков-родов из лесостепного ландшафта, укрупнение и уплотнение в горной тайге с другими сеоками-родами).

4. Переселение в XVIII веке в Шорию телеутов с Центрального Алтая и качинцев с долин Среднего Енисея (они переселялись не в одиночку, а целыми тѣлями-семьями, группами тѣлей-семей, и, расселѣнные, включались в составы уже имеющихся сеоков-родов; они селились в пределах горно-таѣжного ландшафта на землях кедровников и на окраинах охотничьих угодий (тоже укрупнение и уплотнение шорских сеоков-родов в горной тайге).

5. Перевод ясака-налога на деньги в XIX веке (теперь пушнину продавали купцам из своих и русских).

Уже в XVIII веке северошорский сеок-род *Аба* в сущности разбился на несколько тѣлей-семей (расселенных далеко друг от друга, это были крупные селения близких родственников, их называли улусы): *Бокчетаев (Пақчытайлар)* – устье Кондомы; *Бежбояков (Пешипаяқтар)* – у горы Катунь, рядом с устьем р. Мундыбаш; второй *Бежбояков (Пешипаяқтар)* – в 10 верстах от устья Мрассу; *Едеев (Ээдейлер)* – на реке Ташелга, Мрассу; *Тогояков (Таққаяқтар)* – на реке Умзас, Мрассу; *Барсояков (Парсаяқтар)* – на реке Кузедеево, Кондома; *Богораков (Пағарақтар)* – устье Мрассу; *Козанов (Қозаннар)* – на Томи выше современных Мысков; *Мойнаков (Ымайнақтар)* – тоже на Томи около устья Усы; *Тарткын (Тартқыннар)* – по Томи ниже устья Мрассу и около; *Тос (Тостар)* – выше устья Мрассу;

Конгы (Қонғылар) – на Томи возле устья Кондомы; *Кыйбык (Қыйбықтар)* – на реке Кинерки, Кондома; *Тонгаспак (Тоңаспақтар)* – Кондома, район нынешних Осинников. Б. О. Долгих называл их «несложившимися родами» [Долгих 1960, с. 109], Л. П. Потапов – «большими семьями-тёлями, отколовшимися еще до прихода казаков от каких-то сеоков абинцев» [Потапов 1969, с. 108], а В. М. Кимеев назвал «территориальными самоназваниями абинцев» [Кимеев 1989, с. 66]. Видимо не сеоков-родов, а некогда одного сеока-рода *Аба*, который был в XVIII в. расколот появившимися и вклинившимися русскими поселениями и собственными причинами.

Некогда большой сеок-род *Аба* раскололся на несколько улусов=тёлей-семей: по Кондоме: *Бокчетаев, Бежбояков, Барсаяков, Тонгаспак* (позже Осиновка), *Кыйбык, Конгы*; по Мрассу: *Бежбояков, Едеев, Тогояков, Богораков, Козанов, Мойнаков, Тарткын, Тос*. Крупный, но разбросанный, рассредоточенный, располагающийся в лесостепи сеок-род распался на 14 частей.

Разложение сеоков-родов на тёли-семьи было временем активного образования новых (поздних) шорских тёлей-семей-фамилий внутри одного крупного тёля-семьи. Вышеприведенные тёли-семьи постепенно становились сеоками-родами и выполняли их функцию. Тёль-семья становился новой самостоятельной единицей общественных отношений. Фамилия как слово – показатель этого общественно-го процесса.

Новым (первичным и поздним особенно) шорским тёлям-семьям и тёлю-семье в целом как общественной организации, к сожалению, не суждено было окрепнуть и развиваться. Этому помешал XX век: сначала – столыпинские территориальные и людские преобразования (переселение столыпинских крестьян, вытеснение шорцев из лесостепи низовья Кондомы и Томи между Кузнецком и Мысками в горную тайгу, где еще крепки были родовые отношения), затем – полное лишение людей права собственности на землю и др. после 1917 г.

Процесс разложения сеока-рода и выдвижение на передний план тёля-семьи, когда стало образовываться много тёлей-семей, дал следующие результаты:

1. Появилось много фамилий (которых мы называем «поздними»), много в Северной Шории и мало в Южной Шории.

2. Тёль-семья почему-то сразу стал разлагаться на отдельные семьи, причём так быстро разложился на отдельные малые семьи (в

два поколения: родители и дети), что в шорском языке не нашлось слова, которое обозначило бы результат этого разложения (используется русское слово «семья»).

Алтайская духовная миссия, образовавшаяся на Южном Алтае в 40-ые гг. XIX века, а в 1860 г. открывшая в улусе Кузедеево Кузнецкое отделение миссии, во главе которого стоял священник-миссионер В. И. Вербицкий, не осталась в стороне от активно проходившего процесса образования новых и новых (т. е. поздних) шорских телей-семей-фамилий. В результате ее работы по охристианиванию шорского народа вскоре стали появляться у шорцев фамилии, образованные от христианских имён, освоенных шорским языком: *Апанасев, Апанасов, Апонькин, Карпушкин, Борискин* и др. Но, к счастью, миссия не смогла сколько-нибудь изменить шорский фамилиекон, так как основной состав фамилий уже сложился у шорцев в XVII – XVIII веках.

Это красноречиво говорит о том, что фамилия – лишь знак реальности, а не сама реальность. Фамилиекон вырастает и обусловлен самим укладом жизни, он порождён самой системой общественных отношений, типом ландшафта и формой хозяйствования. В те времена, когда появились шорские фамилии, система общественных отношений была традиционной, сохранялась связь со своими древними верованиями, с бесценным опытом, накопленным предками. И этот опыт в фамилиях отпечатался не меньше, чем в других культурных знаках. Проникнуть в содержательную часть знаков – задача не менее важная, чем сохранение языка. Ибо сам язык – это тоже сложно-системно сотворённый культурный знак, за которым стоит определённый реальный народ со своей культурой и историей.

Шорские фамилии ныне через метисацию проникают в другие народы, становятся частью иных культур. Но как бы то ни было, мы (если считаемся русскими, а носим шорскую фамилию) не можем, не имеем права не помнить своих предков, ибо мы начинаемся не на пустом месте, и наши предки – это не просто наши предки, а неотъемлемая часть нашей души, нашей личности в целом. И помнить о них нужно не им, а нам, они – опора и гарантия нашей устойчивости и укоренённости в бытии.

1.1.2.2. О написании современных шорских фамилий

Шорские фамилии (имена тѐлей-семей) были в XVII – XIX веках освоены русским языком и культурой, а через документы разного уровня и назначения внедрены и в шорское сознание – как авторитетная форма написания их фамилий. Они записывались писцами в соответствии с нормами русского языка, в том числе с нормами русского языка того времени. Иначе говоря, шорские фамилии искажались, поскольку освоение чужого языка и культуры (а шорские фамилии есть неотъемлемая часть шорской культуры) всегда сопровождается разной степенью искажения.

Назовѐм типичные искажения, к которым привыкли и шорцы:

1) добавление русских антропонимических суффиксов *-ов-*, *-ев-* и *-ин-* к названиям тѐлей-семей: *Пагачақ* → *Пагачаков*, *Абаққай* → *Абакаев* и т. п.;

2) изменение шорских специфических звуков речи на свои привычные звуки речи: *Ўртегеш* → *Уртегешев*, *Кўртўк* → *Куртуков*, *Тиңгеш* → *Тингешев*, *Сўлеңек* → *Суленев* и т. п.;

3) озвончение глухих согласных в начале фамилии, в результате чего мы имеем: вместо *Пекрең* → *Бекренёв*, вместо *Пайлағаш* → *Балағашев*, вместо *Паиш* → *Баишев*, вместо *Пабыш* → *Бабушкин* и т. п.;

4) замена [ч] твёрдого в шорском (в фамилиях с твёрдым [ч]) на [ч] мягкий в русском (в русском языке [ч] только мягкий), в результате шорское начальное [ча] изменяется в [че]: *Чалбағаш* → *Челбогашев*, *Чагачақ* → *Чегочаков* и т. п.;

5) искажение шорских фамилий оканьем или позднее аканьем, присущими русскому языку разных периодов: *Отчеоол* → *Ачѐлов*, *Отчеоолақ* → *Ачулаков*, *Костачақ* → *Косточаков*, *Чудаяқ* → *Чудояков*, *Абаққай* → *Абокаев* и т. п.;

6) искажение перемотивировкой под привычные апеллятивы русского языка, если шорская фамилия напоминает то или иное русское слово: *Нитке* → *Ниткин* (перемотивировка на «нитка»), *Папуш* → *Бабушкин*, *Ырьшықа* → *Рыжкин* (перемотивировка на «рыжий»), *Керсән* → *Кирсан* (перемотивировка на христианское имя *Кирсантий*) и т. п.;

7) искажение шорских тѐлей-фамилий тем, что русский вариант фамилии отражает обобщѐнное наименование тѐля-семьи – с аффиксом множественного числа: *Қаныш* → *Каныштаров*, *Кўттер* → *Куттерин* и т. п.

Нам бы хотелось здесь обратить внимание не на то, что русские писцы когда-то сделали ту или иную ошибку (она, как оказалось, была закономерна), а на то, что сделанная писцом ошибка должна быть нами понята именно как ошибка, а не как правильное написание шорской фамилии (а этим написаниям более ста и двухсот лет). Только в этом случае мы имеем возможность восстановить правильный облик исходного имени. А восстановить исконное звучание – это значит восстановить прошлое своего народа в том виде, как оно было на самом деле. Задача не из легких, но она весьма благородна и высока.

Таблица 1

Некоторые шорские фамилии и их значение¹

№	<i>Шорская фамилия по-русски</i>	<i>Шорское имя тёля-семьи-фамилии</i>	<i>Значение индивидуального имени предка тёля-семьи-фамилии (жившего в XVII – XIX веках)</i>
1	Абокаев	Абаккай	белолицый, благоотмеченный Богом-Кудаем.
2	Адыяков	Адайак	подобный собаке: верный, преданный, умный, чуткий, сообразительный.
3	Акпыжаев	Акпажай	светловолосый, благоотмеченный Богом-Кудаем.
4	Акужаков, Акушаков	Аккушак	подобный белому лебедю: красивый, душевно чистый, свободный.
5	Акуляков	Аккуляк	имя в память о селе Акколь, ассоциация с белым озером.
6	Амзараков	Амзарак	имеющий тонкий вкус, искусно готовящий пищу.
7	Арбачаков	Арбачак	подобный ячменю: жизненность, многодетность, неприхотливость, сытость, обеспеченность.
8	Бекренёв	Пекпең	крепкий, сильный, выносливый, надёжный
9	Бельчегешев	Пелчегеш	подобный таймену: сильный, крупный, сметливый, изворотливый.
10	Идигешев	Идегеш	подобный собаке: верный, преданный, умный, чуткий, сообразительный.

¹ См. подробнее: [Косточаков 2005, с. 30–134].

11	Идимешев	Идимеш	подобный собаке: верный, преданный, умный, чуткий, сообразительный
12	Изыгашев	Изигӑш	горячий, энергичный, душевно тёплый
13	Иптешев Эптешев Иптегешев	Эптееш Эптегеш	\\ аккуратный, умелый, умеет приспособливаться к сменяющимся обстоятельствам.
14	Кыдымаев Кыдыяков	Қадымай Қадыяқ	неотъемлемая часть меня (говорится от имени родителя).
15	Кадышев Каташев	Қадыш \\ Қатташ	достойный продолжатель рода; верный друг, товарищ.
16	Комзараков Комзычаков	Қомызырак Қомызычак	искусный музыкант и чувствующий музыку.
17	Канзычаков	Қаңзачак	подобный курительной трубке: умный, мудрый.
18	Каньштаров	Қаныш	подобный хану, будущий хан.
19	Каралтаев	Қароолтай	подобный прицелу ружья: меткий стрелок.
20	Каучаков	Қуучак	подобный белому лебедю: красивый, душевно чистый, свободный.
21	Кирсанов	Керсӑн	Аккуратный, разумный, способный, талантливый.
22	Кискоров	Кескир \\ Кескор	подобный наконечнику стрелы: острый ум и меткость.
23	Киштеев	Киштей	подобный соболю: подвижный, юркий, быстрый, хитрый.
24	Косточаков Костораков Костяков	Қостачак Қостарак Қостаяқ	подобный свистящей стреле: храбрый защитник родной земли-народа.
25	Курегешев	Кӱрегеш Кӱрӱгеш	\\ подобный бурундуку: трудолюбивый, запасливый, имеет чувство чести.
26	Куртегешев	Кӱртегеш Кӱртӱгеш	\\ подобный тетереву: осторожный, скрытный, даже немного трусливый и красивый.
27	Курдаков	Қурудақ	подобный сушеному сыру: худой, жилистый, сильный и имеющий сытную жизнь, благополучие.
28	Куспеков	Кӱспек \\ Кӱспек	могущий видеть «кут» (сущность)

			людей), влиятельный, станет известным.
29	Кусургашев	Кусуруғаш	подобный хвосту: самый младший; или несамостоятельный, ведомый.
30	Кушаков Кужаков	Кушак \\ Кужак	подобный птице: свободный, умный, красивый.
31	Майтаков Майнаков Майногашев	Ымайтак Ымайнак Ымайнағаш	благосланный богиней Ымай бездетным родителям.
32	Малтаяков	Малтаяк	подобный топору: защитник дома, семьи и родной земли-народа.
33	Отургашев	Оттурғаш \\ Одурғаш	подобный скамье: простой и терпеливо несущий груз забот, безотказный на помощь, домосед.
34	Ошкачаков	Өшкечек	подобный козе домашней: домосед, умён, но своеволен и привередлив.
35	Пагачаков	Пағачак	подобный лягушке: косноязычный, водолюбивый и беззащитный, но Кудай помогает.
36	Пыжлаков	Пыжылак	подобный варёному сыру: будет иметь сытую и счастливую жизнь.
37	Рыжкин Распаев	Ырышка \\ Ырыска Ырыспай	будет счастливым, удачливым, ему повезёт.
38	Сыркашев Сыргашев Шарагашев Шерегешев Серегешев	Сарықаш Шарағаш Шәрәгәш Сәрәгәш	потомок качинского (хакасского) сеока-рода Сары каш, в 18-м веке переселившегося в Шорию, рода древнесамодийского происхождения.
39	Судочаков	Судачак	подобный стеклу: необычно красивый и хрупкий, беззащитный.
40	Сулеков	Сүлек	подобный стеклу: необычно красивый и хрупкий, беззащитный.
41	Суленев	Сүленек	подобный радуге: красота, благожелательность, конец дождя.
42	Таннагашев	Таннағаш	подобный жемчугу: красив, богат, необычен.
43	Тептегешев Тепчегешев	Тептегеш Тепчегеш	подобный чаше «тепчи» для жертвоприношений: благосло-

			венный Кудаем.
44	Тобоков Топоков Топаков Тобокаев	Тобок\\ Топок \\ Топақ Тобоқай	подобный кедровой шишке: польза, много детей, дружелюбие.
45	Тодышев Тотышев Тутушев	Тодыш \\ Тотыш Тутуш	потомок телеутского сеока-рода Тодош, в 18-м веке переселившегося в Шорию, рода древнесамодийского происхождения.
46	Тодяков Тодьяков Тудегешев	Тодяқ Тодьяқ Тудегеш	выходец из сеока-рода Тодош, один из Тодошей.
47	Токмашев Токмагашев Токмачев	Токумаш Токумағаш Токумач	подобный чепраку: красочность, красота и богатство.
48	Торбоков	Торбоқ	подобный жертвенному телёнку: защита от хозяина воды-суғ-ээзи.
49	Тортогашев Тортумашев Тортобаев	Тортағаш Тортумаш Тортабай	подобный вытопкам после вытапливания масла: самый последний и самый любимый сын.
50	Челбогашев	Чалбағаш	ширококостный, крупный человек.
51	Шелтреков	Шелтирек	активный, импульсивный, непостоянный.
52	Шулбаев	Шұлбай	прекрасной души, богатый.

1.3. Шорская этнонимия

1.3.1. Названия и самоназвания народа

Многие народы существуют не одно столетие и больше, и в пространстве своего прошлого они известны под разными именами. Весьма редкие народы могут похвастаться лишь одним именем, прошедшим сквозь толщи истории. При этом следует учесть несколько существенных моментов, первым из которых будет то, что у каждого народа существуют название и самоназвание.

Название – это наименование народа, пришедшее со стороны, от народа-соседа, название народа, существующее в языке этого самого народа-соседа. В терминах ономастики такое наименование будет обозначено термином «экзоэтноним» (переводится как «название народа, пришедшее извне»).

Экзоэтноним, как всякое другое наименование извне, скажем, прозвище у отдельного человека, часто представляет собой слово чужого языка (то есть языка народа, который дает это название), то есть может иметь лексическое или символическое значение, а также стилистическую окраску, но они часто недоступны, темны для народа, который называется. В нашем случае это русское слово «кузнецы», превращенное в экзоэтноним по отношению к шорцам. Чуть позже «кузнецы» видоизменились в «кузнецких (ясачных) людей» и в «кузнецких татар», потому что слово «кузнецы» в общей лексике русского языка обозначало людей по профессии, а не по национальности.

Но чаще в качестве экзоэтнонима берётся уже существующий экзоэтноним соседей называемого народа, берётся, конечно, лишь корень чужого экзоэтнонима, осваивается в своем языке, хотя и остаётся словом, непонятным в своем языке, словом как бы «экзотическим». В нашем случае это экзоэтноним «шор», который уже существовал в языках теленгитов, телеутов, кумандинцев, челканцев и тубаларов, и это слово было взято русскими и освоено до «шорец // шорка», и стало еще одним русским экзоэтнонимом по отношению к шорцам.

Кроме стороннего названия у всякого народа существует и самоназвание, в терминах ономастики это – **«автоэтноним»** (переводится как «самоназвание народа»). Автоэтноним у народа появляется вскоре после того (или параллельно), как данный народ сложился как этнос, а всякий народ складывается в результате этногенеза. Цепочка взаимосвязанностей следующая: появляется этнос, вслед за этим возникает необходимость в самоназвании, появляется самоназвание.

Автоэтноним тесно связан со структурой называемого этноса. Структура же всякого этноса, согласно объективным законам, выявленной этнологией, такова: всякий этнос есть энергетическая система (структура), то есть система взаимодействий нескольких субэтносов и противопоставления себя всем другим коллективам. Субэтносы существуют благодаря тому, что они входят в единство этноса. Без этноса они рассыпаются и гибнут. В активный свой период этнос как система обнаруживает множество субэтносов и активно-сложное их взаимодействие. В старые годы этнос упрощает свою структуру, которая позже может вообще распасться на отдельные субэтносы, что предполагает собой гибель этноса, когда энергетически сцепляемые части распадаются. Этносы нередко образуют суперэтносы, то есть

группу этносов, возникшую одновременно в одном регионе и проявляющую себя в истории как мозаичная целостность, состоящую из этносов. Суперэтнوسы своей мощной энергией распространяются в пространстве, захватывают и вовлекают в этногенетический процесс другие народы, преобразовывают их посредством своего энергетического вливания, и этим расширяют себя. А потом со временем это суперэтническое сообщество распадается, но не сразу, а постепенно, от него откалываются (гибнут) отдельные этносы, однако части, периферия суперэтноса остаются, и в лице этой периферии мы имеем «сжатый» суперэтнос. Это этносы-реликты, даже суперэтносы-реликты, которые по-своему продолжают культуру и мироощущение (этническую жизнь) материнского суперэтноса [Гумилёв 1993, с. 101–118].

Исходя из вышесказанного про этносы и их структуру, следует различать частные автоэтнонимы и общие автоэтнонимы. Частный автоэтноним – это самоназвание рода-сеока или группы родов в одном отдельном ландшафте. Общий автоэтноним – это самоназвание этноса в целом, или же – самоназвание суперэтноса-реликта (в нашем случае).

Прежде чем перейти к собственно ономастическому анализу экзоэтнонимов и автоэтнонимов шорского народа, следует отметить, что экзоэтнонимы довольно редко совпадают с автоэтнонимами. Это будет наглядно видно из нашего ономастического анализа.

1.3.2. Названия шорских родов

Сеок-род всегда был важнейшей общественно-хозяйственной и территориальной единицей народа. Он был, как мы отметили выше, относительно самостоятелен, решал все вопросы жизнедеятельности простых людей через паштыка (вождя, главы рода) и на общих собраниях рода-чыылыгах. Но постепенно его функции сужались и сужались по многим внутренним и, особенно, внешним причинам.

Сегодня невозможно говорить не только о сохранении тех или иных составляющих института рода, но и о простой памяти большинства представителей народа о родовой принадлежности их родителей и дедов. Всё давно забыто, точно этого никогда не было. Но осталась литература, которая сохранила названия былых шорских родов.

Для нас шорские этнонимы важны как своеобразные исторические документы, в которых нашли своё отражение те или иные собы-

тия глубокой древности, не зафиксированные письменным текстом или не дошедшие до нас. Надо заметить, что письменных документов до XVII века нет никаких. Поэтому шорские этнонимы невозможно переоценить, когда речь идёт об этнической истории шорцев дороссийского периода. То же самое можно сказать о шорских антропонимах и топонимах Горной Шории. Шорские этнонимы важны прежде всего в решении вопроса происхождения народа. Последнее покрыто мраком, однако этнонимы (как и антропонимы и топонимы) обладают свойством пролить туда немного света.

Для того чтобы этнонимы (в данном случае) действительно стали историческими документами, необходимо подвергнуть их специальному анализу. Суть его такова: во-первых, нужно реконструировать первоначальную фонетическую и морфологическую форму онима, во-вторых, приступить к реконструкции первоначального (этимологического) значения рассматриваемого онима.

Названные два этапа реконструкции суть задача лингвистическая, но она невозможна без учёта и обработки и имеющихся исторических документов (где есть формы написания онима), и выводов (с фактами) тех гуманитарных и естественных наук (этнография, этнология, археология, топонимика, общая история и др.), которые посвящены или связаны с проблемой происхождения шорского народа. Кроме того, здесь невозможно обойтись без предположений и гипотез, т. е. без того, без чего не может обойтись настоящая наука.

Фонетико-морфологическая реконструкция этнонимов осуществляется через сопоставление разных форм одного и того же этнонима, которые зафиксированы в диалектах и говорах шорского языка, а также в исторических документах, научных работах XIX и XX веков. Сопоставляются и формы тех или иных похожих этнонимов, бытовавших в разное время у близких народов: хакасов, алтайцев, телеутов, кумандинцев и челканцев. Цель – выявить фонетико-морфологический архетип с учётом фонетического и морфологического строя названных языков.

Этимологическая реконструкция базируется на той простой мысли, что любой этноним – это прежде всего слово какого-то конкретного языка с не менее конкретной семантикой (лексическим значением). Поэтому основная цель этой реконструкции: найти язык, которому принадлежит данный этноним, и далее найти то самое слово в этом языке, рассмотреть его значение (семантику). Следовательно, (1)

не обойтись без выводов различных исторических наук и этнологии на предмет происхождения шорского народа с их фактами и доводами; (2) не обойтись без лексических и грамматических материалов по языкам народов, так или иначе повлиявших на зарождение и развитие шорского народа (если, конечно, есть такие материалы). Если такие языковые материалы есть, то сопоставление с общей лексикой этого выявленного языка происходит на основе фонетически и морфологически реконструированного этнонима.

Почти всегда та семантика, которая нами реконструируется, ныне полностью утрачена, и тут опорой становится наличие подобной семантики у народов, которые сумели донести до наших дней свои исконные названия родов, т. е. названия, созданные на их родных языках и сохранившие исконное значение, и сумели сохранить своё древнее мировоззрение – базу тех исконных названий. Либо подобная семантика была зафиксирована учеными прошлого у других народов, в том числе территориально далёких от шорцев.

Исходными точками наших построений являются следующие постулаты.

1. Новый этнос всегда образуется, согласно Л. Н. Гумилёву, за счёт энергии пассионарности, которая либо своя (от пассионарного толчка), либо принесена со стороны пассионарно заряженным народом. Известно, что шорский этнос образовался за счёт энергии извне и очень давно, энергии, которая и была «влита» в предков шорцев. Причём, пассионарно заряжённый народ не ограничился только предками шорцев, он включил в зону своей этнической экспансии весь Саяно-Алтай, то есть и предков хакасов, и предков алтайцев, и предков телеутов, кумандинцев и челканцев. Так вот, в результате этой этнической (энергетической) экспансии названные этносы и сложились, в том числе и шорцы.

Следовательно, в процессе этнической (энергетической) экспансии были задействованы два действующих субъекта: а) пришлый пассионарно заряженный народ-этнос; б) аборигенные предки шорцев, алтайцев, хакасов, кумандинцев, телеутов и челканцев (пассионарно слабые народы-этносы).

Пассионарный народ – древние тюрки. Он не имел одного имени и вместе с тем он был един, как и его потомки. Он был един в разнообразии. Он говорил на одном языке и понимал сам себя, но его язык

имел фонетические и лексико-семантические чередования, которые легко преодолеваются на слух и трудно – в письме.

«Древние тюрки» – это обобщенный термин, используемый в науке. Термин, обозначающий сложный этнос (по Л. Н. Гумилёву – суперэтнос). Этот сложный этнос-суперэтнос в V – XI веках своей этнической (энергетической) экспансией заполнил весь восток Великой степи, в том числе и Саяно-Алтай. Он назывался (в разное время его 500-летней гегемонии в степи) по-разному: сначала *тюрки-тюркюты-кёк тюрки, тогуз-огузы и телесцы*, потом *уйгуры*, в самом конце – *кыргызы*. Но важно другое: все они были тюрки, единый в многообразии народ.

Вот они, древние тюрки, и распространили свою экспансию на Саяно-Алтай в V – VIII веках и оставили здесь своих генетических, языковых и культурных потомков – саяно-алтайцев (тоже сложный этнос – единый в многообразии), в том числе и шорцев.

Итак, шорцы – потомки древних тюрков, реликт этого великого народа средневековья, доживающий дни своей глубокой старости.

2. Но у народа, как и у обыкновенного человека, не может быть только один родитель. Более того, у народа может быть не один, а несколько родителей. Древние тюрки до их прихода на Саяно-Алтай и древние тюрки последующего времени (времени империй) – это не один и тот же народ. Придя, в частности, на Саяно-Алтай, они смешались с аборигенами, и в результате этого образовалось несколько новых этносов внутри тюркского суперэтноса. Одним из таких новых этносов Саяно-Алтая, образовавшегося в тот период, были кыргызы Среднего Енисея, а также те этносы, которые живут до сих пор на Саяно-Алтае, в том числе и шорцы.

Итак, аборигенные народы Саяно-Алтая того времени – это еще одни родители нынешних саяно-алтайцев. Аборигенами на Саяно-Алтае в то время были народы, которых, понятно, ныне здесь нет. Они слились с пассионарными тюрками и сами стали пассионарными тюрками. Но не все, часть аборигенов ушла на север (а куда еще?), не желая потерять свою этническую идентичность. На севере сохранились потомки ушедших туда. И это обстоятельство поможет мне в нашей работе – в сопоставлении и этимологизации этнонимов.

Аборигенными народами были народы кетского, самодийского и угорского корней. Следовательно, шорцы – и потомки кетов, само-

дийцев и угров средневековья, потомки прежде всего генетические и частично – культурные.

Шорцы – саяно-алтайцы

Мы сегодня знаем про шорцев, что этот народ говорит на тюркском языке, то есть на языке тюркской группы языков, причем шорский язык сохраняет многие элементы древнетюркского языка, а сами шорцы являются одним из тюркских этносов мира, по всей видимости, являются прямым родственником средневековых тюрков. И культура шорцев тоже имеет прямое отношение к культуре древних тюрков. Вместе с тем можно сказать, что шорцы являются одним из этносов Саяно-Алтая. А этносы Саяно-Алтая представляют вместе нечто цельное, их можно назвать единым народом тюркского корня, я их называю «Саяно-Алтайский реликт», или «Саяно-Алтайский суперэтнос». Второй, пожалуй, более удачный и точный термин.

Так вот шорцы являются неотъемлемой частью этого Саяно-Алтайского суперэтноса (содружества нескольких небольших отдельных этносов). А Саяно-Алтайский суперэтнос, его представителей, можно назвать саяно-алтайцами. Саяно-алтайцы это – шорцы, алтайцы, хакасы, телеуты, кумандинцы, челканцы, тубалары, тувинцы.

Чем едины саяно-алтайцы? Культурой, близкими языками, но не только этим. Они обладают взаимно близким мироощущением, они, глядя друг на друга, чувствуют, ощущают, что они все друг другу – свои. И противопоставляют себя всем другим, чужим, не саяно-алтайцам. Таких чужих, скажем, в шорском языке называют «казактар». Под этим словом подразумеваются не только русские, но и все другие народы, не шорцы.

Тюркский суперэтнос

Саяно-алтайцы являются наследниками, я бы сказал, младшими братьями средневекового тюркского суперэтноса. Этот суперэтнос называют еще степным суперэтносом, называют и древними тюрками. Это было содружество нескольких тюркских этносов, которые создали, имели и укрепляли общее государство – каганат. В это содружество входили тюрки, их еще чуть позже называли *кёк тюрк* (генгрианские или небесные тюрки), тюрки *сиры*, *тюргеши*, этносы *он-ок*, несколько этносов *теле*, в том числе *уйгуры*, а также *тогуз-огузы* и еще *кыргызы*. Эти этносы, получив верховенство в каганате, сразу

давали каганату свое имя. Сначала появился Тюркский каганат (552 – 630 гг. н. э.), потом он возродился под названием Второй Тюркский каганат (682 – 745 гг. н. э.), затем был Уйгурский каганат (754 – 845 гг. н. э.) и последним стал Кыргызский каганат (845 – 1100 гг. н. э.). Тюркский суперэтнос (древние тюрки) властвовал в Великой степи более полутысячи лет.

Пространством каганата Тюркского суперэтноса было пространство почти всей Центральной Азии: на западе он простирался до Каспийского моря, на севере – до озера Байкал и сплошной сибирской тайги, на востоке – до Восточно-Китайского моря, на юге – до Китая и Тибета. Большое пространство, почти полмира. Много сил и энергии тратилось, чтобы сначала завоевать такую территорию, а потом удержать ее. Так что к появлению Монгольского суперэтноса и Монгольской империи многие тюркские этносы выглядели усталыми, монголы влили в них свежие силы. Затем тюркский суперэтнос был поглощен этим вновь народившимся Монгольским суперэтносом, выдвинувшимся на историческую арену в XII веке и известным благодаря громкому имени своего первого императора Чингизхана.

В результате поглощения тюркских этносов Монгольским суперэтносом многие из тюркских этносов изменились и получили второе свое рождение. Мы знаем, что «на дрожжах» Золотой Орды и Белой образовалось несколько новых тюркских этносов и их государства: казахи, узбеки, татары, крымские татары, ногайцы и др.

Лишь на Саяно-Алтае в то время (после падения Золотой Орды в XV веке) не появилось ни одного нового этноса. Потому что монгольский этногенетический процесс (монгольский этнический кипящий котел) серьезно не изменил этносы Саяно-Алтая, пройдя мимо на запад. На Саяно-Алтае же все еще продолжался старый (тюркский) этногенетический процесс: давно образовавшиеся этносы доживали свой исторический век.

Этногенез шорского народа

Самым последним тюркским этносом, вышедшим на историческую арену, был кыргызский этнос. Это уже был Саяно-Алтайский этнос. Вероятно, тогда под оным «кыргыз» подразумевались не только собственно кыргызы, но и другие, в том числе и нынешние этносы Саяно-Алтая. Кыргызы и все саяно-алтайцы как этносы появились, очевидно, в VI – VII веках н. э., родившись на «дрожжах» при-

несенной сюда тюрками пассионарности, а через сто-двести лет своей фазы этнического подъема – в 845 году н. э. – уже набрали столько силы, что смогли получить верховенство в суперэтносе и каганате, образовав Кыргызский каганат.

Войдя в полную свою силу, в IX – X вв. саяно-алтайцы смогли выделить из себя не только *кыргызов*, но и *кыпчаков*, или *кимаков* (это по происхождению один и тот же этноним, но немного разные этносы). Кыпчаки ушли, кимаки ушли, часть кыргызов тоже ушла из Саяно-Алтая, а здесь остались те этносы, которые мы знаем и сегодня, в том числе и шорцы.

В VI – VII веках н. э. Саяно-Алтай, очевидно, представлял собой этногенетический тюркский кипящий котел, то есть здесь шел процесс образования тюрков из аборигенов. Это не ассимиляция, это не просто переход людей на другой язык, это процесс превращения не тюрков в тюрков. На южные границы региона этот процесс пришел еще в V веке н. э., точнее – в 439 году, когда сюда пришло 500 семейств тюрков Ашина. То есть у этого процесса было и продвижение на север, на горные плато и в тайгу, что происходило в течение следующего столетия.

Продвижение на север было двумя путями: 1) форсирование Алтая через Чуйский проход (ныне там проходит Чуйский тракт) и выход в Алтайскую степь, в том числе и в лесостепь Северного Алтая, то есть в Кузнецкую котловину; 2) форсирование Западного Саяна через Аныйский проход (ныне там проходит автотрасса Ак-Довурак-Абаза) и выход в Сагайскую степь.

Этногенетический кипящий котел был как бы двойственным: один кипел на Центральном, Северном Алтае и Алтайской степи, второй – в Сагайской степи и Северном Алтае. И такой котел кипел с VI по IX века, триста с лишним лет, высшим моментом такого кипения стал 845 год, когда был образован Кыргызский каганат, и саяно-алтайцы стали властвовать в мире под названием «кыргыз».

На Саяно-Алтае взаимодействие происходило между пришлыми тюрками и аборигенами. У нас не степь, поэтому этногенетические процессы проходили не так быстро, скорее, медленно, но неизменно, целенаправленно. Какие народы проживали в Горной Шории до прихода сюда тюрков?

Дотюркские народы Саяно-Алтая

Кеты

В бассейне Мрассу и верховьях Томи жили *кеты* («кет» на их языке: «человек»).

Кеты – это не один народ, а целая группа родственных народов, целая семья языков, можно сказать, кетский суперэтнос. Как суперэтнос кеты когда-то имели свое государство. Это, возможно, то государство, которое в китайских хрониках называется «динлин» («белые ди», ди=самоназвание народа). Центр этого государства был в Сагайской степи, захоронения царей этого государства находятся в одном из районов Сагайской степи и называются Салбыкскими курганами.

Кеты, проживавшие в бассейне Мрассу и в верховьях Томи, были одним из этносов кетского суперэтноса. Как и весь суперэтнос, мрасские и томские кеты в начале древнетюркского времени прожили большую часть своей этнической жизни, лучшие их годы остались в прошлом.

От мрасских и томских кетов до сегодняшних дней осталась их адаптированная гидронимия. Факт сохранения тюрками кетской гидронимии говорит о том, что (1) этнические кеты не ушли, а остались на этой территории; если и ушли, то лишь частью; (2) кетов здесь было больше, чем этнических тюрков.

Ономастические исследования показали, что рода-сеоки мрасских шорцев представляют собой разные формы адаптации (искажения) одного сохраненного кетского этнонима, существовавшего здесь в дотюркские времена. Вот они – формы адаптации (искажения): *Кый*, *Кызай* (*Кызыл-гая*), *Кычы* и *Кобый* и еще *Карга*. Реконструируем эти формы.

Кызай

Искажение наличествует в инлауте – из-за тюркского чередования [й] \ \ [з]. Поскольку мрасский вариант тюркского языка не терпит [й] в инлауте и сразу преобразует его в [з], то произошли следующие фонетические изменения: *Кызай* ← *Кыйай*. Ауслautный [й], скорей всего, добавлен тюркским языком – по образцу звательной формы с аффиксами [ай] \ \ [ей]. Следовательно, первичной формой этнонима будет, скорей всего, форма «Кыйа».

Кызыл-гая

Известен как абсолютный синоним названия Кызай. Очевидно, что в данном случае мы имеем двойное искажение по народно-этимологическому типу. Народно-этимологический тип искажения заключается в том, что семантически пустой оним, если он немного похож на какое-нибудь слово общей лексики-апеллятив, искажается до почти полной омонимии с тем апеллятивом. Первое искажение: *Кызыл* ← *Кызай* ← *Кыйа*. Второе искажение: *гая* ← *кайа* ← *Кыйа*, или *Койа*. Соединившись вместе, двойное искажение стало походить на вполне понятное словосочетание: *Кызыл-гая*=Красная скала (гора). А здесь уже появляется повод появиться легенде о Красной скале [Бутанаев, Бутанаева 2010, с.165–166].

Кый

Искажения здесь, как будто бы нет, но все-таки гласный после [й] утрачен, а это тоже факт искажения. Отсутствие изменения [й] в [з] говорит о том, что в данном случае адаптером этнонима был не мрасский вариант тюркского языка, а кондомский, в котором [й] в инлауте сохраняется. Посмотрев на место проживания рода-сеока *Кый*, мы видим, что это самые верховья Мрассу и проникновение туда со стороны Алтайской степи (кондомский вариант тюркского языка оттуда) было вполне возможно, так в районе Усть-Кабырзы, там, где ныне проходит трасса Таштагол – Усть-Кабырза, издревле существовала «прореха» – конно-пеший путь проникновения в Мрасский природный анклав с запада, а от Усть-Кабырзы по долине реки Кабырза и через Абаканский хребет – на восток.

Кычы

Искажение здесь тоже в инлауте, но чередуются не [й] \\ [з], а [й] \\ [ч], вернее [дж] мягкий. В данном случае мы имеем весьма редкое чередование, замещение сонанта [й] щелевым [дж] в соседстве с узкими гласными. Ученые считают, что это явление зародилось в уйгурском языке, в котором случаи подобного замещения наиболее разнообразны [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1984, с. 298]. То есть Кычы – это след уйгурского влияния, не случайно же шорский язык относится к огузо-уйгурским тюркским языкам. Затем [дж] стал глуше и приобрел в шорском языке современное звучание [ч]. Получила следующая цепочка искажения: *Кычы* ← *Кыдџы* ← *Кыйа*. Здесь вполне тоже мог сыграть закон народно-

этимологических объяснений, ведь этноним Кычы похож на апеллятив «кичиҕ=маленький; младший».

Подведем небольшой итог. Формы *Кый*, *Кызай*, *Кызыл-гая*, *Кычы* восходят к одной первичной форме *Кыйа*. Иначе говоря, у кетов существовал один этноним, который после этнического превращения кетов в тюрков разделился на несколько шорских этнонимов.

Кобый

Здесь искажение только в том, что добавлена звательная форма с аффиксом -ай-, а первичной формой было *Коб*. Получается так: *Кобый* ← *Коб*.

Обратившись к лексике кетского языка, записанным благодаря стараниям самого профессора А. П. Дульзона и его учеников, прежде всего к его книгам «Кетский язык», «Очерки по грамматике кетского языка», а также к работам «Кетские наречия первой половины 18-го века», «Словарные материалы 18-го века по кетским наречиям» и др., мы обнаружили, что реконструированные слова *Кыйа* и *Коб* в кетских наречиях имеют значение. Более того, они по отношению друг к другу являются синонимами.

Если обобщить наши результаты, то получится следующая картина.

В бассейне Мрассу и в верховьях Томи проживал кетский народ, который называл себя *Койа* || *Кыйа* || *Коб*. Если перевести этот эндоэтноним данного народа и сформулировать, то это – народ Медведя. При этом следует пояснить следующее:

1. Этот народ говорил на двух диалектах кетского языка, и в каждом диалекте было как минимум два говора. О диалектах и говорах внутри диалектов говорят варианты эндоэтнонима, где налицо чередования диалектные: [йа] || [б] (*Кыйа* || *Кыб*, *Койа* || *Коб*) и чередования говорные в инлауте: [о] || [ы] (*Койа* || *Кыйа*). У нынешних кетов имбатский диалект имеет формы: *Койе* || *Кой*, а сымский диалект имеет две формы: *Хой* и *Хыб* (здесь еще чередование в анлауте [к] || [х]) [Дульзон 1964, с. 46].

2. У этого кетского народа было тотемическое мышление, поэтому в эндоэтнониме тотем – «медведь». У мрасских шорцев как прямых потомков этого кетского народа сохранилась часть тотемического мифа о происхождении человека от медведя, это легенда, которую мы сегодня описательно называем «Легенда о женитьбе медведя на девушке». Дыренкова их записала на Мрассу, в других местах Шории

такой легенды нет. Говоря просто, медведь женился на понравившейся девушке и от этого брака родился народ Медведя. В легендах много говорится об уме медведя, его хитрости, ловкости, силе, так что приятно происходить от него.

Самодийцы Кара || Kärä

На территории Кондомы в древнетюркский период проживал самодийский народ, который называл себя *Кара || Kärä*. Этноним *Кара || Kärä* был для самодийцев говорящим именем, означал он «журавль» (так переводили и исследователи самодийских языков – Г. Прокофьев и В. Васильев), а весь народ – самодийский народ Журавля, где указывается, что тотемом народа является журавль. Записанная Н. Дыренковой на Кондоме легенда о журавле, похитившем у Ульгена огонь и передавшего его людям, видимо, является фрагментом тотемического мифа о происхождении данного народа от журавля.

Попад в кипящий котел тюркского этногенеза, народ *Кара || Kärä* не остался на своих родных местах, можно сказать, долины Кондомы опустели. Видимо, у этого народа был не такой уж низкий уровень пассионарности, они не хотели сдаваться и превращаться в тюрков. Поэтому они ушли на север. Потомками ушедших на север самодийцев *Кара || Kärä*, вероятно, является ненецкий род *Харючи*, что входит в состав сибирских тундровых ненцев (самодийцев). Но самодийцы ушли не только на север.

Карга

Некоторые подались на северо-восток, в тайгу, в глухие места Мрассу, оказались в районе нынешнего Усть-Анзаса, где вскоре объединились с тамошними кетами народа Медведя. В результате такого объединения позже появился род-сеок и этноним *Карга*. Этот этноним долго объясняли народно-этимологически, совместив этноним и апеллатив «карға=ворона». По законам тотемизма ворону стали называть по-другому: «кара таан» = «черная галка». Но на самом деле этот этноним означает другое и не имеет ничего общего с этим апеллативом. Это сложный этноним, представляет собой контаминацию двух этнонимов: *Кара + Койа* → *Кар(а)кай* → *Карга*. Второй этноним – чисто мрасский, остался от народа Медведя, а первый – пришел с района Кондомы.

На Кондоме осталось лишь несколько групп или родов этого народа, которые впоследствии образовали несколько шорских родов

сеоков. Это были в такой степени маленькие рода, что очень быстро они растворились среди других, более крупных родов. Можно припомнить их наименования.

Караи || Кереш || Керет

К самодийскому этнониму добавлен тюркский аффикс -ш- и монгольский -т-, обозначающие множественность, но на самом деле это был небольшой род, зафиксированный в низовьях Кондомы на реке Кинерки и в устье реки Аба. Фонетические разночтения связаны с фонетикой исходного этнонима, там был гласный [ä], который трансформировался, искажаясь, то в [а], то в [е].

Каран

К самодийскому этнониму добавлен тюркский аффикс -н-, обозначающий малочисленность. Род был действительно малочисленным и проживал в районе селений Кузедеево и Подкатунь.

Угры Тора

Угры народа *Тора* в период тюркского этногенетического кипящего котла были в верховьях Томи и на восточных склонах Кузнецкого Алатау. Видимо, их уровень пассионарности тоже был не на нуле, они поднялись со своих мест и отправились на север.

Угры народа *Тора* были достигнуты экспансией на берегах реки Шора в верховьях Томи. Кто-то остался на месте, другие оттуда направились двояко: одни пошли на север, часть туда ушедших ныне находятся на восточных склонах Кузнецкого Алатау в районе нынешнего города Сорск Республики Хакасия, а также на Севере среди ненцев (род *Тора*), другие пошли вниз по Томи, Мрассу и ныне мы их видим в горнотаежных долинах реки Кондомы. Почти все *Тора* не избежали тюркизации. А вместе с языком изменилась и огласовка этнонима: *Тора* → *Т'орä* → *Чорä* || *Шорä* → *Чор* || *Шор*. Анлаутный [т] был изначально, видимо, палатализованный, поэтому он в сфере тюркского языка (уйгурской разновидности: то, что шло от енисейских кыргызов) он сменился на [ч]. А уже на Кондоме (в верховьях, в районе нынешнего Таштагола) [ч] стал чередоваться с [ш]. И на Кондоме же от этнонима отпал конечный гласный.

Данный этноним *Тора* || *Чора* || *Чор* || *Шор*, по нашему мнению, восходит к угорскому апеллятиву «тора», что означает «журавль». В угорских языках XIX века слово звучало, как и в древнеугорском языке – «тора», как считает А. Кастрен [Опыт перевода остяцкой грамматики 1902, с. 121], в современном хантыйском – как «торы»

[Русско-хантыйский словарь 1949, с. 15], в мансийском – как «тарыг» [Русско-мансийский словарь 1946, с. 20]. Заметим, близко звучит и тюркское название журавля: *турна* || *туруна*. Есть два, казалось бы, незначительных отличия: анлаутный [т] в угорских словах полумягкий, а в тюркском – твердый. И второе отличие – у тюрков появляется дополнительный звук [н]. Нет материалов, которые бы проливали свет на связь тюркского и угорского названий журавля, но отсутствие [н] в названии говорит в пользу угорского происхождения, и еще: наличие анлаутного полупалатализованного [т] тоже говорит в пользу угорского происхождения, и еще объясняет, почему *Tora* превращается в *Чора* и *Чор* || *Шор*: вдруг появившийся полумягкий [т] в анлауте «вводит» оным в чисто тюркскую систему чередований, связанных с трансформациями начального [й]: [й] || [т'] || [ч] || [ш]. Для угров тотемизм этнонимов – вещь характерная [Руденко 1914, с. 33–34; Старцев 1928, с. 55–56].

Қара-Шор* || *Қара-Чор

В верховьях Кондомы часть самодийцев *Кара* || *Kärä* осталась, здесь они объединились с частью пришлых угров народа *Tora*. В результате контаминации пришедших *Чоры* с частью *Кара* получился самодийско-угорский (по происхождению, а по новому этносу – тюркский, вернее, тадарский, шорский) сеок-род *Қара-Шор*. На Кондоме, надо сказать, этот этноним звучал в виде двух фонетических вариантов: *Қара-Чор* || *Қара-Шор*.

Сары-Шор* || *Сары-Чор

На Кондоме же *Чоры* соединились с частью кетского народа *Сара*, мигрировавшего туда из-за восточной стороны Абаканского хребта по Кобырзинскому проходу. До 1912 года сеок *Сары-Шор* вместе с сеоком *Кара-Шор* составляли одну Кондомо-Карачерскую волость [Кимеев 1989, с. 43]. После административной реформы 1912 года данный сеок составил одну из основ Верхнекондомской волости.

По мнению Н. А. Аристова, этноним *Сары* был известен еще в хуннское время, и дошел до нас в виде искажений *Синри* || *Цайли* || *Синли*, исправив которые, мы получаем *Сары* || *Сару* – кыргызскую *кость* [Аристов 1896, с. 322]. Исследователь считает, что *Сары* по происхождению хуннский, со временем он стал кыргызским, то есть в Хакасско-Минусинской котловине в постхуннское время произошло объединение тамошних (динлинских) племен с пришлыми тюрками под общим межплеменным этнонимом *Кыргыз* [Там же, с. 348].

Реконструировав все бытовавшие формы данного этнонима (прежде всего в китайских записях и огласовках, а также и тюркские, поздние), мы выявили первичное звучание: *Сеpe* (оно в тюркском языке приобрело вид: *Сäpä*, затем переосмысленное в *Сары*). Ныне бытующие кетские языки и диалекты подсказали нам значение этого слова – первичной реконструированной формы: он переводится как «олень, дикий олень» [Старостин 1982, с. 145]. Тоже тотемический этноним. О тотемических представлениях у кетов можно прочесть у В. И. Анучина [Анучин 1914, с. 13, 17] и Б. Васильева [Васильев 1948, с. 88, 92].

Себе

Небольшой сеок на нижней Кондоме и нижней Мрассу. В XIX веке почти весь ушел в Сагайскую степь, откуда и переместился в Шорию значительно раньше, а туда прибыл, предположительно, с нижнего Иртыша вместе с качинцами. Имело несколько огласовок: Себе || Себер. Родовая река и селение – Сибирга, правильно: *Сäbärgä* (река сеока Себер). Восходит к древнеугорскому слову со значением «тетерев» [Русско-мансийский словарь 1946, с. 35], тотемный этноним.

Тюркские по происхождению сеоки-рода

Узут-Шор

Восточнее Кондомы на реке Пызас *Чоры* смешались с *Узами*, природными тюрками. Тюрки, пришедшие в потоке тюркской этнической экспансии, были кыпчакской разновидности, смешанные, и они себя называли просто: «племена», что по-тюркски (по-кыпчакски) звучало: *Узут* (уз+ут ← уғуз+ут, где «уз || уғуз=племя+ут=афф.множественного числа). Ср. оғуз = племя по-огузски, а уз = по-кыпчакски. Издавна данный тюркско-угорский этноним сопоставляли со словом «үзүт» = «душа умершего человека», из-за чего происходило много недоразумений.

Челей

Первоначально небольшой, а потом самый большой шорский сеок, он проживал и на Кондоме, и на Мрассу, и на Томи. Последнее пополнение было за счет переселившихся в середине XVIII века телеутов-родовичей. Происхождение этнонима тюркское, восходит к пратюркскому *jэл, давшему в тюркских языках слова-понятия эл (эль) = земля-народ, и Тел || Тил (тель \ тиль) = язык народа = народ. Перевести этот этноним можно так: «племя, род, народ (мой)». Этот

сеок в Шории пополнялся из степи, Алтайской степи, последнее пополнение, как мы отметили, было в XVIII веке.

Чедибер

Сеок в Шории тоже чисто тюркского происхождения, имеется в виду этноним. Этноним говорящий: разложить его, получается: *Четми* + *Пүрү* = Семь + Волков. Волк = символ тюрка. Семь – символ объединения племен. Этот сеок пополнялся из Сагайской степи, откуда первоначально и прибыл в Шорию. Основное расселение было в верховьях Томи, включая и низовья Мрассу.

Вот краткое толкование родовых названий. Сеок-род у шорцев ослаб и исчез в начале XX века. Окончательный удар был нанесен роду-сеоку в 1912 году, когда была проведена административная реформа, максимально укрупнившая волости, на всю Шорию стало 2 волости: Мрасская и Кондомская. А после 1917 года и это было предано забвению, лишь на десятилетие (с 1925 по 1939) вся Шория была объединена в Горно-Шорский национальный район с правами округа.

1.3.3. Автоэтнонимы шорского народа

Самоназвания народа, которые существуют в шорском языке, можно подразделить на три группы: две группы – самоназвания шорцев внутри своего народа, третья группа – самоназвания по отношению к другим и чужим. Назовём эти группы автоэтнонимов:

1. Географические автоэтнонимы, которые употребляются, главным образом, внутри шорского этноса. Речь идёт о самоназваниях локальных групп шорского этноса, субэтносов.

2. Родовые автоэтнонимы, которые употребляются тоже внутри шорского этноса. Речь в данном случае идёт о самоназваниях родов шорского этноса.

3. Общие автоэтнонимы, которые употребляются вне шорского этноса, когда представители шорского этноса называют себя перед другими этносами.

Остановимся на группах более подробно.

Географические автоэтнонимы

Шорский народ – лесной народ, точнее, горнотаёжный. Горнотаёжный же ландшафт предполагает разделённость народа на множество частей, и эти части обусловлены именно особенностями горнотаёжного ландшафта.

Горная Шория, скажем, более-менее чётко разделена на три части – по долинам трёх великих рек: Кондомы, Мрассу и Томи. Не случайно в связи с этим появляются в этнографической литературе географические автоэтнонимы: «*кондум кижизи*» – «шорец из бассейна Кондомы», «*прас кижизи*» – «шорец из бассейна Мрассу», «*том кижизи*» – «шорец из бассейна Томи».

Но это не совсем автоэтнонимы, вряд ли их можно назвать самоназваниями шорского народа, хотя они тоже чрезвычайно важны – не только в качестве уточнения места проживания шорца, сколько в качестве обозначения элемента этнической структуры шорского народа. Этническая структура народа такова, что её образуют три примерно равных элемента (два элемента – противопоставляющихся друг другу, а третий элемент – синкретирующий): кондомский, мрасский и томский, которые обусловлены горнотаёжным ландшафтом, где важнейшую роль играют великие реки, связующие между собой отдельные речки и долины.

Эти три элемента этнической структуры проявились: 1) в языке: кондомский диалект, мрасский диалект, а долины Томи связывают между собой эти два диалекта в единое целое, неся в себе черты того и другого; 2) в сказительских традициях героического эпоса, где тоже два варианта, а третий – синкретирующий; 3) в антропологических типах шорцев с Кондомы, Мрассу и Томи; 4) в названиях родов-сеоков (есть мрасские роды, есть кондомские, есть синкретичный томские); 5) в гидронимии на Кондоме (преимущественно самодийской, по А. Дульзону), Мрассу и Томи (преимущественно кетской, тоже по А. Дульзону); 6) в разных этногенетических «пристрастиях»: долины Кондомы и части Томи (ниже современных Мысков) тяготели к Алтайской степи, к группе теле, позже – кимакам; долины Мрассу и части Томи (выше современных Мысков) – к Сагайской степи, к енисейским кыргызам и т. п.

Родовые автоэтнонимы

Родовых автоэтнонимов у шорцев примерно 17 [Кимеев 1989, с. 17], по количеству родов-сеоков. Поэтому кто-то называл себя *Челей кижи* (Челеец), другие – *Кобый кижи* (Кобыец), *Чедыбер кижи*, *Тарткын кижи*, *Калар кижи* и т. п.

Но родовое устройство у шорцев перестало быть актуальным в конце IX – начале XX вв., в Северной Шории быстрее, в Южной

Шории медленнее [Кимеев 1989, с. 74–75], следовательно, родовые автоэтнонимы стали постепенно забываться уже в начале прошлого века, и ныне почти никто из шорцев не может определить свою родовую принадлежность.

Общие автоэтнонимы

Разговор об общих автоэтнонимах невозможно вести без рассмотрения узловых моментов этногенеза шорского народа. Но прежде нужно очертить особенности этнической структуры шорского народа.

В связи с вышесказанным кажется неслучайным то, что с долин Мрассу древнейшие тропы и дороги идут в Сагаи (современную Хакасию), с долин Кондомы дороги идут в Алтайскую степь, а с долин Томи имеются два направления – и в Сагаи, и в Алтайскую степь. Сама Шория кажется своего рода горнотаёжным полуостровом между названными двумя степями, а основные дороги идут по рекам Кичи и Кобырза, а также по Томи. И эти дороги проложены не сто лет назад, не двести, а больше тысячи лет назад.

Но надо отметить главное: сама по себе Шория в этногенетическом плане весьма неперспективный район: здесь каждая долина, лог, урочище способны жить обособленно и самостоятельно. Разве что толкала в степь нужда в хлебе и мясе – для обмена на пушнину. Объединяющего фактора здесь нет: и рода-сеоки, и семьи-тёли привыкли жить в тайге обособленно и самостоятельно. Здесь было отличное убежище для народов, которые сложились где-то далеко и пришли сюда, спасаясь.

Данные топонимии и антропологии говорят нам, что бассейн Мрассу и часть бассейна Томи были заселены преимущественно кетскими родами. Долины Кондомы и части Томи заселили самодийские и угорские роды.

Тюркский этногенетический процесс в VI – IX вв. н.э., начавшись в монгольской степи, распространился на всю Центральную Азию, захватил и территорию Шории. Он и вывел Шорию из состояния самозамкнутости и обособленности, разрозненные кетские, угорские и самодийские роды и племена превратил в единый тюркский этнос, в современный шорский этнос (сейчас шорскому народу более тысячи лет от роду).

Зачем Великой степи того времени понадобилась Шория? Разве

степи интересна была наша глухая тайга? Нет, тайга наша была не нужна, а нужны были наши полиметаллические руды, сырье для металлургии и кузнечного дела. Поэтому таёжная Шория и была втянута в степной тюркский этногенетический процесс.

Именно когда Шория стала частью тюркского суперэтнуса, что произошло в VII – IX вв., появилось, очевидно, два автоэтнонима: *Аба кижжи // Абалар* и *Тадар кижжи // Тадарлар (Тадэр)*.

Аба кижжи // Абалар, потому что род кузнецов *Аба* был ведущим шорским родом. До сих пор вся Шория, скажем по-алтайски, продолжает называться *Аба тиш* (Абинская тайга) и *Аба-Тура* (оседлая Абинская земля) [Аносский сборник 1915, с. 29]. Автоэтноним *Аба* в этом качестве досуществовал до начала XVII в., потому что под Абинской (Кузнецкой) землей казаки понимали всю Шорию (и шире), а не только долину Томи с самыми низовьями Кондомы и Мрассу (место существования рода Аба). В пространстве Абинской (Кузнецкой) земли вскоре появился Кузнецкий уезд. Оним, следовательно, *Аба* был общим автоэтнонимом шорского народа. Однако тогда уже, очевидно, существовал и другой общий автоэтноним – *Тадар // Тадэр*.

Сегодня этот оним *Тадар кижжи // Тадарлар (Тадэр)* является самоназванием шорцев, хакасов, кумандинцев, челканцев, тубаларов, телеутов¹. Мы уверены, что данный автоэтноним не пришлый, не пришедший с русскими, а свой, местный. И существовал здесь от века. В тюркском суперэтнуса кроме самоназвания *тюрк*, скорее всего, существовало и самоназвание *татар // тадар // тадэр*. Оно, во всяком случае, уже существовало в начале XVII в. и показалось казакам знакомым (потому что существовало и у золотоордынских татар, придя туда из Центральной Азии), отчего и появились со временем *Кузнецкие татары*, *Абаканские татары* (а не наоборот, как принято в литературе, мол, этноним *татары* от русских) и др.

«Тадар» на Саяно-Алтае – это знак отношения этноса к Саяно-Алтайскому тюркскому суперэтносу. Конечно, данный этноним не экзоэтноним, а автоэтноним. Даже если он не существовал до прихода казаков, то все равно он свой, а не пришлый, не русский. Просто на Саяно-Алтае вспомнили, что когда-то, когда они еще входили в Тюркский суперэтнос, владевший всей Северной Азией, многие тюр-

¹ Национальный состав населения России в 2002 г. по данным Всероссийской переписи населения <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

ки себя называли *тадар* \ *татар*. И они стали употреблять старый автоэтноним, чем подчеркивая связь с древними тюрками.

Этнонимия – это тонкая материя, тут важно, к какой этнической общности человек себя относит, кому он это говорит, это самоназвание или это название со стороны. Экзоэтноним могут быть разные, часто не принимаемые самим называемым народом, но автоэтнонимы могут быть только те, что сам называемый народ поддерживает (это закон этнонимии и ономастики). Автоэтнонимы нельзя навязать извне, если случаются такие попытки, они заканчиваются крахом: народ сам себя называть чужим словом долго не будет. Шорский народ терпит, когда его по-русски называют «шорцами», но на своем родном языке он сам себя так себя называть не будет, по-шорски он себя называет «тадар киж», в буквальном переводе – «тадарский человек». Он так себя называет потому, что слово «тадар» – это его родное слово, пришедшее из веков. Безусловно, он так себя называл когда-то, так же называет себя и сейчас.

1.3.4. Экзоэтнонимы шорского народа

Экзоэтнонимов у шорского народа было три: 1) с начала XVII в. до середины того же века – «кузнецы \ кузнецкие (ясашные) люди» (корень этнонима – «кузнецы»); 2) с середины XVII в. до 1925 г. – «кузнецкие татары» или просто и кратко – «татары» (корней два – «кузнец» и «татар»); 3) с 1925 г. по сей день – «шорцы» (корень онима – «шор»).

Начнем ономастический анализ с «шорцев».

Шорцы, Шория

Считается, что автором этнонима «шорцы» является великий тюрколог Василий Радлов. Действительно, оним (название) «шорцы» в качестве наименования всего шорского народа впервые письменно использовал В. Радлов, и это произошло в 1866 году в предисловии к первому тому великого труда – «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзюнгарской степи». Вот это место: «Издаваемая ныне первая часть литературных образцов включает в себе поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черных и лебединских татар, *шорцев* и саянцев» [Радлов 1866, с. XII].

Чуть позже в Германии (Лейпциг, 1884, 1893) на родном немецком языке он публикует книгу «Из Сибири», куда вошли собственные

экспедиционные дневники и историко-этнографический очерк о тюркских народах. На русский язык отрывки из этой книги были переведены и опубликованы в 1887 [Радлов 1887] и 1929 [Радлов 1929] гг., а полностью книга вышла в России лишь в 1989 г. [Радлов 1989]. В этой книге В. В. Радлов окончательно закрепляет за шорцами этноним «шорцы», он, в частности, пишет: «Я объединил татар, живущих по Томи, Мрасе и Кондоме, общим названием “шорцы”, хотя сами они не называют себя так и не ощущают себя единым народом» [Радлов 1989, с. 210].

Для ономастики важно, откуда взялся оним. В. Радлов его не выдумал. Он лишь использовал уже имеющийся (по отношению к шорцам) экзоэтноним, бытующий у телеутов, лебединцев и черневых татар (тубаларов), то есть он использовал то, «как телеуты, так и западные соседи – лебединцы и черневые татары – называют всех их (шорцев – Г. К.) шор-кижи» [Радлов 1989, с. 210]. Таким образом, экзоэтноним от лебединцев, тубаларов и телеутов (кстати сказать, эти народы и сегодня шорцев называют «шор кижы // чор кижы»). В. Радлов предложил сделать этот экзоэтноним таковым и от русских, то есть предложил русским называть шорцев шорцами – точно так же, как это делали телеуты, лебединцы и тубалары. Слово В. Радлова в тюркологии крепко и убедительно, поэтому оним «шорцы» постепенно прижился и дошел до наших дней.

Правда, серьезным оппонентом В. Радлова в вопросе относительно этнонима «шорцы» поначалу выступил другой великий тюрколог – Василий Вербицкий. В своей рецензии на «Образцы...» В. Радлова В. Вербицкий, в частности, заметил: «Деление поднаречий алтайцев представляется нам неправильным, потому что лебединские татары и шорцы суть черневые же инородцы, и как жители Большого и Малого Алтая суть алтайцы же; притом лебединские татары не могут быть представителями языка, так как одним языком говорят с ними и кузенцы, и кондомцы, а еще менее могут стать во главу шорцы, ибо такое предпочтение будет обидно каларцам, изушорцам, кызыльцам, кыйцам, кобийцам, каргинцам, бежбоякцам, барсоятцам и абинцам, говорящим одним языком (выделено курсивом – Г. К.)» [Вербицкий 1893, с. 240–241]. В. Вербицкий, отвергая радловское «шорцы», предлагал своё название для шорцев: «мрасо-кондомцы, или бирюссинцы», и еще – «аладагцы», так как не хотел выделять ни один из шор-

ских родов (чтобы не было обидно другим родам-сеокам) [Вербицкий 1893, с. 240].

Однако со временем В. Вербицкий все-таки склонился к правильности экзоэтнонима, предложенного В. Радловым. Об этом сообщают, в частности, те факты, что под редакцией В. Вербицкого в 1883 г. выходят книги, в названии которых употребляется оним «шорский»: «Священная история на *шорском* (курсив – Г. К.) наречии» (перевод Библии на шорский язык, перевод осуществлен учеником В. Вербицкого – шорским священником Иоанном Штыгашевым) [Священная история 1883], а в 1885 г. – «Шорский букварь». Здесь «шорское наречие» и «Шорский словарь» явно противопоставлялись «алтайскому наречию» и «Алтайскому букварю», что соответствовало отделению (в русском языке) шорцев от общей массы алтайцев.

Правда, мнение В. Вербицкого несколько колебалось, поскольку в 1884 г. выходит его знаменитый словарь, в названии которого шорцы названы не собственно шорцами, а «аладагцами» [Вербицкий 1884]. Однако через год (в 1885 г.) его мнение снова изменилось, о чем красноречиво говорит название вышеупомянутого букваря – «Шорский букварь».

К этому следует добавить, что ученик В. Вербицкого И. Штыгашев в двух своих произведениях отмечал и даже подчеркивал, что он именно – «шорец», лишь в скобках добавляя, что еще он – «алтаец»¹. И. Штыгашев был выходцем из рода *шор*, поэтому он с удовольствием поддержал радловский, а потом и В. Вербицкого общий этноним шорского народа.

Этноним «шорец \\\ шорцы» из рук В. Радлова и пусть не сразу, но всё-таки поддержавшего его В. Вербицкого подхватили сибирские областники и примыкавшие к ним алтайские интеллигенты, среди них природный шорец Сарысет Канзычаков. Именно они в 1917 г. провозгласили Ойрот-Хакасскую республику, которая объединяла все этносы Саяно-Алтая. Когда ничего из этой затеи не вышло при большевиках, когда в 1925 – 1926 гг. для шорцев был образован национальный район с правами округа, то в название района-округа единогласно внедрился радловский (и В. Вербицкого) этноним в форме «Горно-Шорский» район (был и вариант: «Горно-Шорцевский») [Ки-

¹ Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева. Казань, 1885; Путешествие шорца (алтайца) в Киев, Москву и ее окрестности. Казань, 1884.

меев 1989, с. 21–27]. Позже был утвержден перечень народов Советского Союза, куда прочно вошли «шорцы», и стала ставиться соответствующая запись в паспорте в графе «национальность». Это уже факт безоговорочного утверждения в русском языке экзоэтнонима с корнем «шор»: шорец // шорка (шориянка) // шорцы // Шория (Горная Шория).

Итак, оним «шорцы» – экзоэтноним. Однако в 1920–30-е гг., особенно после образования в 1925 – 1926 гг. Горно-Шорского национального района с правами округа, через школу началось внедрение этого онима в качестве самоназвания шорского народа, то есть была сделана попытка превратить экзоэтноним в автоэтноним, сделать его самоназванием шорского народа, чтобы шорцы по-шорски сами про себя стали говорить: «мен шор кижибим» («я – шорец»). Про это мне сообщили родители, когда-то учившиеся в национальной шорской школе, такому самоназванию они учили и меня. До начала 1990-х гг. я, например, спокойно говорил про себя: «мен шор кижибим».

В 1990-е гг. произошло невероятное: в шорском языке почти исчез этноним «шор», люди перестали говорить про себя, мол, «мен шор кижибим».

Будет к месту вспомнить эпизоды из кафедральной экспедиции 1991 года по Горной Шории. Будучи в районе Кабырзы, Чилису-Анзаса и обращаясь к людям по-шорски с вопросом: «Сен шор кижизин ма?» («Ты (Вы) шорец (шориянка)?»), я всегда получал следующий ответ: «Мен тадар кижибим, шорлар Александровка чанда чатчалар», что весьма трудно перевести на русский язык, будет примерно следующее: «Я – тадарин, а шоры живут в стороне Александровки» («Александровка» – название села).

Одним словом, в 1990-е годы шорский народ почти перестал сам себя называть «шор». Правда, в переписи 2002 г. часть шорцев всё-таки связали себя с экзоэтнонимом «шор»¹.

А теперь кстати будет перейти к самому первому экзоэтнониму шорского народа – «кузнецы».

Кузнецы || кузнецкие люди

«Кузнецами» шорцы сами себя, конечно, называть никак не могли, так как данный этноним – слово русского языка. «Кузнецами»

¹ Национальный состав населения России в 2002 г. по данным Всероссийской переписи населения, <http://ru.wikipedia.org/wiki>

шорцев называли казаки (русские), прибывшие в наши края в начале XVII века. Шорцы в это время не знали русского языка и представить себе, конечно, они не могли, что означает слово «кузнецы».

Если быть буквально точным, то казаки-русские в бумагах называли шорцев чаще (как того требует письменный язык) не именно словом «кузнецы», а словосочетанием «кузнецкие люди» или иногда с уточнением – «кузнецкие яшашные люди» (противопоставлялось сочетанию – «кузнецкие служилые люди»).

Всё это происходило потому, что слово «кузнецы» в качестве этнонима – слово крайне неудобное, ибо обозначает людей по профессии, а не по этнической принадлежности. И чтобы избежать ненужной путаницы, этноним быстро (прежде всего, в письменной речи) приобрёл форму «кузнецкие люди». Слово «кузнецкие» в данном словосочетании создавало значение: «занимающиеся кузнечным делом», но вскоре приобрело и второе значение (ставшее со временем главным): «относящиеся к городу Кузнецку». Поэтому, чтоб отличить шорцев от казаков-жителей Кузнецка, потребовалось уточнение: «кузнецкие яшашные люди», а русских называли тогда – «кузнецкие служивые люди» (в Кузнецке тогда были только служивые люди). Но если соблюсти смысловую правду, которая выявляется из контекста исторических документов [Бутанаев 1995, с. 34–35; Миллер 1937, с. 434], то под словом «кузнецы» (и синонимичным сочетанием «кузнецкие люди») подразумевались именно шорцы как отдельный народ-этнос, следовательно, слово «кузнецы» было этнонимом, точнее, экзотнонимом (исходящим от русских).

Почему же казаки использовали своё русское слово для того, чтобы обозначить другой народ – шорцев? Разве не было у шорцев своего названия, которым могли бы пользоваться русские?

Много было объяснений этого факта, если их обобщить, то получается следующее: русские, мол, именовали шорцев, которые занимались кузнечным делом, кузнецами – из уважения к их редкому (если смотреть по кочевой и дикой Сибири) ремеслу, отсюда и название города *Кузнецк* [Коцюба 1983, с. 18; Яворский 1973, с. 17].

Но в этих объяснениях нет главного: объяснения, почему русские называли шорцев не «абинцами» (как в то время шорцы сами себя, как нам кажется, называли), а «кузнецами»? Ведь те же русские в то же время телеутов называли телеутами (как они в то время сами себя называли), а бурятов – братами (искаженное «бурят»). Это ведь не-

обычно, когда вместо этнонима используется слово своего языка. Это необычно даже в том случае, если казаки сильно, мол, поразились, были крайне, мол, удивлены тем фактом, что шорцы занимаются кузнечным делом (ремеслом, требующим известных интеллектуальных усилий).

Объяснение сему факту может быть лишь одно: кто-то казакам перевёл слово (этноним) «абинцы» (точнее – «абалар») как – «кузнецы». Поэтому казаки и стали пользоваться не собственно этнонимом, не оригиналом, а его переводом. Такое объяснение вполне допустимо и возможно.

Случаи использования в сфере названий перевода вместо оригинала известны. Например, реку Куу-суғ, протекающую по ту (южную) сторону Бийской гривы, русские ныне называют переводом – река Лебедь, а челканцев, называющих себя «куу кижии», тоже называли переводом – «лебединцы». А многочисленные «Карасу», которые стали «Чёрными речками»?

Известно, что впервые о шорцах казаки слышали от еуштинцев и их князя Тояна. На земле еуштинцев по просьбе князя Тояна, как известно, казаки возвели в 1604 г. Томский острог, ставший потом городом Томском. И вскоре устремились вверх по Томи, туда, где жили кузнецы-абалар (абинцы). Именно еуштинцы могли перевести казакам оним «абалар» как «кузнецы», поскольку еуштинцы – тюркский народ. Для такого их перевода есть основания.

Слово в озвонченных и глухих огласовках «ап // апы // аб // абы» в некоторых тюркских языках на Алтае означает «духа-хозяина кузнечного дела». Об этом есть у Л. Потапова в «Алтайском шаманизме» [Потапов 1991, с. 78]. Само имя духа-хозяина было, конечно, тайной, твёрдо хранимой тёлями-семьями кузнецов, однако, поскольку наименование духа-хозяина было тюркским (точнее, саяно-алтайско-тюркским), оно корнями слов связывалось с апеллятивами (словами общей лексики) тюркских языков Саяно-Алтая. Скажем, зафиксирован близкий апеллятив в хакасском языке: «ап \\ аптағ» – «чары, чародейство, колдовство; гипноз» [Бутанаев 1999, с. 24; Хакасско-русский словарь 2006, с. 68]. В шорском языке есть слово с корнем «ап»: «аппыяк» – «волшебник, чародей; кузнец» [Чульжанов, Судочаков, Косточаков 1992].

И действительно, согласно традиционной вере на Алтае, у каждого важного дела был свой дух-хозяин. Он был у кая (исполнительства

горловым пением героических сказаний), он был у камов (шаманов, шаманского дела), и он, безусловно, был у кузнецов, так как кузнечное дело считалось священным занятием. Только вот имя духа-хозяина кузнечного дела малоизвестно, оно не было общедоступным. Его имя, как мы реконструировали, было: *Ан* || *Аб* || *Аба*. И народно-этимологически (по звуковому сходству) отождествлялось со словом общей лексики «аба» («отец»). Вместе с тем в языке произошел метонимический перенос: слово *Аба* стало означать не только духа-хозяина кузнечного дела, но и мастера-кузнеца, которому покровительствует дух-хозяин Аба, и племя мастеров-кузнецов.

Следовательно, этноним *Аба*, хотя он ничего общего не имеет с именем духа-хозяина *Ан* || *Аба*, тем не менее, скоро, как мы отметили выше, на основе народной этимологии стал сближаться с именем духа-хозяина. И в результате этого народноэтимологического процесса этноним *Аба* со временем стал синонимом *Аба*, а *Абалар* («лар» – аффикс множественного числа) стал переводиться как «кузнецы», по-тюркски (по-шорски) – «(тебир) устар // узанчылар». Такое происходит часто, так как народноэтимологическое сближение – это спонтанный естественный процесс, происходящий в языке между словами общей лексики (апеллятивами) и названиями (онимами). Так вот, далёкие (пространственно) от шорцев еуштинцы и стали понимать два этих слова как полные синонимы: «абалар» = «устар || узанчылар», тем более здесь был мотив, ведь абалар (абинцы) издревле действительно занимались кузнечным делом.

Вот такой мотивировкой обозначился переход в русском языке (при посредстве еуштинцев) этнонима (внутреннего и внешнего) «абалар» во внешний этноним «кузнецы» || «кузнецкие люди».

Русскоязычный экзоэтноним «кузнецы» прижился, со временем стал так популярен в нашем регионе, что породил целый ряд других онимов: «кузнецы» ⇒ «Кузнецкая Земля || Земля Кузнецкая» (земля «кузнецов», место проживания «кузнецов»). Первоначально слово «кузнецы» метонимически даже переносилось и на землю «кузнецов»: вспомните Указ царя: «построить острог в Кузнецках») ⇒ «Кузнецкий острог» (острог на земле «кузнецов») ⇒ «Кузнецк» (город на земле «кузнецов»). Позднее, когда был построен город Кузнецк и особенно когда он стал уездным городом, произошла перемотировка онимов: «Земля Кузнецкая» стало означать: «земля Кузнецкого уез-

да», «Кузнецкие волости» – «волости, приписанные к Кузнецку, к уезду» и т. п.

Кузнецкие татары

И примерно во второй половине XVII века внешний этноним «кузнецы» || «кузнецкие люди» приобрёл внешне этнонимический вид: «кузнецкие татары», потому что слово «татары» – это, конечно, безусловный этноним.

Принято считать, что «татары» в словосочетании «кузнецкие татары» появились от русских. Сложилась определённая традиция ответа на этот вопрос: этот этноним принесли с собой в Сибирь русские. Вот и историк-этнограф В. Бутанаев повторяет этот старый миф, истинность которого под большим сомнением: «В царской России хакасы, как и ряд других тюркских народов, именовались татарами. Даже в научной литературе хакасов называли минусинскими, ачинскими, абаканскими татарами. Двухвековое управление русской администрации содействовало закреплению слова “татар” (в форме “тадар”) в сознании народа» [Бутанаев 1995, с. 5].

Но так ли это на самом деле?

При этом В. Я. Бутанаев забывает, что внедрение типически такого же искусственного этнонима «хакас» на его глазах потерпело фиаско в хакасском языке, а сей факт говорит о том, что в этнонимии народ не терпит никакого диктата со стороны. Уточню, народ не терпит диктата в области именно самоназвания, а не названия со стороны. Скажем, шорцы спокойно относятся к тому, что их по-русски называют шорцами, но не хотят называть себя шорцами по-шорски (то есть говорить про себя – «мен шор кижибим»). То же можно сказать и о хакасах, опираясь на мнение В. Бутанаева: они по-русски называют себя хакасами, а по-хакасски называть себя хакасами категорически не хотят. 70 лет терпели диктат в самоназвании, а потом перестали терпеть.

Если оним «тадар» пришел от русских, то есть извне, со стороны, то значит он такой же искусственный экзоэтноним, как и экзоэтнонимы «шорец» и «хакас». Тогда почему же народ добровольно берёт себе чужой этноним в качестве своего самоназвания?

Либо народы Саяно-Алтая поступают странно и вопреки здравому смыслу присвоили себе чужой (взятый от русских) оним «тадар» в качестве самоназвания, либо оним «тадар» не пришёл от русских, а издревле существовал на Саяно-Алтае. Я склоняюсь ко второму

«или». Мне кажется верной мысль, что к ониму «кузнецкий» русские стали прибавлять «татарин» потому, что именно сами шорцы называли себя «тадар». Ведь этноним «татары» и в русском языке появился не случайно, он шёл от самоназвания-автоэтнонима жителей Золотой Орды. Так себя называли многие жители Золотой Орды, поэтому русские взяли автоэтноним золотоордынцев и превратили его в экзоэтноним, то есть стали их называть «татары».

То есть оним «татары» появился от самоназвания, так себя называли многие тюрки Монгольской империи. В то время (во время Монгольской империи) такое же самоназвание могло быть и у тюрков Саяно-Алтая, в том числе у шорцев. При этом оним местами «татары» сменил бывший прежде автоэтноним «тюрки». Подчёркиваю, речь идет об общем этнониме, то есть о причастности к большому (тюркскому) этносу (в терминах Л. Н. Гумилева – «суперэтносу»), и вместе с тем тюрки не забывали более частные этнические образования – род-*сеок*, племя-*чон*, *калык*. Рода и племена тоже имели названия и существовали в виде эндоэтнонимов и экзоэтнонимов. То есть существует общая этнонимия (экзо-эндоэтнонимия) и частная этнонимия (эндо-экзоэтнонимия).

Как народы Саяно-Алтая называют шорцев

Экзоэтнонимы по отношению к шорцам есть не только от русских, но и от других народов: 1) от телеутов, кумандинцев, тубаларов – «чор кижии» (корень онима – «чор»); 2) от алтайцев – «аба кижии» (корень онима – «аба»); 3) от хакасов – «чыстан кизи || чыстанак || чыс кизи» (корень онима – «чыс»).

Кстати сказать, есть экзоэтнонимы и от шорцев по отношению к соседним народам, они следующие: телеуты – «пачат кижии», алтайцы – «теленеттар» || «алтай кижии», хакасы – «сагай кижии», кумандинцы – «куванды кижии», челканцы – «шалканы кижии», тубалары – «туба кижии».

Следует заметить, что экзоэтнонимы часто совпадают с названиями крупнейших родов-сеоков вышеназываемых саяно-алтайских этносов. Исключение составляют оттопонимные экзоэтнонимы «алтай кижии», «чыс кижии», образованный от названия ландшафта (горно-таёжного).

Таким образом, у шорского народа выявлено три экзоэтнонима, один из которых – «(кузнецкий) татарин» – имеет прямое отношение

к автоэтнониму шорцев: шорцы и сегодня называют себя «тадар кижжи». А вообще автоэтнонимов было, вероятно, два: выше упомянутый «тадар кижжи» («тадарлар») и уже забытый «аба кижжи» («абалар»). Это исключая географические и родовые автоэтнонимы, которые являются частными этнонимами, а не общими, и не могут служить названиями всего народа.

1.4. Шорская топонимия

1.4.1. Кетский компонент в топонимии

За последние 150 лет от Василия Радлова и Василия Вербицкого до наших дней проведена довольно серьезная исследовательская работа, в результате которой мы уже в какой-то степени можем ответить на ключевой вопрос, поставленный когда-то в названии известной книги Валерия Кимеева – «Шорцы. Кто они?» [Кимеев 1989].

Мы можем в шорском этносе, в частности, выделить кетский компонент. В. Кимеев, обобщая результаты многолетнего поиска разными исследователями кетского компонента, к таковым относит: 1) топонимику в бассейне Мрассу и Томи; 2) некоторые приемы охоты и охотничье снаряжение; 3) широкое распространение кузнечного дела; 4) формы бубнов; 5) обычай захоронения детей на деревьях и пнях; 6) элементы культа медведя; 7) почитание березы; 8) ряд лексических особенностей шорского языка [Кимеев 1989, с. 38]. Кроме собственно шорской культуры, кетский компонент есть и в антропологии шорцев [Кимеев 1989, с. 30–31].

Да, кетский компонент в шорском этносе и Шории выявлен, но мы до сих пор не можем сказать твёрдо, где (в районах каких рек) к приходу прашорцев-тюрков действительно проживали прашорцы-кеты, именно кеты? И второе, пожалуй, самое главное: как (на кетском языке) называлось то кетское племя, которое волей судьбы оказалось в пределах нынешней территории шорского этноса и стало одним из родителей шорцев? Оно было одно или племен было несколько?

На эти вопросы можно ответить, если умело основываться на данных ономастики, конкретно – гидронимии (названий рек) и этнонимии (названий родов). Благо для этого есть возможности и основания: кетский язык (языки), на котором говорили когда-то прашорцы-кеты, смог дожить до наших дней. Остатки некогда многочисленных

кетов Саяно-Алтая сохранились в низовьях Енисея и могут нам сегодня озвучить тот язык, на котором когда-то были названы многие наши реки, например, *Мрассу, Пызас, Кобырза, Анзас, Амзас, Базас, Майзас, Кийзас, Кийзак* и т. п.

И столь ценный кетский язык (два диалекта и множество говоров всего на 1513 человек кетов: в Интернете в Википедии есть результаты переписи 2002 г., согласно им кетов, назвавших себя *денг, кето, остяками* с языком кетским, 1494 чел., назвавших себя *юги (юген)*, 19 человек, – всего 1513 человек) описан и изучен усилиями профессора Андрея Дульзона и его школы (осн. работа: [Дульзон 1968]). Плюс к тому Андрей Дульзон сам частью исследовал гидронимику Шории, а результатами своей работы подтвердил старинную мысль Василия Радлова о том, что «шорцы – потомки енисейско-остяцких племен» [Радлов 1994, с. 42]. Описанный и изученный кетский язык поможет нам и исследованию шорской этнонимии.

Границы территории расселения кетов в Шории подсказаны данными гидронимии. Есть закон в ономастике, согласно которому аборигенная гидронимия сохраняется лишь в том случае, если аборигены на берегах реки остаются и составляют какую-то часть населения наряду с пришельцами, при этом не обязательно большинство или даже половину населения.

Бассейн Мрассу весь изобилует гидронимами кетского происхождения. Сам оним *Мрассу (Мырас // Пырас)* – кетский по языку. И главные его притоки тоже когда-то были названы кетами: *Пызас, Кобырза (Кобурсуг), Большая и Малая Суета, Умзас*. Исключение составляет лишь название крупного притока *Ортон*, да небольших притоков *Сыбыргы, Заслонка, Хомутовка, Парлагол* и т. п.

Из всего этого мы делаем вывод, что бассейн Мрассу – это основная кетская территория на территории Шории. Основная и в том смысле, что на Мрассу издревле проживали одни кеты, и в том, что и в древнетюркский период они там представляли большинство, иначе бы не сохранились в таком множестве их гидронимы во всем бассейне Мрассу.

На Кондоме кетским можно считать лишь два «клинышка»: в долинах Мундыбаша, где притоками являются реки *Амзас (Анзас), Анзас, Азас*, и два *Каза* (один кондомский, другой мундыбашский), *Таз*, а также в верховьях реки, где притоками являются *Базас, Сайзак, Тузас* и др. Вывод: Кондома – не кетская территория, там они прожива-

ли лишь местами: немного в долине Мундыбаша и немного в верховьях. Но эти кетские анклавы на Кондоме существовали, вероятно, с древних времен, потому что не замечены там дуплетные онимы.

На Томи (верховье до Новокузнецка) – кетские по происхождению почти все правые притоки (*Кунзас, Амзас, Бельсу, Назас, Уса, Тутуяс*), левые притоки тоже почти все до устья Мрассу (*Изас, Назас, Калтас, Майзас, Кийзак, Мрассу*). Исключение составляют – *Шора, Теба, Казыр, Лужба*. Из чего мы делаем вывод: верхняя Томь – еще одна основная кетская территория в Шории. Но верхняя Томь оказалась (в отличие от Мрассу) уязвима и с западной стороны (Абинская лесостепь) и с восточной стороны (Сагайская степь, куда по Томи издревле шёл пеше-конный путь). Поэтому на Томи с древнейших времен кеты жили вместе с племенами иного происхождения, в связи с чем существовали дуплетные онимы (гидронимы и ойконимы). Чего стоит один дуплетный гидроним *Мрассу // Том(а)зак // Мыскы (Мыска)* (это разные по происхождению названия одной и той же реки – Мрассу [Косточаков 1999, с. 149–154]), отметим также ойконимы: *Сыркаш // Орбунг, Чульжан // Ореги-аал, Шанагол // Улус, Чубашкы // Устюngu-аал, Сыбыргы // Алтыngы-аал* и т. д.

Итак, судя по топонимике, кетскими получаются весь бассейн Мрассу и почти всё верховье Томи. Следовательно, это и есть исконно кетская территория, место, где испокон веков проживали пращорцы-кеты – Мрассу и Томь.

Ниже Новокузнецка Томь тоже изобилует кетскими гидронимами (три *Терси, Азас, Амзас* и др.), там тоже частично территория Шории, потому что там были шорские охотничьи угодья (по Усе и в верховьях Нижней и Средней Терси).

Данные же этнонимии говорят с такой поправкой, что исконно кетские родо-племенные названия могли сохраниться только на Мрассу, а на Томи они были с неизбежностью «размыты» миграциями иных племен древнетюркского времени. Поэтому родо-племенное название кетских предков шорского народа (кетские этнонимы) мы можем отыскать только на Мрассу.

Как называлось племя пращорцев-кетов?

В долину верхней Томи до современных Мысков тюркюты-теле продвинуться могли – в долине привычный для них лесостепной ландшафт. Они могли проникнуть и в лесостепные низовья Кондомы. Но в горнотаежные долины Мрассу, Кондомы и на Томь выше совре-

менных Мысков, особенно выше Мрасских порогов, им было проникнуть затруднительно. И тем не менее они там были, иначе жители горной тайги не смогли бы стать тюрками по языку и культуре.

Тот факт, что тюркский (шорский) язык неоднороден, говорит в пользу того, что в горную тайгу Шории проникали с разных сторон и разные группы тюрков. На Кондому, скажем, проникали тюркюты-теле, принесся сюда так называемый кондомский диалект шорского языка, на Мрассу проникали кыргызы, принесся сюда тюркский язык кыргызского типа, ныне называемый мрасским диалектом шорского языка.

В долины средней и верхней Кондомы тюркюты-теле безусловно проникали как со стороны низовьев этой реки, так и через «Спасский коридор» (проход на Алтайскую степь через Спасск), но их было не так много и это было не так быстро.

На Мрассу проникали, безусловно, кыргызы Абакана и Йюса из-за восточной стороны Абаканского хребта.

Как известно, через Спасский коридор проходил «улуг чол» – древнейший путь из Алтайской степи в Сагайскую и Йюсскую степи. От района Спасска далее на восток он шел через небольшой перевал Шорского хребта, долину реки Кичи, через Мрассу района Усть-Пызаса и Усть-Кобырзы, долину реки Кобырзы, а далее через Абаканский хребет с выходом на долины Таштыпа или Матура. Ныне по части этого пути проложена дорога из Таштагола до Кобырзы.

По этому пути в 1861 г. прошел Василий Радлов: от Кобырзы на Алтайскую степь через Спасск и территорию нынешнего Таштагола [Радлов 1994, с. 32–43]. В 70-е гг. того же века по этому же пути прошел Иван Штыгашев, он шел от Матура до территории нынешнего Таштагола [Штыгашев 1885, с. 7–24].

Такой же древнейший путь из Сагаев на Алтай (на Центральный Алтай) пролегал и по долине Томи (ныне примерно по этому пути пролегает железная дорога Новокузнецк – Абакан). По этим путям шорцы в голодные годы отправлялись спасаться ближе к степям.

Наличие таких путей говорит в пользу того, что проникновение в горную тайгу было возможным как со стороны Алтайской степи, так и со стороны Сагайской и Йюсской степей.

Во всяком случае проникновение тюркютов-теле и кыргызов скорее всего было, но массовым его назвать нельзя. Для ономастики это значит одно: в горной тайге должна была сохраниться дотюркская

этнонимия (конечно, наряду с приходом собственно тюркской этнонимии). При этом дотюркская этнонимия не могла не исказиться фонетически (лингвистически адаптироваться) новым тюркским языком (двумя вариантами тюркского языка: тюркютско-телеским и кыргызским).

Наиболее реально, что кетская этнонимия, как мы отметили выше, сохранилась только на Мрассу.

Выделим два момента в этнонимических процессах на Мрассу: 1) дотюркская этнонимия могла сохраниться в названиях шорских родов; 2) сохранившиеся дотюркские этнонимы фонетически исказились (то есть адаптировались новым тюркским языком).

Нас интересует не вся дотюркская этнонимия в Шории, а лишь кетская (этнонимия кетского происхождения).

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что все шорские этнонимы на Мрассу – кетские по происхождению. Речь идет об этнонимах: *Кобый*, *Кызай*, *Кый*, *Кечин*, *Карга*. В среднем течении: *Карга*, *Кызай*, *Кобый*, в верхнем течении – *Кый* и *Кечин*.

Все они восходят к одному древнему кетскому этнониму, существовавшему, правда, в нескольких фонетических вариантах, – *Кыйо* // *Койо* // *Коб* (*Кыб*). То есть источником пяти мрасских этнонимов является один кетский этноним, звучащий в нескольких вариантах.

В этом нет ничего особенного, вспомните тюркский по происхождению шорский этноним, который тоже звучал вариативно то как *Челей*, то как *Йелей*, то как *Телей*. В пределах, скажем, шорского этноса это не разные этнонимы, а лишь фонетические варианты одного и того же этнонима, ныне известного как *Челей* [Косточаков 1998, с. 42–47]. Примерно так же было и у кетов: у них один и тот же этноним звучал то как *Кыйо*, то как *Койо*, то как *Коб* / *Кыб*.

Почти полно сохранил древнее звучание шорский этноним *Кый*, потеряв лишь конечный звук [о], и изменив структуру звука [к]. Так же полно сохранил древнее звучание шорский этноним *Кобый*, который к корню *-коб-* добавил лишь аффикс *-ый-* – старый звательный аффикс.

Искаженно сохранили древнее звучание *Кызай* и *Кечин*.

Кызай получился из *Кыйо*, видоизменившегося в *Кыйай*. По закону тюркского языка [о] (звук лабиальный) не может соседствовать с [ы] (звуком непереднего ряда), поэтому изменение [о] в [а] (в звук непереднего ряда) – процесс закономерный, то есть *Кыйо* стал *Кыйа*,

и добавился к нему аффикс старого звательного падежа – здесь -й- – в качестве ономастического термина (сообщающего, что речь идет не о слове общей лексики, а об ониме, названии). К этому добавился еще закон чередования в инлауте (середине онима) звуков [й] и звуков [з] (й // з). Закон такого чередования действует в тюркских языках кыпчакского типа ([й]) и языках уйгуро-огузского типа ([з]), вспомните: *койан* // *козан* (заяц). Закону такого чередования было подвержено любое слов, в том числе оним. Мрасский диалект района Мрассу – диалект уйгуро-огузского типа. В результате фонетических метаморфоз *Кыйо* превратился в *Кызай*.

Кечин – это искаженная огласовка, правильнее было бы *Кичин*. Этот малочисленный род, по Л. Потапову, сформировался в долинах р. Кичи (*Кычы* // *Кыджы*) близ его родовой горы Тенгри-тау [Потапов 1936, с. 134]. Выделим здесь, что оним звучал как *Кычы* // *Кыджы* // *Кичи* // *Кичин* // *Кечин*. Эти звучания – результат фонетических изменений внутри тюркского (шорского) языка, мотивированных следующими факторами:

1. Попытка этимологизировать незнакомое слово, которое звучит знакомо, похоже на слова родного языка (процесс называется народной этимологией): речь идет о форме «кичи», которое похоже на тюркское слов «кичиг»= «маленький, младший».

2. Добавка -н- – ономастического аффикса, сообщающего, что речь идет не о слове общей лексики, а об ониме, названии.

3. Чередование в середине названия [ч] и [й]. Это редкое чередование, существующее в огузском ([й]) и кыпчакском ([ч]) типах тюркского языка, ср. *Кучук* // *Куйук*. Иначе говоря, *Кечин* (*Кичин*, *Кычы*, *Киджи*) – это тюркское (кыпчакское) искажение кетского этнонима *Кыйо*. Кыпчаки-тюрки проникали в верховья Мрассу, о чем говорит существование там тюркского-кыпчакского этнонима *Узют* (часть этнонима *Узют-Шор*) [Косточаков 1998, с. 55–60].

Карга – это изначально сложный этноним, исторически он состоял из части *Кара* и части *Койо*, вместе – Кар(а)койо= Каргай=Карга. Здесь происходили следующие фонетические процессы: 1) «кара» в слове с многими гласными стянулся до «кар»; 2) [к] в интервокальной позиции в середине онима, как это положено в шорском языке, озвончился до [г]; 3) [о] по законам гармонии превратился в [а], а конечный [о] сократился вовсе; в целом получилось: *Каргай*; 4) теперь полученное слово «Каргай» по закону народной этимологии превра-

тился в близкое по звучанию слово «Карга» (потеряв конечный [й]), в результате чего возникла ложная этимология, что, мол, название рода «Карга» от слова со значением «ворона».

Карга – это соединение самодийского по происхождению онима *Кара* с кетским по происхождению онимом *Кыйо* *Койо*, а соединение происходило в долине Мрассу (куда пришли кондомские *Кара*), где и ныне проживают потомки этого рода.

Итак, названия шорских родов *Кый*, *Кызай*, *Кечин*, *Кобый* и *Карга* восходят к названию одного кетского племени *Кыйо-Койо-Коб-Кыйб*. Что это было за кетское племя?

Данные топонимики говорят, что по Мрассу и Томи жили так называемые енисейские кеты, или енисейские остяки, говорившие на «е» диалекте – кеты экающей группы, чьей характерной особенностью был гидронимический термин «сес» (ставший потом – *зас* // *зес*) (у икающих кетов термин «сис»; у аринов – «сат», у ассанов и коттов – «шет», у пумпоколов – «тат») [Дульзон 1963, с. 40]. Следовательно, на Мрассу проживали енисейские кеты-енисейские остяки, кеты экающей группы. Вот они кто были прашорцы-кеты.

Исследования Андрея Дульзона и его учеников раскрыли нам значение названия этого племени: слово «кыйо // койо // коб // кыйб» означает – «медведь». В современном кетском языке, в его имбатском диалекте, наличествуют формы: «кой» – по реке Курейка, «койо / койе» – по реке Сургутиха [Дульзон 1968, с. 46], в XVIII веке зафиксированы формы у кетов Имбата (имбатский диалект) – «хойа», у енисейских остяков – «кыйа, койя // хыйа, хойя» [Дульзон 1961, с. 172]. Обращаем внимание, что у енисейских остяков (кетов) – «кыйа // койя».

В сымском диалекте современного кетского диалекта медведь – «кып» (вместо «кый»). Налицо чередование в ауслауте (конце слова) звуков [й] // [п], внутрикетское чередование, свойственное даже внутри одного говора кетского языка – курейского [Дульзон 1968, с. 34, 46, 57, 74].

Итак, кетское племя Медведя. Медведь, конечно же, – тотем рода.

Становится понятным, почему именно на Мрассу были популярны легенды о женитьбе медведя на женщине – это остатки старинных кетских тотемических мифов, переосмысленные новым языком (тюркским-шорским) и новым временем [Дыренкова 1940, с. 277–281,

406–408]. С тотемическими поверьями связаны и медвежий праздник, и обряд «просьбы прощения» у убитого медведя [Дыренкова 1940, с. 341–342, 440].

Становится понятным и то, почему мрасцы в XVIII веке соединились с бирюсинцами, отчего некоторые ученые и мрасцев стали называть бирюсинцами. Общим между ними было и единство происхождения – от кетов (енисейских кетов экающей группы), и, самое главное, бирюсинцы составляли то же кетское племя Медведя. Последнее приходит на ум потому, что бирюсинцы, переселившиеся с реки Бирюса, в начале XIX в. составили Кийский административный род Минусинского округа. И еще один момент: шорский *Кызай* отождествляется с сагайским (хакасским) *Кызыл-гая*. Между ним нет тождества, но есть близость, оно в том, что оба этнонима – фонетические изменения исходного онима *Кыйо* // *Койо*: Кыйы+л=Кызыл+л и Кайа=Кызыл-гая (двойное изменение одного этнонима), закон народной этимологии заставил к *Кыйы*, превратившегося в *Кызы*, добавить [л] (появилось значение «красный»), *Кайа* по тому же закону понять как «скала, гора». В результате народной этимологии появилась искусственная легенда о «красной скале», хотя ларчик открывался просто: соединялись родственники (мрасцы и бирюсинцы), потерявшие свой родной язык, имевшие искаженные (тюркским языком) названия своих родов, но помнившие свое родство и тянущиеся друг к другу. Соединялись они в пределах исконной своей территории – таежной зоны Мрассу и Абакана.

Хотелось бы отметить и моменты соединения гидронимии и этнонимии. По всей видимости, у кетов племени Медведя существовали законы называния своих рек.

Вот один из законов: река, на берегах которой проживает глава племени, назывались по имени всего племени. Глав кетского племени Медведя (из-за протяженности территории племени и особенностей ландшафта) было несколько. Можно с большой мерой уверенности сказать, что глава племени был у «медведей» нижней Мрассу, и свой глава был у «медведей» верхней Мрассу. Глава нижнемрасских «медведей» проживал на берегах реки *Кыйзак* (русское искажение – *Кийзак*). Это территория нынешнего города Мыски, речка Кыйзак, протекающая через город. Глава верхнемрасских «медведей» проживал на берегах реки *Кыйзас* (русское искажение – *Кийзас*), на одном из притоков верхней Мрассу. Ныне там никто не живет, однако еще в XIX в.

там располагалась ставка шорского рода *Кый*. Особыми полномочиями (в силу языковых причин, еще каких-то), видимо, обладал еще один глава племени, который руководил частью племени, что обозначается этнонимом *Коб // Кыб*. Этот особый глава проживал на своей реке племени Медведя, которая по-кетски звучала *Коб-ур* (река «медведей»). Это нынешний поселок *Кабырза*.

Итак, можно уверенно утверждать, что у «медведей» было несколько вождей, которые проживали в низовьях Мрассу (район нынешних Мысков) и верховье Мрассу – нынешняя Кабырза и Кыйзас, где ныне никто не живет.

Но «медведи» жили не только в Кыйзасах-Кыйзаках-Кобурах. Были еще места поселений, который по законам кетского именаречения обозначались как «мать-река // материнская река // родная река» (мать, родина – «ам»). Речь идет о реках, которые мы сегодня знаем как *Анзасы* и *Амзасы* (разнозвучания возникли из-за неустойчивости в шорском языке звуков [н] и [м] внутри и в конце слов). И сегодня на реках с названиями Анзас или Амзас находятся своего рода центры таежной жизни. Это *Усть-Анзас*, *Чилису-Анзас*, *Амзас* на Мундыбаше (нынешний Алгаин). Недавно затихли и опустели *Амзас* на Томи (возле станции Лужба), *Амзас* на Большой Суете, *Анзас* на Кобырзе.

И еще те же «медведи» особо обозначали реки, протекающие по их кедровникам (кедр – «пай»). Такие реки ныне имеют названия (искаженное звучание): *Базас*, *Пызас*, *Мрас*, *Майзас*.

Исследования в области ономастики (топонимики и этнонимики) позволяют нас прийти к выводу, что весь бассейн Мрассу и верховье Томи – это территория, на которой до образования шорского народа проживали «родители» шорского народа – енисейские кеты. Если долина Томи стала своего рода коридором, по которому прошли и проходили, кроме кетов, и другие народы-этноты, то бассейн Мрассу (выше верховьев и без района Кабырзы) представлял собой относительно замкнутое пространство, где проживали одни кеты. Из-за относительной изолированности на Мрассу сохранилась одна кетская гидронимия. И жило там относительно целостное кетское племя Медведя. Однако туда проникли тюрки, и это разрушилось устойчивый прежде мир. Некогда бывшее единым кетское племя Медведя в процессе шорского этногенеза (образования шорского народа) потеряло целостность и разбилось на несколько шорских родов-сеоков. Но по логике этнонимики названия вновь образованных родов проис-

ходили из старых названий (в нашем случае – много названий из одного старого названия), лишь немного адаптированные новым языком и культурой, новой этнической общностью (то, что *Кый*, *Кызай*, *Кечин*, *Кобый* и *Карга* восходят к кетскому *Кыйо/Койо/Коб/Кыб*). Кетское название племени переводилось как племя Медведя и было названием тотема племени.

Посредством анализа новой тюркской (шорской) этнонимии с привлечением сведений о кетском языке, который сохранился до наших дней на Енисее, мы реконструировали древний кетский этноним. Реконструировали и законы номинации (имянаречения) некоторых гидронимов (названия *Кыйзак/Кыйзас/Амзас/Анзас*, а также *Базас/Пызас/Пырас/Майзас*).

1.4.2. Река Мрассу. Опыт ономастического анализа

1.4.2.1. Характеристика реки

Река Мрассу – одна из крупнейших и красивейших рек Шории, левый приток Томи. Длина реки 338 км. Площадь водосбора 8840 км². Крупные притоки: Пызас (длина 88 км), Кобырза (74 км), Ортон (76 км), Большой Унзас (105 км). Всего чуть более 30 притоков. Всё своё пространство река протекает по горнотаёжной местности.

Принято, что река начинается от слияния двух своих истоков: Акмрас (левый исток, начинающийся со склонов хребта Поскай, который связует хребет Бийская грива с Абаканским хребтом) и Сумрас (правый исток, начинающийся со склонов Абаканского хребта).

Протекает река через нагорье, образовавшееся между Шорским и Абаканским хребтами, в среднем своём течении река вплотную примыкает к Шорскому хребту (с хребтом Каратаг) и вскоре вообще пересекает вышеназванный хребет, образовав в месте пересечения (пробивания себе дороги через хребет) известные Мрасские пороги (по-шорски Убу, по-русски Хомутовские пороги), протянувшиеся более 6 км.

Долины реки представляют собой относительно замкнутое, отделённое от остального мира пространство, то есть долина Мрассу замкнута и издревле малодоступна, какой-то отдельный мир.

Река закрыта со всех четырех сторон: с запада она закрыта Шорским хребтом (средняя высота – 800 – 900 м, высшая точка – г. Мустаг, 1570 м), с востока – Абаканским хребтом (средняя высота

– 1 км, высшая точка – г. Большая Куль-Тайга, 1886 м), с юга – Бийской гривой (средняя высота – 900 м, высшая точка – г. Кобез, 1555 м), с севера – порогами Убу и тем же Шорским хребтом (близ порогов точка хребта – г. Огудун, 1320 м).

К этому следует добавить, что ландшафт вокруг реки – горнотаёжный, который сам по себе является труднопроходимым, малодоступным, полян и лугов ничтожно мало, лишь отдельные вершины окрестных гор представляют собой гольцы, иногда встречаются красивейшие альпийские луга.

Но устье у реки – доступно. В этом месте река выходит в широкую томскую долину, откуда собственно и начинается Томская лесостепь, в литературе называемая Кузнецкой котловиной или Кузнецкой лесостепью.

У истоков реки расположен пос. Мрассу, в среднем течении – пос. *Усть-Кобырза* (*Кабырза*), *Усть-Азас* (*Шор-Тайга*), *Чазы-Бук*, *Усть-Анзас*, в нижнем течении – *Тоз*, *Чувашка*, *Казасс*, *Усть-Мрасс*, в устье реки расположен город *Мыски* // *Том(а)зак*. *Мыски* // *Том(а)зак* испокон века был улусом, то есть объединённой группой селений-аалов (селения *Прас-Пельтири* (*Усть-Мрасс*), *Кызыл Чар* (*Красный Яр*), *Тетенза*, *Ак-Коль*, *Паратаг* (*Бородино*), *Нижний Рюм*, *Карчыт*, *Казасс*, *Кёльдегал* (*Курья*), *Чобаишкы* (*Чувашка*) и др.). Но, правда, в 1734 г. Г. Миллер обозначил в устье Мрассу не *Мыски* // *Том(а)зак*, а *Богоракову волость* [Миллер 2003, с. 76]. Но это ничего не меняет, *Мыски* // *Том(а)зак* и тогда уже, видимо, были, поскольку *Богоракова* – это этноним (название рода-сеока), а не топоним (в нашем случае – не название улуса).

Река отличается малым (даже для горнотаёжной местности) количеством населённых пунктов, малолюдностью (исключение составляет, как мы видим выше, лишь район устья реки).

В устье реки, как мы отметили выше, располагается древнейшая шорская группа поселений, по-шорски называемая двояко: *Мыскы* // *Том(а)зак*. Пограничный лесостепной ландшафт немного поднимается по реке – до селения Чувашка, далее переходит в привычный горнотаёжный ландшафт, правда, ещё некоторое пространство – до селения Тоз (Верхний Тоз) – образуя смешанную или переходную зону. От Верхнего Тоза, Березовой гривы (бывшего рядом поселения) и Ташелги (бывшее селение возле самых порогов) река становится ма-

лодоступной как для лодочного хода – пороги, так и для хода пешего – лесистое ущелье.

Иначе говоря, низовье реки от группы селений Мыскы-Томазак и примерно до Ташелги образовывало более-менее доступное низовье реки Мрассу, а вся река выше этого участка (фактически – за Шорским хребтом) река представляла собой (и, можно сказать, представляет собой и ныне) некий замкнутый и малодоступный мир (своего рода запорожскую Мрассу).

Если идти по реке вверх, то замкнутый и малодоступный мир Мрассу продлевался до селения Кабырза. От Усть-Анзаса до Кабарзы всего три места, где возможно поставить поселение (там они и стоят: Чазы-Бук, Усть-Азас (Шор-Тайга) и Сага. Последнее селение, правда, вынуждено было уйти на склоны горы от разрушительного наводнения в начале XX века, но там не прижилось и опустело).

В том месте, где находится селение *Усть-Кабырза* (по-русски сейчас произносят упрощенно – *Кабырза*, по-шорски *Кобур-суг пелтири*), река относительно открыта, так как здесь издревле проходил путь из Сагайской степи в степь Алтайскую (от современной Республики Хакасия в современные Алтайский край и Республику Алтай).

Примерно по этому древнему пути – к западу от Кабырзы – проложена современная дорога Кабырза – Таштагол. К востоку от Кабырзы древнейший путь шел вверх по реке Кабырза до истоков (и по притоку – р. Кыйгыза), выходил на перевал на Абаканском хребте и спускался (вариативно) по реке Матур (попадали в селение Матур и далее в степь), или по р. Таштып (попадали в селения Верх-Таштып, Анчуль, Тлачак и далее в степь), или по р. Балыксу (попадали в селения Балыксу, Аскиз (Оксыс) и далее в степь). Балыксинский вариант пути смыкал Кабырзинскую древнюю дорогу с другой, Томской древней дорогой (где ныне прошла железная дорога Новокузнецк – Абакан), связывавшей Кузнецкую котловину с Сагайской степью.

По Кабырзинскому пути (несколькими потоками) в 1703 г. джунгары переселяли в свою степь (ныне это Казахстанская степь) енисейских кыргызов (см. донесение 1703 г. Кузнецкого воеводы Б. Синявина царю Петру I об угоне кыргызов: [Бутанаев, Абдылкальков 1995, с. 206]). По этому же пути (ездили обычно зимой) проехал и И. Штыгашев в 1874 г., направляясь для учебы из своего родного селения Матур в селение Кузедеево, где была единственная в то время в

округе церковно-приходская школа и учитель-священник-миссионер о. Василий Вербицкий [Поступление в училище 1885].

Примерно по нынешней трассе Кабырза – Таштагол с остановками в Кичах, Усть-Шалыме (ныне – район г. Таштагола) и Спасске в 1860 году прошёл экспедиционный маршрут В. Радлова, великого тюрколога [Радлов 1989, с. 198–210].

Итак, в районе селения Кабырза замкнутая Мрассу немного замыкается, из-за чего селение Кабырзу следует назвать самым открытым селением на верхней Мрассу. Потому что выше данного селения Мрассу снова замыкается, теряясь среди лесистых ущелий Абаканского хребта и Бийской гривы. Лишь от селений Бугзас и Эльбеца существуют древние тропы на ту сторону Абаканского хребта на Матур.

Итак, долина реки Мрассу издревле делилась на три части: нижнее течение от устья до Мрасских порогов Убу, среднее течение от Мрасских порогов до Усть-Кобырзы и верхнее течение от Усть-Кобырзы до истоков. Только нижнее течение было более-менее доступно, а среднее и верхнее течение реки оказывались самозамкнуты и малодоступны.

В целом река Мрассу представляла (и представляет до сих пор) собой относительно отдельный и особенный мир во всей Шории. Особенность реки и мрасцев проявилась в языке (мрасский диалект шорского языка), этнической истории, антропологии, ономастике (названия мрасских родов-сеоков, названия рек, типы лица мрасцев, когда мрасского шорца можно выделить среди остальных шорцев) и др.

1.4.2.2. Название реки в русском языке

Всякое название, прежде всего, это слово какого-то конкретного языка, и, следовательно, существует в пространстве этого языка. Название реки, существующее в русском языке, – *Мрассу*. Это название (слово) заимствовано русским языком из шорского языка, и это заимствование произошло ещё в XVII веке. Только что заимствованное название реки есть на известной карте С. Ремезова земель города Кузнецка (вторая половина XVII века)¹.

Но форма названия (слова) не всегда была нынешней, не всегда была *Мрассу*. На карте С. Ремезова река обозначена иначе – как

¹ Копия карты С. Ремезова опубликована на форзаце кн.: [Кузнецкая старина 2003].

«Мраса». В XVIII веке у Г. Миллера это название склоняется, как уже освоенное русским языком слово: «по реке Мрасе», «впадающей в Мрасу с востока», «выше устья Мрасы», «за Мрасой» [Миллер 2003, с. 63–85].

Заметим, форма «Мраса» сообщает нам, что название реки ещё в XVII веке уже было отлично освоено русским языком, так как фонетика названия «Мраса» выглядит более приспособленной к русскому языку, чем форма «Мрассу». Ведь форма «Мраса» внешне вполне похожа на типы русских слов женского рода (*краса, полоса* и т. п.), и, будучи словом, внешне похожим на слово женского рода, тем самым удовлетворяет требованиям, предъявляемым в русском языке к названиям рек: чтобы избежать противоречий между собственно названием реки и гидронимическим термином (словом «река»), первый непременно должен быть словом женского рода (или словом, похожим на слова женского рода) – из-за того, что гидронимический термин в русском языке – слово «река» – является словом женского рода.

Однако так исторически сложилось, что форма «Мраса» не прижилась в русском языке. В XIX веке начинается, видимо, колебание данного названия в русском языке. Постепенно исчезает форма «Мраса», а взамен неё появляются: «Мрассу» и «Мрас». Оба варианта целиком и полностью взяты из шорского языка почти без особой адаптации (искажения). Первый представляет собой не только название реки по-шорски, но и вдобавок имеет шорскоязычный гидронимический термин «су\суғ» (река, вода), а второй вариант – чисто шорское название реки – без гидронимического термина.

Первый вариант (форма «Мрассу») наличествует в Дополнениях к тому III Землеведения Азии Карла Риттера, сделанных П. Семёновым и Г. Потаниным в 1877 году [Дополнения к тому III 1877, с. 491–495], второй вариант (форма «Мрас») встречается в материалах Всероссийской переписи 1897 года, где название реки обозначено в форме «Мрас» (река Мрас) [Патканов 1911, с. 277].

Мы теперь знаем, в русском языке окончательно утвердилась только одна форма «Мрассу», в написании которой, правда, первое время существовали варианты: сначала писали – «Мрас-Су», ныне – исключительно только «Мрассу». Итак, русский язык заимствовал, немного адаптировав, исконно шорское название реки – *Мрассу* (по-шорски оно звучало: *Мырас-суғ*). Следовательно, чтобы реконструировать

ровать первичную фонетику гидронима, нам следует обратиться к названию реки в шорском языке.

1.4.2.3. Название реки в шорском языке

В шорском же языке название реки *Мрассу* варьировалось фонетически, было в виде двух диалектных огласовок: и как «Мырас // Мырас-суғ», которую, как видим выше, заимствовал русский язык, и ещё как «Пырас // Пырас-суғ», которая неизвестна русскому языку. При этом форма «Пырас-суғ // Мырас-суғ» в шорском языке как бы официальная, малоупотребительная, чаще в языке используется название в краткой форме, без гидронимического термина *суғ*, только лишь как *Пырас // Мырас*.

В данных огласовках между [п] // [м] и [р] наличествует краткий [ы], не всегда обозначаемый на бумаге, но всегда слышимый в речи. Поэтому, поскольку звук [ы] всё-таки есть, мы его здесь обозначаем. А русский язык данный звук опустил, из-за чего исходный шорскоязычный *Мырас суғ* превратился в русскоязычный *Мрассу*.

Двойственность звучания онима, как мы отметили выше, диалектного происхождения. В шорском языке существует два диалекта, между которыми существует, в частности, чередование в анлауте (начале слова) [п] // [м], из-за чего один диалект начинает название с [п] (*Пырас суғ*), а другой диалект с [м] (*Мырас суғ*).

Согласно исследованиям в области шорской диалектологии, анлаутный [п] более характерен для кондомского диалекта, а [м] в анлауте свойственен мрасскому диалекту, например, соответственно: пус // мус – лёд; паккыш // маккыш – крыльцо; пөрү // мөрү – волк [Чиспияков, Бабушкин 2004, с. 120].

Если бы речь шла о слове общей лексики шорского языка (а гидронимы не являются общей лексикой), то форма «Пырас // Пырас-суғ» была бы характерна для кондомского диалекта, а форма «Мырас // Мырас-суғ» – для мрасского диалекта. Но носители кондомского диалекта, согласно названию диалекта, живут на реке Кондоме, поэтому то, как они произносят название реки Мрассу, для нас здесь не актуально. Для нас важно, как реку называют сами проживающие на берегах собственно Мрассу. На Мрассу, согласно названию диалекта, проживают носители мрасского диалекта. Следовательно, они должны были бы свою реку называть «Мырас // Мырас-суғ». Но откуда тогда появилась форма «Пырас // Пырас-суғ»?

Она появилась, очевидно, благодаря особенностям верхнемрасского говора мрасского диалекта, который, по мнению диалектологов Г. Бабушкина и Э. Чиспиякова, является «самым неоднородным говором шорского языка» и по ряду черт сближается с верхнекондомским говором кондомского диалекта, то есть несёт некоторые черты, присущие кондомскому диалекту, ведь не случайно диалектологи используют обобщенные термины: «южношорские говоры» и «северношорские говоры» [Чиспияков, Бабушкин 2004, с. 130–135, 139–142].

Поэтому вполне возможно, что на средней и верхней Мрассу, где проживают носители «южношорских говоров», эту реку издревле называли «Пырас // Пырас-суғ», а ниже Мрасских порогов, там, где «северношорские говоры», – «Мырас // Мырас-суғ».

Не случайно диалектологическая граница проходит именно по порогам, ведь они до сих пор являются серьёзным препятствием для общения людей (люди общаются, перемещаясь главным образом по реке), до сих пор разделяют мрасских жителей на тех, кто ниже порогов, и тех, кто выше порогов.

Всё было бы так, как мы здесь написали, то есть ниже порогов реку называли бы «Мырас // Мырас-суғ», а выше порогов, соответственно, «Пырас // Пырас-суғ», если бы не нынешнее реальное положение дел, а именно то, что все (!) жители Мрассу (и ниже, и выше порогов) сегодня реку называют одинаково: «Пырас // Пырас-суғ».

Формы «Мырас // Мырас-суғ» в шорском языке ныне нет.

Скажем, в устье реки стоит село Усть-Мрасс, которое по нашему раскладу по-шорски должно было бы называться *Мырас-Пельтири*, а реально название села звучит – *Пырас-Пельтири*.

Куда же исчезла форма *Мырас*, ведь нет сомнения, что такая форма в шорском языке когда-то существовала, поскольку она (форма) в XVII – XIX вв. была заимствована русским языком?

Дело в том, что эта форма постепенно забылась шорским языком, так как её (форму) позаимствовал другой (русский) язык. Издревле ведь в шорском языке существовали две фонетические формы гидронима: *Мырас-суғ* и *Пырас-суғ*. Одну форму (*Мырас-суғ // Мрассу*), чуть-чуть адаптировав (исказив), вскоре «присвоил» русский язык, другая форма (*Пырас // Пырас-суғ*) с этого времени стала единственной и «неделимой» «собственностью» шорского языка! Поэтому постепенно все шорцы реку стали называть только «Пырас // Пырас-

суғ», а форма *Мырас* // *Мырас-суғ* со временем забылась. Вот такое бывает «распределение» названий между языками.

В примере *Мырас-суғ* // *Пырас-суғ* мы видим одно название в двух его огласовках, а ведь на севере Шории часто встречаются действительно двойные названия селений, а иногда и рек. К примеру, улус (село) в устье Мрассу имел два древних названия: «Мыскы» и «Томзак // Томазак». Когда пришёл туда русский язык (а это случилось только в XX веке), то он «присвоил» себе первое название (*Мыскы*), адаптировав (исказив) его в «Мыски» (в русском языке [ы] после [к] невозможно), даже более того – придумал «убедительную» мотивировку: «Мыски», мол, от «мысок» (маленький мыс).

Шорский язык, действуя по законам какой-то неизвестной логики, тут же «отрёкся» от своего названия «Мыскы» и провозгласил своей «единственной и неделимой собственностью» одно лишь название «Томзак // Томазак». Со времени этого «негласного соглашения языков» *Мыскы* (в огласовке «Мыски») как бы официально считается названием русским, а *Томазак* – шорским.

Примерно такое же «соглашение» возникло и относительно названий *Мырас-суғ* (в огласовке и написании «Мрассу») и *Пырас* // *Пырас-суғ*.

Но тем не менее дорусскими (а следовательно, исконно шорскими) следует считать две формы: «Мырас-суғ» и «Пырас-суғ». Без шорского (тюркского) гидронимического термина (суғ) это собственно одно название, только в двух огласовках: «Мырас» и «Пырас».

На шорском (тюркском) языке данные слова ничего не значат, разве что форма «Пырас» немного похожа на шорское слово «порас» – «сумерки, затемнение, темнота». Но это чистая случайность, ничем для нас не полезная.

Очевидно, что название «Мырас // Пырас» дошорское, то есть шорское, конечно, по употреблению, но нешорское по происхождению. Одно можно сказать пока точно: чередование [п] // [м] в анлауте – явление чисто шорское (тюркское). Если оно так на самом деле, то дошорский оним (название) никак не мог иметь двойную огласовку (она возникла позже и уже на почве шорского языка), он должен был звучать либо «Мырас», либо «Пырас». Какая из отмеченных огласовок более древняя, следовательно, дошорская?

1.4.2.4. Название реки в прашорском кетском языке

Наши изыскания позволяют ответить на этот вопрос. Более древней, следовательно, дошорской, точнее, прашорской является форма «Пырас». Форма «Мырас» возникла позже, уже на почве шорского (тюркского) языка, поэтому она для нас сейчас не актуальна.

Форма «Пырас», как мы уже отметили, прашорская, а в этноязыковом отношении – кетская. Будем так называть: форма онаима – прашорская кетская.

Почему форма онаима «прашорская» и «кетская»? Потому что кеты (енисейские кеты, э-кеты), проживавшие в VI – VIII вв. н. э. на территории нынешней Шории, являются родителями (основой для этногенеза) шорского этноса. Те самые прашорские кеты, очевидно, и дали название реке – «Пырас». А уже вновь образовавшийся (в VII – VIII вв. н. э.) шорский этнос, став по языку тюркским, все свои родные названия адаптировал (исказил) под тюркский свой язык, в нашем случае – прашорскую исконно кетскую форму «Пырас» удвоил формой «Мырас».

Что же в прашорском кетском языке означало название (слово) «Пырас»? Мы руководствуемся одним из основных законов ономастики, гласящим, что всякое название есть прежде всего слово какого-то конкретного языка¹.

Благо кетский язык выведен из небытия и относительно исследован в 60–70-е годы прошлого столетия профессором А. Дульзоном и его учениками. И ныне продолжаются исследования – сотрудниками лаборатории, созданной А. Дульзоном. Апогеем исследовательской деятельности в этом направлении стал учебник А. Дульзона «Кетский язык», вышедший в Томске в 1968 году. У А. Дульзона есть ещё ряд статей, посвящённых конкретно кетской топонимии, в частности, кетским гидронимам в Шории. Его работы нам весьма помогают в наших изысканиях.

А. Дульзон определил гидронимию Мрассу и Томи как преимущественно кетскую по происхождению (а гидронимию Кондомы – как самодийскую), дал значение некоторых кетских гидронимов [Дульзон 1964, с. 246–257; Дульзон 1962(б), с. 474–482; Дульзон

¹ Формулировки этого закона звучат во многих ономастических статьях А. Дульзона, в частности: [Дульзон 1964, с. 246]; также в статьях В. Никонова, Н. Баскакова, А. Суперанской, Д. Еремеева и др.

1962(а), с. 50–84]. Но и он не ответил на вопрос, что же означает название (слово) «Пырас», и даже такая форма (как кетская) не появлялась в его статьях.

Итак, мы проследили всю цепочку нашей реконструкции первичной формы гидронима: (1) русская по использованию суперстратная форма «Мрассу», она возникла от одной из (2) шорских по использованию тоже суперстратных форм: «Мырас-суғ» и «Пырас-суғ». Шорские же по использованию формы возникли от (3) прашорской кетской субстратной формы «Пырас». Форму «Пырас» мы считаем первичной формой гидронима, субстратной основой.

Гидронимические термины в виде аффиксов в кетских языках

Всякий гидроним, как обобщает свои познания ономастика, по структуре состоит из двух элементов: 1) из собственно онима (названия) и 2) из гидронимического термина, который в некоторых языках превращается в аффикс (морфему) онима (в постфикс, то есть – после названия, как в шорском языке; и в префикс – перед названием), а в некоторых языках гидронимический термин существует как отдельное слово (например, в русском языке: *река Томь* или *Томь река*, *Москва-река*).

В кетском языке (языках), как выявил А. Дульзон, гидронимический термин существует как аффикс (постфикс). Он дал перечень кетских гидронимических аффиксов: *сес // чат // шет // тет // уль* с их многочисленными фонетическими вариантами [Дульзон 1962(б), с. 474–482]. Нас в данном случае должны интересовать гидронимические аффиксы енисейских кетов, или э-кетов. У них аффикс *-сес*, который потом шорским (тюркским) языком адаптируется (искажается) в *-зас // зес*.

А. Дульзон отметил, что в самих кетских языках (в наречии современных елогуйских кетов) аффикс «сес» часто стягивается, превращаясь в просто «сь» (в мягкий «с») или «ссь» (в мягкий и долгий «с») [Дульзон 1962(а), с. 68]. Следовательно, наряду с «сес // зас // зес» нужно отметить и аффиксы «асс // осс // ас // ос // з» (в том числе различные суперстратные искажения). Например, в бассейне Мрассу реки: *Кол-ос*, *То-з*, *Тай-ас*, *Уч-ас* и т. п.

И ещё, наряду с «сес // зас // зес» в бассейне Мрассу встречаются гидронимы с аффиксами «зак // зек»: *Кый-зак* (наряду с *Кый-зас*), *Май-зак* (наряду с *Май-зас* – в бассейне Томи), *Кол-зак* (наряду с *Кол-*

зас, *Кол-ос*), *Тол-зак* (наряду с *Тол-зас*). Замена ауслатного (конечного) «с» на «к» происходила, видимо, в прашорском кетском языке, но доказать это у нас нет возможностей. Во всяком случае, в современном кетском языке конечный «с» не может чередоваться с «к», хотя этот вопрос специально не рассматривался. Но наличие чередований *Кый-зас // Кый-зак*, *Май-зас // Май-зак*, *Ке-зес // Ке-зек* убеждает нас, что «зас // зек» безусловно чередовалось с «зак // зек».

Если, руководствуясь вышеприведённым перечнем кетских по происхождению аффиксов, взглянуть на гидронимию реки Мрассу, то можно сделать предварительный вывод, что гидронимия бассейна Мрассу почти полностью кетская по происхождению.

Гидронимический аффикс «рас»

И теперь самое главное: наряду с аффиксами «сес // зас // зес // зак // зек // ас // ос // з» существовал прашорский кетский гидронимический аффикс «рас» (в прашорском кетском языке он, видимо, звучал «рес»): чередование «с» с «р» в анлауте – вещь возможная для современного кетского языка и, видимо, для прашорского кетского тоже [Дульзон 1968, с. 52].

Гидронимов с аффиксом «рас» очень мало, но они всё-таки есть: в бассейне Мрассу – *Ха-рас*, на Томи – *Из-рас*, *Ольже-рас*, *Киб-рас* и, конечно, *Пы-рас*. Заметим, что гидроним *Пы-рас* образует пару с гидронимом *Пы-зас*. У них один и тот же корень гидронима (или собственно гидроним) – «Пы».

И далее, этот корень можно соотнести с корнями гидронимов: *Ба-зас // Май-зас // Ма-зас // Ай-зас*. Корни всех этих гидронимов, по А. П. Дульзону, восходят к прашорскому кетскому «пы // ай // пай // пей // па» со значением «кедр» [Дульзон 1963, с. 41], то есть эти реки носят название «кедровая река», точнее, «река, протекающая по кедровнику».

О значении кедровников в жизни шорцев и их предков следует сказать особо. У каждой семьи-тёля и рода-сеока были свои кедровники-пакла, где народ организованно каждую осень готовил кедровый орех. Использовал потом орех либо себе в пищу (в шорской национальной кухне есть несколько блюд с использованием кедрового ореха: пельмени, пироги и др.), либо продавал, либо платил в виде налога-албана. В кедровниках шорцы до XVIII века постоянно не жили, лишь некоторые события того века (переселение в Шорию брать-

ев-телеутов и др.) заставили нарушить этот закон. В результате чего, надо заметить, был заселен район кедровников Пызаса и самые верховья собственно Мрассу (Колзас и др.). А так всегда закон незаселения кедровников неукоснительно соблюдался.

Можно с уверенностью сказать, что и у предков шорцев – э-кетов (у прашорских кетов) – кедровники имели точно такое же огромное значение. Ведь не случайно же прашорские кеты использовали специальное название для реки, которая протекает по территории кедровника, то есть кедровники ономастически (специально) обозначались.

Первичное значение названия «Пырас»

Мы можем уверенно сказать, что первичное значение онима «Пырас» в прашорском кетском языке было – «река, протекающая по территории кедровника» или «кедровая река».

Реки, протекающие по кедровникам, как правило, не очень длинные реки. Поэтому поставить Мрассу в ряд с реками, скажем, с Базасом, Майзасом, Майзаком, Пызасом и др. нельзя – величины рек несопоставимы. И вся река Мрассу полностью не могла быть «протекающей по кедровнику». Поэтому сомнительно, что вся река Мрассу в прашорские кетские времена носила название *Пырас*. Видимо, так называлась лишь какая-то часть реки. Какая же?

Если взглянуть на карту бассейна реки Мрассу, то сразу бросается в глаза параллелизм названий *Пызас* (Пы-зас // *Пы-сес) и *Пырас* (Пы-рас // *Пы-рес). Эти два гидронима обозначают одно и то же: «реки, протекающие по территориям кедровников», но гидронимические их аффиксы звучат по-разному, в огласовке разных кетских диалектов или говоров. Очевидно, данный параллелизм неслучаен, но о чём он говорит?

Как нам кажется, это говорит о том, что один гидроним, но в разных диалектных огласовках: «Пы-зас» // «Пы-рас», плюс к тому «Ак Пы-рас» (нынешнее *Акмрас*, колебания «п» // «м» возникли уже на почве шорского (тюркского) языка) // «Суғ Пы-рас» (нынешнее *Сумрас*) первоначально обозначал просто разные истоки реки Мрассу. Общая картина была, видимо, такая: Акмрас и Сумрас, сливаясь, давали Пы-рас (нынешние самые верховья Мрассу). А собственно Мрассу начиналась лишь в месте слияния реки Пырас (нынешние самые верховья Мрассу) и реки Пызас (нынешний левый приток

Мрассу). Это место ныне находится в районе посёлка Усть-Кабырза Таштагольского района.

И действительно, если посмотреть на Мрассу с горы, что над Усть-Кабырзой, до впадения в неё Пызаса Мрассу – малая река, после впадения – уже действительно крупная река, учитывая, что почти тут же в Мрассу (в ту часть реки, которая предположительно называлась Пырас) впадает ещё один крупный приток – река Кобырза.

Совершенно непонятно только, почему и после слияния Пызас'а и Пырас'а река продолжала называться «Пырас». Ведь река выше пос. Усть-Кабырза и весь Пызас – это почти сплошные кедровники, там прежде никто не жил, и названия рек кедровниками оправдывались. Ниже Усть-Кабырзы кедровников уже не было, и название реки с необходимостью должно было измениться.

Очевидно и другое – то, что после взаимного слияния Пызаса и Пыраса река становилась действительно крупной рекой и должна была тоже приобрести другое название. Река действительно получала другое название. Но какое?

История сохранила нам это другое название *Мрассу*. Вне всякого сомнения, река после слияния двух рек (точнее трех рек, прибавляется река Кобырза): Пызаса и Пыраса называлась *Том(а)зак* (видимо, в кетской среде существовала и параллельная форма *Томзас*).

Откуда мы взяли данный оним? Так назывался улус (группа поселений-аалов), который находился в устье Мрассу: *Том(а)зак* (ныне это – город Мыски, который по-шорски продолжает называться Томзак). Существовал своего рода закон, согласно которому улус или аймак (два этих термина обозначают одно и то же: группа поселений-аалов) назывался именем той реки, на берегах (чаще – в устье) которой он находился. Поэтому улус, стоявший возле устья Мрассу, должен был называться его именем. В самом устье Мрассу есть небольшое село, называемое *Усть-Мрасс* (по-шорски – *Прас-Пелтири*), но Усть-Мрасс – не улус, а аал (отдельное небольшое поселение). Улус, стоявший в устье Мрассу, сохранил древнейшее название этой реки, ныне забытое: *Том(а)зак*.

Что же означает оним *Том(а)зак*? Этот оним вольно можно перевести с прашорского кетского языка как – «Малая Томь». Дело в том, что термином «зак//зас» кеты обозначали некрупные реки, следовательно, прибавив к корню «Том» гидронимический аффикс «зак», мы

получаем значение, что это не крупная Томь, а малая Томь, приток Томи.

То есть в прашорском кетском языке нынешняя Томь звучала как «Том», а Мрассу – «Томзак//Томзас». И видимо, считалось, что настоящая (великая) Томь начинается лишь после места впадения Мрассу в Томь, что, если взглянуть на Томь до впадения и после впадения в неё Мрассу, недалеко от истины.

Итак, можно реконструировать прашорский кетский взгляд на гидронимию: Мрассу – это малая Томь, которая получается от слияния Пызаса и Пыраса, а великая Томь начинается от слияния малой Томи (которую мы теперь называем Мрассу) и большой Томи (собственно Томи).

Но тем не менее остается вопрос: почему название *Мрассу* (в русском) // *Пырас(суэ)* (в шорском) вытеснили *Том(а)зак//Томзас*?

Почему Мрассу (в русском) // Пырас(суэ) (в шорском), а не Том(а)зак//Томзас?

Здесь можно только предполагать.

Версия у нас одна. Версия гласит, что если у реки или селения существует несколько названий, то рано или поздно одно из названий побеждает и вытесняет другие. При этом названия иногда распределяются между языками так, что одно из названий закрепляется за одним языком, а другое – за другим. У реки Мрассу в пространстве шорского языка было три названия: *Пырас-суэ* // *Мырас-суэ*; *Том(а)зак* // *Томзас* и ещё *Мыски (Мыыски)* // *Мыска (Мыыска)* [Косточаков 1999, с. 149–152]. И каждое из трех названий, как видим выше, имело по две огласовки.

К началу XVII века осталось лишь одно название, но всё ещё в двух огласовках: *Пырас-суэ* // *Мырас-суэ*. И эти огласовки были разобраны языками: огласовку *Мрассу* взял русский язык (услышав ее в низовьях реки), а огласовка *Пырас-суэ* осталась за шорским языком (распространившись на всё пространство реки и языка).

Два других названия Мрассу не пропали в истории, но закрепились за улусом в устье реки Мрассу. К началу XVII века улус назывался двояко: и как *Мыски* (русская адаптация шорского *Мыски*), и как *Томазак*. Вскоре эти два названия важнейшего шорского улуса были тоже распределены между языками: русский язык забрал себе *Мыски*, а шорский язык оставил себе *Томазак*.

Итак, суть версии: оним *Пырас-суэ* // *Мырас-суэ* вытеснил оним *Томзак* и стал единственным названием реки. Оним *Мыскы* конкурентом не был, так как он использовался только в низовьях реки и только отдельной группой шорцев.

Заключение по анализу

Гидроним *Мрассу*, прежде чем приобрел современный вид и значение, претерпел множество изменений. Первоначально оним возник в среде прашорского кетского языка в форме *Пы-рас* и обозначал один из истоков (как предполагали кеты) реки *Мрассу*. Считалось, что истоков *Мрассу* было два: вышеупомянутый *Пы-рас* и *Пы-зас*. Обе эти веки протекали по территории кедровников и поэтому имели соответствующие названия, переводимые на русский язык как «река, протекающая по кедровнику», или «кедровая река». Друг от друга онимы *Пы-рас* и *Пы-зас* (правильней по-кетски они звучали как *Пый-рес* и *Пый-сес*) отличались только диалектным звучанием (кетским диалектным звучанием). В месте слияния *Пы-раса* и *Пы-заса* (в районе нынешнего пос. Усть-Кобырза) начиналась собственно река *Мрассу*, которая тогда по-кетски называлась *Томзак* // *Томзас* и имело значение «Малая Томь» или «один из истоков Томи», то есть кеты считали, что *Мрассу* является одним из истоков Томи, и в районе Мысков, где сливаются *Мрассу* (Малая Томь) и собственно Томь, там начинается великая Томь. Название *Томзак* со значением «Малая Томь» по неизвестным причинам было вытеснено названием *Пырас-суэ* // *Мырас-суэ*, но сохранилось в одном из названий улуса, стоящего в устье реки *Мрассу* (в шорском названии современного г. Мыски).

Оним *Пырас-суэ* // *Мырас-суэ*, видимо, еще до 1618 года вытеснил оним *Томзак*, потому что оним *Томзак* в качестве названия реки *Мрассу* в русских документах не встречается, но зато встречается термин *Мрас-су*, сразу же адаптированный русским языком в *Мраса* (склонялось: за *Мрасой*, к *Мрасе*, в *Мрасу*). Однако вскоре русский язык отказался от формы *Мраса*, взяв себе несклоняемую, застывшую форму *Мрассу*. А шорский язык, увидев заимствование русским языком формы *Мрасса* (*Мраса*), отказался от данной огласовки, окончательно закрепив за собой другую форму – *Пырас-суэ*, совершилось благо, двойственность онима исчезла (язык всегда борется с двойственностью форм, с наличием разных огласовок одного и того же слова, названия).

В результате того, что форма *Пырас-суғ // Мырас-суғ* со временем стала единственным названием реки, этимологическое значение названия («река, протекающая по кедровнику» // «кедровая река») вступило в противоречие с реальным значением реки, которую данный оним теперь стал обозначать: вся река Мрассу никак не может быть «кедровой рекой», так как таких протяженных кедровников (более 300 км) не может быть в природе. А прежнее значение, которое предки шорцев кеты придавали реке Мрассу (*Томзак* – «Малая Томь»), забылось вместе с самим названием *Томзак*.

Но в пространстве шорского языка реальное значение реки (то есть значение, что река больше, чем «река, протекающая по кедровнику») всё-таки обозначено тем, что к старому названию *Пырас // Мырас* добавлен гидронимический термин «суғ».

Дело в том, что в шорском языке сложилась ономастическая традиция иерархии гидронимических терминов. Если река крупная, то к названию добавляется термин «суғ» (река; вода), если река небольшая, то добавляется термины «кол/гол» (речка, ручей), «чу // ча» (речка), либо вообще не прибавляется никаких специальных терминов (просто Пызас, а не Пызас-суғ, не Пызас-кол и т. п.).

Добавление к ониму *Пырас // Мырас* термина «суғ» означало, что сия река – крупная река, великая река. То есть значение «кедровая река» расширилось до «великая река».

Мы своим ономастическим анализом реконструируем тот забытый факт, что Мрассу после слияния Пызаса и Пыраса называлась *Томзак*, то есть Малая Томь, и то, что Мрассу, согласно представлениям наших предков, – один из истоков великой Томи. Древние полагали, что Томь начинается из двух больших истоков: один из истоков – это исток нынешней Томи на горе Карлыган в Кузнецком Алатау, а второй исток – Мрассу, начинающаяся на Абаканском хребте и Бийской гриве. Так считали в древности предки шорского народа – кеты. В месте слияния этих двух истоков – в районе нынешних Мысков – начинается собственно Томь, наша великая Томь.

1.4.3. Топонимия района Новокузнецкой агломерации: Новокузнецк, Мыски

Новокузнецкая агломерация – термин недавний, под ним подразумевается почти непрерывная цепочка (скопление) городов с городом Новокузнецком в центре. Если отправиться ехать из города

Междуреченска на запад, то не успевает он закончиться, как начинается другой город – Мыски, а за ним торопливо появляется Новокузнецк. От Новокузнецка почти неотделимы Осинники, Калтан на юге и Прокопьевск, Киселевск на севере. Получается семь городов, общее население которых более одного миллиона человек. Это не один город, но вместе с тем на малой площади скопилось очень много городских поселений и предприятий.

Новокузнецкая агломерация как таковая появилась только в XX веке, хотя люди на этой территории жили издавна. Все города агломерации стали таковыми (по статусу) в прошлом веке, за исключением Новокузнецка, который получил статус города в 1622 году. Междуреченск стал городом в 1955 году, Мыски в 1956, Калтан в 1959, Осинники в 1938, Прокопьевск в 1931, Киселевск в 1936 году.

Получается, что агломерация начала свое образование где-то в середине XX века, и это событие прямо связано с промышленным освоением кузнецкого угля, горношорской и салаирской железной руды, толчок к разработке которых дал Транссиб. Всем известно, что XX век – это был век промышленной революции, когда появились радио, телефон, авиация, атомное оружие, телевидение, компьютер, сотовая связь, когда строились гигантские гидроэлектростанции, комбинаты типа наших КМК и Запсиба. Следовательно, агломерация, то есть цепочка городов с Новокузнецком во главе, появилась благодаря промышленной революции прошлого века.

Названия городов, образующих Новокузнецкую агломерацию, таят в себе наше общее прошлое время. С точки зрения ономастики не все названия вышеперечисленных городов представляют собой сложную задачу. Многие они довольно прозрачны, например, Междуреченск. Для всякого знающего русский язык раскрыть связь между этим онимом и объектом не трудно: это город, находящийся между рек, если взглянуть на карту, – между Томью и Усой. В связи с этим также понятно, почему ГРЭС в городе Мыски называется – Томусинская, так как эта районная электростанция была рассчитана на уголь из Междуреченска. Понятно также, почему поселок при этой ГРЭС тоже называется Томусинским, такое же название есть и у поселка в черте самого города Междуреченск. Итак, Междуреченск относится к числу ономастически прозрачных названий. Но прозрачность не означает, что у сего города нет ономастической истории, то есть истории о том, как появилось и складывалось название этого го-

рода. Если уж мы ведем речь о Междуреченске, то можно было бы вспомнить, что поселок-родитель города носил не столь прозрачное название – Ольжерас. Да и непрозрачны названия рек Томь и Уса, между которыми расположен город.

Но так обстоит дело не со всеми онимами интересующего нас района. Есть еще как бы полупрозрачные онимы, то есть они нам кажутся прозрачными, а на самом деле это не совсем так. К числу полупрозрачных онимов (относительно прозрачных) можно отнести Прокопьевск (связано с русско-христианским именем Прокопий) и Киселевск (связано с русским нехристианским домашним именем-прозвищем Кисель). Это чаще всего отантропонимные (образованные от имени человека) названия сел, впоследствии давших названия городам.

Сюда же могут быть отнесены названия Осинники (как будто бы связано с русским словом Осинник, от слова «осина») и Новокузнецк (Новый Кузнецк) (от русского слова «кузнец»). Некоторые сюда же относят и название Мыски (как будто бы от слова «мысок»).

Наряду с полупрозрачными есть и явно непрозрачные онимы, таковое лишь одно, это название Калтан, по-русски совершенно непонятное слово.

Рассмотрим подробнее астионимы Новокузнецк и Мыски.

Новокузнецк

Самый старый город области, создан в 1618 г., статус города получил в 1622 г. Первоначальное название – Кузнецк.

Для ономастики важно, что Кузнецк был самым первым русским селением на территории нашей области и одним из первых русских поселений в Сибири. А следовательно, был опорным пунктом России и русского народа в Сибири и нашем регионе (военным острогом-крепостью, потом – городом).

Острог (крепость) и город начала создавать небольшая группа российских переселенцев, пришедших сюда из вновь тогда построенного г. Томска (построен в 1604 г.). Их количество и имена неизвестны, но зато мы знаем имена их руководителей. Это были: татарский голова Осип Кокорев, казачий голова Молчан Лавров и сын боярский Остафей Харламов [Хроника событий, электронный ресурс]. И известны первые кузнецкие воеводы: Тимофей Степанов сын Боборыкин (по-современному: Тимофей Степанович Боборыкин) и Осип

Герасимов сын Аничков (Осип Герасимович Аничков) [Воеводы Кузнецкие 1996, с. 100].

В 1665 г. в г. Кузнецке числилось 238, а в 1705 г. 368 служилых и оброчных людей. Через 260 лет – в 1896 г. в Кузнецке насчитывалось 3,5 тысячи человек (а в Кузнецком округе – 29 тыс. человек) [История Земли Кузнецкой, электронный ресурс]. Но великий свой рост город приобрел в XX веке – в связи с развитием металлургической и угольной промышленностей: гиганты КМК, Запсиб, алюминиевый, ферросплавов, шахты.

Приступая к ономастическому анализу, мы реконструируем ономастическую структуру города, в частности, ответим на вопрос: что первично – название города (*Кузнецк*) или название края, земли (*Кузнецкий край*, *Земля Кузнецкая*).

Из исторических источников ясно, что первичным было название края. Впервые о крае казаки услышали не ранее 1604 года, года строительства Томска, а город в Кузнецком крае был построен в 1618 (по другим источникам – в 1617) году. Между этими датами 13–14 лет.

Наш край назывался то «кузнецами» («Посылали нас, холопий своих, а твою царскую службу в кузнецы»), то «кузнецкой землей» («велено нам, холопам твоим, на усть Кондобы в кузнецкой земле острог поставить»), имея в виду, что это земля, где проживают «кузнецы».

Стало быть, сначала появился оним «Кузнецкая земля» с вариантом «кузнецы» и лишь потом – «Кузнецк». О чем все это говорит? О том, что онимы «Кузнецкая земля» и «Кузнецк» восходят к ониму «кузнецы». Именно к ониму «кузнецы», а не к слову «кузнецы».

«Кузнецы» – это не слово, обозначающее людей по профессии, а название народа (этноним). Это был XVII век, названия городов в Сибири были двух типов: либо по рекам, на которых города стояли: Тобольск (река Тобол), Тюмень (река Тюмень), Омск (река Омь), Томск (река Томь), Иркутск (река Иркут) и т. п., либо по народам, в тех местах проживавших: Якутск (якуты), Братск (братья=буряты), Ачинск (ачины), Мангазея (мангазеи) и т. п. Городов, названных по профессии не было. Следовательно, Кузнецк – название от этнонима.

Откуда мог появиться такой этноним – кузнецы? Во-первых, почему на русском языке? Во-вторых, почему у народа название по его профессии? Появилось расхожее объяснение этого: потому что местные жители, а это абинцы, или шорцы, испокон веков занимались,

якобы, кузнечным делом. Да, действительно, шорцы издавна (с VI – VIII вв.) занимались кузнечным делом. Но это не дает ономастического права называть их «кузнецами». У них ведь свое имя было – *абинцы* (*абалар*). И тем не менее казаки называли их «кузнецами», а потом, поскольку это слово неудобное для названия народа, стали называть «кузнецкими татарами», используя их общее самоназвание «тадар».

Все дело в том, что у абинцев на их языке в то время существовал второй этноним – «уста»= «кузнец, кузнецы». У абинцев-абаларов существовал этноним по их искусству литья железа и изготовления изделий из железа – «уста». Вторым этноним «уста» появился в их языке из-за того процесса, который в ономастике называется «ложной этимологией», когда происходит сближение нескольких слов, разных по значению, а близких или одинаковых по звучанию.

У абаларов произошло сближение их этнонима *Аба* и названия духа-покровителя кузнечного дела *Абы* (в переводе: Кузнец, Творящий Чудеса). Дух-покровитель носил также второе имя – *Уста* (Мастер, Кузнец). Сближение разных по значению онимов *Аба*=*Абы*=*Уста* вылилось в то, что абаларов в Сибири стали называть не только их именем *Аба*, но и именем их духа-покровителя *Уста*, по-русски это: *абинцы*=*кузнецы*. В Томске после 1604 года был примерно такой рассказ про коренных жителей нынешнего Кузнецкого края: «это абалары, или по-нашему уста, в переводе на ваш язык – кузнецы».

Таким образом, слово «кузнецы» было не обозначением коренных жителей нашего края по профессии, а этнонимом (переведенным экзоэтнонимом). От этого переведенного экзоэтнонима шорцев (а *абинцы* – это современные *шорцы*, этот экзоэтноним был введен позже, в XIX в.) и пошло название края (*Кузнецкого края* и *Кузбасса*) и нашего города (*Кузнецк*).

Это потом Кузнецкая земля стала пониматься как земля территории Кузнецкого уезда. Кузнецкий уезд (несколько лет в XIX веке – округ) – это Кемеровская область до 1943 г., вернее, до 1939 года, года упразднения Кузнецкого уезда. Центр уезда был всегда в Кузнецке, но с 1922 года по 1939 гг. большевиками был перенесен в город Щегловск, вскоре переименованный в Кемерово. Не случайно в 1943 году Кузнецкий уезд был восстановлен, но теперь в виде Кемеровской области.

Мыски

Старинное шорское село-улус. С 1925–1926 по 1931 гг. центр Горно-Шорского национального района с правами округа. С 1939 по 1949 гг. центр Мысковского района. С 1956 года – город.

По-шорской терминологии Мыски были «улусом», то есть целым населенным районом, состоявшим из нескольких небольших поселений-аалов (аал), находившихся недалеко друг от друга. И сегодня еще можно различить те несколько аалов, из которых состоял прежний улус Мыски: собственно Мыскы (Мыски) || Томазак, Кызыл чар (Красный яр), Кыйзак, Нижний Рюм, Карчыг, Тетенза, Акколь, Паратаг (Бородино), Прас пелтири (Усть-Мрас), Балбынь, Казас, Кельдегаал (Курья), Чобашкы-Устюнгу-аал (Чувашка), Сыбыргы (Сибирга), Кольчезас. Это была своего рода старинная шорская «агломерация» селений, облепивших устье реки Мрассу и часть долины Томи.

У этой старинной «агломерации» было, судя по всему, несколько наименований: наименование части-аала (аал) и общее наименование улуса. Если нужно назвать свое место, то сначала говорили: в улусе Мыски, потом уточняли: в аале Казасе, например.

Мы сейчас остановимся лишь на общем наименовании улуса. Таких наименований в шорском языке было два: *Мыскы* (другой фонетический вариант – *Мыска*) и *Томазак*. Оба они активно существовали в шорском языке.

Надо отметить, что двойное наименование улуса – не случайность, на севере Шории активно практиковались двойные названия селений, например, *Сыркаш* || *Орбун*, *Чульжан* || *Ореги-аал*, *Чобашкы (Чувашка)* || *Устюнгу-аал*, *Абашева* || *Тоберги Тоз*, *Курья* || *Кольдеги-аал* и др. И в этом ряду двойное название *Мыскы* || *Томазак* кажется обычным.

Согласно шорской традиции имянаречения, имя улусу (в южных говорах – аймаку) давалось по реке, на берегах которой этот улус стоит. Если учесть, что большинство улусов (аймаков) создавались в месте впадения малой реки в большую, то название улуса (аймака), стало быть, было идентично или связано с названием малой реки. Например, Усть-Анзас (место впадения Анзаса в Мрассу), Усть-Кобырза (место впадения Кобырзы в Мрассу), Чилису-Анзас (место впадения речек Чилису и Анзас в реку Пызас) и т. п.

В нашем случае: улус Мыскы || Томазак был создан в месте впадения реки Мрассу в Томь. Значит, согласно теории, его имя должно

быть – Мрас, или что-то подобное. Однако, ничего этого не получается. Но это на первый взгляд.

Со временем, проведя тщательное исследование онима *Мрассу* [Косточаков 1999, с. 149–152], мы пришли к выводу, что у реки Мрассу еще на базе кетского (прашорского нетюркского) языка существовало несколько фонетических вариантов: *Пы-рас* || *Пы-зас* || *Пы-с*. Когда этот оним попал в зону шорского тюркского языка, то в анлауте произошло чередование п || м, в результате чего появились следующие фонетические варианты онима: *Пы-рас* || *Мы-рас*, *Пы-зас* || *Мы-зас*, *Пы-с* || *Мы-с*. Сегодня эти варианты онима мы знаем, как: общее наименование реки – *Пы-рас* || *Мы-рас*, а также наименование важнейшего притока реки – *Пызас*. А вариант *Мы-с* стал основой онима – *Мыс-кы*, где «кы» – гидронимический аффикс, «река» по-угорски. В низовьях реки Мрассу есть несколько тоже угорских по гидронимическому форманту онимов: *Чобаш-кы* (*Чувашка*), *Сыбыргы* (*Сибирга*), *Ташал-гы* (*Ташелга*), *Саслон-кы* (*Заслонка*) и т. п. По всей видимости, в низовьях реки (ниже порогов Убу-Хомутовских) имел место угорский субстрат шорского народа, но он пришел не на пустые земли, а наложился на кетский, о чем, в частности, говорит оним *Мыс-кы*, то есть кетско-угорский гидроним. Следовательно, оним *Мыски* как название улуса происходит от кетско-угорского названия реки *Мрассу*. И воспринят современным шорским языком, а после 30-х годов прошлого века освоен русским языком¹. В шорском языке данный оним имеет две огласовки: *Мыскы* || *Мыска*. А огласовка *Мыски* – это уже освоение онима русским языком.

Так получилось, что после 1926 года, года создания Горно-Шорского национального района с правами округа, а улус Мыски был центром района-округа, русский язык как бы присвоил себе оним *Мыски*, оставив шорскому языку другой оним – *Томазак*. Безмолвно согласился с этим шорский язык, постепенно забывая оним *Мыскы* || *Мыска* и актуализируя другой оним – *Томазак*. С этого времени (с 30–40-х годов прошлого века) произошел своеобразный договор между русским и шорским языками, что *Мыски* – это как бы по-русски, а *Томазак* – как бы по-шорски.

¹ По данным 1929 года в улусе Мыски русские не указаны: [Список 1929, с. 9].

Выводы к главе 1

Каждая мировая религия по-своему создавала свою антропонию. Христианский общий именной, например, сложился из дохристианских имен мучеников-святых, поэтому христианские имена самого разного языкового происхождения: латинского (Виктор), греческого (Никита), еврейского (Иван) и др. Мусульманский именной создавался искусственно (искусно, мастерски) из слов арабского языка, ключевые слова – «у\алла(х)» (Бог единый) и «дин» (религия, вера): Абдулла, Файзулла, Алладин. Иудейский именной тоже в какой-то мере искусственный (созданный мастерами слова), и там много имен с корнем «иль» (Бог единый): Михаилъ, Гаврииль, Изекииль, Абиль.

Но до появления мировых религий существовали религии национальные, присущие большим или малым этносам. У тюркских народов когда-то существовала своя национально-этическая религия – тенгрианство, которой придерживались и монголы. У тенгрианства тоже существовала своя антропонимия. Некоторые из тенгрианских древних имен позже стали частью именников мировых религий и известны не только тюркам и монголам. Вот некоторые из таких имён: Темир (Тимур, Темур); Арслан (Аслан, Руслан); Парс (Барс, Барыс, Барис); Амзор (Амзар); Кадыш (Қатташ).

Современная шорская система личных имён (антропонимическая система) по своей структуре трёхчленна, состоит из собственно имени (индивидуального имени носителя), отчества (индивидуального имени отца) и фамилии (наследственного общего имени родственников по мужской линии). Наличие у шорцев такой антропонимической системы – результат принятия народом антропонимической системы русского языка и культуры.

Крещение шорцев во второй половине XIX века миссионерами Алтайской духовной миссии повлекло за собой постепенное исчезновение своего веками существовавшего традиционного именника (частично шаманистский именной сохранился вплоть до 20–30-х гг. XX века). Архивные материалы свидетельствуют, что до присоединения шорских земель к Российской империи, т. е. до 1618 года, у шорского народа, видимо, существовала своя традиционная антропонимическая система, которая, как и нынешняя русская, тоже была трёхчленна, но входившие в эту систему элементы имели несколько иное содержание, чем в русской системе.

Шорский именной создан в русле своей языческой (шаманистской) традиции. Имя, согласно шорской традиции, – знак-символ человека и его судьбы. По-шорски судьба – *ýlúsh* = «доля, то, что тебе предназначено, предначертано Богом-Кудаем». Иначе говоря, по-шорски судьба – это предназначение человека в этой жизни. Бог-Кудай вместе с душой даёт ребёнку и его судьбу-предназначение, которую нужно увидеть, понять и зафиксировать в имени ребёнка. Традиционные шорские имена давались в промежутке от рождения до семи лет от роду. Все шорские традиционные имена разделяются на несколько групп-разрядов: 1) имена-благопожелания; 2) имена-характеристики; 3) имена-фиксации; 4) имена-описания; 5) защитительные имена.

Традиционно каждый шорец в те времена носил в качестве личного сложного имени: 1) своё индивидуальное *ат-имя* и (не обязательно) *шола-прозвище*; 2) имя своего *тёля-семьи* (большой патриархальной семьи-фамилии, откуда происходил) – *тёл ады* (имя тёля); 3) имя своего *сеока-рода*, в состав которого входил его *тэль-семья*, – *сёёк ады* (имя сеока-рода).

Для нас шорские этнонимы важны как своеобразные исторические документы, в которых нашли своё отражение те или иные события глубокой древности, не зафиксированные письменным текстом или не дошедшие до нас. Тюркский этногенетический процесс в VI – IX вв. н.э., начавшись в монгольской степи, распространился на всю Центральную Азию, захватил и территорию Шории. Он и вывел Шорию из состояния самозамкнутости и обособленности, разрозненные кетские, угорские и самодийские роды и племена превратил в единый тюркский этнос, в современный шорский этнос (сейчас шорскому народу более тысячи лет от роду).

Самоназвания народа, которые существуют в шорском языке, можно подразделить на три группы: географические, родовые и общие. Общие автоэтнонимы, которые употребляются вне шорского этноса, когда представители шорского этноса называют себя перед другими этносами. Именно когда Шория стала частью тюркского суперэтноса, что произошло в VII – IX вв., появилось, очевидно, два автоэтнонима: *Аба кижи* // *Абалар* и *Тадар кижи* // *Тадарлар* (*Тадэр*).

Экзоэтнонимов у шорского народа было три: 1) с начала XVII в. до середины того же века – «кузнецы \\\ кузнецкие (ясашные) люди» (корень этнонима – «кузнец»; таким образом, астионим *Кузнецк* и бо-

лее поздние хоронимы *Кузнецкий край*, *Кузбасс* пошли от переведенного экзоэтнонима шорцев); 2) с середины XVII в. до 1925 г. – «кузнецкие татары» или просто и кратко – «татары» (корней два – «кузнецы» и «татар»); 3) С 1925 г. по сей день – «шорцы» (корень онима – «шор»). Экзоэтнонимы по отношению к шорцам есть не только от русских, но и от других народов: 1) от телеутов, кумандинцев, тубаларов – «чор кизи» (корень онима – «чор»); 2) от алтайцев – «аба кизи» (корень онима – «аба»); 3) от хакасов – «чыстан кизи \\\ чыстанак \\\ чыс кизи» (корень онима – «чыс»).

Благодаря топонимическим исследованиям обнаруживается кетский компонент в шорском языке. Исследования в области ономастики (топонимики и этнонимики) позволяют нам прийти к выводу, что весь бассейн Мрассу и верховье Томи – это территория, на которой до образования шорского народа проживали «родители» шорского народа – енисейские кеты. Ономастический анализ показывает, что Мрассу после слияния Пызаса и Пыраса называлась *Томзак*, то есть Малая Томь, и то, что Мрассу, согласно представлениям наших предков, – один из истоков великой Томи. Древние полагали, что Томь начинается из двух больших истоков: один из истоков – это исток нынешней Томи на горе Карлыган в Кузнецком Алатау, а второй исток – Мрассу, начинающаяся на Абаканском хребте и Бийской гриве. Так считали в древности предки шорского народа – кеты. В месте слияния этих двух истоков – в районе нынешних Мысков – начинается собственно Томь, наша великая Томь.

ГЛАВА 2. КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ)

Шорский язык – это язык коренного малочисленного народа, шорцев, проживающих на юге Кузбасса. Принадлежит к тюркской языковой семье. По последней переписи жителей этой национальности насчитывалось около 12 тыс. человек, но численность их неуклонно уменьшается. В связи с этим перед учеными-филологами стоит непростая задача: как можно быстрее зафиксировать исчезающий язык, фольклор и культуру.

В данной главе будет рассмотрена система залогов шорского языка. Анализ залоговых конструкций и образующих их словоформ произведен с разных сторон. С точки зрения образования залоговых форм эта грамматическая категория характеризуется традиционно: внешняя структура аффиксов, фонетические условия их употребления. В этом смысле предлагаемый анализ примыкает к уже известным работам, обзор которых подробно представлен в кн.: [Алмадакова 2005, с. 5].

Вместе с тем большое внимание в исследовании уделяется семантическим и коммуникативным особенностям употребления простых предложений с залоговыми конструкциями. В семантическом плане автора интересует вопрос о залоговых значениях и их оттенках, лексико-семантические условия образования, смысловое соотношение активных, пассивных, рефлексивных и каузативных конструкций. С точки зрения коммуникативного аспекта интерес вызывает, почему говорящий в том или ином речевом акте делает выбор в пользу одних залоговых конструкций перед другими. И наконец, обращение к залоговым конструкциям имеет цель – охарактеризовать названные конструкции с позиции теории диатез, особенно нас интересует акцессивные и рецессивные изменения, которые происходят в залоговой глагольной словоформе по сравнению с исходным глаголом и которые влияют на синтаксическую парадигму простых предложений.

2.1. Постановка проблемы. Терминологический аппарат исследования

Залог принадлежит к числу сложных и дискуссионных грамматических категорий. Причем спорные вопросы существуют как на уровне общего и сопоставительного языкознания, так и среди ученых, изучающих отдельно взятый язык. Причины тому разные; на наш взгляд, одна из них заключается в том, что он формируется средствами морфологии, а областью применения служит синтаксис.

В сопоставляемых языках – русском и шорском – тоже немало проблем. Историю учения о залогах в русском языке и разных взглядов на них легко проследить по кн.: [Виноградов 1972, с. 476–482]. Для современного состояния изучения категории залога характерно наличие двух- и трехзалоговой теории. Двухзалоговые теории представлены в классических трудах. Однако разница между ними тоже есть. Они опираются на те признаки в глаголах, которые выдвигает ученый на первый план. Если акцентируется такое свойство, как переходность/непереходность глаголов, то залог определяется как «отношение признака к объекту» [Шахматов 1941, с. 476; Потебня 1941, с. 200]. Если подчеркивается связь «между “действующим предметом”, или субъектом глагольного признака, и самим глагольным признаком», то залог определяется как «особое отношение глагольного признака к его субъекту» [Пешковский 1956, с. 122]. Так как в двухзалоговых теориях отношение проявляется между двумя компонентами предложения: глагольным действием, с одной стороны, и объектом или субъектом, с другой стороны, то и выдвигаются два залога – действительный и страдательный. Важным является тот факт, что эти залоги охватывают всю глагольную систему языка. Этой же точки зрения придерживается Русская грамматика [1982, с. 613–618].

Трехзалоговая теория выдвинута А. В. Поповым, учеником А. А. Потебни, и получила развитие в трудах А. А. Шахматова и В. В. Виноградова. История этой теории приведена в кн.: [Виноградов 1972, с. 484–501]. В рамках этой теории залог рассматривается как категория, выражающая отношение действия к субъекту (производителю действия) и объекту действия; следовательно, используются только переходные глаголы и возвратные, образованные от них. Трехзалоговая теория включает действительный, страдательный (пассивный) и возвратный (средневозвратный, возвратно-средний) залоги.

Таким образом, мы видим, что общепринятого определения залога

в грамматике нет. Однако анализ теорий о залоге, принадлежащих разным ученым, показал, что определения этой грамматической категории можно разделить на два типа. Большинство определений можно назвать семантическими, так как они основываются на семантических критериях: глагольное действие, субъект, объект; подробнее в кн.: [Виноградов 1972, с. 476–492], а также: [Потебня 1941, с. 200; Шахматов 1941, с. 476; Пешковский 1956, с. 122; Бенвенист 1974, с. 188; Русская грамматика 1982, с. 615]. Другой тип – синтаксическими, так как залог определяется с позиций синтаксиса. Особенно явно это проявляется у Л. В. Бондарко и Л. Л. Буланина [1967, с. 150–182]. Согласно их труду, «категория залога – это система грамматических форм глагола, устанавливающая отношение глагольного действия к подлежащему» [Указ. соч., с. 150], а также см.: [ЛЭС 1990, с. 160].

В тюркологии категория залога описана достаточно основательно и разносторонне. Обзор литературы по тюркскому залогу можно найти в: [Харитонов 1963, с. 3–5; Алмадакова 2005, с. 5].

На материале шорского языка эта грамматическая категория специально не рассматривалась. Как и многие ученые своего времени (подробнее см.: [Харитонов 1963, с. 4]), известный исследователь шорского языка, Н. П. Дыренкова отказывается тюркским языкам, шорскому в том числе, в наличии грамматической категории залога. Она усматривает лишь страдательное, возвратное, взаимно-совместное, учащательное и понудительное значение у аффиксов в разделе «Простые (неразложимые) и производные глаголы» [Дыренкова 1941, с. 142–152], сведя таким образом их функцию к словообразовательной. Вслед за нею И. В. Шенцова выделяет четыре вида залоговых аффиксов [Шенцова 1999, с. 34–38], исключая учащательный. Э. Ф. Чиспияков описывает пять залогов: действительный, страдательный, возвратный, взаимно-совместный и понудительный [Чиспияков 1992, с. 244], тем самым утверждая наличие этой категории в шорском языке.

Высказанная Н. П. Дыренковой точка зрения затрагивает две глобальные проблемы, касающиеся категории залога в шорском языке. Во-первых, существует ли такая категория или речь идет только о залоговых значениях глагольных аффиксов. И во-вторых, образуют ли аффиксы с залоговыми значениями новые слова или формы одних и тех же слов.

Второй проблеме уделяли внимание многие ученые, история вопроса рассмотрена в: [Алмадакова 2005, с. 8–13]. В ее решении

Надежда Дмитриевна опирается на лексическое значение исходного глагола и образованного от него слова с залоговым аффиксом. Главным критерием становится неизменяемость лексического значения: если при присоединении к исходному глаголу залогового аффикса лексическое значение не изменяется, то речь идет об образовании залоговой формы глагола, а если образуется слово с новым лексическим значением, – то речь идет о словообразовательном процессе, так как создается другая лексема [Алмадакова 2005, с. 12–13]. Нам не кажется такой подход отчетливым. Например, Н. Д. Алмадакова считает слово *ös=күр* = ‘выращивать’ производным от *ös* = ‘расти’, т. е. наблюдается процесс словообразования. По нашему мнению, оно может быть и формой каузативного залога: это зависит от обозначаемой ситуации действительности. Так, предложение *Ала Таг сейбе пазоқ шаньши өстирип салды*. (ИВШ, 4) ‘Ала Таг (Пестрая гора) рябину и калину вырастила.’ – можно переделать в каузативную конструкцию: *Энези Ала Тагды сейбе пазоқ шаньши өстирип салды*. ‘Мать заставила Ала Таг рябину и калину вырастить.’

Руководством для различения словообразовательных и формообразовательных процессов для нас служат два принципа. Первый из них логически вытекает из особенности тюркских языков, шорского в частности, – создавать залоговые значения с помощью залоговых аффиксов. Другими словами, для шорского языка не характерен лексический способ образования залогов, типа: (рус.) *гореть* – *жечь*; (англ.) *to die* ‘умереть’ – *to kill* ‘убить’; *to begin* ‘начинать’ – *to begin* ‘начинаться’. Залоговыми формами глаголов будем считать только те образования, которые образованы морфологически, т. е. с помощью аффиксов: *одур* – *одурт* – ‘посадить, заставить сесть’; *чүзүр* – ‘бежать’ – *чүзүрт* – ‘заставить бежать’; *шеберле* – ‘беречь’ – *шеберлен* – ‘беречься’; *сарна* – ‘петь’ – *сарнал* – ‘быть спетым’. В основе второго принципа лежат не формально-грамматические или лексические особенности употребления исходных глаголов и образований с залоговыми аффиксами, а соотношенность построенных ими конструкций с абстрактной ситуацией действительности и ее референтами (партиципантами). Если исходный глагол и глагол с залоговыми аффиксами описывают одну и ту же ситуацию действительности, то это разные формы одной лексемы: глагол с залоговым аффиксом является формой исходного глагола.

Что же касается проблемы существования грамматической категории залога в шорском языке, то это будет еще одной задачей данной

работы. Нужно определить, можно ли утверждать наличие залогов в шорском языке или следует говорить только о залоговых значениях соответствующих аффиксов. В предлагаемой работе будут рассмотрены глаголы со страдательными, возвратными (рефлексивными) и понудительными (каузативными) аффиксами. Активный залог в шорском языке никак не маркируется. Попытка представить актантную систему глаголов в активном залоге была предпринята в работе [Телякова 1994].

Охарактеризуем терминологический аппарат исследования.

Употребляясь в предложениях в качестве сказуемых, любая глагольная словоформа открывает определенное количество обязательных синтаксических позиций, заполняемых на грамматическом уровне членами предложения, а на семантическом – актантами. Соответствие между актантами и членами предложения есть диатеза. Данная трактовка соответствует двухуровневому пониманию сущности предложения, изложенному А. А. Холодовичем: диатеза – это «схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» [Холодович 1979, с. 284], а также определению, сформулированному В. С. Храковским: «Диатезу любой глагольной словоформы в любом предложении можно определить как соответствие между совокупностью элементов семантической структуры, свойственной лексеме данной глагольной словоформы, и совокупностью элементов синтаксической структуры, входящих в окружение данной глагольной словоформы» [Храковский 1989, с. 22]. Так как актанты – это не только значимые элементы семантической структуры предложений, но и носители семантических ролей, высказанное нами понимание диатезы не расходится и с другим определением В. С. Храковского, которое он приводит чуть позже в ЛЭС, диатеза – это «соответствие между ролями глагольной лексемы и выражающими их членами предложения» [ЛЭС 1990, с. 135].

Понятие залога очень тесно связано с понятием диатезы, сам термин «залог» возник как калька греческого *diathesis*, что значило «расположение», «состояние», т. е. «положение субъекта, его отношение к действию» [Виноградов 1972, с. 476–477]. Неудивительно, что до недавнего времени понятия залог и диатеза отождествлялись, недаром А. А. Холодович называл залог «грамматически маркированной в глаголе диатезой» [Холодович 1979, с. 284]; подробнее см.: [Виноградов 1972, с. 476–477; Харитонов 1963, с. 3; Алмадакова 2005, с. 6]. И только

с конца 1960-х годов эти два термина начали переосмысляться и надеяться каждый своей семантикой. Особенно это очень четко прослеживается в коллективных монографиях сотрудников группы типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР, занимающихся разработкой универсально-типологической концепции диатез и залогов [Типология каузативных конструкций 1969; Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов; 1974; Залоговые конструкции в разноструктурных языках 1981 и др.].

Авторы названных трудов выдвигают «трехуровневое» понимание диатезы, вводя в него уровень референтов, или «участников абстрактных ситуаций (другие термины: партиципранты, исполнители)» [Храковский 1981, с. 10].

Принимая залоговые аффиксы, исходная лексема может «ослабить» свои валентностные свойства и потерять способность открывать все свои синтаксические позиции, но может стать «сильнее» и повысить количество валентностей. Когда у залоговой формы глагола понижается количество валентностей по сравнению с исходной лексемой, мы, используя терминологию В. Б. Касевича [Касевич 1981, с. 99], называем такой процесс рецессивным и конструкции, которые она формирует, рецессивными. Если же залоговая форма глагола повышает количество открываемых ею позиций, то говорим об акцессивном процессе и, соответственно, акцессивных конструкциях.

Различают два типа предложений, сформированных глагольными лексемами: в основе первых лежат структуры с исходной диатезой, построенные исходными глаголами; а в основе вторых – структуры с производной диатезой, образуемые глаголами с залоговыми аффиксами. В. С. Храковский называет исходной диатезой тот случай, когда сказуемое соответствует ситуации, подлежащее – субъекту, прямое дополнение – объекту, косвенное дополнение – адресату, инструменту, второму объекту. Структура с исходной диатезой – это структура основного залога, а структуры с производными диатезами – это структуры производных залогов [Храковский 1970, с. 30–31]. Общий признак для них заключается в том, что во всех случаях речь идет о той или иной характеристике действия в его отношении к субъекту и объекту. Под субъектом мы понимаем, вслед за А. В. Бондарко и Л. Л. Буланиным, семантическую категорию, обозначающую источник или носитель действия, а под объектом – семантическую категорию, обозначающую участника ситуации, на которого направлено действие или который

этим действием затрагивается [Бондарко, Буланин 1967, с. 150].

Придерживаясь позиций семантического синтаксиса, будем рассматривать строение исходного предложения изоморфной строению ситуации действительности. Вершиной любого предложения признается глагол: «информация, содержащаяся в предложении, равна информации, содержащейся в лексикографическом толковании глагола, который является вершиной этого предложения» [Храковский 1974, с. 5]. Согласно сочетательной теории залога В. М. Надеяева [Надеяев 1985, с. 3–14], глагол отражает «отдельные динамические, процессные ситуации реальной действительности» [Надеяев 1985, с. 6]. Отдельно взятые, то есть изолированные, процессные ситуации называются элементарными. Согласно «трехуровневому» пониманию диатезы ученые, например А. А. Шахматов [1941], В. С. Храковский [1974], В. М. Надеяев [1985], выделяют в залоговых конструкциях следующих референтов (компоненты, партиципантов, исполнителей) элементарных ситуаций:

1. Сам процесс – *предикат* – совершаемое действие или динамическое (физическое или психологическое) состояние.

2. Исполнитель или носитель этого процесса – *агенса*, *ференса*, или *актора*, которым соответствует в семантической структуре предложения понятие «субъект», т. е. производитель действия.

3. *Пациенса* – объект непосредственного воздействия процесса при наличии этого воздействия. [Надеяев 1985, с. 6]. На семантическом уровне – объект, на который направлено действие.

Эти термины не единственно возможные. Помимо *агенса* или *ференса*, употребляются также *реальный субъект*, *фактический субъект*, *производитель действия*, *деятель*, *агент*, *содействующий объект* и нек. др. Вместо *пациенса* – *реальный объект*, *фактический объект*, *точка приложения действия* и др.

2.2. Возвратный залог в шорском языке (в сопоставлении с русским)

2.2.1. Образование возвратного залога в русском языке

Возвратность – грамматическая категория глаголов, указывающая на направленность называемого глаголом действия или состояния на субъект. Возвратные и невозвратные глаголы в русском языке – это

спрягаемые формы глаголов, которые различаются наличием или отсутствием возвратных постфиксов **-ся/-сь**, а также по оттенкам значения.

Общеизвестно, что в русском языке возвратное значение передают формы, образованные от глаголов с помощью постфикса *-ся /-сь*: *стричь* → *стричься*, *кружить* → *кружиться*, *пасти* → *пасться* и т. д.

Однако не все глагольные образования на *-ся* выражают возвратное значение. Конкретное содержание залогового значения определяется характером соотношений между данной глагольной формой с *-ся* и мотивирующим словом без *-ся*. С этой точки зрения И. П. Мучник выделил три группы образований на *-ся* [Мучник 1971, с. 46]:

1. Глаголы с *-ся*, у которых имеются соответственные формы без *-ся*. При этом производные на *-ся* могут быть образованы как от переходных глаголов: *брить* → *бриться*, *кусать* → *кусаться*; так и от непереходных глаголов: *хвастать* → *хвастаться*; *стучать* → *стучаться*.

2. Префиксальные образования на *-ся*, у которых имеются соответственные формы без префикса и без *-ся*: *бежать* → *сбежаться*.

3. Глаголы с *-ся*, у которых нет соотносительных форм без *-ся*: *бояться*, *каяться*. Сюда же относятся образования с *-ся*, которые разошлись по значению с соответствующими формами без *-ся*: *раздаваться*, *отозваться*. Сравните: *Потерпевшим начали раздавать вещи. В ушах раздавался звон. Его отозвали в штаб армии. Крик отозвался многократным эхом.*

История изучения возвратного (рефлексивного) залога в русском языке широко освещается в лингвистической литературе. Подробно об этом можно прочитать в [Янко-Триницкая 1962; Бондарко, Буланин 1967, с. 161–167; Русская грамматика 1982, с. 615–617]. И хотя многие вопросы, касающиеся возвратного залога и его форм, уже решены, все же некоторые общие положения еще не утвердились в лингвистической науке. Так, для теории возвратного залога наиболее остро имеет значение соотношение возвратных глаголов и возвратных форм глаголов. А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин, подчеркивая важность этого соотношения, подходят к решению этой проблемы довольно узко: они считают, что возвратные формы образуются только от переходных глаголов [1967, с. 164]. Нам ближе точка зрения Русской грамматики [1982, с. 617], которая включает в залоговые формы и те, которые образованы от непереходных глаголов.

Критерии различий возвратных глаголов и возвратных форм глаголов, выдвинутые А. В. Бондарко и Л. Л. Буланиным, справедливы для залоговых форм, независимо от переходности/непереходности производных слов. Перечислим их. Во-первых, по составу и значению морфем: у возвратных форм аффикс *-ся* является формообразующим и имеет только грамматическое, залоговое значение. Во-вторых, по набору грамматических форм: у возвратных форм могут отсутствовать некоторые члены грамматической парадигмы. В-третьих, по лексическому значению: у невозвратного глагола и образованного от него возвратной формы лексическое значение одно и то же. В-четвертых, возвратные глаголы не терпят агентивного дополнения, тогда как возвратные формы принимают их свободно: *Старушка поднимается по лестнице. Груз поднимается подъемным краном* [Бондарко, Буланин 1967, с. 152–153].

К выдвинутым критериям добавим еще один: понятие диатезы, т. е. соответствие между семантическими и синтаксическими элементами, с одной стороны, и их соответствие референтам абстрактной ситуации действительности, с другой стороны. Считаем, что это надежное условие, чтобы анализу подверглись только залоговые формы глаголов.

2.2.2. Способ выражения возвратного залога в шорском языке

В шорском языке возвратный залог образуется с помощью аффикса *-н-*, который прибавляется к основам переходных или непереходных глаголов. Так как шорские непроизводные основы совпадают с корнями слов, то возвратный аффикс часто прибавляется непосредственно к корням, например: *кес-* ‘рубить, резать’ → *кезин-* ‘рубить, резать (для себя)’. Но может присоединяться и к уже производным словам, например: *чек* ‘мерзость, презрение, вред, мерзкий, вредный, едкий’ → *чексе-* ‘испытывать тошноту, позывы’ → *чексен-/чексин-* ‘гнушаться, брезгать, ненавидеть’; *аң-* ‘зверь’ → *аңна-* ‘охотиться’ → *аңнан-* ‘охотиться для себя’.

Морфема *-н-* имеет несколько фонетических вариантов. После основ, заканчивающихся на гласные, она употребляется в основном своем виде: *сана-* ‘думать, считать’ → *санан-* ‘думать про себя, считать про себя’. После основ, заканчивающихся на согласный, к нему наращивается гласная, выполняющая роль интерфикса. Тип гласной согласуется с законом сингармонизма: *көр-* ‘смотреть, глядеть, видеть’ →

кӧрӱн-/кӧрин- ‘виднеться, иметь вид’; *тарт-* ‘тащить, тянуть’ → *тартын-* ‘тащить, тянуть на себя/за собой’.

В зависимости от характера соотношения с исходным словом шорские возвратные глаголы делятся на следующие группы:

1) Самую большую группу образуют отглагольные рефлексивы, образованные от невозвратных глаголов: *чап-* ‘крыть, укрывать’ → *чабын-* ‘укрываться, накрываться’; *чаза-* ‘украшать, наряжать’ → *чазан-* ‘украшаться, наряжаться’; *пелне-* ‘готовить, запасать’ → *пелнен-* ‘готовиться, запасаться’.

2) Отыменные рефлексивы, для которых в настоящее время мотивирующими словами являются имена: *ачы / ачыг* ‘печаль, скорбь, досада, жалкий’ → *ачын-* ‘сжалиться, жалиться, жалеть’; *киче/кыча* ‘желание, страсть’ → *кичен-* ‘стараться, прилагать усилия, пещиться’; *пош* ‘свобода’ → *пожан-* ‘освобождаться’ (ср.: *пош* ‘свобода’ → *пожат-* ‘освободить, отпустить’).

В эту же группу включены такие возвратные глаголы, которые, возможно, образованы от невозвратных глаголов же, но на современном этапе в языке осталось только имя, а промежуточный невозвратный глагол в имеющихся словарях не зафиксирован: *эш* ‘уют, покой’ → **эште-* ‘жить в покое’ (?) → *эштен-* ‘уживаться’.

3) Возвратные глаголы третьей подгруппы не имеют в современном время мотивирующих слов, но в языке существуют другие слова с тем же корнем. Они распадаются на две подгруппы:

А) Возвратные глаголы, у которых нет мотивирующих основ, но в языке существуют однокорневые производные глаголы с другими аффиксами, например в наше время в шорском языке нет слова **ӱр-/ӱрг-/ӱрге-*, но есть *ӱрген-* ‘учиться’ и *ӱргет-* ‘учить’, а также образованные от них производные: *ӱргедиг* ‘учеба, учение’, *ӱргениш* ‘учеба, учение’, *ӱргедигчи* ‘учитель’, *ӱргенчи* ‘ученик’. См. еще примеры: *ӱргӱн-/ӱргӱнун-* ‘радоваться, ободряться’ и *ӱргӱт-* ‘радовать’; *тогалан-* ‘катиться самостоятельно’ и *тогалат-* ‘катить’; *усқан-* ‘проспать, проснуться’ и *усқат-* ‘будить’ и нек. др.

Б) Возвратные глаголы, у которых нет соотносительных основ, но в языке существуют однокорневые имена. Их отличие от возвратных глаголов, описанных в пункте 2, состоит в том, что эти имена имеют другие конечные аффиксы: *частан-* ‘положить подушку под голову’ и *частьк* ‘подушка’; *чажын-* ‘спрятаться’ и *чажыт* ‘тайна’.

4) Возвратные глаголы, которые на современном этапе не имеют соотносительных слов: *põgûn-* ‘думать, мыслить, замышлять (про себя), вспоминать’; *тыштан-* ‘успокаиваться’; *эген-* ‘стесняться’; *муқан-/муган-/муққан-* ‘печалиться, мучиться, маяться, заботиться’; *муңнан-* ‘мучиться, страдать’; *тарын-* ‘сердиться’ (возможно, от слова *тар* ‘порох’). Э. Ш. Генюшене называет их *Reflexivum tantum* [Залоговые конструкции...1981, с. 162].

2.2.3. Простые предложения, конституируемые возвратными формами глаголов, в шорском языке

Полемика, образуются ли возвратные формы только от переходных глаголов или могут восходить к непереходным глаголам, для шорского языка не так важна, как для русского. Шорские глагольные основы обычно синкретичны, и поэтому с лексико-грамматической точки зрения они часто обладают как признаками переходности, так и непереходности, например, глагол *көр-* выражает значения ‘смотреть, глядеть’, расцениваемые как непереходные, и в то же время ‘видеть’, которое является уже переходным. Вследствие этого от одних и тех же невозвратных глаголов образуются возвратные глаголы с разными значениями. Таким образом, простые предложения шорского языка с возвратными формами глаголов, мотивированные одним и тем же невозвратным глаголом, могут относиться к разным группам и подгруппам.

Все простые предложения, конституируемые возвратными формами глаголов, условно делятся на две большие группы.

I. Простые предложения с возвратными формами глаголов, образованными от невозвратных глаголов с переходными значениями. Они отличаются тем, что в них действует активный одушевленный субъект. Его действия направлены либо на себя, либо совершаются в своих интересах, либо аффикс *-н-* указывает, что субъект сам «втянут» в сферу им самим же производимого действия.

II. Простые предложения с возвратными глаголами, образованными в основном от непереходных, реже от переходных значений глаголов. Эта неоднородная группа предложений характеризуется тем, что субъект в них в основном неодушевленный предмет, и гораздо реже – одушевленное лицо.

I. Рассмотрим первую группу предложений с возвратными формами глаголов, образованных от переходных глаголов. В них легко

можно найти сходство с русскими предложениями подобного типа. Итак, они представляют следующие ситуации действительности.

I. 1. Ситуации физического воздействия, направленного на себя: т. е. субъектом и объектом процесса является одно и то же лицо. В формировании данных предложений участвуют семантически разнообразные глаголы с собственно-возвратным значением. Субъект является объектом с внешней стороны, т.е. изменения вносятся в его облик, внешность, в положение в пространстве. Ситуации, представленные собственно-возвратными глаголами, объединяются в следующие подгруппы.

I.1.1. Ситуации каузации, в которых субъект производит бытовые действия над собою либо частями своего тела с целью внести изменения в свою внешность, облик или по отношению к тому, что ему принадлежит: одежда, украшения, обувь, находящиеся на субъекте: *чунун-* ‘мытья, купаться’ (*чун-* ‘мыть’), *чозун-* ‘вытираться’ (*чос-* ‘вытирать’); *оран-* ‘обвернуться, завернуться’ (*ора-* ‘завертывать, заворачивать’); *сугун-* ‘сунуть, ЛСВ надеть (о кольце)’ (*суқ-* ‘прятать’); *шурын-* ‘раздеться’ (*сур-* /*шур-* ‘вытянуть, обнажить’); *алын-* ‘ЛСВ снять, раздеться’ (*ал-* ‘брат’); *таран-* ‘расчесываться, причесываться’ (*тара-* ‘чесать, расчесывать, боронить’); *қычын-* ‘чесаться’ (*қычы-* ‘чесать’); *чазан-* ‘украшать себя, приводить себя в порядок, наряжаться, краситься’ (*чаза-* ‘украшать, наряжать’); *шылан-* ‘мазаться, смазываться’ (*шыла-* ‘мазать, смазывать’); *толган-* ‘выжать, выжимать’ (*толгай* ‘поворот’); *тартын-* ‘ЛСВ застегиваться, повязываться’ (*тарт-* ‘тянуть, тащить’); *қурчан-* ‘опоясаться, подпоясаться, подвязаться, обвязаться’ (*қурча-* ‘опоясать, окружить’) и др.

(а) *Сугда чунунчам.* ‘В реке (воде) моюсь.’

(б) *Қан Кес чүзү қолун чозунып, ары пери чайқан чөрген.* (ДШФ, 40) ‘Кан Кес лицо, руки вытер, туда сюда, раскачиваясь, ходил.’

(в) *Пажынга ақ пылат тартынып чатчиган.* (ДШФ, 238) ‘На голове белый платок повязав, лежал.’

(г) *Бригадир толанча, пажын қычынча.* (Е. С. Кискорова) ‘Бригадир задумался, голову почесал.’

(д) *Императрица чазанып одурчытқан.* (КК, 163) ‘Императрица наряжалась (приводила себя в порядок).’

(е) *Анаң кебимни толганман, атқа мүнүн, эзерге одуруп, пуғул тартырғам.* (А. И. Чудояков) ‘Потом одежду не выжавши, на коня верхом забравшись, в седло сев, копыны возил.’

1.1.2. Ситуации каузации, в которых субъект действует по отношению к самому себе как к личности, побуждая, иногда принуждая себя к какому-то занятию, деятельности, труду. Это бытийные ситуации, описываемые многочисленным классом глаголов: *пожан-* ‘освобождаться’ (*пош* ‘свобода’; *пожат-* ‘освобождать, отпускать’), *азыран-* ‘питаться, кормиться, насыщаться’ (*азыра-* ‘насыщать, кормить’); *күйштен-* ‘подкрепляться’ (*күйште-* ‘подкреплять, принуждать’); *чепсен-* ‘готовиться, собраться’ (*чепсе-* ‘снаряжать, готовить’); *тықтан-* ‘готовиться, наполняться’ (*тықта-* ‘всовывать, вдалбливать’); *ўрген-* ‘учиться’ (ср.: *ўргет-* ‘учить’); *эмнен-* ‘лечиться’ (*эмне-* ‘лечить’); *шеберлен-* ‘беречься, остерегаться, быть аккуратным’ (*шеберле-* ‘хранить, беречь’); *кичен-* ‘стараться, прилагать усилия, пещиться’ (*киче/қыча* ‘желание, страсть’); *эштен-* ‘уживаться’ (*эш* ‘уют, покой’); *тилен-* ‘побираться’ (*тиле-* ‘искать’) и др.

(а) *Ол государыняның повелениезибе тюрбедең 1774 чылдың ужында пожанган полтыр.* (КК, 164) ‘Он по повелению государыни в конце 1774 года освободился.’

(б) *Ылар аштаан постарын тостурдылар, арынган постарын күйшендилер.* (ДШГ, 98) ‘Они, проголодавшись, себя насыщали, утомленные, себя подкрепляли.’

(в) *Пылар ийгеле тықтан кел, парыбыстылар.* (ФШ, 240) ‘Они вдвоем собрались, ушли.’

(г) *Амды ашыый кижилер қатқа ўргенчалар.* (ДШГ, 57) Теперь[даже] старики грамоте учатся.

(д) *Сен шеберленмеенчаң, анаң азрыпчаң.* (РШР, 66-67) ‘Ты не бережешься, потом болеешь.’

(е) *Эңне улуг ачазының қатты тиленчөрүп, азыранчын полтур.* (ФШ, 242) ‘Самого старшего брата жена побираясь, [так] кормилась, оказывается.’

1.1.3. Ситуации каузации движения, в которых субъект действует по отношению к своему телу или к какой-то своей части тела как физическому объекту: *ажын-* ‘открыть (глаза, рот)’ (*аи-* ‘открыть’); *чыжын-* ‘тереться, ползать’; *айлан-/айлен-* ‘ЛСВ: поворачиваться, повернуться, воротиться’ (*айла-* ‘вертеть, кружить’); *тудун-/тутын-* ‘держаться’ (*тут-* ‘держат’);

(а) *Қачан шубениң қошта парчаң, юг саара айлен!* (А. А. Зинченко) ‘Когда рядом с сосной проедешь, к югу повернись/поворотись!’

(б) *Қартычагаиштар паиштарын көдүрүп алып, ақсыларын ажыныбыстылар.* (ЧиШа 1999а, с. 91) ‘Маленькие ястребки, головы свои подняв, клювы раскрыли.’

(в) *Машморук айтчын:*

– *Сен қузуқ агажынза пар кел, чыжынзаң, – тепчин, – шобур қазынага. Қузуқтың шобур қазынага чыжынзаң, сен чақшы полпарар! – тепчин.* (ФШ, 230) ‘Машмарук говорит: «Ты к кедру сходи, потрись, – говорит, – о его кору. Если потрешься о кедровую чешую, ты хорошим станешь!» – говорит.’

(г) *Қачан қошта келбодурғанда, маттап анаң көргени: кижизи адынға орта мұне одуркелип, эзерди ийги қолыба маттап тудунсалтыр.* (ФШ, 188)

‘Когда [всадник] приблизился, [старик со старухой] всмотрелись: человек на середину коня взгромоздясь, за седло двумя руками сильно держится.’

1.1.4. Ситуации, в которых субъект старается выделить себя, тем самым каузирует других людей, чтобы они его заметили: *пақтан*- ‘хвалиться, хвастаться, гордиться, зазнаваться’ (*пақта*- ‘хвалить, хвадать’); *чойлен*- ‘притворяться’ (*чойла*-/*чойле*- ‘врать, лгать’); *санан*- ‘ЛСВ возомнить, мнить, иметь высокое мнение о себе, заспесивиться’ (*сана*- ‘считать, думать’)

(а) *Салғын парчан тайғалардаң меең құлақтарымға тылаастар акелча, – Парс чооқтапча, эде полза пақтан чөрзен, қайдыг тыластар менең уқаныңна. Ийгеле аргыш полбаспыс.* (Курп 2012, 204) ‘Ветер со всей тайги приносит мне вести в уши, – говорит Барс, – так будет, (если) хвастать будешь (о том), какие новости от меня сам услышал. Вдвоем друзьями не будем.’

(б) *Мында Аңчы тооланча, қайде кечеге күнде пайрамда, ол аңчылар алынга пактанганын.* (Курп 2012, 206) ‘Тут Охотник вспомнил, как вчера на празднике он перед (всеми) охотниками хвастался.’

(в) *Мен көрбачин кижии польп чойленыбыскем.* (Н. А. Тудегешев) ‘Я невидящий человек будто притворился.’

(г) *Эңней күштиг по чер үстінде аңмын теп сананча.* (Курп 2012, 203) ‘Самый сильный на земле зверь=я есть, говоря, мнит о себе/спесивится.’

1. 2. Ситуации умственной и психофизической деятельности. Их представляют глаголы, реализующие общевозвратное значение и

называющие действия, замкнутые в сфере субъекта, как его внутреннее состояние. В зависимости от того, сохраняют ли возвратные глаголы связь со своим мотивирующим словом, они подразделены на две подгруппы.

Первая из них включает производные слова, у которых легко определяется мотивирующая основа (глагол или имя): *тоолан-* ‘размышлять, рассуждать (про себя), решиться’ (*тоола-* ‘считать, подсчитывать’); *санан-* ‘думать, размышлять, считать (про себя)’ (*сана-* ‘считать, думать, хотеть’); *пилин-* ‘догадаться, осознать, понять’ (*пил-* ‘знать, понимать, постигать, познавать’); *таңзын-* ‘удивляться, восторгаться, восхищаться’ (*таң* ‘чудо, диво’); *қыртыштан-* ‘нервничать, беспокоиться, злиться, гнушаться’ (*қырта-* ‘досаждать, нервировать, беспокоить’); *ачын-* ‘сжалиться, жалиться, жалеть’ и *ачыглан-/ачылан-* ‘печалиться, сокрушаться, скорбеть’ (*ачы / ачыг* ‘печаль, скорбь, досада, жалкий’); *қоққұйлаан-* ‘печалиться, сокрушаться’ (*қоққұй* ‘печаль’); *муңнан-/муңнен-* ‘мучиться, страдать’ (*муңну-* ‘несчастный, печальный’); *эрелен-* ‘мучиться, страдать, терзаться, томиться’ (*эрле-* ‘мучить’); *чексен-/чексин-* ‘гнушаться, брезгать, ненавидеть’ (*чек* ‘мерзость, презрение, вред, мерзкий, вредный, едкий’ → *чексе-* ‘испытывать тошноту, испытывать позывы’); *сесин-* ‘догадаться, чувствовать, заметить’ (*сес-* ‘чуть, чувствовать’). А также устойчивое выражение с главным словом, образованным от *сал-* ‘положить, класть’: *сағышқа салын-* ‘запомнить, на ум положить’.

(а) *Аңчы үрге чип ала, Қазанақты пақтапча. Қазанақ улуглап келип, Оттуғ Таштаң қыртыштана керип, Оттуғ Ташты аргас, теп, адап салча.* (ИВШ, 10) ‘Охотник суп ест, Котелок нахваливает. Котелок возгордился, Кремня начал гнушаться, Кремня ленивым называет.’

(б) *Эңней күйитиг по чер үстінде аңмын теп сананча.* (Курп 2012, 203) ‘Самый сильный на земле зверь=я есть, говоря, себя считает.’

(в) *Ам өре Қудай-даа ачынар писке.* (Верб., 33) ‘Теперь наверху Бог-то сжалиться над нами.’

(г) *Қашқачак, келе перип, ол ташқа одур салып, қоққұйлаанча: «Ас пая-бая».* (ЧУШЯ, 272) ‘Кашкачак, подойдя, на тот камень усевшись, печалится: «Ас пая-бая».’

(д) *Қурсағымның атираца иштедып матеп мүннендым.* (Из диссертации Э. Ф. Чиспиякова) ‘Операцию желудка сделал, сильно мучился=я.’

(е) *Колхозниктер тракторды эбуре абалаттылар, эбуре турып,*

таңзыныжып, ұр көргеннер. (ДШГ, 155) ‘Колхозники трактор со всех сторон облепили, вокруг стояли, восторгаясь (удивляясь), долго рассматривали.’

Вторую подгруппу составляют глаголы, у которых на современном этапе развития языка нет видимой связи с мотивирующими основами: *пөгүн-* ‘думать, мыслить, замышлять (про себя), вспоминать’; *тыштан-* ‘успокаиваться’; *үргүн-/үргүнун-* ‘радоваться, ободряться’ (ср.: *үргүт-* ‘радовать’); *эген-* ‘стесняться’; *муқан-/муган-/муққан-* ‘печалиться, мучиться, маяться, заботиться’; *тарын-* ‘сердиться’ (возможно, имеет связь со словом *тар* ‘порох’); *ижен-* ‘надеяться’ (*ижеште-* ‘обнадеживать’); *көблен-* ‘влюбиться, любить, нравиться’

(а) *Қартыға Перген иштинде пөгүнди.* (ДШФ, 20) ‘Картыға Перген внутри подумал (про себя).’

(б) [*Меең палларым школ үргедигин түгеткенне*] *тың үргүндим.* (ДШГ, 292) ‘[Мои дети школьное обучение закончили,] сильно радуясь=я.’

(в) *Анаң тағ кижилер тарыныбыстылар.* (ФШ, 254) ‘Тогда горные люди рассердились.’

(г) *Қайдиг черде чаялып чөрчиткан алып полған, аны чедижип адазының төлин сурабаанче тыштанбачаңым.* (ДШГ, 134) ‘В какой [это] земле сотворенный ходячий богатырь будет, его догнав, о поколении отца=его [пока] не расспрошу, не успокоюсь.’

(д) *Чақшылар адарға эгенишчалар, чабаллар адарға ат табынманчалар.* (ДШГ, 72) ‘Хорошие [имя] назвать стесняются, плохие, чтобы назвать, имя не находят.’

(е) *Пир оол, аны көрүп, көбленмистир.* (ЧУШЯ, 273) ‘Один парень, ее увидев, влюбился.’

1. 3. Ситуации реагирования субъекта на события реальной жизни, на факты действительности или на полученную информацию. Глаголы, описывающие их, раскрывают внешние признаки внутренних состояний субъекта, вызванных реалиями жизни. Так как реакция на раздражители может быть различной, то и глаголы разные, но все они выражают, по нашему мнению, средневозвратное значение [Виноградов 1972, с. 496; Современный русский язык в таблицах...1985, с. 28]. В основном, они образованы от переходных глаголов: *эркелен-* ‘ласкаться’ (*эркеле-* ‘ласкать’); *айлан-* ‘ЛСВ вертеться, кружиться, отворачиваться’ (*айла-* ‘вертеть, кружить’); *чажын-* ‘прятаться’ (ср.: *чажыт* ‘тайна’); *сығын-* → *сынын-/сыын-* ‘жаться, забиться, прятаться’ (*сық-*

‘сжимать, жать’); *силгин-* ‘трястись’ (*силги-* ‘трясти’); *чайқан-* ‘качаться, покачиваться, раскачиваться’ (*чайқа-* ‘качать, кивать головой’); *шабылын-* ‘биться’ (*шап-* ‘бить, ударять’); *қыйбыран-* ‘шевелиться, двигаться’ и др. Но среди них есть один глагол *ызайын-* ‘усмехаться, ухмыляться, насмехаться’, который образован от непереходного *ызай-* ‘улыбаться, насмехаться’.

(а) *Чаш тижги кижги ызайыныбысты.* (ЧиШа 1999а, с. 38) ‘Молодая женщина усмехнулась /улыбнулась.’

(б) *Алтын қарабадынга айланып чадыбысты.* (ДШФ, 76) ‘В золотую кровать, отворачиваясь, ложится.’

(в) *Тұлғучектер қоругыжып инге киіре чажыныбысты.* (ДШГ, 238) ‘Лисята, испугавшись, в нору спрятались.’

(г) *Апшақ палазын ал энип, одагына аккиргени, құртуяғы қоругып, толукқа сынынды.* (ФШ, 184) ‘Медвежонка взяв [с собой], [старик] спустился, когда в избу [медвежонка] ввел, старуха от испуга в угол забилась.’

(д) *Адай силгинимисти.* (ЧиШа 1999а, 34) ‘Собака отряхнулась /встряхнулась.’

(е) *Оолақ қыйбыранмаан турча.* (ЧУШЯ, 272) ‘Мальчик, не шевелясь, стоял.’

1. 4. Ситуации, в которых субъект одновременно является и косвенным объектом. Их описывает довольно пестрый разряд глаголов, реализующих косвенно-возвратное значение. Благодаря своей семантической неоднородности они способны описывать разные ситуации, объединенные в следующие подгруппы.

1. 4.1. Ситуации, представляющие действия субъекта, производимые в своих интересах или для себя.

1. 4.1.1. Бытийные процессы, включающие занятия, деятельность субъекта на свое благо: *тынан-* ‘отдыхать’; *пелнен-* ‘запасаться’ (*пелне-* ‘готовить, запасать’); *аңнан-* ‘охотиться для себя’ (*аңна-* ‘охотиться’); *уқан-* ‘слушать, слышать самому’ (*уқ-* ‘слышать, услышать, слушать’); *иштерин-* ‘делать для себя’ (*иште-* ‘делать’) и др.

(а) *Аңчылар тир ай чарым уйде тынанчалар.* (ДШГ, 109) ‘Охотники полтора месяца дома отдыхают.’

(б) *[Апшыйба құртуяқ] Эртен турып азыранып алчалар, пазоқ тынанчалар, аштағаннарда – пазоқ азыранчалар.* (ФШ, 194) ‘[Старик со старухой] Утром встанут, наедятся, снова отдыхают, проголодаются=когда – снова досыта наедаются.’

(в) *Адай эжикке келип, <...> чуртына чет полбаан, ақ чазыга аңнанча.* (ДШГ, 215) ‘Собаки, к двери подойдя, <...> [родной] юрт достичь не в силах, в белой степи охотятся (для себя).’

(г) *Салғын парчан тайгалардаң меең қулақтарымға тылаастар акелча, – Парс чооқтапача, эде полза пақтан чөрзен, қайдығ тыластар менең уқаныңна. Ийгеле аргыш полбасыс.* (Курп 2012, 204) ‘Ветер со всей тайги приносит мне вести в уши, – говорит Барс, – [если] так будет, [если] хвастать будешь [о том], какие новости от меня [для себя] услышал=ты-же. Вдвоем друзьями не будем-мы.’

(д) *Ам по оол андиг ишти иштеринча, ааң қызын көрб аларға санабысты.* (ФШ, 208) ‘Вот этот парень такую работу делает (для себя), его [хана] дочь увидеть захотел.’

1.4.1.2. Бытовые или профессиональные физические действия, производимые в своих интересах: *кезин-* ‘рубить, резать (для себя)’ (*кес-* ‘рубить, резать’); *төжєн-* ‘стелить, подстелить (для себя)’ (*төжє-* ‘стелить’); *частан-* ‘положить подушку под голову’ (*частык* ‘подушка’); *сугун-* ‘сунуть себе, спрятать (для себя)’ (*суқ-* ‘совать, сунуть’); *таштан-* ‘бросить на себя /для себя’ (*ташта-* ‘бросать’); *қазын-* ‘копать, выкопать для себя’ (*қас-* ‘копать’); *шайбын-* ‘полоскаться’ (*шайбы-* ‘полоскать’); *тартын-* ‘притянуть, притягивать к себе /для себя; тащить за собой’ (*тарт-* ‘тянуть, тащить’); *сөртен-* ‘тащить за собой’ (*сөрте-* ‘тащить, волочить’); *тудун-* / *тутын-* ‘взять с собой; держать для себя; хватать, добывать для себя; ЛСВ: употреблять, использовать’ (*тут-* ‘держать’); *азын-* ‘вешать/повесить для себя, на себя’ (*ас-* ‘вешать’); *чедин-* ‘ЛСВ приобретать, доставать для себя’ (*чет-* ‘достигать’)

(а) *Тайгаа парып, позына ағаш кезин.* (ДШГ, 146) ‘В тайгу поезжай, для себя дрова наруби.’

(б) *Алтына колағ төжєнип, пажынға тезе эзер частанып черге узуп одурган.* (ДШГ, 146) ‘Под низ подпругу подстелив, под голову же седло положив, спал.’

(в) *Пир апиақ күскүзүн ин қазын чатты.* (ДШГ, 146) ‘Один медведь осенью, берлогу выкопав для себя, залег.’

(г) *Аңчылар сөрткелерин тартынғанче ол тайгаа парғаннар.* (ДШГ, 162) ‘Охотники, санки-волокуши за собою таща, в ту тайгу пошли.’

(д) *Ўр темге шығара кижилер сөök, таш тибеллер тудунғаннар.*

(ДШГ, 146) ‘Долгое время люди костяные, каменные орудия употребляли.’

(е) *Ўр эбес темниң пажсында пис наа туғаннарға чединербис.* (ЧУШЯ, 119) ‘Через некоторое время мы новую родню приобретем (для себя).’

1.4.2. Ситуации, в которых субъект является одновременно косвенным объектом, при этом действия, производимые им, неблагоприятны для него: они наносят вред его телу, частям тела или внутренним органам. Обычно это ситуации непреднамеренных действий, в результате которых субъект наносит себе физический вред или испытывает дискомфорт: *сын-* ‘ломаться, разрушаться’ (*сы-* ‘ломать’); *шабын-* ‘ЛСВ удариться’ (*шап-* ‘бить, ударять’);

(а) *Уулчак пойының мойнын сынып, өлүп парды.* (Верб., 318) ‘Мальчик, свою шею сломав, умер.’

(б) *Аның шабындыр.* (Г. Г. Тептегешев) ‘Потом ударился, оказывается.’

(в) *Аттыбыза перип, салтымга кел түжип, пажсын шабынын алды.* (ЧиШа 1999а, 101) ‘Прыгнув, на пол упав, головой ударился.’

1.4.3. Ситуации речевой деятельности. Они отличаются от обычных тем, что субъект выражает собственные мысли, просьбы, свое имя. Для таких речевых актов характерно произношение «про себя», тихо, шепотом, «себе под нос», или для себя: *айдын-* ‘говорить, сказать про себя; ЛСВ просить для себя’ (*айт-* ‘говорить, сказать’); *сыбыран-/сыбран-* ‘шептать про себя’ (*сыбыра-/сыбра-* ‘шептать’); *адын-* ‘назваться, назвать свое имя’ (*ада-* ‘называть’); *чалган-* ‘подлизываться, умолять’ (*чалга-* ‘лизать’); *эрбектен-* ‘говорить (про себя, тихо, себе)’ (*эрбекте-* ‘говорить, разговаривать’);

(а) *Көк Қартығаны арғыш чөлекке айдынарзың.* (ДШГ, 56) ‘Кок Картыгу о товарищеской поддержке попросишь для себя=ты.’

(б) *Сен анда ноо сыбыранчаң, қаары хрыч? – теп, қыйғырды Хлопуша.* (КК, 123) ‘Ты там что шепчешь (про себя), старый хрыч? – говоря, кричал Хлопуша.’

(в) *Мен адандым.* (КК, 135) ‘Я назвался.’

(г) *Апшый:*

– *Қоруқпа, құртуяқ! – тедир. – Адарга эткеним, чалганча, кижичилеп эрбектен сурапчытқанда, атпадым.* (ФШ, 184)

‘Старик:

– Не бойся, старуха! – сказал. – Стрелять хотел, [он] умоляет (для себя), как человек, говоря, попросил=когда, [я] не выстрелил.’

(д) *Қанза маға тебе көрбеен эрбектенча.* (ДШГ, 233) ‘Канза, не глядя на меня, [тихо, про себя] говорит.’

II. Простые предложения, построенные возвратными глаголами, образованными от невозвратных глаголов в основном с непереходными, реже с переходными значениями. Они описывают ситуации действительности, в которых субъектом выступают в основном неодушевленные предметы, хотя встречаются и одушевленные лица.

1. Ситуации, в которых субъект как-то проявляется, воздействует на органы зрения, видится в каком-то цвете. В описании этих ситуаций участвуют глаголы: *көрүн-/көрин-* ‘быть видимой, зрительно проявляться, виднеться’ (*көр-* ‘глядеть, смотреть, видеть’); *сустан-* ‘сверкать, блестеть, испускать лучи’ (*суста-* ‘сверкать, блестеть, испускать лучи’); *палтыңнан-* ‘сиять самому’ (*палтыңна-* ‘сиять’)

(а) *Ол қыс ол кижиниң карагына көрүнчаттыр, паза кижиниң карагына көрүнмеенчаттыр.* (ДШГ, 200) ‘Та девица для глаз того человека видимой была; для глаз других [она] невидимой была, оказывается.’

(б) *Рақта тағлар көрүнча, ағаш пирда чоқ.* (Ўлгер, 106) ‘Вдалеке горы виднеются, деревья ни одного нет.’

(в) *Күн энечек сустанып, тағ пажынға салыпча.* (ЧиШа 1999а, с. 23) ‘Солнце-матушка (лучами) сверкает, на вершину горы (лучи) посылает.’

(г) *Алтын-күмүшпе палтаңнанып турча.* (ФШ, 264) ‘Золотом-серебром сверкая, [жилище] стоит.’

2. Ситуации разнообразных действий (движений) одушевленного или неодушевленного субъекта, которые он производит самостоятельно. На наш взгляд, эти ситуации описываются глаголами с активно-безобъектным значением, которые характеризуют субъекта с какой-то стороны. Ситуации, в которых субъектом выступают неодушевленные предметы, часто встречаются в фольклорных и литературных произведениях: так создается метафорический образ или олицетворение: *тоғалан-* ‘катиться самому’ (*тоғалат-* ‘катить’); *тебин-* ‘топтаться, лягаться самому’ (*теп-* ‘лягать, пинать’); *айлан-* ‘кружиться’ (*айла-* ‘кружить’); *шабын-* ‘хлопать, бить, махать (о крыльях)’ (*шап-* ‘бить’); *маайлан-* ‘задерживаться, медлить’ (*май* ‘медленный, медленно’).

(а) *Қыс айтқан: «По түргек чибичек сеең алынма тоғаланып одураар, сен ааң соонаң таштабаан сүрип одураарзын.»* (ДШГ, 115) ‘Девушка сказала: «Этот клубочек ниток перед тобой покатится, ты за ним, не отставая, следуй!»’

(б) *Қаннаң қызыл чегрен ат толада пышқырды, тоскура тебинди.* (ДШФ, 50) ‘Краснее крови игреневый конь, взметнувшись, зафыркал, разбрасывая [ноги], затопал (сам).’

(в) *Чаш Аңчинаң пажы айланыш шықтыр.* (Курп 2012, 205) ‘У Молодого Охотника голова=его кружится стала.’

(г) *Қартыға қанаттарын шабынғанче қара чышқа саара учуқты.* (ДШГ, 162) ‘Ястреб, махая (хлопая сам) крыльями, к черному лесу полетел.’

(д) *Пайағы қуш <...> қанаттарын шабынғанче аға оралыбысты.* (ДШГ, 302) ‘Давешняя птица, <...> крыльями захлопав, в нее [сеть] запуталась.’

(е) *Парарын эрте пар полбаан салдым, маайланмыстым: эпчим поны иштеп сал, тигини иштеп сал теп айтча, тем, тезе, эртин одурча.* (ЧУШЯ, 280) ‘Но рано не мог собраться, задержался: жена, то то, то это сделай, говорит, а время уходит.’

3. Ситуации перехода из одного состояния в другое, при этом создается впечатление, что неодушевленный субъект самостоятелен в своих действиях: *сын-* ‘ломаться’; *пөлүн-* ‘расщепляться, делиться’ (*пөл-* ‘делить, разделять’); *усқан-* ‘проснуться, просыпаться’ (см.: *усқат-* ‘будить’); А также устойчивые выражения – с главным словом, образованным от *ал-* ‘брать, взять’: *сағыш алын-* ‘прийти в сознание’ *тын алын-* ‘вдохнуть, прийти в себя’.

(а) *Тақта сынды.* (Словарь, 50) ‘Стул сломался’

(б) *Мөзүк парған пулуды аттың кабагына пөлүнча, чабыс парған пулуды сағрызына пөлүнча.* (ДШГ, 56) ‘Высоко идущее облако о лоб коня расщепляется, низко идущее облако от спины коня разделяется.’

(в) *Ұшкүре, сағыш алынды, сығара, тын алынды [алып].* (ДШГ, 146) ‘Вздыхнув, в сознание пришел, засвистев, в себя пришел [богатырь].’

(г) *Терең узуун усқанды.* (ДШГ, 128) Крепко спавший проснулся.

4. Две ситуации действительности, связанных генетически: во-первых, приближение к конечному пункту и, во-вторых, соприкосновение с объектом или целью движения. В обоих случаях цель как бы

сама провоцирует и приближение, и соприкосновение с нею. Представляя эти ситуации, глаголы реализуют побочно-возвратное значение: *чагын-/чагынна-* ‘приближаться’ (*чагын* ‘близкий, недалекий’); *қабын-* ‘цепляться, хвататься’ (*қап-* ‘хватать, ловить’); *қайын-* ‘прилепиться’; *теген-* ‘касаться’ (*тег-* ‘трогать’); *тайан-/тайан-* ‘опираться на посох; подпереться; плыть, опираясь на шесты’ (*тайақ* ‘посох, палка, шест’); *чапын-/чапсын-* ‘лнуть, прилнуть, клеиться’ (*чапыр-/чапсыр-* ‘клеить, прикрепить’); *қоштан-* ‘приблизиться’ (*қошта-* ‘встать рядом, приближать’); *тартын-* ‘притягивать к себе’ (*тарт-* ‘тянуть’).

(а) *Кебе суг қажына чагынады.* (ДШГ, 142) ‘Лодка к берегу реки приближалась.’

(б) *Қазыр чулат қажында кичиг паллар қайынды.* (ЧиШа 1999а, 54) ‘На берегу быстрой речушки маленькие ребятишки прилепились.’

(в) *Күн изиг тегенча, ...* (ЧиШа 1999а, 111) ‘Солнце жарко касается, ...’

(г) *Моол қаны алтын қамыш тайагын тайанып, одуруп чадыр.* (Верб., 328) ‘Монгольский хан, на камышовую трость опираясь, сидел, оказывается.’

(д) *Аны уққан Қан Кес алтын өргениң көзүнегине чапынды.* (ДШФ, 44) ‘Это услышав, Кан Кес к окошку золотого дворца прилнул.’

(е) *Қарғалар қоштанарға санапчалар.* (ДШГ, 171) ‘Вороны хотели приблизиться.’

(ж) *Көгер турған көк өлең Арчы сугын тартынды.* (ЧиШа 1999а, с. 113) ‘Молодая зеленая трава Воду росы к себе притягивает.’

2.2.4. Особенности возвратных глаголов шорского языка и грамматических конструкций, отображающих возвратные ситуации. Подведение итогов

Итак, анализ фактического материала показал, что возвратные формы глаголов в шорском языке обладают рядом особенностей. В первых, шорские глагольные основы обычно синкретичны, потому что с лексико-грамматической точки зрения обладают признаками как переходности, так и непереходности, например, *көр-* выражает непереходные понятия ‘смотреть, глядеть’ и переходное ‘видеть’. Вследствие этого от одних и тех же невозвратных глаголов образуются рефлекс-

сивы с разными значениями. Иногда, у возвратных форм глаголов развиваются метафорические значения. Так, *тут-* ‘держат, хватать’ образует *тудун-* с прямым значением ‘держаться’ и метафорическими: ‘иметь при себе, употреблять, добывать’: *Қайзы шана тудуна келди.* (ДШГ, 95) ‘Некоторые, лыжи, имея при себе, пришли.’ *Ўр темге шығара кижилер сөök, таи тибеллер тудунғаннар.* (ДШГ, 146) ‘Долгое время люди костяные, каменные орудия употребляли.’ *Иштирлер араку, чоқташчалар, кем кайдиг мекелиг анаң күйтиг аңнарда тутанарын.* (Курп 2012, 205) ‘Пили араку, рассказывали, кто каких хитрых или сильных зверей добудет.’

Во-вторых, шорские глаголы с аффиксом *-н-* обычно сохраняют сильное управление исходных невозвратных глаголов и требуют от управляемых имен форму (а) в винительном либо (б) в других косвенных падежах. Сравните управление невозвратных глаголов *иште-* ‘делать’ (а¹) и *чет-* ‘достигать, приближаться’ (б¹) и их производных *иштерин-* ‘делать для себя’ (а²) и *чедин-* ‘доставать, приобретать’ (б²):

(а¹) *Пис тебирдең таққалар иштедибис.* (ЧУШЯ, 65) ‘Мы из железа подковы делаем.’ (а²) *Ам по оол андиг ишти иштеринча.* (ФШ, 208) ‘Вот этот парень такую работу делает (для себя).’

(б¹) *Ылар үжеле аңнар черге четтилер.* (ДШГ, 181) ‘Они втроем до места охоты дошли.’ (б²) *Анчезинде суга чединдим.* (ДШГ, 91) ‘Наконец-то воду достал=для себя=я.’

Бывает, что производные рефлексивы меняют управление по сравнению с исходными невозвратными глаголами. Например, *кап-* ‘хватать’ требует от управляемых имен исходного падежа (в¹), так как открывает синтаксическую позицию прямого частичного объекта [Телякова 1994, с. 13]. А образованный от него глагол *кабын-* ‘схватиться’ (в²) управляет формой в дательном-направительном падеже: (в¹) *Қан Кес өрекеннің қолунаң қапты.* ‘Кан Кес старухину руку схватил.’; (в²) *Соган қамчызын сынаппергени, чылан ага қабыныбысты.* (ФШ, 260) ‘Соган плетку протянул, змея за нее ухватила.’

Семантика шорских возвратных форм глаголов, с одной стороны, шире, чем у русских рефлексивов, а с другой, – уже.

Значения глаголов с возвратным аффиксом *-н-* шире, потому что они выражают общее понятие вовлечения субъекта в действие, которое он производит: субъект и все, что относится к нему, «втянуты» в процесс. Поэтому шорские возвратные глаголы способны открывать

места для актантов, называющих прямой объект: *Уулчак пойының мойнын сынып, олўп парды.* (Верб., 318) ‘Мальчик, свою шею сломав, умер.’ *Қалық пөрүктерин алыныбысты.* (КК, 97) ‘Народ шапки снял.’

Косвенно-возвратное значение у шорских рефлексивов также гораздо шире, ср.: [Русская грамматика 1982, с. 618]. Шорский аффикс *-н-* не только заменяет возвратное местоимение *себя* в любом падеже, но и выражает значения, которыми обладают местоимения *сам* и *свой* в разных падежах: *Аңчылар сөрткелерин тартынганче ол тайгаа парғаннар.* ‘Охотники, санки за собою таща, в ту тайгу пошли.’ *Парс чооктапча, эде полза пақтан чөрзен, қайдығ тыластар менен уқаныңна.* (Курп 2012, 204) ‘Барс говорит: «Так будет, если хвастать будешь, какие новости от меня сам слышишь.»’ *Бригадир пажсын қычынча.* ‘Бригадир свою голову чешет.’

Узость возвратного залога в шорском языке проявляется в том, что у рефлексивов наблюдаются не все залоговые значения, которые есть у русских возвратных глаголов. Так, шорские глаголы не выражают взаимно-возвратного значения; а активно-безобъектное и побочно-возвратное значения проявляются ограниченно (см. предыдущий параграф).

Шорские возвратные глаголы, мотивированные переходными глаголами, распределяются по нескольким лексико-грамматическим разрядам. Субъектом в них всегда выступает одушевленное лицо:

I. Глаголы с собственно-возвратным значением называют действие, направленное на себя: *Сугда чунунчам.* ‘В реке моюсь.’

II. Глаголы с обще-возвратным значением обозначают психофизическое состояние субъекта: *Қашқачак қоққуйлаанча: «Ас пая-бая».* (ЧУШЯ, 272) ‘Кашкачак печалится: «Ас пая-бая».’

III. Глаголы со средне-возвратным значением называют внешнее проявление переживаемых чувств: *Тұлғучектер коругыжып инге кире чажыныбысты.* (ДШГ, 238) ‘Лисята, испугавшись, в норе спрятались.’

IV. Глаголы с косвенно-возвратным значением обозначают действия, совершаемые субъектом в своих интересах: *Тайгаа парып, поэна ағаш кезин.* (ДШГ, 146) ‘В тайгу поезжай, дрова наруби.’

Шорские рефлексивы, мотивированные непереходными, реже переходными глаголами, называют действия, субъектом которых являются неодушевленные и одушевленные лица. Не образуя четких лексико-грамматических разрядов, они выражают значения:

I. Значение перехода из одного состояния в другое: *Тақта сынды.* ‘Стул сломался.’

II. Значение характеристики субъекта, близкое к активно-безобъектному: *По түргек чибичек сең алынма тогаланып одураp.* (ДШГ, 115) ‘Этот клубочек ниток перед тобой покатится сам.’

III. Значение «видеться», когда субъект воздействует на органы зрения, видится в каком-то цвете: *Рақта тағлар көрүнча, ағаш пирда чоқ.* (Ўлгер, 106) ‘Вдалеке горы виднеются, деревья ни одного нет.’

IV. Глаголы с побочно-возвратным значением описывают приближение и соприкосновение с целью движения: *Кебе суг қажына чағынады.* (ДШГ, 142) ‘Лодка к берегу реки приближалась.’

Итак, нами рассмотрены рефлексивные глаголы шорского языка, их образование, классификация в зависимости от их соотношения с производящим глаголом. Представлены различия в значениях шорских и русских рефлексивов. Особенностью шорских возвратных глаголов является то, что они не выражают взаимно-возвратного действия, а активно-безобъектное и побочно-возвратное значения проявляются ограниченно. Но самое главное отличие состоит в том, что возвратность понимается в шорском языке гораздо шире, чем в русском. Если русские конструкции с возвратными глаголами показывают, что действие, исходящее от субъекта, замыкается на нем же, то согласно шорскому пониманию, не только субъект, но и все, что есть у него и находится на нем или при нем, «втягивается» в процесс воздействия. Поэтому самое большое отличие шорских рефлексивов заключается в том, что они допускают при себе прямое дополнение, т. е. в отличие от русских возвратных глаголов не являются непереходными.

2.3. Страдательный залог в шорском языке (в сопоставлении с русским)

2.3.1. Образование страдательного залога в русском и шорском языках

В русских предложениях, выражающих страдательное значение, в качестве сказуемых могут регулярно выступать: 1) переходные глаголы сов. вида в форме полных и кратких страдат. причастий прош. времени с суффиксами *-нн- /-енн-, -т-: подготовленный, подготовлен; прочитанный, прочитан; открытый, открыт*; 2) возвратные глаголы несов. вида наст. и прош. времени: *доставляется, доставлялся; переписывается, переписывался.*

Доклад давно лежал подготовленным к чтению; Доклад подготовлен; Окно стояло всю ночь открытым; Окно открыто; Реферат остался непрочитанным; Реферат прочитан; Письма доставляются вовремя; Статья переписывалась несколько раз.

Менее регулярно используются: 1) переходные глаголы несов. вида в форме страдат. причастий прош. времени: *писан, читан, зван*; 2) переходные глаголы несов. вида в форме кратких страдат. причастий в наст. времени с суффиксами *-ом- / -ем- / -им-*: *ведом, читаем, делим*.

Я сегодня зван на ужин; Направленная Наполеоном атака на наш левый фланг была несколько раз отбиваема (Л. Н. Толстой).

Таким образом, в русском языке страдательный залог выражается двумя формами, которые во многом зависят от вида глагола: глаголы совершенного вида выражают страдательный залог как правило формой краткого страдательного причастия; глаголы несов. вида выражают его преимущественно возвратным глаголом с постфиксом *-ся/-сь* в страдательном значении. Возвратный глагол несов. вида со страдательным значением никогда не выражает состояния, вызванного предшествующим действием [Русская грамматика 1982, с. 616]: *Литература изучена. Литература изучается (изучалась) три года. Слово претворено в дело. Слово претворяется в дело.*

В шорском языке, согласно Н. П. Дыренковой [1941, с. 145], страдательный залог образуется с помощью аффикса *-л-* с обусловленными орфоэпическими нормами фонетическими вариантами: *-ал- /-ыл- /-ел- /-ил- /-ул- /-ўл-*, в речи возможны и некоторые другие варианты.

Этот аффикс прибавляется к основам переходных глаголов: *сарна* ‘петь’ → *сарнал-* ‘быть спетым’; *аш-* ‘открыть’ → *ажыл-* ‘быть открытым’; *төк-* ‘лить’ → *төкүл-* ‘быть пролитым’; *кес-* ‘резать’ → *кезил-* ‘быть резанным’; *пагла-* ‘вязать, привязывать, привязать’ → *паглал-* ‘быть привязанным/связанным’; *тут-* ‘держать’ → *тудул-* ‘быть задержанным’.

Пристальный анализ глагольных форм с аффиксом *-л-* показал, что предложения, образованные ими, помимо страдательного, выражают еще и возвратное значение. Но в предлагаемой главе будут рассмотрены только актантная деривация, семантическое значение и другие особенности предложений с исконным страдательным значением.

2.3.2. Система актантов пассивных конструкций в русском и шорском языках

Сущность страдательного значения заключается в специфической связи действия с субъектом и объектом этого действия, о чем писали [Шахматов 1941, с. 479–480; Янко-Триницкая 1962, с. 81; Харитонов 1963, с. 108; Храковский 1974, с. 13; Русская грамматика 1982, с. 615; Наделяев 1985, с. 3–14 и др.].

Наполнение пассивных конструкций всеми компонентами, т. е. предикатом, агенсом и пациенсом, является образцовым и свидетельствует о том, что произошла перестановка синтаксических актантов: подлежащее передвинулось на место дополнения, а дополнение заняло место подлежащего:

Активная диатеза: *Художник нарисовал картину.*

Пассивная диатеза: *Картина нарисована художником.*

Такой пассив И. А. Мельчук называет полным [1998, с. 166].

На самом деле страдательные конструкции не всегда состоят из трех компонентов. Более того, пассивные предложения без агенса, как отмечает В. А. Плуныян, «гораздо более» распространены в языках мира [2000, с. 199]. Двучленные конструкции характерны для угорских языков [Черемисина, Соловар 1990, с. 33–34], для тюркских языков [Харитонов 1963, с. 108; Алмадакова 2005, с. 72]. На первый взгляд, предложения агентивного типа часто встречаются в русском языке. Но история развития русских пассивных конструкций свидетельствует об обратном: двучленные конструкции, состоящие только из предиката и пациенса, были более употребительны в древнерусском языке. Так, известный историк языка Ф. И. Буслаев отмечал, что «страдательный глагол может быть или определенный, т. е. при лице действующем, напр., “любим всеми”, или неопределенный, т. е. без означения лица действующего, напр. “дом строится”» [Буслаев 2006, с. 104]. В. Н. Данков более категоричен в оценке частотности таких конструкций: он пишет, что в русском литературном языке с XI по XIV – XV века господствующими в системе синтаксических структур, выражающих страдательное значение, были «конструкции безагентивного типа» [1981, с. 52]. Особенно это утверждение справедливо относительно конструкций, построенных страдательными причастиями; например, в памятниках деловой письменности этого времени трехчленные построения составляют всего 7 % от общего числа страдательных причастных конструкций [Там же].

Что касается современного состояния, то мнения ученых разнятся. Прежде всего это касается предложений с предикатом, выраженным глаголом с постфиксом *-ся*. Н. А. Янко-Триницкая приводит полемику на страницах своей монографии о том, что наличие «творительного падежа содействующего значения» свидетельствует о пассиве, а его отсутствие о возвратности данной словоформы. В подтверждение этой точки зрения она цитирует слова А. Б. Шапиро: «В тех случаях, когда глагол с “ся” не имеет при себе дополнения в твор. пад., обозначающего объект, при содействии которого субъект производит свой признак, он значения страдательного залога не имеет» [Янко-Триницкая 1962, с. 91].

Сама же она придерживается взглядов Ф. И. Буслаева, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, которые полагали, что «страдательное значение в возвратном глаголе возможно и без творительного падежа указанного значения» [Янко-Триницкая 1962, с. 91]. Свое мнение она высказывает, опираясь на слова И. П. Мучника, заметившего: «В ряде случаев <...> страд. значение глагола сопровождается творительным реальным субъектом. Надо, однако, сказать, что численно эта группа значительно меньше другой группы страдательных глаголов с *-ся*, не сопровождающихся творит. падежом». Надия Александровна также ссылается на «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, где сплошь и рядом страдательное значение иллюстрируется конструкциями без агенса: «сено косится у нас в середине июня», «картофель копается осенью», «эти материалы плохо клеятся» и т. п. [Там же].

Отмечая возможность страдательного значения у причастных форм и у глаголов с постфиксом *-ся/-сь*, многие ученые констатируют, что безагенсное употребление встречается значительно чаще. К уже названным выше ученым примыкают также М. И. Черемисина, Е. В. Ковган [1989, с. 29], отметившие, что в русском языке агентивные предложения встречаются редко и являются искусственными, а также В. А. Плуноян, отметивший: «В русском языке предложения, которые не содержат позицию агенса, более типичны, чем предложения с агентивной позицией» [2000, с. 199].

Со своей стороны мы решили на практике выяснить, так ли это. В качестве эксперимента было подсчитано общее количество пассивных конструкций в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: их

оказалось 180 единиц. Из них приблизительно 26 высказываний содержит заполненную позицию агенса. Неточное количество таких предложений из-за того, что в него включены такие примеры, как: *Она (изба) освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; Поединок мой стал известен родителям через него (Савельича) (А. С. Пушкин)* – они могут и не рассматриваться как трехчленные конструкции. Таким образом, трехчленные конструкции составляет 14,5 % от всего числа. Конечно, этот вопрос требует более тщательной проработки, но даже одно небольшое произведение показывает, что позиция агенса в русских пассивных конструкциях чаще остается незаполненной, чем заполненной.

Отсюда вывод: в русском языке для выражения страдательного значения необходимым и достаточным являются двучленные синтаксические конструкции, состоящие только из предиката и пациенса.

Если в русском языке безагентивные пассивные конструкции преобладают, то в шорском языке они закономерны, как и в угорских [Черемисина, Соловар 1990, с. 33–34] и других тюркских языках Сибири [Харитонов 1963, с. 108; Алмадакова 2005, с. 72]. Таким образом, пассивная граммема рецессивно влияет на актантную структуру страдательных предложений шорского языка: она элиминирует один актант. Если исходная активная структура содержала два актанта: агенс и пациенс, то производная страдательная структура всего один – только пациенс.

2.3.3. Отличие пассивных конструкций от активных. Условия агентивности и безагентивности страдательных предложений русского языка

Классический пассивный залог противопоставляется активному залогу и является в этой оппозиции маркированным членом. Выбор активной или пассивной диатезы в каждом конкретном случае детерминруется предшествующим контекстом или замыслом автора. В. С. Храковский на материале русского языка суммировал приводившиеся в литературе данные об экстралингвистических предпосылках использования в тексте пассивных конструкций [1981, с. 7]. Без всякого сомнения, его выводы справедливы для любого языка, в том числе для шорского. Итак, пассив предпочтительнее: 1) если нет возможности или необходимости «информировать собеседника о референтах

субъекта»; 2) если есть стремление говорящего сфокусировать внимание собеседника «на референтах объекта (или какого-нибудь другого партиципанта) и на действии, которому они подверглись». При этом замечено, что это действие «обычно имеет наблюдаемые результаты» [Там же].

К указанным предпосылкам, несомненно, нужно добавить наблюдения Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой, которые убеждают нас в том, что пассивные конструкции используются говорящим «при необходимости отвлечься от именованного субъекта-исполнителя». Чаще всего они встречаются, когда формируется структура монологического текста, особенно если речевой акт переводится из репродуктивного регистра в информативный [2004, с. 32, с. 347]. Так как информативный регистр предполагает сообщение об известном или осмысляемом [Там же, с. 33], то говорящий преподносит факты, события и свойства как уже готовые результаты.

В русском языке на результативность указывает сов. вид, поэтому результативностью обладают пассивные конструкции, образуемые причастиями; глагольные образования с *-ся* не обладают этим значением. В шорском языке видового различия глаголов как такового нет, поэтому у слов со страдательным аффиксом *-л-* результативность присутствует в зависимости от грамматических и контекстуальных признаков.

Смещение фокуса внимания на пациенс приводит, согласно концепции В. А. Плунгяна, к перераспределению коммуникативных рангов [2000, с. 195–199]. Подлежащее, прямое и косвенное дополнения образуют некоторую иерархию: в активной конструкции подлежащее имеет самый высокий коммуникативный ранг, но при трансформации активной конструкции в пассивную оно понижается в ранге и становится в силу этого косвенным дополнением. Бывшее прямое дополнение повышает в пассивной конструкции свой коммуникативный ранг и становится подлежащим. Залоговый аффикс у предиката-сказуемого «маркирует переключение внимание говорящего, тот “кадр”, в фокус которого поочередно попадают разные участники ситуации» [Плунгян 2000, с. 195]. Таким образом, выбор говорящим (пишущим) активной или пассивной конструкции есть не что иное, как попытка формально закрепить за разными актантами (аргументами) глагола-предиката разный коммуникативный статус, а сам пассив – это «прежде всего

“борьба с исходным подлежащим”, которое не устраивает говорящего своей коммуникативной выделенностью» [Там же, с. 199].

Возможность преобразования активных конструкций в пассивные определяется значением глагольной лексемы в позиции сказуемого. В. С. Храковский отмечал: «Больше других иметь эту диатезу “предрасположены” глагольные лексемы, в толковании которых представлены как минимум две роли: (активный) субъект и (инертный) объект. Это прежде всего лексемы, обозначающие конкретные физические действия субъекта с объектом, имеющие следствием эксплицитно наблюдаемые результаты» [1981, с. 8].

В научной и учебной литературе по русскому языку часто упоминаются условия, при которых агенс настолько «понижен в ранге», что вообще опускается. Суммируем их и проиллюстрируем своими примерами:

1. Субъект не упоминается, если мыслится неопределенно, «подобно тому, как неопределенно мыслится субъект в синонимических действительных оборотах, представленных неопределенно-личными предложениями» [Янко-Триницкая 1962, с. 105]. Например:

В Царкскосельском лицее, где учился Пушкин, каждый день выделялось время для «гимнастических упражнений»; лицеисты обучались верховой езде, фехтованию, плаванию и гребле (О. С. Муравьева. Как воспитывали дворянина).

Неопределенность действующего лица объясняется разными причинами. Во-первых, одной из них может являться указание на неопределенный круг лиц. «Круг лиц, возможных или предполагаемых при этом в качестве мыслимого содействующего объекта, определяется в первую очередь лексическим значением слов, выступающих в качестве подлежащего и сказуемого данного предложения» [Янко-Триницкая 1962, с. 108]:

В курене съедался, выбранный дедом самый лучший арбуз, и велись приятельские разговоры (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

Из текста понятно, что «съедался» арбуз колонистами, но круг их не поддается счету.

Во-вторых, неопределенность субъекта может граничить с неизвестностью, то есть субъект действия остается невыясненным, неизвестным.

Наконец сало привезли в колонию и водворили в погреб. В первую же ночь оно было украдено. ... Крал кто-то из старших, которых все

боялись (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

2. Когда агенс мыслится обобщенно, то есть когда им может быть любой, всякий, каждый.

Радости забываются, а печали никогда (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)¹.

3. Отсутствие указания на агенса может быть связано с «приобретением глаголом страдательного значения некоторых дополнительных смысловых оттенков» [Янко-Триницкая 1962, с. 113]. Наиболее распространенным из них является оттенок долженствования, например:

С тех пор рыбная ловля сделалась нарядной работой по очереди, и продукция сдавалась на кухню (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

4. Другим существенным оттенком значения, возникающим в глаголах со страдательным значением при отсутствии указания на агенса, является значение «свойства, возможности или невозможности для предмета подвергаться определенному воздействию» [Янко-Триницкая 1962, с. 115]. Это значение свойства широко представлено в невозвратных глаголах: *птицы летают, рыбы плавают*.

Как раз волки замечательно приручаются (О. Перовская. Ребята и зверята)².

5. Свойство подвергаться определенному воздействию может носить постоянный, обычный характер. Отсюда возникает значение пассивности у предметов или одушевленных лиц, занимающих позицию грамматического подлежащего в страдательных конструкциях. Например, *светлая одежда быстро марается*.

Жалко, мало у нас в жизни таких ночей. Они помнятся (В. Шукшин. Горе).

Иногда значение возможности или невозможности для предмета подвергаться воздействию со стороны не носит характер постоянного или стойкого свойства, а «приручивается только к определенному моменту» [Янко-Триницкая 1962, с. 117]:

Пробуем перископы. Они не поднимаются и не поворачиваются (А. С. Новиков-Прибой. Подводники)³.

Если страдательный признак выражается страдательными прича-

¹ Пример из Указ. соч. – С. 112.

² Пример из Указ. соч. – С. 116.

³ Пример из Указ. соч. – С. 117.

ствиями, то этот признак обладает перфективным и результативным характером. Наше исследование показало, что в отличие от страдательных признаков, выраженных глаголами с постфиксом *-ся*, результативные признаки теряют видимую связь с агенсом: страдательные причастия обозначают, что предметы были подвергнуты воздействию, признак этого налицо, и только опыт человека, воспринимающего речь, может ему подсказать, как долго этот признак продлится: *Ногти покрашены, волосы подвиты и уложены в прическу. Вы, Калина Иванович, не утруждайте себе, потому нет хуже, када у человека нервы спорчены* (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

6. В. С. Храковский [1974, с. 27], И. П. Мучник [1971, с. 75] указывают, что агенс может отсутствовать, даже если он известен. Отсутствие конкретного исполнителя действия зависит от следующих причин:

6.1. Если агенс очевиден для коммуникантов, в силу чего нет необходимости его называть, или если он понятен из контекста, и поэтому, следуя стилистическим нормам, лучше его не повторять, например, чтобы избежать тавтологии:

(а) *И вот проклятая зелень перед глазами растаяла, стали выговариваться слова, и, главное, Степа кое-что припомнил* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В той части сложного предложения, где есть глагол в страдательной форме – *стали выговариваться слова*, – агенс отсутствует, но из всего предложения ясно, что слова стали выговариваться Степой.

(б) *Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовешься* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). Эти слова произносит жена коменданта крепости Василиса Егоровна. Логично предположить, что еда подана ею же и она же зовет обедать.

(в) *В дальнейшей истории колонии голова Лешего была достаточно оценена, но в первое время она для всех колонистов казалась самым ненужным предметом в его организме* (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

6.2. Конкретный субъект известен говорящему, но он по каким-либо соображениям не желает назвать его слушающему:

Нескладно пишутся пьесы, скажу вам. Никаких объяснений, одни разговоры (В. Кочетов. Журбины).

В этом предложении тот, кто произносит речь, имеет в виду всех писателей, включая и того, к кому обращено данное сетование.

б.3. Субъект не называется потому, что «не представляет актуального интереса» [Мучник 1971, с. 75], т. е. для говорящего важно передать информацию о других партиципантах [Храковский 1974, с. 27] или какие-то другие сведения, содержащиеся в предложении:

Весть о гибели Берлиоза распространилась по всему дому с какою-то сверхъестественной быстротой... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Вольцоген хотел возразить что-то, но Кутузов перебил его:

– Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Как мы видим, случаи «безагентивного» пассива описаны в научной литературе достаточно полно. К сожалению, условия заполнения агенсной позиции не подверглись столь тщательному анализу в научной литературе, поэтому представим причины появления агенса, установленные в результате собственных исследований, дополним самостоятельными выводами те признаки, которые уже выявлены различными авторами, и проиллюстрируем их своими примерами.

1) Первым условием заполнения агенсной позиции является актуализация агенса: без него информация, заключенная в предложении, была бы неполной. По нашим наблюдениям, актуализация агенса заключается в том, что он чем-то привлекает к себе внимание. Исследование показало, что такое может быть в следующих случаях: а) привлекает внимание необычность агенса в качестве источника пассивного состояния (пример а); б) когда не ожидается, что в качестве агенса может выступить названное лицо (пример б); в) когда в предложении один агенс противопоставляется другому агенсу (пример в) или агенс противопоставляется пациенту (пример г); г) когда противопоставляются действия, которые производятся разными агенсами (реже одним лицом), т. е., собственно говоря, речь идет о противопоставлении ситуаций действительности с разными агенсами или одним и тем же агенсом. Обычно это бывает в предложениях, осложненных однородными сказуемыми (пример д):

(а) *Покупатель был облян ...недожаренным чебуреком* (Шутка).

(б) *Каким же образом, <...> дворянин и офицер один пощажены самозванцем...?* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(в) *Повесть «Муму» написана И. Тургеневым, а не А. Чеховым.*

(г) *<...> имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(д) *Цифра эта не назначалась человеком-организатором, а получалась в результате простого деления стихии беспризорщины на число беспризорников* (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

2) Когда упоминание агенса необходимо из-за тех действий, которые он производит по отношению к пациенту.

В этом случае, как показал наш материал, может быть два момента: а) обычный агент производит вполне обычные действия, но они очень важны для понимания всего текста; б) агент обычен, но он производит неожиданные для окружающих действия или действия, нехарактерные для этого агенса, поэтому агент должен быть упомянут в тексте, чтобы не спутать его с каким-то другим персонажем. Вся конструкция, на мой взгляд, содержит имплицитное удивление поступками агенса.

В обоих случаях подчеркивается зависимость пассивного признака от деятельности агенса.

(а) *Рюхин, обремененный полотенцами, был встречен Арчибальдом Арчибальдовичем очень приветливо и тотчас избавлен от проклятых тряпок* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита). По нашему мнению, в этом предложении важным является не то, что именно Рюхин был встречен, а то, что он был встречен и обласкан Арчибальдом Арчибальдовичем, хотя этот персонаж никогда никого не привечал (недаром он сравнивается с пиратом).

(б) *Придя, (Воланд) был встречен домработницей Груней, которая объяснила, что сама только пришла, что она приходящая, что Берлиоза дома нет, а что если визитер желает видеть Степана Богдановича, то пусть идет к нему в спальню сам* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Опять-таки, упоминание домработницы Груни является необходимым, так как именно она является источником этих многочисленных сведений.

(в) *Она (Василиса Егоровна) догадалась, что была обманута мужем...* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). Такое поведение было не характерно для мужа Василисы Егоровны, коменданта крепости: обман предпринят был, чтобы скрыть от жены предстоящее нападение пугачевцев.

(г) *Мнение мое было принято чиновниками с явной неблагоприятностью* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). Явно, что в этом предложении актуальным центром является сообщение о явной неблагоприятности чиновников.

(д) *Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(е) *Мальши (конь) возвратился поздно, но возвратилась с ним и старушка и с рыданиями и криками ввалилась в мою комнату: она была начисто ограблена ...Буруном. <...> Открытие это поразило многих и прежде всего меня* (по А. Макаренко).

3) Когда нужно представить признак как ограниченный, существующий лишь в пределах данных агентивных связей. Этот признак выделяется В. Н. Данковым: «Специфика данных конструкций четко выявляется в таком противопоставлении: “убиень”, “попран”, “крещень”, “гонимь” – таков и таким является вообще, для всех (речь идет о пациенсе – В. Т.); “любимь”, “възненавидимь”, “чтимь” – является таким лишь в отношении к нему Бориса, отца и т. д.» [1981, с. 54].

Целые обозы селян останавливались выстрелом из обреза, грабители без лишних разговоров запускали свободные от обрезов руки за пазухи жен, сидящих на возах, в то время как мужья в полной растерянности хлопали кнутовищами по холявам и удивлялись (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

Однако, как показывает наш материал, этот признак несколько шире, чем его трактует В. Н. Данков. Сюда можно отнести конструкции типа:

(а) *...И что я пленен тобой* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(б) *Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(в) *Крепости <...> заселены по большей части казаками, давнишними обитателями яицких берегов* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

По-моему, в предложениях *а*, *б* и *в* подчеркивается мысль, что пассивное действие выполняется не всеми, а только указанными лицами: пленен именно тобой; именно полудикие народы обитали или заселяли губернию.

4) Вслед за В. Н. Данковым выделяем признак, сформулированный им так: «Когда возникает необходимость подчеркнуть безотносительный характер признака, его неограниченность связями с каким-то определенным агенсом» [1981, с. 54]. Примерами могут служить предложения, в которых агенс выражается местоимением: *Нами ты была*

любима и для милого хранима (имеется в виду, что любима и хранима всеми богатырями без исключения – В. Т.) (А. С. Пушкин). *Он презираем всеми. Ребенок капризен, потому что никем не воспитывается.*

5) По нашим наблюдениям, агенс указывается, если его функцию могут выполнить альтернативные предметы, и поэтому нужно уточнить, который из них является источником пассивного признака. Обычно конкурируют между собою явления природы, стихии, небесные тела и т. п. или они и артефакты, продукты жизнедеятельности людей. Например: *Дорога освещена луной* (а может быть освещена луной, звездами, фонарями и т. п.); *Местность была занесена песком* (а может, снегом, листьями и т. п.); *Дорожки сада были покрыты гравием. Шоссе было покрыто бетоном.*

(а) *Прямая дорога была занесена снегом* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(б) *Он (Левий Матвей) то пропадал в темной мгле, то вдруг освещался трепещущим светом* (молний) (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(в) *Она (изба) освещена была двумя сальными свечами...* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(г) *Повернув и выйдя на прямую, он (трамвай) внезапно осветился изнутри электричеством, взвыл и нагнал* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(д) *...чтобы человек, подобный Иешуа, был сжигаем солнцем на столбе* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

б) В ходе анализа замечено, что в предложении всегда называется агенс, выражаемый существительным или его функциональным аналогом в твор. п., если он обладает синкретичным значением, т. е. может быть воспринят и как деятель, и как орудие или средство, с помощью которого осуществляется действие:

(а) *<...> стены оклеены были золотой бумагой...* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(б) *Комната наполнилась мертвыми телами* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(в) *Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(г) *Адрес был написан рукою батюшки* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(д) *Город был залит праздничными огнями* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(е) *Ему (швейцару) померещилось, что черные волосы, теперь причесанные на пробор, покрылись огненным шелком* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Такие конструкции многочисленны, но позиция агенса в них неоспорна. Дело в том, что в русском языке нет разницы в грамматическом выражении агенса и орудия действия, как, например, в английском. И тот и другой партиципант обозначаются на уровне грамматики словоформами в тв. п.

Таким образом, возникают благоприятные условия для контаминации позиции агенса и позиции средства / орудия труда. По моему мнению, эту проблему можно решить следующим образом. Если страдательную конструкцию можно перестроить в активную, в которой позицию подлежащего будет заполнять слово-агенса, а слово-пациенс станет в позицию дополнения, то тогда такую страдательную конструкцию можно считать трехчленной с пациенсом и агенсом. Если же такая перестройка невозможна, то слово в тв. п. является средством или орудием действия. Например: *Рогожа прикрывала тело. Золотой шелк покрывал волосы. Мои слова поразили Савельича; Город был залит праздничными огнями* → *Праздничные огни заливали город*.

Но:

Золотая бумага оклеивала стены; Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностью и осторожностью (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). → **Скромность и осторожность одарили Марью Ивановну*.

7) Наше исследование показало, что если в качестве деятеля выступает целый коллектив или группа лиц (*комиссия, партком, совет института, партия* и т. п.), то такой совокупный агенса всегда называется:

(а) *Летом в колонию был прислан комиссией Кузьма Леший* (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

(б) *Поэтому новенькие крепко увязаны старыми кадрами и с гордостью чувствуют себя горьковцами...* (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

8) Также исследование показало, что если указывается не сам агенса, а его номинализованное действие, то оно всегда находит место в структуре предложения:

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков... (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

9) Когда в качестве агенса выступают абстрактные явления, являющиеся деяниями людей, оставляемые «за кадром»:

(а) *Педагогический персонал этим событием был деморализован до последней степени* (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

(б) *Но мир был прерван внезапным междуусобием* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(в) *Замучен тяжелой неволей...* (Г. А. Мачтета. Замучен тяжелой неволей).

(г) *Лука был очень поражен неудачей нашей экспедиции...* (А. Макаренко. Педагогическая поэма).

Понятно, что событие, о котором идет речь (междуусобие, неволя и т. п.) – это действия какого-то лица или группы лиц, но они остаются «за кадром», а на первый план выходят плоды их деяний.

Итак, мы видим, что основной причиной, когда в страдательном предложении присутствует агенс, является его выделение, привлечение внимания, т. е. актуализация. Рассмотрим, какими же способами можно актуализировать этот актант.

1) Агенс выражается словом с оценочной и/или эмоционально-экспрессивной окраской:

(а) *Василиса Егоровна <...> никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть схвачена злодеями* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

2) Агенс выражается или содержит в своем составе либо имя собственное, либо местоимение:

(а) *Половина избы занята была семьей Семена Кузова, другую отвели мне* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(б) *Знамя победы на куполе водружено Егоровым и Кантарией* (В. Субботин).

(в) *Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

(в) *Тогда молодой человек спросил меня: <...> по каким поручениям был я им (Пугачевым) употреблен?* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

3) Агенс конкретизируется, выделяется из ряда однородных предметов, приобретает индивидуальные черты благодаря обособленным и

необособленным определениям или приложениям: *недожаренный чебурек; огненным шелком; множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей; казаками, давнишними обитателями яицких берегов* и т. п.

4) Агенса определяется субстантивированными группами слов или придаточными предложениями, выражающих дополнительную ситуацию действительности в свернутом либо развернутом виде: *(было принято) чиновниками с явною неблагосклонностию; домработница Груня, которая <...>. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

5) Агенса выделяется с помощью частиц, в том числе и отрицательной частицей *не*:

(а) *Один-то человек был, но просто не всем был виден* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Внимание на таком агенсе может быть заострено постановкой его на первое место в предложении:

(б) *Не владыкою был он в Москву привезен...* (А. Навроцкий. Утес Степана Разина).

б) Значение агенса содержит явный дополнительный оттенок причины, вызвавшей страдательный признак, переживаемый пациенсом. В этом случае агенса выражается отглагольными существительными, обозначающими действие или движение, либо существительными со значением эмоции, чувства: *войной, приходом, междуусобием, неволей, тоскою* и т. п.:

Товарищ Бездомный <...> успокойтесь. Вы расстроены смертью всеми нами любимого Михаила Александровича ...нет, просто Миши Берлиоза (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

2.3.4. Простые предложения шорского языка, выражающие страдательное значение

В шорском языке страдательные предложения обладают классической двучленной конструкцией: они выражают направленность глагольного признака на семантический объект, занимающий в грамматической структуре предложения позицию подлежащего. Одно из основных различий между сравниваемыми языками состоит в том, что в шорском языке агенса традиционно отсутствует, так как граммема пассивного залога устраняет агенсную позицию. Тогда как в русском языке она остается незаполненной. Доказательством этому служит то,

что в русском языке эта позиция все-таки иногда заполняется, при условиях, изложенных выше, а в шорском языке никогда. Такое залоговое преобразование носит названия минорных, либо рецессивных [Касевич 1981, с. 99–103]. А граммемы, устраняющие агенсную позицию, И. А. Мельчук называл суппрессивами [1998, с. 166].

Отсутствие агенсной позиции влияет на семантически-грамматическое значение пассивных предложений шорского языка: в отличие от активных конструкций, они указывают на приобретенный пациенсом признак в результате предшествующих действий. Факт, что кто-то воздействовал на пациенса и способствовал полученному результату, для носителя шорского языка является настолько неважным, что этот воздействующий персонаж не упоминается в предложении, зато все внимание говорящего распределяется между пациенсом (грамматическим подлежащим) и предикатом-сказуемым. Сравним:

ССМ с активной диатезой: {N^s_{NOM} – N^{ob}_{ACC} – V_f^{act}}

(а) *Мен адамны кузук тѳзѳне паглап салдым.* (ДШГ, 119) ‘Я коня=моего к основанию кедра привязал.’

(б) *Пис ыларды аттарыба аданчыбыс: Ақ Нек, Қара Нек, Ала Нек...* (ШКН, 17). ‘Мы их (камни) именами называем: Белая Корова, Черная Корова, Пестрая Корова...’

ССМ с пассивной диатезой: {N^{patient}_{NOM} – V_f^{pass}}

(а) *Алтын шарчын тѳзѳнде кара кул’ат паглалып партыр.* (ДШФ, 98) ‘У основания золотой коновязи черно-буланый конь привязан.’

(б) *Россия пазоқ Российская Федерация, теп, адалган.* (ШКН, 3) ‘Россия, или Российская Федерация, называется.’

Как уже было сказано выше, осуществление преобразования активных конструкций в пассивные зависит в первую очередь от способности глагольной лексемы в позиции сказуемого открывать по крайней мере две позиции: субъекта и объекта. Это прежде всего переходные глаголы, обозначающие конкретные физические действия субъекта с объектом, выражающиеся в эксплицитно прослеживаемых результатах.

В шорском языке таким свойством обладают переходные глаголы, имеющие сему каузирующего воздействия на прямой объект или, принимая страдательный аффикс *-л-*, приобретающие такую сему, как например в оппозиции: *ук-* ‘слушать, слышать’ → *уғул-* /*уғыл-* ‘быть услышанным’. Русский и шорский языки в этом смысле отличаются от английского, у которого есть широкие возможности употреблять в

качестве пациенса не только прямой, но и косвенный объект: “The passive voice is extensively used in Modern English. <...> In English we may place in the centre of our attention as subject of a passive construction not only such an object (person or thing) which in a parallel active construction would be a direct object, but also an indirect” [Ganshina, Vasilevskaya 1951, с. 153].

Нами выделены следующие группы глаголов, закономерно доминирующие в пассивных конструкциях шорского языка:

1. Глаголы с общей категориальной семой каузации изменения признака или перехода в другое состояние. Обычно эта сема реализуется в частных значениях:

1.1. Изменение в результате отрицательного разрушительного воздействия: *чар-* ‘колоть, рассекать’ → *чарыл-* ‘колоться, трескаться’; *оот-* ‘разбить, изломать, разрушить, раздробить, крошить’ → *оодул-* ‘разбиться, быть изломанным, разрушаться, раздробиться, раскрошиться’; *кес-* ‘резать, отрезать’ → *кезил-* ‘быть разрезанным, быть отрезанным’; *каза-* ‘втыкать, вонзать’ → *кызал-* ‘быть уколотым, колотья, укалываться’; *тепсе-* ‘топтать’ → *тепсел-* ‘быть затоптанным’; *сап-/шап-* ‘бить, ударять, косить’ → *сабыл-/шабыл-* ‘быть разломанным, быть битым, скошенным’; *сайа-* ‘ломать, разрушать’ → *сайал-* ‘ломаться, разрушаться, быть сломанным’; *сөк-* ‘пороть, ругать, злословить, издеваться’ → *сөгүл-* ‘разваливаться, распадаться, пороться’; *қақша-* ‘сохнуть, сыпаться’ → *қақшал-* ‘рассохнуться, сохнуть, быть засушенным, быть сыпанным’; *үс-* ‘рвать, разрывать, раздробить’ → *үзел-/үзүл-* ‘рваться, разрываться, быть раздробленным, быть сорванным’; *угуза-* (?) ‘раздроблять на части’ → *ужжал-* ‘разрушаться, разбиваться, быть разбитым’ и нек. др.

(а) *Қадыг ағаш қақшалды, қара чер сөгүлүштү.* (ДШФ, с. 130) ‘Твердое дерево было засушено, черная земля была развалена.’

(б) *Пылар үжеле одур келип, чидилер, анаң көргеннери, ол табактың қырыйы-да қырталбаандыр.* (ШН, 7) ‘Они втроем сидели, ели, потом посмотрели, той еды край даже не уничтожен.’

(в) *Кебебе тушчытканнарда, кайы кебелери чарыл партыр.* (ДШГ, с. 95) ‘Когда спускались в лодках, некоторые лодки расколоты.’

(г) *От шала тепсел партыр.* (ДШГ, 232) ‘Огонь чуть затоптан был.’

(д) *Паг үзүлген.* (Г. Г. Тептегешев) ‘Веревка оборвана.’

(е) *Че, тарынбагы ла, иче-аба, меең торға көгнегим талалбаан*

калган. (ФШ, 254) ‘Че, не сердитесь, мать-отец, мое шелковое платье не порванным осталось.’

1.2. Изменение в результате созидательного воздействия: *иште*- ‘делать’ → *иштел*- ‘быть сделанным, создаваться, делаться’; *чайа*- ‘создавать, творить, сотворить’ → *чайал*- ‘быть созданным, создаться, сотвориться, быть рожденным’; *тӧс* ‘основание, основа’ → *тӧзел*- ‘основаться, быть основанным’; *чар*- ‘колоть, рассекать’ → *чарыл*- ‘заняться (о заре)’; *аккир*- ‘вносить, вводить, ввозить, ввести, ввезти’ → *аккирил*- ‘быть введенным, быть ввезенным, быть осуществленным’; *пӱдӱр*- ‘строить’ → *пӱдӱрил*-/*пӱдӱрӱл*- ‘возводиться, быть построенным’; *начыла*- ‘обновлять’ → *начылал*- ‘быть обновленным, обновляться’:

(а) *Таглыг Шор районы пир муң тогус чӱс чегирбе пеш чылда тӧзелген.* (ДШГ, 103) ‘В 1925 году Горно-Шорский район был основан.’

(б) *Қачан ишбе пӱдӱрӱлген?* (КШТ, 40) ‘Когда крепость была построена?’

(в) *СССР-де социализм чозагы чадыга аккирилча...* (ДШГ, 167) ‘В СССР принцип социализма в жизнь претворяется...’

(г) *Парчын иштеэл парар.* (КК, 27) ‘Все будет сделано.’

(д) *Аттар чоллары кӱниң сая начылалчытқаннар.* (КК, 117) ‘Конские следы каждый день обновлялись.’

(е) *Анаң аң-қуштар по черге қадақ чайалғаннар.* (ФШ, 332) ‘Потом звери-птицы на этой земле снова были созданы.’

1.3. Изменение в результате бытовых или производственных действий. В этой группе могут встречаться глаголы из разделов А и Б, но действия, которые они обозначают, не рассматриваются как положительные или отрицательные: *эс*- ‘топить, растапливать (молоко)’ → *эзил*- ‘топиться, быть растопленным’; *ойа*- ‘бурить, выдалбливать, углублять’ → *ойыл*- ‘быть выдолбленным, углубиться, осесть, таять’; *кес*- ‘резать, отрезать’ → *кезил*- ‘быть разрезанным, быть отрезанным’; *чылашта*- ‘обнажать, раздевать’ → *чылаштал*- ‘обнажаться, скидывать листву (о деревьях)’; *чепсе*- ‘наряжать, украшать, снаряжать чем-то’ → *чепсел*- ‘создаваться (с оттенком радости)’; *чаза*- ‘украшать, наряжать’ → *чазал*- ‘быть украшенным, украшаться, наряжаться’; *чун*- ‘мыть’ → *чуныл*- ‘быть вымытым, вымываться’; *ышта*- ‘коптить’ → *ыштал*- ‘быть закопченным’; *чаар*-/*чары*-/*чар*-/*чары*- ‘светить, издавать свет’ → *чаарыт*- ‘освещать’ → *чаарыдыл*- ‘быть освещенным,

освещаться’:

(а) *Қайақ қазанға эзилди.* (Г. Г. Тептегешев) ‘Масло в казане растоплено было.’

(б) *Қызрақтың кеби эдоқ қыйырық кезил партыр.* (Мен қызрақтың юбкени қыптыба теңнерге кес шықтым.) (ШКН, 38) ‘Одежда куклы тоже криво была отрезана. (Я юбку куклы ножницами подровняла.)’

(г) *Күмүш чүген паш чазалты.* (ДШФ, 98) ‘Серебряной уздой голова украшена.’

(д) *Эм ишти арийле чаарыдыл партыр.* (КК, 20) ‘Внутренность избы немного была освещена.’

(ж) *Патөлек чоқ эм полтыр, стенелери ыштал партыр.* (Шолбан, 70) ‘Потолка не имеющий дом был, оказывается, стены закопчены были, оказывается.’

(з) *Куштардың паллары ныбыртқалары чарылған соонда , қанаттары өзип, тыығанче, уйдада одурчалар.* (ЧиШа 1999а, 41) ‘После того как птенцы яйца=их расколоты, крылышки выросли, окрепли, в гнезде сидят.’

2. Глаголы, которые, принимая аффикс -л-, приобретают общую категориальную сему каузации восприятия звука: *уқ-* ‘слышать, слушать’ → *уғул-* ‘быть услышанным’; *уқ-* ‘слышать, слушать’ → *уғузы-* ‘заставить слушать’ → *уғузыл-* ‘быть объявленным’; *эсте-* ‘слышать, разносить (о звуке)’ → *эстел-* ‘быть услышанным, разноситься (о звуке)’; *шап-* ‘бить, ударять’ → *шабыл-* ‘разноситься, облететь (о звуке), прозвенеть’; *чай-* ‘расстилать, распространять, раскидывать, развертывать’ → *чайыл-* ‘распространяться’:

(а) <...> *кижилер үннери уғулча.* (Ўлгер, 40) ‘<...> человеческие голоса слышатся (слышны).’

(б) *Поход таңдагы күнге уғузылган.* (КК, 92) ‘Поход к завтрашнему дню был объявлен.’

(в) *Қара тубан аразынаң Сарығ Қыстың тебир сынрақ қыйғызы по черге шабылды.* (Токмашов, 94) ‘Из середины черного тумана Сарыг девицы железный звоном крик ее по этой земле разнесся (разнесен был).’

(г) *Алақанның табыжы ақ чарыққа эстелди.* (ДШФ, 100) ‘Звук ладони по белому свету разнесся (разнесен был).’

(д) *Тербеең нызырағы чулат иштинен чайылча.* (ДШГ, 116) ‘Шум мельницы по нутру реки расстилается (разносится).’

3. Каузативно-моторные глаголы с аффиксом *-л-*, которые подразделяются на три близкие по своему сигнификативному значению группы.

3.1. Глаголы, выражающие статическое положение в пространстве, приобретенное в результате какого-то воздействия: *ас-/аиш-* ‘вешать’ → *азыл-/ажыл-* ‘быть повешенным, висеть’; *кес-* ‘надеть’ → *кезил-* ‘быть надетым’; *ур-* ‘сыпать, лить’ → *урул-* ‘быть насыпанным, быть налитым’; *қына* ‘вблизи, вплоть’ → *қынал-* ‘приблизиться, прикинуться, быть примкнутым’; *каза-* ‘втыкать, вонзать’ → *кызал-* ‘воткнуться, втыкаться, прикалываться, быть, воткнутым’; *тарт-* ‘тянуть’ → *тартыл-* ‘быть натянутым’; *қыста-* ‘втиснуть, всунуть, прищемить’ → *қыстал-* ‘быть зажатым, втиснуться, прищемиться’; *чыг-* ‘хранить, собирать’ → *чыгыл-* ‘храниться, быть собранным’; *аиш-* ‘открывать’ → *ажыл-* ‘быть открытым’; *пекте-* ‘закрывать, запирать, затворять, замыкать’ → *пектел-* ‘быть закрытым, затворяться, замыкаться, быть запертым’; *чап-* ‘крыть, закрыть, накрыть’ → *чабыл-* ‘закрыться, быть закрытым, запертым, покрытым’; *таишта-* ‘бросать’ → *таиштаал-/таиштал-* ‘быть брошенным’; *сал-* ‘положить, класть’ → *салыл-/саалыл-* ‘быть положенным, уложенным’ и нек. др.

(а) *Тақчактар оразында кўзеген азылча.* (ЧиШа 2002а, 12) ‘Между креслами зеркало повешено.’

(б) <...> *канче-канче окчаа пистиң кыйзыбыста черге честоколга казаал пардылар.* (КК, 79) ‘<...> несколько пуль около нас в землю и в частокол воткнулись (были воткнуты).’

(в) *Қарақта чақшы тон, тўктўг пөрүк кезилген салтыр.* (ШКН, 26) ‘На Караке хорошая шуба, меховая шапка надеты были.’

(г) *Пистиң чердиң кыйган агаиш полган черде, ээде ле таиштаал чатча.* (Ўлгер, 48) ‘Нашей земли срезанные деревья были на земле, [просто так] брошены.’

(д) *Анаң қам нанып шығарга эткенде ааң кирген эжиги пектелип партыр.* (ДШФ, 270) ‘Когда потом шаман, возвращаясь, выйти захотел, дверь, через которую он вошел, была заперта.’

(е) *Эжик ажылыбысты.* (КК, 32) ‘Дверь была открыта.’

3.2. Глаголы, обозначающие действия, в результате которого пациент изменяет свое положение в пространстве: *көдүр-* ‘поднимать’ → *көдүрил-/көдүрүл-* ‘быть поднятым, подняться’; *эндир-/эндер-* ‘спустить’ → *эндерил-* ‘опускаться, опадать (о листьях)’; *чық-* ‘валить’ →

чыгыл- ‘быть поваленным, валиться’; *чайқа-* ‘качать’ → *чайқыл-* ‘качаться’; *чай-* ‘расстлать, распространять, раскидывать, развертывать’ → *чайыл-* ‘расстлаться, быть постеленным, развертываться, распространяться’; *тарт-* ‘тянуть, тащить’ → *тартыл-* ‘тянуться, тащиться, быть растянутым’; *чет-* ‘достигать, доходить, доезжать’ → *четтир-* ‘заставить достигнуть, доставить’ → *четтирил-* ‘быть доставленным’:

(а) *Акча Зуринге четтирил парган.* (КК, 14) ‘Деньги были доставлены Зурину.’

(б) *Салтымга түктүг кемис чайыл парган.* (Г. Г. Тептегешев) ‘На полу шерстяной ковер расстелен.’

(в) *Кебемис қайа пагрында ийги таш аразында қыстал пар, чайқыл тура перди.* (Шолбан, 87-88) ‘Наша лодка возле скалы между двумя камнями была зажата, стала раскачиваться.’

3.3. Глаголы, описывающие движения вокруг статичного объекта, или статичный объект испытывает движение на себе: *шуңна-* ‘обертывать, пеленать’ → *шуңнат-* ‘обертывать, окружать’ → *шуңнадыл-* ‘быть завернутым, обернутым, окруженным’; *чөр-* ‘ходить’ → *чөрил-* ‘быть исхоженным’:

(а) *По чан мага таныш чер, <...> чөрил парган.* (КК, 18) ‘Эта сторона мне знакома, <...> (мною) исхожена.’

(б) *Крепость шуңнадыл парды.* (КК, 76) ‘Крепость окружена.’

4) Глаголы с категориальной семой начала или прекращения действия: *пажа-* ‘начинать’ → *пажал-* ‘начинаться’; *ўс-* ‘рвать, разрывать’ → *ўзўл-* ‘рваться, прекращаться’; *аш-* ‘открывать’ → *ажыл-* ‘быть открытым’; *тоо* ‘счет’ → *тоозыл-* ‘прекращаться, кончаться, истощиться, не хватать’; *қыр* ‘край (предмета)’ → *қырта-* ‘достигать край (предмета)’ → *қыртал-* ‘быть наполненным до краев’ и нек. др.

(а) *Пистиң наа чадың¹ ол темде пажалча қачан колхозқа кир пардыбыс.* (Н. Л. Топаков) ‘У нас новая жизнь в то время началась, когда в колхоз вступили=мы.’

(б) *Қайы черде по лапке ажылды?* (ЧиШа 2002а, 17) ‘Где эта лавка была открыта?’

(в) *Тайгада қадыг чыл полды, часқыда табақ тоозулды.* (ДШФ, 284) ‘В тайге тяжелый год был, весной еда закончилась.’

(г) *Олок озыба кыспа оолдың сарыны паг ўзўлген чилеп ўзўл парды.* (ДШГ, 99) ‘Сразу девушки и юноши песня оборвалась, как обрывается веревка.’

¹ Диалектный вариант слова *чадыг* ‘жизнь’.

5) Глаголы интеллектуальной деятельности и говорения: *ада-‘называть’* → *адал-* ‘именоваться, называться’; *айт-* ‘говорить’ → *айдыл-* ‘произноситься, быть произнесенным, говориться о, быть распространяемым из уст в уста’; *ундут-* ‘забывать, забыть’ → *ундудыл-* ‘быть (по)забытым, (по)забыться’; *пас-* ‘писать’ → *пазал-/пазыл-* ‘быть написанным’:

(а) *По таглыг чер – Кыргыз чери, теп, адалча.* (ШКН, 10) ‘Эта гористая земля Кыргызстаном называется.’

(б) *<...> коменданттың кызының ады комиссияң көзинче айдылбаан калган.* (КК, 155) ‘<...> имя дочери коменданта не было произнесено в присутствии комиссии.’

(в) *Парчын ундудыл парган.* (КК, 136) ‘Все было забыто.’

(г) *Ийги пацтыг куш иштеткен алтында алтын буквалар пазылган.* (ЧиШа 1999а, 3) ‘Под сделанной двуглавой птицей золотые буквы написаны.’

(д) *По «Кырчан ном» 5–6 класска пазылган.* (ЧиШа 2002в, 3) ‘Эта «Книга для чтения» для 5–6 классов написана.’

б) Глаголы, которые, принимая аффиксы *-л-*, передают каузативное действие приобретения, снабжения, отчуждения, избавления: *ал-* ‘давать’ → *алыл-* ‘быть взятым’; *пер-* ‘давать’ → *перил-* ‘подаваться, быть поданным’; *қош-* ‘прибавить, добавить, включать’ → *қожул-* ‘быть добавленным, включенным, прибавленным, прибавиться, добавиться, включиться’:

(а) *<...> ол керектериди иштерге Савельичке поручение перилген.* (КК, 9) ‘<...> те дела (чтобы сделать) Савельичу поручение было дано.’

(б) *Төрт армия пленге алылган.* (КК, 128) ‘Четыре армии было взято в плен.’

2.3.5. Особенности пассивных конструкций в шорском языке.

Подведение итогов

Ученые, исследующие русский язык, выдвигают в основном коммуникативную причину предпочтения пассивных конструкций (ПК) перед активными (см., например, [Плунгян 2000, с. 195–199]). Не принося ей значимости, отметим, что страдательные предложения в шорском языке обладают, помимо коммуникативной причины, рядом специфических грамматических и семантических особенностей, отличающих их от активных построений (АК) и содействующих их выбору в

речи. Которые из этих особенностей важнее, сказать трудно: по нашему мнению, они действуют в совокупности.

С точки зрения коммуникативного аспекта, несомненным для ПК шорского языка является такое понижение подлежащего в коммуникативном ранге, что оно вообще выпадает из коммуникативной рамки пассивных предложений. Это влечет за собою изменения в семантической и грамматической структуре рассматриваемых конструкций.

Факт отсутствия агенса в шорских пассивных предложениях не был предметом пристального внимания ученых ни со стороны причин устранения этого актанта, ни со стороны его влияния на семантику пассивных конструкций. По нашему мнению, одна из причин элиминации субъекта кроется в том, что организатором воздействия всегда выступает человек или группа людей – его/их участие в действии логически выводится из фактического материала. В результате внимательного анализа пассивных предложений окрепла убежденность в том, что, несмотря на отсутствие агенса, он остается значимым в семантическом аспекте и его роль как действующего лица сохраняется в семантической структуре ПК. Незванный агент может иметь синтаксическую значимость для субъектных модификаций предложений и указывать на системную связь с исходной активной моделью. В субъектных модификациях «закадровый» агент влияет на синтаксическую категорию лица пассивных предложений и может быть истолкован как лицо известное / неизвестное; неопределенное / обобщенное и иногда как безличное. Это добавляет особые семантические смыслы пассивному предложению в целом.

Иногда в пассивных предложениях присутствует второй актант, и его грамматическая форма может быть похожа на ту, какой выражается агент. Поэтому необходимо рассмотреть, не является ли он «скрытым» агентом. Это тоже наша задача.

Таким образом, в зависимости от наличия обязательных для пассива компонентов, страдательные конструкции делятся на две группы: (I) с элиминацией агентной позиции; (II) со вторым актантом, чья грамматическая форма совпадает с формой выражения агенса.

I. Рассмотрим пассивные предложения с элиминацией агентной позиции. Причин устранения агенса несколько, и они не столько грамматические, сколько зависят от коммуникативных целей высказываний. Замечено, что в роли агенса всегда выступает одушевленное лицо – человек, поэтому его отсутствие свидетельствует о том, что он либо

известен, либо неизвестен или не определен, либо выступает как обобщенный деятель.

I.1. Устраненный исполнитель (исполнители) известен и очевиден для коммуникантов. Конкретизация действующего лица возможна из контекста или ситуации действительности, поэтому нет необходимости его называть. Агенса не только известен, но и совершает обычные для себя действия. Так, в приведенном ниже предложении идет речь о двух выпивохах: Шамаркине и Ким Кирилловиче.

Пир палаитоп ижилъпарды, игинчизи пажалды. (БВ, 22) ‘Первая бутылка (полуштоф) была выпита, вторая начата.’

I.2. Отсутствие агенса свидетельствует об его неизвестности.

(а) *Ақ скатердиң үстүнге шаганаң келип, кижги пилбес улуғ табақ салылды: по чер үстүнде ноо ла чичең небе – тооза салыл пүтти.* (ФШ, 186) ‘На белой скатерти, быстро появляясь, человеку неизвестная обильная еда накладывалась: на этой земле сколько [ни есть] еды – полностью положили.’

(б) *Талай полуп, арага урулду.* (ДШФ, 140) ‘Морем будучи, водка налита (в смысле: водки как море).’

(в) *Алтын шарчын тӧзүнде ат шыныгы қара құл’ат пағлалып партыр.* (ДШФ, 98) ‘У золотой коновязи истинно лучший из коней чернобуланый конь привязан.’

I.3. Отсутствие субъекта вносит в семантику предложения неопределенность: конструкция синонимична русским односоставным неопределенно-личным предложениям.

(а) *Тебирдең пашқа-пашқа тудунчаң-кабынчаң небелер иштелча.* (ДШГ, 134) ‘Из железа разные бытовые вещи делают.’

(б) *Шелгелер, састыптер, тарбаитер шуланда чажалча.* (Г. Г. Тептегешев) ‘Вилы, лопаты, грабли в сарае хранят.’

(в) *Чабыс черледи пазабыстылар, чыш састары эзилбисти.* (ЧиШа, 2002в, 10) ‘Низкие места потопляют, лесные болота оттаиваются.’

(г) *Эпчи кижги үни угул парды.* (ДШФ, 36) ‘Женский голос был услышан/слышался.’

(д) *Паягы небенинъ уни ол колпакта угулча.* (ШН, 5) ‘Давешнего существа голос в той норе слышим/слышится.’

Имеется в виду, что голоса слышатся любому, кто находится рядом.

Обратим внимание, что в тех предложениях, где подлежащее находится в форме мн. ч. (*небелер, шелгелер, састыптер, тарбаштер, састары*), нет согласования в числе между ним и сказуемым, которое стоит в форме ед. ч., на мой взгляд, это только подчеркивает неопределенность данного предложения: кто-то делает, оттаивает, хранит.

1.4. Неопределенное значение может зависеть от того, что отсутствующий агенс представляет собою круг лиц, не поддающийся счету. Факультативно неопределенное количество лиц может подчеркиваться отсутствием согласования между подлежащим и сказуемым в числе, как в приведенном ниже примере *a*, где неопределенность оттеняется формой мн. ч. сказуемого, хотя подлежащее выражено именем в форме ед. ч.:

(а) *Сал үстүнде койчыткан оду «үзүт оду» теп ада=л=ча=лар.* ‘Поверх пласта горящий огонь «огонь юзюта», говоря, называется (называют)’.

(б) *Андиг керек «тен үлеш» адалчаң.* (ДШФ, 294) ‘Такой обычай «равная доля» назывался.’

(в) *Кööк тайганың төзү-бе мал качырылча, чазы туглар, чон сүрүлча.* (ДШФ, 84) ‘Подножием голубой тайги скот гонят (букв.: гонИм); степь заполняя, народ гонят (гонИм).’

1.5. В пассивных предложениях информативного регистра может сообщаться о фактах, отвлеченных от конкретного времени. Отсутствующий агенс подразумевается в качестве обобщенного лица – класс определенных людей, совершающих обычные для себя действия. Предикат в них выражает особое свойство предметов (пациенсов) подвергаться специфическому воздействию, которое носит обычный и постоянный характер.

(а) *Мен санагам: «Сарынны шор кижилери ундутпастар», теп. Сарын капчыгай ундулула перди.* (Ўлгер, 46) ‘Я думал: «Песни шорцы не забудут.» Песня быстро начинает забываться же.’

(б) *Итпек кебегеде пыжырылча.* (ЧиШа, 2002б, 8) ‘Хлеб в печи пекут / Хлеб в печи выпекается.’

(в) *Иипишкелер қабылчалар.* (Ф. Я. Байлагашева) ‘Спички зажигают (зажигаются).’

Отсутствие синтаксемы, именующей конкретного исполнителя, придает пассивным предложениям особый статус: они представляют информацию из чужого опыта, которая может быть при случае использована адресатом.

1.6. Незазнанность субъекта может быть связана с действием непознанных сил. Чаще всего в их качестве выступает высшая сила, соответствующая мифологическому мировосприятию шорцев. Данный тип предложений описывает ситуации, происходящие в природе, и природные явления и сопоставимы с безличными предложениями:

(а) *Қанче-қанче километрбе тумай чыштыг тайга шойил парган.* (ЧиШа, 2002в, 9) ‘На много километров дремучая непроходимая тайга растянута.’

(б) *Тың ыраққа, қарақ ла қабар шенге четтире тағлар шойил партырлар.* (ЧиШа, 2002в, 25) ‘Сильно далеко, глазом же ухватить, до [таких] пор горы растянуты.’

(в) *Чўче полганда төбере парчын чер пулуттарба көлектелибисти.* (ЧиШа, 2002в, 25) ‘Немного погодя внизу вся земля облаками тенью покрывается.’

(г) *Анаң салга кирдилероқ, сал көдүрүлибистир, <...>.* (ФШ, 332) ‘Только в ковчег вошли, ковчег подняло, оказывается <...>.’

(д) *Анаң аң-қуш по черге қадақ чайалғаннар.* (ФШ, 332) ‘Потом звери-птицы на земле снова сотворились.’

(е) *Кўн узалча, түн қысқарылча.* (ЧУШЯ, 109) ‘День удлиняется, ночь укорачивается.’

1.7. Особую группу составляют предложения, построенные глаголом *уғул-* ‘слышаться, быть услышанным’ (от *уқ-* ‘слышать, слушать’), которые описывают ситуации восприятия на слух. Специфичность этих предложений в том, что только восприятие на слух выражается с помощью пассивного аффикса *-л-*, а восприятие зрением – всегда с помощью возвратного глагола *көрүн-* ‘смотреть, видеть’ (от *көр-* ‘смотреть, видеть’). Сравните:

(а) *[Аңчы Абышқа] Ээде ылгап, анаң одурып одурганда, анаң уққаны, чар төзи чанда ноо-ноо небениң үни уғулча.* (ШН, 5) ‘[Охотник Абышка] Так плача, потом сидел=когда, потом услышал: из-под яра какого-то существа голос слышится.’

(б) *Ылардың мустар төбере, толгайлап ақ парган суғ көрүнча.* (ЧиШа, 2002в, 25) ‘Пониже их льдов (ледяных вершин), виляя, текущая река виднеется.’

На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, так как слова с аффиксом *-л-* могут выражать рефлексивное значение. Но, если подумать, то такое распределение аффиксов оказывается неслучайным.

Преобразование глагола *уқ-* в *уғул-* (а не в **уғун-*) лишает предикат активности, целеполагания, превращает действие в произвольное, независимое от воли субъекта состояние. Такую оппозицию *Мен уқчам – Меең ұним уғылча* ‘Я слышу – Мой голос слышится’ Г. А. Золотова с соавторами назвала конструктивно-семантической [Золотова и др. 2004, с. 124].

В то время как рефлексивный глагол *көрүн-* сохраняет активность, более того, приобретает каузативную сему ‘сделать так, чтобы стать видимым, показаться’.

I.8. Отсутствие агенса подчеркивает пассивность, инертность, даже безволие пациенса, его готовность подвергаться воздействию, выраженному страдательным глаголом. Именно поэтому в качестве страдательных объектов в основном выступают природные или искусственные предметы (артефакты), а также абстрактные явления.

(а) *Күлүк Сталин айтқаны-была) үргүнүштүг чадық чепсе=л=ча.* (ДШФ, б) ‘(По слову мудрого Сталина) новая радостная жизнь создается.’

(б) *Кузук ийги түүзегешке урулган.* (ШКН, 20) ‘Орех в два туеска насыпан.’

(в) *Меең ижгенгим сайал парды!* (Н. Л. Топаков) ‘Моя надежда была порушена.’

II. Второе деление пассивных предложений шорского языка заключается в выделении предложений с дополнительным актантом помимо пациенса. В русском языке выделяются два типа таких предложений.

Первый тип содержит агенса, обозначенный именем в творительном падеже, и рассматривается в учебной и научной литературе как конструкция, зеркально отражающая структуру активных предложений: *Писатель написал роман* → *Роман написан писателем*. На грамматическом уровне он заполняет позицию косвенного дополнения.

Второй тип содержит актант, формально похожий на косвенное дополнение, но агенсом не является: *Роман написан ручкой*. В некоторых языках, например в английском, эти актанты различаются способами выражения: агенса обозначается предлогом *by*: *The novel is written by a writer*. А орудие – предлогом *with*: *The novel is written with a pen*. Русский и шорский языки составляют английскому оппозицию: в них позиция агенса и орудия оформляется одинаково – словоформой в творительном падеже.

В шорском языке нам встретилось всего четырнадцать предложений со вторым актантом из трехсот пятидесяти. Наша задача – определить его семантическое значение. С формальной точки зрения пассивные предложения со вторым актантом подразделяются на две подгруппы: II.1. Девять предложений со вторым актантом, выраженным именем в совместно-орудном падеже, который соответствует русскому творительному [Телякова 1994, с. 17; Телякова 1998, с. 96–102]. II.2. Пять предложений, в которых второй актант имеет форму либо дательно-направительного, либо исходного падежа с послелогом *аара*.

II.1. У предложений первой подгруппы на семантическом уровне позицию подлежащего занимает пациенс. Определение семантики второго актанта затруднено. Косвенное дополнение выражается именами в совместно-орудном падеже, который по значению соответствует русскому творительному, поэтому на первый взгляд этот актант можно принять за агенс. Но, согласно фактическому материалу, эта позиция заполняется неодушевленными именами, а это указывает на орудие или средство, с помощью которого производится действие. См. примеры:

(а) *Тегри нулуттарба туглал парды.* (ДШГ, 258) ‘Небо тучами заволоклось.’

(б) *Чыи ақ чабыгба чабыл партыр.* (ЧиШа, 2002, 9) ‘Чашоба белым покрывалом покрыта.’

(в) *Оскен таглары сом алтынма қадылыпчалар.* (ФШ, 2010, 262) ‘Выросшие горы настоящим золотом выстилаемы.’

(г) *Чагыс Олдың өбениң иштиндеги небелери парчазы алтынмыла кўмүш-не сырлал-парғаннар.* (ДШФ, 238) ‘Вещи, находящиеся внутри дома Одинокого Парня, все золотом, серебром украшены были.’

(д) *Күлүк Сталин айтқаны-была үргүнүштүг чадыг чепселча.* (ДШФ, 6) ‘По слову великого Сталина радостная жизнь создается.’

Таким образом, мы считаем, что второй актант в пассивных предложениях, выраженный именем в совместно-орудном падеже является не агенсом, а средством или орудием действия.

II.2. Во второй подгруппе предложений косвенное дополнение выражено именем в дательно-направительном падеже на *-га/-ге/-қа/-ке/-на/-не* или словоформой в исходном падеже с окончаниями *-таң/-тең/-даң/-дең/-наң/-нең* и с послелогом *аара* ‘из-за, благодаря, по причине’. В некотором смысле этот актант тоже можно истолковать как агенс:

Родители узнали о поединке из-за Савельича, т. е. Савельич донес родителям Петра Гринева о поединке и т. п. Но, исходя из значений дательного-направительного и исходного падежа с *аара* [Телякова 1994, с. 15–16], считаем, что этот актант указывает все-таки на причину.

(а) *Меэң поединогым абамма ичемге Савельичтеңне угыл парган, теп, санап, аага тың тарындым.* (КК, 55) ‘Мой поединок отцу с матерью из-за Савельича услышался, [так] думая, на него сильно сердился=я.’

(б) *Чөпте чатчыткан чадыг өс-өзере талаштань аара талаал парган.* (КК, 38) ‘Мир (букв.: согласиём проживаемая жизнь) из-за междоусобия (букв.: спора между собой) был прерван.’

(в) *Оглан тушта природодаң аара мен ытам чазылдым.* (КК, 52) ‘Молодость и природа ускорили мое выздоровление (букв.: Благодаря молодости и природе я вскоре поправился).’

Итак, в результате анализа пассивных конструкций шорского языка можно сделать вывод, что в коммуникативном отношении перед носителями шорского языка не стоит дилемма возможности или невозможности, необходимости или ненужности информировать своих собеседников об агенте. У них нет такой возможности и необходимости, так как агент не называется и не входит в коммуникативную рамку ПК. Тем самым все внимание собеседников фокусируется на пациенте и на действии, которому он подвергся. Для актантной структуры пассивных предложений важными являются следующие положения. Во-первых, пассивные предложения шорского языка невозможны без пациента: это обязательный компонент. Во-вторых, в роли агента пассивных предложениях шорского языка всегда выступает одушевленное лицо – а именно человек либо неопознанная сила (стихия) или высшая сила, соответствующая мифологическому восприятию шорцев. В-третьих, несмотря на отсутствие, агент очень важен для понимания содержательной стороны пассивных предложений. Его изъятие способствует тому, что с помощью пассива в языке возможно выразить синтаксическую категорию лица: его определенность, неопределенность или обобщенность. В-четвертых, присутствующий в пассивных предложениях второй актант, обозначенный словоформой в совместно-орудном, либо дательного-направительном, либо исходном падеже с послелогом *аара*, только по своей грамматической форме может быть принят за агент. Но так как в роли актанта, выраженного словоформой в совместно-орудном падеже, выступают неодушевленные предметы,

то считаем, что они называют орудие или средство выполнения действия над пациенсом. А актанты, хотя и эксплицированные одушевленными или неодушевленными именами, в форме дательного или исходного падежа с послелогом *aapa* указывают на причину пассивного действия.

В целом, шорские пассивные высказывания демонстрируют основные субъектные модификации: агенс либо известен или неизвестен, либо приобретает черты неопределенности, обобщенности, а в некоторых случаях и неопознанности, что соответствует его безличности. Все эти изменения соответствуют парадигматической вариативности исходной модели, в качестве которой в шорском языке выступает модель с активной диатезой. В то же время шорские пассивные конструкции выражают, как и русские, какие-то дополнительные смысловые оттенки, например, постоянное или стойкое свойство определенных предметов подвергаться воздействию со стороны так, что это становится характеристикой пациенсов.

2.4. Каузативный залог в шорском языке (в сопоставлении с русским)

2.4.1. Функциональная типология каузатива

В исследованиях, посвященных типологии залогов, каузатив характеризуется как категория, которая выражает воздействие одного лица на другое с целью побудить его к какому-то действию, а каузативные отношения рассматриваются как следствие того, что какое-то действие или какой-то признак возникает в результате действия, производимого по волеизъявлению более активного субъекта [Харитонов 1963; Недялков, Сильницкий 1969; Щербак 1981; Надеяев 1985; Сравнительно-историческая грамматика... 1988; Касевич 1988 и некоторые другие].

Соответственно, ситуации, в которых наличествуют каузативные отношения, называются каузативными и являются сложными по своему строению, так как состоят из двух микроситуаций. Одна представляет собою причину, а другая – ее следствие. Сложность каузативной ситуации влечет за собой непростое структурное построение каузативных конструкций. Они состоят из двух частей: антецедента, отражающего каузирующую микроситуацию, и консеквента, отражающего каузируемую микроситуацию [Недялков, Сильницкий 1969, с. 6]. В каж-

дой микроситуации есть свой субъект: ситуацию антецендента осуществляет первый субъект, выступающий как каузатор. В предлагаемой работе будем называть его агенсом. В ситуации консеквента главным является вспомогательный субъект, его будем именовать пациенсом. Пациенс осуществляет действие по воле, побуждению, принуждению, позволению агенса:

Пир кижги узун агаши сугыт апишақты қанықтырча. [ЧУШЯ, 249] ‘Кто-нибудь, длинную жердь сунув [в берлогу], медведя заставляет сердиться.’ *Сен албығаны тайдырба!* [ЧУШЯ, 249] ‘Ты собою ускользнуть не давай!’

Однако каузатив и каузативные отношения истолковываются учеными по-разному. Можно выделить несколько взглядов на эту категорию. Анализ научной литературы, посвященной каузативу, показал, что эти взгляды с большей или меньшей степенью точности распределяются на две группы.

Первая группа включает широкое понимание каузатива и каузативных отношений, практически этот взгляд оценивает каузатив как функционально-семантическое поле, в формировании которого участвуют разноуровневые средства данного языка. О понятии функционально-семантического поля см.: [Бондарко 1984, с. 21]. Так, например, рассматривает каузатив А. П. Чудинов. Он считает, что каузативные включают и такие отношения, которые возникают в результате воздействия субъекта на объект с целью внести в него те или иные изменения. Отсюда следует, что к каузативным можно отнести глаголы: *гнуть, строить, бросать* и т. д. [Чудинов 1982, с. 48].

Вторая группа включает более жесткий подход к пониманию каузативных отношений, ограничивая его только рамками каузативного залога. Такой узкий подход наблюдается у А. А. Юлдашева, который проявляет строгость и в понимании категории залога. Являясь автором раздела «Категория залога» в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Морфология» (1988), он рассматривает различные взгляды на понудительный (каузативный) залог и высказывается против того, что к нему относят разнородные продуктивные и непродуктивные формы глаголов, которые объединяются, по его мнению, «лишь по выражению активного и, как правило, переходного действия, в преобладающем большинстве случаев не имеющего отношения к собственно понудительному залогу» [Указ. соч. 1988, с. 284]. Эти

формы выполняют только словообразовательную функцию, отрешенную от собственно понудительного залога, а именно: эти формы служат только для того, чтобы образовывать переходные глаголы из непереходных. Хотя глаголы-сказуемые обладают семой каузативности в предложениях «Он вывел его из дома», «Он уложил его на кровать», каузативными такие конструкции назвать нельзя. Они всего лишь описывают активное и переходное действие субъекта по отношению к объекту. Субъект в них основной и единственный исполнитель действия. По мнению А. А. Юлдашева, подлежащее-субъект «в соответствии с оформлением предложения выравнивается по аналогии с действительным залогом – оно здесь выступает, собственно говоря, как непосредственный исполнитель действия, участие в котором вспомогательного агенса остается совершенно неосвещенным и в лучшем случае угадывается на логической основе» [Указ. соч. 1988, с. 290]. Он считает, что фактически эти и им подобные предложения типа «Мать накормила сына», «Хозяин напоил гостя» построены по законам действительного залога, в которых лексическое значение сказуемых в той или иной степени осложнено каузативной семой [Там же].

Свою точку зрения А. А. Юлдашев подтверждает следующими утверждениями.

Во-первых, переходные глаголы, образованные от непереходных с помощью каузативных аффиксов, могут кардинально расходиться в своем значении со значением производящего глагола. Это наблюдается и в шорском языке, например: *ал-* ‘брать’, а *алдыр-* ‘уступать, поддаваться, требовать’ (Верб., 14): *Ноо керек мени алдыр=ды=ң.* (Верб., 15) ‘Зачем (по какому делу) меня потребова=л=ты (пригласил)?’

Во-вторых, такие производные глаголы принимают аффиксы понудительности, чтобы передать собственно каузативное значение:

Ол қыс парыпқан соонда аал кижизи ол қысты абазы көзубе алтыр=д=ып алап қыста=ннар (ДШФ, 326, 327). ‘(Когда) та девица ушла, люди улуса ту девицу вместе с отцом уступить=**принужда**=я давили=они.’

Согласно позиции А. А. Юлдашева, сущность понудительного залога заключается в том, что действие осуществляется кем-то по волеизъявлению подлежащего, обычно не принимающего в этом действии непосредственного участия [Указ. соч. 1988, с. 291], то есть такие конструкции, которые на русский язык переводятся глаголами ‘заставлять’ или ‘разрешать’: *Ол аны чүзүр-т-ти* – Он его бежать-заставил.

Эту точку зрения разделяет Н. Д. Алмадакова [2005, с. 16–18].

Таким образом, для понимания каузативного залога надо иметь в виду:

1. Действие совершается по волеизъявлению какого-то лица или под давлением чего-то. Это лицо или предмет, под влиянием которого происходит действие, называем агенсом.

2. Агенс должен быть активным, обладать достаточной силой, властью или авторитетом, потому что по его волеизъявлению пациент производит необходимые действия.

3. Каузативная конструкция состоит из двух частей: в первой выражается воля агенса – причина (антецедент), вторая – выражает требуемое от пациента действие – следствие (консеквент).

Однако, как нам кажется, в том, как освещается каузативный залог в научной литературе, есть некоторое упущение. Ученые все внимание сосредоточили на агенсе и практически не рассматривают пациента. На наш взгляд, фигура пациента очень важна для понимания каузатива. С нашей точки зрения, пациент должен обладать следующими характеристиками: он должен быть способным к самостоятельному совершению действия и к сопротивлению. В обратном случае аффиксы пунудительного залога не смогут выражать то усилие, которое прилагается к выполнению действия.

А если пациент должен быть таким же активным, как агенс, то, следовательно, в его роли выступает одушевленное лицо, ибо именно у такого лица есть все возможности самостоятельно действовать и двигаться, а также умение сопротивляться: *Пажым агрыпча* ‘Моя голова болит’ – *Айназы кижини агры-т-ча* ‘Айна=его человека болеть заставляет.’

Кроме одушевленного лица, в качестве пациента могут выступать неодушевленные предметы, наделенные человеческими чертами, и разные явления, действующие в силу своей стихийной природы: см. пример б. Если пациент не способен к сопротивлению, следовательно, не надо прилагать усилия, чтобы подвести его к какому-то действию, поэтому такие случаи и не рассматриваются как каузативные. Сравним два предложения:

(а) *Кескен агаштарды Сталинскаа сугларба агысча-лар* (← ак= ‘плыть’). (ДШГ, 271) ‘Срубленные деревья к Сталинску реками сплавляют=они.’

(б) *Қазыр арыгдың сугы аақ сайды шагдырады агысча.* (ДШГ, 159)

‘Вода быстрого порога мелкую гальку, заставляя шуршать, заставляла плыть [за собой].’

В предложении *a* денотат пациенса обозначает предметы, не способные к сопротивлению – *агаштарды* ‘деревья’, поэтому глагол *агыс-*, хотя и имеет каузативный аффикс *-ыс-*, не считается залоговой формой, в то время как в предложении *б сай* ‘галька’ благодаря своей природной инертности не умеет передвигаться, поэтому *агыс-* – это, безусловно, форма каузативного залога.

В данной работе мы будем придерживаться широкого понимания каузативных отношений, а в толковании значений каузативного залога будем опираться на сочетательную трактовку залоговой системы, предложенной В. М. Надеяевым [1985, с. 3–14]. Осознание залоговых форм глагола, которые образуют «вербальные словосочетания и простые предложения с глагольным сказуемым, отражающие актуализированными лексическими и грамматическими средствами <...> отдельные динамические процессные ситуации реальной действительности» [Надеяев 1985, с. 6], предполагает более широкое понимание залога. Как уже говорилось во вступительных замечаниях, В. М. Надеяев выделяет три компонента элементарной, т. е. отдельно взятой, процессной ситуации: сам процесс (предикат), исполнитель (агнс) и объект непосредственного воздействия (пациенс) [Там же].

В связи с этим считаем, что к некоторым конструкциям можно отнести как к залоговым, если, во-первых, предложение конституировано залоговой формой глагола и выражает ситуацию действительности, содержащую все три компонента. И во-вторых, если залоговая ситуация соотносительна с исходной, не залоговой. Например, сравним предложения: (*a*¹) *Анаң соонда Қартыга Перген алтын устолга одурған* ‘Потом Картыга Перген за золотой стол сел’ — (*a*²) *Қартыга Пергенниң абақайы Қартыга Пергенни колдаң қап түжүрди, аны алтын устолга одур-т-ты* ‘Жена Картыга Пергена Картыга Пергена руку схватила, его за стол усадила’.

Несмотря на то, что в предложении *a*² нет явного принуждения, тем не менее считаем данную конструкцию каузативной, а глагольную форму залоговой. В доказательство своей версии заметим, что глаголы *одур-* ‘сидеть’ и *одурт-* ‘усадить, посадить’ составляют залоговую оппозицию, залоговая форма глагола образована морфологически, с помощью залогового аффикса. Залоговая форма *одурт-* повышает свою валентность на одну единицу. И, наконец, действие залоговой формы

одурт- направлено на пациенса и содержит явное волеизъявление, скорее всего Картыга Перген сам и не сел за стол, если бы его не усадили. А вот предложения б¹– б² на данном этапе исследования будем считать активнозалоговыми: (б¹) *Қанче кўнниң чарықтары, анче чаккийлер өсчалар.* (ИВШ 2003, 6) ‘Сколько солнечный лучей, столько цветов растет.’ – (б²) *Ала Тағ сейбе пазоқ шаньш өстирип салды.* (ИВШ, 4) ‘Пестрая Гора рябину да калину вырастила.’

2.4.2. Способы выражения каузативных отношений в русском и шорском языках

Способы выражения каузативных отношений разнообразны и отличаются в разных языках. В основном они сводятся к синтетическим или аналитическим способам со своими подвидами. В одном и том же языке могут сосуществовать как синтетические, так и аналитические способы. Пример тому русский язык. В шорском языке преобладает синтетический способ.

I. Рассмотрим синтетические способы выражения каузативных отношений. Синтетическим называем способ, когда значения антецедента и консеквента сливаются в лексическом значении одного и того же глагола-сказуемого. При использовании синтетических способов на первое место в лексическом значении глаголов упор делается на описании вторичного действия, значение же каузации представлено обобщенно и неявно: *гнать, кормить, сушить*. Ученым, исследовавшим каузативные отношения, хорошо известны два основных синтетических способа их выражения. Первый способ обычно называется лексическим или словообразовательным, а второй — морфологическим. Разница между этими способами рассмотрена в коллективной монографии «Типология каузативных конструкций (Морфологический каузатив)» [1969]. Основным различием между ними является то, что лексический каузатив является непродуктивным способом, а морфологический – продуктивным [Недялков, Сильницкий 1969, с. 25]. Кроме того, лексическим называется такой каузатив, который «является членом супплетивной и коррелятивно-корневой оппозиции, а также каузативы, имеющие соотносительные антикаузативы» [Там же]. Например: 1) супплетивный способ: рус. умереть – убить; англ. to die – to kill; нем. sterben – töten; 2) коррелятивно-корневой: рус. пить – поить.

В русском языке преобладает лексический каузатив, тогда как в шорском – морфологический. В отличие от шорского, в русском языке

способы выражения каузативных отношений недостаточно регулярны, и правила уступают место узусу, то есть относятся к области словарных значений.

Выделяют несколько синтетических способов выражения каузативных отношений: 1) аффиксальный, 2) супплетивный, 3) чередование гласных в корне слова, или коррелятивно-корневой, 4) комбинированный. Рассмотрим их.

1.1. Аффиксальный способ более продуктивен в шорском языке, чем в русском. Аффиксы могут маркировать как глаголы, имеющие сему каузативности, так и глаголы, которые такой семой не обладают. Последние будем называть антикаузативными глаголами.

Рассмотрим суффиксы русского языка, которые могут передавать каузативные значения.

В русском языке нет специальных каузативных суффиксов, однако Русская грамматика–1982 среди значений суффиксов *-и-* и *-а-*, образующих глаголы, мотивированные глаголами, указывает, что они могут иметь значение «(с)делать так, чтобы кто- или что-л. совершал(о) [совершил(о)] действие, названное мотивирующим глаголом; заставить совершать (совершить) это действие» [Русская грамматика 1982, с. 353]: *воскресить* ‘сделать так, чтобы кто-либо воскрес’, *гасить* ‘сделать так, чтобы что-либо гасло’. Например: *Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый...* (А. С. Пушкин). Суффиксы *-и-* и *-а-* обычно присоединяются к глаголам, выражающим наличие качественного или количественного признака. Присоединяя эти суффиксы, они начинают выражать значение приобретения указанного признака под чьим-то воздействием.

Каузативному суффиксу *-и-* в антикаузативных глаголах могут соответствовать суффиксы *-е-* и *-ну-*. Суффикс *-е-* выражает значение пребывания в указанном корне слова качественном состоянии: *чернить* – *чернеть*, *темнить* – *темнеть*, *белить* – *белеть*, *густить* – *густеть*, *холодить* – *холодеть*, *тупить* – *тупеть*, *пьянить* – *пьянеть*; суффикс *-ну-* обозначает приобретение признака, названного мотивирующим словом: *слепить* – *слепнуть*, *крепить* – *крепнуть*, *гасить* – *гаснуть*.

Каузативный суффикс *-а-* менее продуктивен, чем *-и-*, например, *сажать*, *вешать*. Им соответствуют антикаузативы: *сидеть*, *сесть* и *висеть*, *виснуть*.

С помощью суффиксов *-и-* и *-а-* образуются каузативные глаголы

и от других частей речи, например, от числительных: *двоить*, *троить*; от прилагательных: *прямить* «сделать прямым», *бодрить* «сделать бодрым», *старить* «сделать старым»; от существительных: *ворсить* «наделить ворсом», *пепелить* «сделать пеплом», *пятнать* «покрывать пятнами», *пластать* «разделять на пласты», *хомутать*, *седлать*, *пеленать* и т. д. Общим признаком глаголов с каузативным значением является то, что они включают в свою семантическую структуру компоненты «объект действия» (*светлить*, *грязнить*, *чистить*, *тревожить*), а иногда и «орудие действия» (*золотить*, *пятнать*, *хомутать*). Например: *Как рано мог уж он тревожить Сердца кокеток записных!* (А. С. Пушкин). Иногда суффикс *-и-* сопровождается изменением ударения по сравнению с антикаузативным глаголом: *стареть* – *старить*.

Кроме *-и-* и *-а-*, каузативность могут выражать и некоторые другие суффиксы, которые способны выражать значение воздействие на объект, влекущее за собой какое-либо изменение в нем или наделение его каким-либо признаком, названным мотивирующим словом. Например: суффиксальные морфы *-ова-*, *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-* способны передавать значение «наделять кого- или что-либо тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным» [Русская грамматика 1982, с. 353]: *нейтрализовать* «сделать нейтральным», *стабилизировать* «сделать стабильным», *американизировать*, *революционизировать*, *милитаризировать* и т. д.

Другим аффиксальным средством в русском языке является постфикс *-ся/-сь*. Он маркирует антикаузативное значение глагола и указывает на то, что действие или состояние остается в сфере субъекта. Отсутствие этого постфикса может свидетельствовать о каузативном значении: *испугать* – *испугаться*, *пугать* – *пугаться*, *ломать* – *ломаться*, *разрушать* – *разрушаться*, *вернуть* – *вернуться*, *показать* – *показаться*, *останавливать* – *останавливаться*, *трясти* – *трястись*, *тащить* – *тащиться*, *спускать* – *спускаться*, *поднимать* – *подниматься*, *волновать* – *волноваться* и т. д. Например: *При мне колонисты никогда не хулиганили и не пугали путешественников...* (А. С. Макаренко); *Мусий Карпович вдруг через руку Буруна останавливает лошадь...* (А. С. Макаренко). Но: *Я испугался и остановился.*

Рассмотрим приставки в русском языке как средство выражения каузативности. Наряду с основными значениями некоторые из них мо-

гут передавать и каузативность, и антикаузативность, например, *помнить – напомнить, надеть – одеть, работать – обработать, говорить – уговорить, отговорить*. В основном каузативное значение имеют те приставки, которые передают «специально-результативное» [Потапенко 1978, с. 71] воздействие на объект, то есть вносят в значение слова какой-то дополнительный оттенок, в данном случае оттенок каузативности. Например: *Так одеваает бури тень Едва рождающийся день* (А. С. Пушкин).

По частоте передаваемого каузативного значения первое место принадлежит приставке *-о/-об-*. Именно она в сочетании с суффиксом *-и-* наиболее продуктивно и ярко выражает каузативное значение. Данное сочетание морфем имеет значение «наделить объект воздействия тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным» [Русская грамматика 1982, с. 376]: *облегчить* «сделать легким или более легким», *окоротить* «сделать коротким или более коротким», *обновить, оживить, обнажить*: *Все лучше перед кем-нибудь Словами облегчить мне грудь* (М. Ю. Лермонтов); *Но взор сей нежность изъявил: Он сердце Тани оживил* (А. С. Пушкин).

В шорском языке преобладает аффиксально-суффиксальный способ передачи каузативных отношений, так как в нем нет ни постфиксов, ни приставок. Выделяется 5 аффиксов-суффиксов:

- 1) *-тыр-/тир-* (*-дыр-, -дир-, -тур-, -дур-, -түр-, -дүр-*);
- 2) *-т-*;
- 3) *-р-* (*-ыр-, -ир-, -ур-, -үр-*);
- 4) *-гыс-/гис-* (*-гус-, -гүс-*);
- 5) *-ыс-/ис-*.

Выбор того или иного аффикса в шорском языке зависит от двух причин. Во-первых, от того, на какой звук заканчивается основа слова, и, во-вторых, от того, сколько слогов в слове.

Аффикс *-тыр-/тир-* (и фонетические варианты) прибавляется к односложным и двусложным словам, основа которых заканчивается на следующие согласные:

- 1) На сонорные согласные (кроме *р*) *н, л, ң, й [j]*: *нил-* ‘знать’ – *нилдир-* ‘казать, заставить знать, показаться, заставить (у)видеть’; *ал-* ‘брат, взять’ – *алдыр-* ‘заставить взять’; *үргүн-* ‘радоваться’ – *үргүндур-/үргүндүр-* ‘радовать’; *айлан-* ‘поворачиваться’ – *айландыр-* ‘поворачивать’; *эң-* ‘спускаться’ – *эңдир-/эңдер-* ‘заставить спуститься’; *көй-*

‘гореть’ – *көйдүр*- ‘сжигать, обжигать’; *сий*- ‘рассасываться’ – *сийдир*- ‘впитывать, пропитывать, рассосать’.

2) На глухие взрывные согласные *т, к, қ, п*, на звонкий взрывной *г* и щелевой *ғ*, который переходит во взрывной *г*: *уйат*- ‘стыдиться’ – *уйаттыр*- ‘стыдить’; *сөк*- ‘бранить, порицать, ругать’ – *сөктүр*- ‘заставить бранить, заставить ругать’; *соқ*- ‘закалывать’ – *соқтыр*- ‘заставить заколоть’; *алақтыр*- ‘обманывать, отвлекать’ (ср. в др.-тюркском: *ala* ‘недобрые помыслы, козни’ [ДТС, 33]); *тап*- ‘находить, доставать, приобретать’ – *таптыр*- ‘искать, заставить найти’; *теп*- ‘лягать, пинать’ – *тептир/тептер*- ‘заставить лягать, заставить пинать’; *тег*- ‘трогать, прикасаться’ – *тегдир*- ‘заставить трогать’; *қоғ*-¹ ‘выскивать, преследовать, гнаться’ – *қоғдур*- ‘гнать, заставляя преследовать’.

3) В односложных и двусложных словах, которые оканчиваются на щелевые *с* и *ш*: *ыс*- ‘посылать’ – *ыстыр*- ‘заставить послать’; *аш*- ‘открыть’ – *аштыр*- ‘велеть открыть’. Двусложными обычно являются производные слова, образованные с помощью суффикса совместности *-ш*-: *тарт*- ‘тянуть, тащить’ → *тартыш*- ‘бороться’ → *тартыштыр*- ‘заставить бороться’.

Аффикс *-т*- прибавляется к двусложным словам, которые оканчиваются либо на гласные звуки, либо на сонорный *р*:

1) Примеры слов, оканчивающихся на гласные звуки: *иште*- ‘делать’ – *иштет*- ‘заставить делать’; *паага/пагла*- ‘вязать, завязывать’ – *паагат/паглат*- ‘привязать, заставить завязать’, *ийгиле*- ‘двоиться, сдваиваться’ – *ийгилет*- ‘двоить, раздваивать, заставить делиться’.

2) Сонорный *-р* встречается в дву- или трехсложных производных словах: *пыжыр*- (< *пыш* ‘готовый, зрелый’) ‘готовить’ – *пыжырт*- ‘заставить готовить, варить’; *ижир*- (< *иш*- ‘пить’) ‘поить’ – *ижирт*- ‘заставить пить’; *нүдүр*- (< *бүт* ‘заканчиваться, завершаться, исполняться’ [ДТС, 133–134]) ‘строить’ – *нүдүрт*- ‘заставить строить’; *одур*- ‘сидеть’ – *одурт*- ‘сажать, заставить сидеть’.

3) Аффикс *-т*- может прибавляться и к некоторым односложным словам, оканчивающимся на шумные согласные *т* (переходящий в *д*) и *қ* (переходящий в *г*), в этих случаях в месте присоединения каузативного аффикса образуется соединительная гласная (интерфикс): *ақ*-

¹ В шорском языке до сих пор не решен вопрос о том, какой звук употребляется на конце слов после заднеязычных гласных. Э. Ф. Чиспиякова утверждал, что это щелевой *ғ*, [Чиспияков 1992, с. 18], а в словаре Н. Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф. Я. Апонькина – смычный *ғ* [Курпешко-Таннагашева, Апонькин 1993, с. 25]. Здесь и далее используем более привычный знак *г*.

‘течь’ – *агыт-* ‘заставить течь’; *ат-* ‘назвать, стрелять’ – *адат-* ‘заставить назвать, заставить стрелять’.

Аффикс *-р-* (с фонетическими вариантами) прибавляется к односложным глаголам с шумными глухими согласными на конце. Глухие согласные, попадая в позицию между гласными, озвончаются: *түш-* ‘падать’ – *түжүр-* ‘уронить, спустить’; *чаш-* /*час-* ‘скрываться’ [ДТС, 246] – *чажыр-/чазыр-* ‘прятать, скрывать’; *шық-* ‘выходить’ – *шыгыр-/шыгар-* ‘вывести, увольнять, выпускать, отнимать’; *кес-* ‘надеть, обуться’ – *кезир-* ‘одеть, обуть, заставить одеться/обуться’.

Аффикс *-гыс-/гис-* (и их фонетические варианты) обычно прибавляется к односложным глаголам, оканчивающимся на *р*, изредка на *л*: *тур-* ‘стоять’ – *тургыс-* ‘поставить’; *қал-* ‘остаться’ – *қалгыс-* ‘оставить’; *чөр-* ‘ходить’ – *чөргис-* ‘заставить ходить’; *пер-* ‘дать, давать’ – *пергис-* ‘заставить дать’. В «Грамматике шорского языка» Н. П. Дыренковой [1941, с. 150] этот аффикс показан именно так, как приведен в примерах, то есть без влияния гармонии гласных. Однако полевые материалы показали, что аффикс *-гыс-/гис-* последовательно подвержен этому фонетическому закону, в словах с огубленными гласными в корне употребляется фонетический вариант *-гус-/гүс-*. Поэтому современные словари зафиксировали формы: *көргүс-*, *тургус-*, *чөргүс-* и т.п.

Следующий аффикс каузативности – *-ыс-/ис-*, возможно, этимологически связан с предыдущей морфемой. Он довольно редок и встречается после согласных в односложных словах: *эмис-* ‘кормить грудью’ ← *эм-* ‘сосать’, *эртис-* ‘пропустить, провести, заставить пройти’ ← *эрт-* ‘проходить’, *агыс-* ‘заставить течь’ ← *ақ-* ‘течь’ [Дыренкова 1941, с. 151].

Для удобства и лучшего понимания сведем условия употребления каузативных аффиксов шорского языка в таблицу:

Таблица 2

Употребление каузативных аффиксов шорского языка

Аффиксы	Основы слов на согласный звук								Основы на гласный
	Слова с одним слогом				Слова с двумя и более слогами				
	Сонорные (кроме [р])	Основы на [р]	глухие	звонкие	Сонорные (кроме [р])	Основы на [р]	глухие	звонкие	
<i>-тыр-</i>	+		+	+	+		+	+	+
<i>-т-</i>		+				+			+
<i>-р-</i>				+					
<i>-гыс-</i>			+						
<i>-ыс-</i>	+		+	+					

1.2. Супплетивный способ широко наблюдается в русском языке, в шорском же языке встречается крайне редко. Члены оппозиции различаются несовпадением корневых морфем: *убить* – *умереть*; *гореть* – *жечь*, *уничтожать* – *гибнуть*, *объяснять* – *понимать*, *кормить* – *есть*. В шорском языке: *чии-* ‘есть, кушать’ – *азыра-* ‘кормить’: *Мен чип алыпчам* ‘Я наелся’ – *Мен адайды азырапчам* ‘Я кормлю собаку’.

1.3. Чередование звуков внутри слова (есть только в русском) типа: *поить* – *пить*, *гноить* – *гнить*, *кипятить* – *кипеть*. В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий называют такой способ коррелятивно-корневым, так как в словах наблюдается частичное несовпадение корневых морфем [Недялков, Сильницкий 1969, с. 21].

1.4. Четвертый способ выражения каузативных отношений называется комбинированным, потому что он совмещает суффиксацию и чередование звуков, отсечение или наращение финалей. Он так же, как и два предыдущих, наблюдается только в русском языке: *смешить* – *смеяться*, *губить* – *гибнуть*, *сажать* – *сидеть*, *сушить* – *сохнуть*, *глушить* – *глохнуть*.

II. Перейдем к рассмотрению аналитических способов выражения каузативных значений. К аналитическим относим такие способы, которые образуют каузативное или некаузативное значение исходя из синтаксических средств, а именно порядка слов и служебных слов. Благодаря аналитическому способу обозначение понудительности выделяется и становится явным, более конкретным: *заставить сбежать* / *попросить сбежать* / *уговорить сбежать* и т.п.

Порядок слов как каузативный способ в русском языке не используется, если не принимать в расчет такие разговорные конструкции, как *Его ушли* (В значении: *Его уволили*); *Кто девушку ужинает, тот ее танцует* и др. Примеры ему можно найти в английском языке: *water boil=s* «*вода кип=ит*» → *my mother boil=s the water* «*моя мама кипят=ит воду*». Такой способ В. П. Недялков и Г. Г. Сильницкий называют синтагматическим, так как «каузативные и некаузативные значения определяются только из окружения глагола» [Недялков, Сильницкий 1969, с. 21].

Способ служебных слов заключается в том, что отношение каузации и каузируемое состояние выражается не одним словом, а двумя, образующих синтаксическое единство, объединенное одним значением: *сделать* → *заставить сделать*. В английском или немецком языках, в отличие от русского, подобные обороты рассматриваются

как целостные смысловые единицы аналитического характера и имеют собственные названия: *to jump* → *to make jump*; *gehen* → *lassen gehen*.

В результате исследования 2 000 предложений удалось выявить 30 русских глаголов, которые могут выступать в качестве первого глагольного компонента в таких оборотах. Глаголом с наиболее общим, недифференцированным каузативным значением является (1) *побудить*: *Эти обстоятельства побудили меня предпринять некоторые шаги*. Однако более распространенными из них являются глаголы со значением принуждения: (2) *заставить*, (3) *принудить*, *принуждать*, (4) *велеть*, (5) *приказать*, (6) *распорядиться*: *Только что смеркалось, я велел казаку нагреть чайник по-походному ...* (М. Ю. Лермонтов); *Что заставило вас подвергаться стольким опасностям, пробираясь в Крым?* (А. Кондаков. Последний козырь), *Директор распорядился купить новые стулья*.

Так как эти глаголы выражают такое повеление, в результате которого действие должно быть выполнено, назовем их глаголами положительного принуждения. Отрицательное принуждение передают глаголы (7) *запретить* и более узкого, специального воздействия (8) *возбранять*, которые требуют прекращения какого-либо действия: *Верно, я своим тоже запрещаю кокетничать на рабочем месте* (Д. Донцова), *Отец возбранял входить в его кабинет без стука* [ТСРГ, 634].

Более мягкое принуждение выражают глаголы со значением просьбы или разрешения: (9) *разрешить*, (10) *позволить*, *дозволить* (11) *дать*, (12) *просить*, (13) *убедить*, (14) *уговаривать*, (15) *уведещивать*, (16) *советовать*. *Татьяна Власьевна рано утром всех поднимает на ноги и только одной Арише позволяет понежиться в своей кровати лишний час. Судьба в этот последний августовский день дала ему наперед отведать будущей разлуки с Машенькой, разлуки с Родиной.* (В. Набоков. Машенька) *Я советую вам здесь остаться. Чем тут плохо?* (В. Набоков. Машенька). Мягкое отрицательное принуждение выражает глагол (17) *отсоветовать*: *Подружки отсоветовали ей смотреть этот фильм*.

Глагол *дать/давать* часто употребляется для выражения отрицания: *Он не дал провести себя*. Он же обычно образует одну из самых распространенных формул для выражения пожелания исполнения какого-то желания: *А теперь сижу на бобах. Дай бог только в Париж попасть* (В. Набоков. Машенька). А также используется вместе с ин-

финитивом или формами 1 и 2 лица ед.-мн. числа для образования формул приглашения, предложения, просьбы, побуждения к чему-либо: *Давай(те) знакомиться. Давай(те) пойдём.*

Остальные русские глаголы выражают специально-каузативное значение, то есть каузативное значение осложняется дополнительными смысловыми или стилевыми оттенками: (17) *поручить*, (18) *отпустить*, (19) *назначить*, (20) *предначертать*, (21) *соблазнить*, (22) *подбить*, (23) *послать*, (24) *допустить*, (25) *добиться*, (26) *здать*, (27) *доверить*, (28) *предложить*, (29) *указать*: *Командир поручил саперам обезвредить мину. Учительница назначила двух девочек проверить чистоту в классе. Няня отпустила ребенка погулять. Ему было предначертано явиться в 6 часов. О мать-отчизна, какими тропами Бездольному сыну укажешь пойти...* (Н. Клюев).

Несколько отдельно от значений принуждения (фактитивности) и разрешения (пермиссивности), но ближе к последнему, стоит значение ассистивности, или помощи, которое выражает глагол (30) *помогать/помочь*, например: *Мать велит/позволяет/помогает дочери шить платье* [Недялков, Сильницкий 1969, с. 31].

К глаголам, выражающим каузативные отношения, относятся и такие, как *допускать/допустить*, *добиться*, *хотеть*, но первые два не предполагают после себя инфинитива: *Сапер не допустил взрыва мины; Учительница добивается успехов от своих учеников*. Либо они, как и *хотеть*, выводят предложения за рамки простых: *Я хочу (допускаю, добиваюсь), чтобы он приехал*.

Синтаксический статус тридцати выявленных нами глаголов не совсем ясен. С одной стороны, они полностью сохраняют свое лексическое значение речевого воздействия или принуждения и в предложении выполняют функцию простого глагольного сказуемого, с другой стороны, эти глаголы выступают как обязательный элемент каузативной конструкции. Глаголы в форме инфинитива, являющиеся грамматическими дополнениями, передают вещественное значение всей конструкции. Вместе они составляют цельную смысловую аналитическую единицу. В европейских языках, например немецком и английском, данные конструкции рассматриваются целостно и обозначаются специальными терминами. Например, в английском языке такие конструкции называются «Accusative with the Infinitive», где существительное с инфинитивом составляют сложное дополнение – «complex object»: He ordered the taxi to be at the door at nine o'clock [Ganshina and

Vasilevskaya 1951, с. 217]. Термином «сложное/составное дополнение» можно назвать и синтаксические конструкции подобного типа в русском языке.

В шорском языке также встречается аналитическое выражение каузативного значения с помощью глаголов *айт-* ‘говорить, уговорить, велеть’; *пер-* ‘давать’ и ‘разрешать’; *сура-* ‘просить, спросить’; *чарат-* ‘одобрять, разрешать’ (← *чара-* ‘соответствовать, быть годным’), *чалган-* ‘подлизываться, уговаривать’ и нек. др.:

Ол кижини чиирге айт-ты. (ШН,10) ‘Он человека поесть уговори-л.’; *Ааң келерине ол кам одагына кирерге пербеен.* (ДШФ, 290,291) ‘Его невесткам тот шаман в дом заходит не разрешал.’; *Барин нанарга чарат-ты.* ‘Барин возвращаться разрешил.’; *Ичези палазын оџурбеен аартыза-берерге ылган кел чалган-тыр.* (ДШФ, 302,303) ‘Мать ребенка не убитым оставить плача уговаривала.’

Однако употребление этих глаголов в шорском языке не так широко, как в русском.

Типы формальных отношений между производными каузативными и производящими некаузативными глаголами

В завершение укажем отношения, существующие в шорском языке между основой некаузативного производящего глагола и основой каузативного производного глагола, то есть между глаголом, выражающим состояние (s) и глаголом, выражающим каузирванное состояние (ks).

1. Первое формальное отношение – деривация: основа каузативного глагола является производной от основы некаузативного глагола: *одур-* ‘садиться, сидеть’ – *одурт-* ‘посадить, пригласить / заставить сесть’. Например:

Орекен – эзензицма Ырызы чок Неккер, кѳзеэм, тедир. Поны колдацкап, устал аразынга одур-т-ты. ‘Старуха: «Здравствуй-ка, Несчастливец Неккер» (говорит). Его за руку схватив, к столу посадила (пригласила сесть).’

Это формальное отношение наиболее распространено в шорском языке. В качестве производящей основы могут выступать и глаголы, которые не имеют никаких аффиксов, и глаголы, к которым уже присоединены аффиксы других залогов, включая и каузативного, и глаголы, производные от существительных или прилагательных:

Пистиң дивизияның командир салдаттырды обмоткелерди чақшы пагла-ш-тыр-ды. ‘Наш дивизионный командир солдат портянки хорошо обмотать заставил.’

Адымны пожа-т-кан (← *пош* ‘свободный, пустой’) *тынан-дыр-арга, отта-д-арга* (← *от* ‘трава’). (А. Чудояков. Пакöсте)¹ ‘Своего коня отпустил (позволил быть свободным), чтобы дать отдохнуть, дать попасть.’

2. Второе формальное отношение между глаголами – корреляция. Каждый член оппозиции «некаузативный глагол – каузативный глагол» маркируется. К основе некаузативного глагола прибавляется аффикс любого залога, кроме каузативного, а к основе каузативного глагола присоединяется аффикс каузатива. Производящая основа без суффиксов не употребляется. Такое формальное отношение связывает, например, русские глаголы *о-деть* и *раз-деть*, *об-уть* и *раз-уть*; шорские: *үрген-* ‘учиться’ – *үргет-* ‘учить’:

Ааң соонда энези тұлғучектерди қозан, шышқан, қуштар аңна-арга үрге-т-ти. ‘Потом мать лисят (на) зайцев, мышей, птиц охотиться учила.’

2.4.3. Критерии различения каузатива и каузативных конструкций в шорском языке

Подведем итоги сказанному, еще раз четко перечислив критерии различения глагольных форм каузативного залога и глаголов, образованных с помощью каузативных аффиксов, а также выделения каузативных конструкций. Для шорского языка этот вопрос является важным и сложным, так как основной способ выражения каузативных отношений в нем составляет аффиксация. В данной работе проблема решается с опорой на словообразовательный, лексический и синтаксический критерии. Два последних настолько взаимосвязаны, что их можно объединить в один лексико-синтаксический.

Словообразовательный критерий заключается в том, что некоторые глаголы образуют соотносительные лексические пары, объединенные общностью передаваемых ситуаций, но противопоставленные друг другу на основе некаузативности – каузативности. Обычно эти пары составлены из однокорневых слов. К первичным непроеводным

¹ Рассказ А. И. Чудоякова в рукописном варианте.

основам или к первичным производным основам, не содержащим каузативных аффиксов, присоединяются аффиксы понудительности, чтобы образовать глаголы, которые выражают:

1. Действия, соотносительные действиям, обозначенным первичными основами, например:

иш- ‘пить’ – *ижир-* ‘напоить’

кур- /*куру-* ‘сохнуть’ – *курут-* ‘сушить’

көр- ‘смотреть, видеть’ – *көргүс-* / *көргис-* ‘показывать’

чит- ‘теряться’ – *чидир-* ‘терять’

эм- ‘сосать’ – *эмис-* ‘кормить грудью’ и др.

2. Действия, не соотносительные с действием, выражаемым производящим глаголом: *ал-* ‘брать’ – *алдыр-* ‘уступать, поддаваться, требовать.’

Если же между производящей и производной основами такие процессы не наблюдаются, то скорее всего имеет место формообразование, т. е. образуется каузативная форма глагола:

Адыны аны аш парбазын теп чилеп шеберлеп пазыт одурча. (А. А. Тытыякова) ‘Коня [чтобы конь] его не перебросил, так сказать, осторожно ступать заставляет.’

К формообразующим процессам относим также присоединение понудительных аффиксов к основам, в составе которых уже есть каузативные аффиксы:

Мен араганы көленменчам, мени аргыжымның абазы пир стопка ижир=т=ивс=ти. (НБ) – (Хотя) я водку не люблю, меня отец друга одну стопку выпить=**застави**=сов. вид=л;

Қартыга Перген айтты: «Қарып парган Алтын Хан адамды өдүр=т=уп салбайын!» теген. (ДШФ, 12) ‘Картыга Перген сказал: «Состарившегося Алтын Хана, моего отца, убить=позвол=ив АУХ=не=я (убить не позволю)!’

Рассмотрим изменения в лексических значениях каузативных форм глаголов и глаголов, образованных с помощью каузативных аффиксов. В ходе исследования замечено, что при словообразовании в семантической структуре слова на первое место выдвигается сема обозначения вторичного действия, сема же каузации представлена абстрактно и неконкретно. Большинство таких аффиксов на современном этапе развития шорского языка выделяются только этимологически, и без них глаголы не функционируют, например: *пыжыр-* ‘готовить’ (от *пыш-* ‘печься, вариться’); *өдүр-* ‘убить’ (от *өл-* ‘умирать’)

[ДТС 1969, с. 393]), *қачыр-* ‘гнать’ (от *қас-* ‘убегать, бежать’ [Указ. соч., с. 400]), *қорғут-* ‘пугать’ (от *қорғ-* ‘бояться, пугаться’ [Указ. соч., с. 458]), *ўргет-* ‘учить’. Кроме *пыжыр-* и *өдүр-*, остальные глаголы потеряли в современное время соотносительные производящие основы; так, сейчас не употребительны *қас-*, *қорғ-*, **ўрг-*/*ўрге-*. Они не отмечены в имеющихся современных словарях шорского языка [см. Судочаков, Чульжанов, Косточаков 1992; Курпешко-Таннагашева, Апонькин 1993].

При формообразовании в семантической структуре каузативной формы глагола актуализируется сема понудительности, тогда как само действие только обозначается:

Мен олакты палыктап пыжыр=т=ын сал=ды=м (ДШГ, 61) ‘Я сына из рыбы (суп) сварить=веле=л’.

Мы вроде как уверены, что сын должен выполнить команду, но так ли это – без дальнейшего контекста неизвестно. Таким образом, самой яркой отличительной чертой (1) конструкций, конституируемыми каузативными формами глаголов, от (2) предложений с глаголами, образованными с помощью каузативных аффиксов, является то, что в конструкциях (1) упор делается на понудительность, каузирующая ситуация проявляется отчетливо. А вот вторичная ситуация (консеквент) менее конкретна. Внимание говорящего акцентируется на волеизъявлении первого субъекта, выполнение второго действия находится «за кадром». Первое действие инициирует второе, но из предложения не видно, собирается ли пациент (вторичный субъект) осуществлять действие, к которому его побуждают. Это значит, что неизвестно, будет ли повеление исполнено, то есть консеквент носит более или менее гипотетический характер.

Отсюда следует вывод, что каузативные предложения менее самостоятельны и больше зависят от контекста – синсематичны, следовательно, в шорском языке каузативные отношения, передаваемые залогом, и каузативные конструкции, построенные на основе залога, мы будем различать в контексте.

В русском языке эти явления проявляются более явно: в случае лексического каузатива действие пациента не вызывает сомнения: *Волки гонят оленя* – ясно, что олень бежит; *Мальчик сушит грибы* – очевидно, что грибы приобретают состояние сухости. А в каузативных конструкциях – *Только что смеркалось, я велел казаку нагреть чайник*

по-походному... (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени) – без контекста не ясно нагрел ли казак чайник, или его что-то отвлекло. Возможно и такая ситуация: *Мать наказала сыну остаться дома, но он ушел еще до ужина.*

В шорском языке из-за синтетического способа выражения каузатива картина немного расплывчата по сравнению с русским языком, поэтому в нем больше приходится полагаться на контекст. Например, сравним (а) глаголы *тургус-* ‘ставить, поставить’ и (б) каузативные формы *тургус-* ‘заставить встать’:

(а) *Оолагаши позуның түүзекти таишқа тургус салды.* (ИВШ, 22) ‘Мальчик свой туесок на камень поставил.’;

(б) *Анаң қамнап, усқат полбансалып, нагына, эзе, шапчаттыр, тургусчаттыр. Турбанча пирда!* (ФШ, 326) ‘Так камлая, разбудить [хозяина воды шаман] не смог, по щекам, вот ведь, стал бить, заставлял встать. Не встает никак!’

Мне видится разница также в следующих предложениях:

(а) *[Алтын Торгу] оолагаишты түжүрүбүсти.* (Алып Кускун, 48) ‘[Алтын Торгу] мальчика опустила.’

(б) *Қавыишчытқан төрт алыпты үзүт черге түжүртир.* (Токмашов, 78) ‘Борющихся четырех богатырей в царство мертвых заставил спуститься.’

Согласно сочетательной концепции В. М. Надеяева [1985, с. 3–14], по сравнению с некаузативными в каузативных конструкциях наблюдается усложнение диктума, которое создается увеличением числа пропозиций и, следовательно, влечет за собой увеличение числа актантов. Как уже говорилось выше, В. М. Надеяев выделяет три компонента элементарной, т. е. отдельно взятой, каузативной ситуации: сам процесс (предикат), исполнитель (агенс) и объект непосредственного воздействия (пациенс) [Там же]. Таким образом, с точки зрения синтаксиса актуальным для каузативной конструкции является наличие пациенса. Но не всякий денотат может заполнить эту актантную позицию: пациенс должен быть наделен особыми характеристиками. Как уже было сказано, важным оказывается его способность к сопротивлению, это присуще одушевленным существам или предметам, наделенным чертами одушевленности, а также стихийным силам и природным предметам и явлениям. Мы глубоко убеждены, что перво-степенным для каузации является активность и способность к сопро-

тивлению пациенса, иначе каузация теряет смысл как процесс принуждения. Таким образом, фигура пациенса помогает различать слово- и формообразующие процессы:

Ол отқа эбире кижилер қолларын чылыдыб одурчалар. (ДШФ, 328) 'Вокруг того огня люди руки отогревают.'

Ичези оолагаиты қолларын чылыдыб одурча. 'Мать заставила мальчика руки отогреть.'

2.4.4. Типы каузативных предложений, конституируемых залоговыми формами глаголов

Между предложениями, описывающими каузативные ситуации, и предложениями, не описывающими такие ситуации, существуют особые отношения синтаксической деривации.

Модели простых предложений, описывающих некаузативные ситуации действительности, будем называть ядерными. К ядерным относятся и те простые предложения, построенные глаголами, в семантику которых входит значение каузативности, но нет явно выраженного волеизъявления, то есть предложения типа: *Мать кормит ребенка* [Алмадакова 2005, с. 8–13].

Установление внутренней связи между ядерными и неядерными моделями предложений является одной из важнейших задач синтаксиса.

Исследование каузативных предложений выявило, что в шорском языке по структуре они делятся на три типа. Первые два из них соотносительны с русскими каузативными конструкциями, как их выделяют авторы «Типологии каузативных конструкций. Морфологический каузатив» (1969). Третий тип не имеет аналогичных конструкций в русском языке. Ситуации действительности, представляемые простыми предложениями с глаголами в форме каузативного залога, В. П. Недялков и Г.Г. Сильницкий делят на два типа: фактитивные и пермиссивные [1969, с. 28]. Фактитивными они называют такие ситуации, в которых первый субъект-агнс принуждает второго субъекта-пациенса к какому-то действию, а пермиссивными – ситуации, в которых агнс разрешает или не препятствует пациенсу произвести какое-то действие [Недялков, Сильницкий 1969, с. 28].

К пермиссивным авторы относят и ситуации, когда пациенс допускает осуществление «неприятного» действия над собой [Указ. соч., с. 31]. Чтобы не путать эти ситуации с собственно пермиссивными,

назовем их ситуациями допущения и выделим в самостоятельный тип: именно они выражаются в шорском языке особым построением каузативных предложений.

**Типы каузативных конструкций,
сопоставимые в шорском и русском языках**

Модели таких каузативных конструкций представляют собою модификацию ядерных некаузативных конструкций, то есть являются их вариантами. Причем варьирование охватывает и семантическую и формальную стороны модели. С семантической точки зрения, каузативные конструкции более сложны, чем некаузативные, так как с их помощью описывается или устанавливается связь между действием и несколькими участниками.

Для шорского языка деление на фактитивные и пермиссивные значения несколько условно, так как каузативные аффиксы передают только общую идею побудительности, не уточняя, носит ли она «приятный» или «неприятный» характер. Эти значения зависят от общих контекстных условий. В. П. Недялков и Г. Г. Сильницкий рассмотрели их в своей статье [1969, с. 30–31], но для шорского языка они не совсем подходят.

Так, они отмечают, что если императивное предложение не содержит отрицания, то оно выражает пермиссивность, типа: *Мама, разреши мне купаться*. Если же оно содержит отрицание, то выражается отказ от фактитивности: *Не заставляй меня работать*. В шорском языке, по сути, это тоже справедливо: *Мени пога қон= дыр=ар=заарба?* (ДШФ, 246, 247) ‘Мне здесь ночевать=разреши=те= вы-ли?’

Утвердительный императив, относящийся ко второму или третьему лицу, чаще выражает значение фактитивности: *Шошқаны криде иштинен қачыр!* (К. Г. Адыякова) ‘Свинью из огорода гони!’; *Чабал сағыштығ қамны үргетсиннер*. (ДШГ, 172) ‘Плохие мысли=имеющего шамана пусть проучат.’

А вот предложения с отрицанием выражают отказ от фактитивности:

(а) *По адайды қачырба!* (Е. С. Кискорова) ‘Эту собаку не гони!’;

(б) *Қартыға Перген айтты: «Қарып адамды өдүртүп салбайын!» теген*. (ДШФ, 12) ‘Картыга Перген сказал: «Состарившегося отца своего убить не позволю!»’

(в) *Ку Кыс айтты: «По алтын сундукты аш=тыр=гай-беди=ң?»* — «*Аш= саң!*» теди. (ДШФ, 48, 49) Ку Кыс сказала: «Этот золотой сундук открыть=разреш=не=ишь-ли= ты?» — «Открой=ты!» сказал;

(г) *Сен албаганы тайдырба!* (ЧУШЯ, 249) ‘Ты не давай (не разрешай) соболу ускользнуть!’;

(д) *Қоллуга туттурба, табанныға пастырба, эргектиге аттырба, эринниге сойлетпе!* (ДШГ, 150) ‘Имеющему руки не давай [себя] хватать, имеющему пятки не давай [себя] пинать, имеющему большой палец не давай [себя] застрелить, имеющему губы не давай клеветать [на себя].’

Общим для всех языков критерием деления на фактитивные и пермиссивные значения является понимание действия как «приятного» или «неприятного» для пациенса. В первом случае говорим о пермиссивности, а во втором – о фактитивности: *Анаң албығыларды по апиый Ыи Қарақты сойдырча.* (ФШ, 250) ‘Потом соболей этот старик Уш Карака заставляет обдирать.’

Рассмотрим каузативные предложения с разными значениями.

I. В фактитивных ситуациях единственным источником изменений происходящих событий является каузатор [Недялков, Сильницкий 1969, с. 28]. При этом возможны следующие варианты:

I.1. Ситуации принуждения, когда каузируемое действие происходит в пользу пациенса.

Врач мени больницага чат=тыр=ча. (Шв) ‘Врач меня в больницу кладет.’

I.2. Ситуации прямого принуждения, когда каузируемое действие происходит против воли пациенса. Канонической формой в русском языке является конструкция «заставить кого-то сделать что-то». В отличие от русского языка, где глагол «заставить» выражает принуждение, в шорском языке аффиксы каузативности не являются семантически дифференцированными и не могут выражать оттенки значений каузации, поэтому в шорском языке понятие о принуждении выводится из соответствующего контекста. Например:

Мен араганы көленменчам, мени аргыжымның абазы пир стопка ижир=t=ивс=ти (НБ) ‘(Хотя) я водку не люблю, меня отец друга одну стопку выпить=застави=сов. вид=л’; *Аа иште=t=ти=м* (Верб., 63) ‘Его работать=застави=л=я.’

Именно это значение принуждения чаще всего передается двой-

ными залоговыми аффиксами: *Инге көзүнектең күн көргүсча, ит ай-агынаң аш иж=ир=t=ча.* (А, 87) ‘Через ушко иглы на свет смотреть заставляет, из собачьей чашки еду есть заставляет.’

Это значение может быть передано без использования залоговых форм, т. е. аналитически, с помощью глагола *айт-* в значении ‘велеть, заставить’, реже *иштет-* ЛСВ ‘заставить’ (от *иште-* ‘работать’) в сочетании с формой на *-арга*.

Ол пис=ти комендантка алпарарга айт=ты. (КК, 45) ‘Он нас=Вин п. к коменданту привести велел’; *Сен аны пол чунубыс=(ы)н айтчаң* (ФЯБ) – Ты его пол вымыть заставь (букв.: Ты ему пол вымыть=Вин.п. скажи / Ты ему о мытье пола скажи); *Кичиг эр қарындажыны писке қузуқ қазыв алаға(← аларға) иштет.* (НБ) ‘Младшего брата нам орех нащелкать заставь(=ты).’

II. В пермиссивных ситуациях источником изменений происходящих событий является пациенс, агенс же разрешает или не препятствует ему произвести их [Недялков, Сильницкий 1969, с. 28]. К ним относим такие ситуации:

II.1. Ситуации разрешения, мягкого побуждения, обычно оформленные как императивные предложения, типа: *Не разрешишь ли мне погулять?*

Қу Қыс айтты: «По алтын сундукты аш=тыр=гай-беди=ң?» — «Аш=саң!» теди. (ДШФ, 48, 49) ‘Ку Кыс сказала: «Этот золотой сундук открыть=не разреш=ишь-ли=ты?» — «Открой=ты!» сказал’; *Мени поға қон= дыр=ар=заар-ба?* (ДШФ, 246, 247) ‘Мне здесь ночевать=разреш=те= вы-ли?’

Каузативное значение «разрешить» или «не разрешить» аналитически выражается с помощью глагола *пер-* ‘давать, разрешать’: *Паиқа аңнар келгенерде ол апишақ ол эпчини чиирге пербеенчаттыр.* (ДШФ, 278, 279) Когда другие звери приходили, тот медведь ту женщину (им) есть не давал (не разрешал).

II.2. Ситуации просьбы, когда агенс напрямую просит пациенса совершить какое-то действие. Например:

Пир пирде қаары кижилер чылыш-кел, қайчы қайла=t=ча=лар. (ДШФ, 334, 335) Иногда старые люди собираются, сказочника (сказки) рассказывать=прос=ят=они.

Это значение можно достичь аналитически. Наиболее нейтральными являются глаголы *сура-* ‘просить’ и *айт-* ЛСВ ‘уговаривать, про-

силь'; глагол *чалган-* 'упрашивать, умолять' используется, чтобы достичь специального оттенка. Эти глаголы сочетаются с инфинитивом на *-арга*: *Ол мени сарын-Ө сарнарга сура-ды.* (Шв) 'Он меня песню=Вин.п. петь попроси-л'; *Анаң сайынныр каргалардаң сурап=тыр=лар оларга кирерге.* (ДШФ, 310) 'Потом саинцы у каргинцев проси=л=и к ним присоединиться'; *Анаң ол мени пойуна параага айтты.* (Шв). 'Потом он меня за него (замуж) ийти уговаривал'; *Ичези пала=зы=н одурбеен аартыза-берерге ылгап кел чалгантыр.* (ДШФ, 302) 'Мать=его ребенка=ее=Вин.п. не убитым оставить плача умоляла'.

Типы каузативных конструкций, обнаруженные только в шорском языке

Этот тип каузативных конструкций описывает в шорском языке ситуации допущения. Ситуациями допущения называем такие обстоятельства, когда первый субъект поддается второму (обычно более сильному или многочисленному) субъекту и разрешает ему произвести действие над собой. Подробно это значение каузативного залога на материале шорского языка описаны в [Телякова 1993, с. 28–33; Телякова 2003, с. 60–63]. Разберем пример:

Эньне улуг адайыбыс ашаққа тут=тыр=ыб=ыс=қан. (ДШГ, 148) – Самая большая наша собака медведю схватить= позволи=в=Сов. вид=ла.

Семантическая структура данного предложения сложна и неоднозначно описывает отображаемую ситуацию. С одной стороны, субъект (*адай*) является действующим лицом, которое поддается объекту (*ашақ*), допускает произвести над собой действие, указанное основой глагола. В этом отношении структура предложения соотносительна со структурой того положения дел, которое делает эту ситуацию возможной. Однако при таком понимании предложения литературный перевод неадекватно передает его суть (Самая большая наша собака была схвачена медведем).

С другой стороны, действие медведя (денотат слова *ашақ*) направлено на собаку (*адай*), в результате чего она оказывается схваченной, то есть активно действующим предметом является тот, который выражен грамматической формой в дательном-направительном падеже, а объектом, на который направлено действие, – то, что выражено подлежащим в форме неопределенного (прямого) падежа. Под этим углом зрения структура предложения представляет собою косвенное

наименование отображаемой ситуации.

В целом эти конструкции свидетельствуют о ярком своеобразии строения шорского языка и, возможно, других языках Южной Сибири.

2.4.5. Система актантов каузативных предложений и способы их выражения. Подведение итогов

Понудительные конструкции относятся к акцессивному типу. Аффиксы каузативного (понудительного) залога принимают любые глаголы – переходные и непереходные. Если глагол непереходный, то он становится переходным, так как в ситуациях каузации предикат, выраженный глаголом с залоговым аффиксом, помимо агенса, требует еще и наличие пациенса, например: *шық-* ‘выходить’ → *шыгар-* ‘выводить, выпускать’; *уш-* ‘падать’ → *ужур-* ‘валить’; *чөр-* ‘ходить’ → *чөргис-* ‘заставить ходить’. Если глагол переходный, то он начинает управлять тремя актантами: субъектом (агеном), объектом (пациентом) и объектом, на который воздействует пациент, например: *абыла-* ‘окружить’ → *абылат-* ‘заставить окружить’; *тала-* ‘ломать, разрушать’ → *талат-* ‘заставить разрушить, ломать’.

Көк Таг кузук агаитарын өстирип салды. (ИВШ, 4) ‘Кок Гора кедры вырастила.’ *Ол аң паиқа [аңнарды] қогдурын чөрди.* [ЧУШЯ, 249] ‘Тот зверь, других [зверей] заставляя за собой следовать, ходил.’

Способы выражения агенса и пациенса на грамматическом уровне отличаются в зависимости от типа описываемых ситуаций. Причем фактитивные и пермиссивные ситуации в этом смысле противопоставляются ситуациям допущения.

Если описываются фактитивные и пермиссивные ситуации, то агенс на грамматическом уровне занимает позицию подлежащего и формально выражается именами существительными или местоимениями в неопределенном падеже. В ситуациях допущения агенс формально выражается именами или местоимениями в дательном-направительном падеже.

Особый интерес представляет собою способы формального выражения пациенса, занимающего позицию грамматического дополнения в шорском языке. А. А. Юлдашев отмечает, что в разных тюркских языках данное дополнение может стоять в форме винительного, дательного или исходного падежей [Сравнительно-историческая грамматика... 1988, с. 292]. В узбекском языке оно, например, всегда нахо-

дится в форме дательного падежа, что и отличает каузативные конструкции от предложений, конституируемых глаголами с понудительным значением [Коклянова 1962, с. 89–90]. В шорском языке в предложениях, конституируемых глаголами в форме каузативного залога, пациенс представлен именами или местоимениями либо в винительном, либо в дательно-направительном падеже. Исходный падеж возможен в предложениях с аналитическими формами глаголов-сказуемых.

Агенса в форме винительного падежа (оформленного с аффиксами *-ны/-ды/-ты-* или неформленного с нулевым аффиксом) встречается в конструкциях, описывающих фактитивные ситуации:

Иирде аңчылар одага эн-келип, апиый=ды ныбақ ыс=тыр=ды=лар. (ДШФ, 266, 267) ‘Вечером охотники к шалашу спустившись, старик=а сказку рассказывать=застави(попроси)=л=и=они’; *Ол кижжи кижжи=ни мунан=дыр сал=ды.* (СТ) ‘Тот человек человек=а страдать=заставив всп=гл. =прош. вр. =он’; *Ол олген кижжизиниң айнызы терин кижжи=ни агры=t=ча.* (ДШФ, 330) ‘Того умершего человека айна живого человек=а хворать=заставля=ет=он.’

Форма имени (или его аналога) в дательно-направительном падеже с аффиксами *-га/-қа-* (с фонетическими вариантами) встречается в пермиссивных предложениях:

Қам Аптис Микердиң қудун алб алып, поэның төбстерин=ге чир=t=ип=ча. (ДШФ, 326) ‘Шаман Аптис душу Микера взяв, своим дух=ам съесть=разреша=ет’; *Пашқа қамнар=га қамна=t=қан=да, қутту полбаанчалар.* (ДШФ, 326) ‘Другим шаман=ам камлать=разреша=ет=когда, (они) душу (взять) не могут.’

Эта же форма имени употребляется в конструкциях, описывающих ситуации допущения:

Сал суг=га тала шап=тыр=ыбыс=тыр. (ДШГ, 148) ‘Плот вод=e разбить=подда= Сов. вид=л(ся).’

Существительное или субстантивированная часть речи в форме исходного падежа в функции второстепенного агенса обычно встречается в предложениях, представляющих ситуации разрешения и конституируемых глаголом *сура-* ‘спросить’, который выступает вторым компонентом сказуемого. Видимо, такая форма имени в функции дополнения обусловлена управлением именно этого глагола:

Анаң сайынныр қарғалар-даң сурап=тыр=лар оларға кирерге.

(ДШФ, 310, 311) ‘Потом саинцы каргинцев проси=л=и к ним присоединиться.’

Подведём итоги. Анализируемое явление каузативности является наглядным примером неоднородности выражаемых средств и способов, которые относятся к разным уровням языка. В русском языке для этого задействованы в большей степени синтаксический, словообразовательный и лексический уровни или их комбинации, а в шорском – морфологический и синтаксический. Такое количество способов выражения одной семантической категории говорит о том, что каузативность (каузальность), т. е. каузативные отношения, – это не простая функция, а целое функционально-семантическое поле [Бондарко 1984, с. 21–22]. Среди разнообразных средств выражения каузативности в шорском языке регулярным является синтетический морфологический способ, т. е. использование залоговых аффиксов, поэтому им было уделено больше внимание. Однако попутно указывались и аналитические способы.

Грамматическое значение шорского каузативного залога сводится к абстрактному значению понудительности, которое состоит из трех частных значений: фактитивного, пермиссивного и значения допущения.

Важным условием понимания каузативного залога является то, что залоговые формы глаголов, употребляясь в качестве предикатов в предложениях, открывают позиции для двух обязательных актантов: агенса и пациенса. В качестве агенса выступает одушевленное лицо, обладающее достаточной властью, или силой, или авторитетом, чтобы принудить пациенс к какому-то действию:

(а) *Қайдығ чердиң чонун сен сықтатчаң?* (ДШФ, 86) ‘Какой земли народы ты рыдать заставляешь?’

Реже роль агенса может выполнять неодушевленный предмет, но он наделяется характеристиками одушевленного лица, либо нарицательное имя называет какое-то абстрактное или стихийное явление, чувство, способное воздействовать на пациенс:

(б) *Машина пистиң чадығ ыбыс ныңнатча.* (Курп 2004, 74) ‘Машина нашу жизнь облегчает (разрешает быть легкой).’

(в) *Ол темнең аара Қазанақ Оттуғ Таиты тарындырарға тоқтап парды.* (ИВШ, 10) ‘С тех пор Котелок Кремень прекратил заставлять сердиться.’

(г) *Қазыр арығдың суғы аақ сайды шағдырады ағысча.* (ДШГ, 159)
‘Вода быстрого порога мелкую гальку, заставляя шуршать, заставляла течь [за собой].’

В качестве пациенса выступает такой одушевленный или неодушевленный предмет, который способен самостоятельно действовать и/или сопротивляться. Обычно это одушевленное лицо, хотя может и неодушевленное, но обладающее стихийным началом, которое агенс может «усмирить», см. примеры *б, в, г*.

Понудительные конструкции относятся к акцессивному типу. Аффиксы каузативного (понудительного) залога принимают любые глаголы – переходные и непереходные. Залоговые формы глаголов тоже бывают двух типов переходными и непереходными: переходные залоговые формы образуют предложения с фактитивными или пермиссивными значениями, так как требуют от имени, занимающего синтаксическую позицию пациенса формы винительного (оформленного или неоформленного) падежа. Непереходные залоговые формы формируют конструкции со значением допущения, так как управляют именем в форме дательного-направительного падежа. Актант в позиции N₁ совмещает две роли: субъекта-каузатора действия и прямой объект этого действия, поэтому позиция N₄ элиминируется.

Выводы к главе 2

Итак, исследование показало, что, вопреки признанию Н. П. Дыренковой аффиксов с залоговыми значениями словообразовательными морфемами, проанализированные нами аффиксы с возвратным, пассивным и каузативным значениями можно смело назвать формообразующими, т. е. составляющими залоговые формы глаголов. Следовательно, в шорском языке доказано существование категория залога, которая включает, по крайней мере, три члена системы: возвратный (рефлексив), страдательный (пассив) и каузативный (понудительный, или каузатив) залогов.

Грамматическая семантика рассмотренных залогов обладает рядом специфических особенностей по сравнению с русскими. Например, особенностью шорских возвратных форм глаголов является то, что они не выражают взаимно-возвратного действия, а активно-безобъектное и побочно-возвратное значения проявляются у них ограниченно. Но самое главное отличие состоит в том, что возвратность понимается в шорском языке гораздо шире, чем в русском. Если русские

конструкции с возвратными глаголами показывают, что действие, исходящее от субъекта, замыкается на нем же, то согласно шорскому пониманию, не только субъект, но и все, что находится при нем или на нем, т. е. является неотчуждаемым от личности агенса, «втягивается» в процесс воздействия. Поэтому самое большое отличие шорских рефлексивов заключается в том, что они допускают при себе прямое дополнение, т. е., в отличие от русских возвратных глаголов, не являются непереходными.

В пассивных предложениях меняется грамматическая семантика предиката. Если в активных конструкциях он обозначает деятельный процесс, то в пассивных конструкциях он приобретает черты определения, характеризующего пациенс, наделяя его признаковыми характеристиками, данными как уже готовый результат. В связи с этим в пассивных предложениях роль агенса «понижается» до нуля, поэтому остается незаполненной. Однако семантической особенностью пассивных предложений является то, что отсутствующий агенс важен для понимания содержательной стороны пассивных предложений. Его отсутствие способствует тому, что с помощью пассива в языке возможно выразить синтаксическую категорию лица: его определенность, неопределенность или обобщенность.

Абстрактная семантика каузативных конструкций заключается в общем значении понудительности, которое распадается на три более частных значения: фактитивное, пермиссивное и значение допущения. Для русского языка такой залог не свойственен.

Анализ пассивных конструкций шорского языка в коммуникативном плане показал, что перед носителями шорского языка не стоит дилемма возможности или невозможности, необходимости или ненужности информировать своих собеседников об агенсе. У них нет такой возможности и необходимости, так как агенс не называется и не входит в коммуникативную рамку пассивной конструкции. Тем самым все внимание собеседников фокусируется на пациенсе и на действии, которому он подвергся. Для актантной структуры пассивных предложений важными являются следующие положения. Во-первых, пассивные предложения шорского языка невозможны без пациенса: это обязательный компонент. Во-вторых, несмотря на то что позиция агенса остается незаполненной, в его роли подразумевается одушевленное лицо – а именно человек либо неопознанная сила (стихия) или высшая

сила, соответствующая мифологическому восприятию шорцев. В-третьих, присутствующий в пассивных предложениях второй актанта, обозначенный словоформой в совместно-орудном, либо дательно-направительном, либо исходном падеже с послелогом *aapa*, только по своей грамматической форме может быть принят за агенс. Но так как в роли актанта, выраженного словоформой в совместно-орудном падеже, выступают неодушевленные предметы, то считаем, что они называют орудие или средство выполнения действия над пациенсом. А актанты, хотя и эксплицированные одушевленными или неодушевленными именами, в форме дательно-направительного или исходного падежа с послелогом *aapa* указывают на причину пассивного действия.

В целом, шорские пассивные высказывания демонстрируют основные субъектные модификации: агенс либо известен или неизвестен, либо приобретает черты неопределенности, обобщенности, а в некоторых случаях и неопознанности, что соответствует его безличности. Все эти изменения соответствуют парадигматической вариативности исходной модели, в качестве которой в шорском языке выступает модель с активной диатезой. В то же время шорские пассивные конструкции, как и русские, выражают какие-то дополнительные смысловые оттенки, например, постоянное или стойкое свойство определенных предметов подвергаться воздействию со стороны так, что это становится характеристикой пациенсов.

Категория каузативности является наглядным примером неоднородности выражаемых средств и способов, которые относятся к разным уровням языка. В русском языке для этого задействованы в большей степени синтаксический, словообразовательный и лексический уровни или их комбинации, а в шорском – морфологический и синтаксический. Такое количество способов выражения одной семантической категории говорит о том, что каузативность (каузальность) – это не простая функция, а целое функционально-семантическое поле [Бондарко 1984, с. 21–22]. Несмотря на разнообразие средств выражения, мы ограничились только морфологическими формами, т. е. рассмотрели только те каузативные отношения, которые выражаются залоговыми формами глаголов.

Грамматическое значение каузативного залога сводится к абстрактному значению понудительности, которое состоит из трех частных значений: фактитивного, пермиссивного и значения допущения.

Важным условием понимания каузативного залога является то, что глаголы, принимая аффиксы понудительного залога, выражают акцессивные процессы и формируют акцессивные конструкции. Употребляясь в качестве предикатов в предложениях, они открывают позиции для двух обязательных актантов: агенса и пациенса. В качестве агенса выступает одушевленное лицо, обладающее достаточной властью, или силой, или авторитетом, чтобы принудить пациенс к какому-то действию:

(а) *Қайдығ чердиң чонун сен сықтатчаң?* (ДШФ, 86) ‘Какой земли народы ты рыдать заставляешь?’

Реже роль агенса может выполнять неодушевленный предмет, но он наделяется характеристиками одушевленного лица, либо нарицательное имя называет какое-то абстрактное или стихийное явление, чувство, способное воздействовать на пациенс:

(б) *Машина пистиң чадығ ыбыс ныңнатча.* (Курп 2004, 74) ‘Машина нашу жизнь облегчает (разрешает быть легкой).’

(в) *Ол темнең аара Қазанақ Оттуғ Ташты тарындырарға тоқтап парды.* (ИВШ, 10) ‘С тех пор Котелок Кремень прекратил заставлять сердиться.’

(г) *Қазыр арығдың суғы аақ сайды шағдырады ағысча.* (ДШГ, 159) ‘Вода быстрого порога мелкую гальку, заставляя шуршать, заставляла течь [за собой].’

В качестве пациенса выступает такой одушевленный или неодушевленный предмет, который способен самостоятельно действовать и/или сопротивляться. Обычно это одушевленное лицо, хотя может и неодушевленное, но обладающее стихийным началом, которое агенс может «усмирить», см. примеры *б, в, г*.

Понудительные конструкции относятся к акцессивному типу. Аффиксы каузативного (понудительного) залога принимают любые глаголы – переходные и непереходные. Залоговые формы глаголов тоже бывают двух типов переходными и непереходными: переходные залоговые формы образуют предложения с фактитивными или пермиссивными значениями, так как требуют от имени, занимающего синтаксическую позицию пациенса, формы винительного (оформленного или неоформленного) падежа. Непереходные залоговые формы формируют конструкции со значением допущения, так как управляют именем в форме дательного-направительного падежа. Актант в позиции N₁

совмещает две роли: субъекта-каузатора действия и прямой объект этого действия, поэтому позиция N₄ элиминируется.

Таким образом, из всех трех залогов только формы пассивного залога безоговорочно относятся к рецессивному типу, формы каузативного залога – к акцессивному типу. А вот формы возвратного залога проявляют некоторую синкретичность: они могут выражать рецессивные и акцессивные процессы.

ГЛАВА 3. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ШОРСКОГО НАРОДА СЕГОДНЯ

Современная шорская литература имеет начало еще в советские времена, это прежде всего лирика, и она впервые и по-современному мощно прозвучала в творчестве Степана Торбокова. Это тем более важно, что ассоциативно взаимосвязанные предметы-мотивы переживаний и их ассоциативно взаимосвязанные образы до сих пор имеют место в шорской лирике поэтов – последователей и продолжателей С. Торбокова. Можно в какой-то мере сказать, что лирическое творчество шорских поэтов 90-х гг. XX века и далее вышло из кай-комуса (щипковый музыкальный инструмент) и лиры выдающегося поэта Степана Торбокова.

Здесь дело в гении Степана Торбокова, который уловил и утвердил самый главный предмет переживания для шорской лирики. Таким предметом является природа (тайга в целом, деревья, горы, реки, камни, трава, солнце, небо). Природа приравнена к родине, и понимаются они как высшая ценность, и они одновременно – предмет любви и источник высших эмоций (эмоциогенный предмет). А переживание – это очарование природой-родиной, любовь к ней и наслаждение, восторг от лицезрения, разглядывания природы-родины, взглядывания в нее.

Читая шорскую лирику, мы можем видеть и чувствовать то, что называется любовью к родине, которая преимущественно – природа, и переживание рядом с родиной-природой постоянного чувства восторга, радости, очарования. Переживание любви к родине-природе в шорской лирике после Степана Торбокова имеет множество вариантов и вариации, иногда расширяется, но никогда не теряет свой излюбленный предмет, то есть родину-природу.

Если у Степана Торбокова переживание своего предмета любви протекает в мажорном ладе, то есть представляет собой мажорное, или одическое, переживание, то в последующей шорской лирике лад переживания меняется на минорный: появляется минорное, или элегическое, переживание, а также встречается особое минорное переживание, где переживание предмета любви имеет философско-медитативный лирический тон. И все эти лирические тона, или лады, крутятся преимущественно вокруг одного и того же предмета любви – родины-природы.

По всей видимости, очарование родиной-природой проистекает от возраста шорского этноса, пожилого возраста, когда он не хочет никуда уезжать, ощущает себя неотъемлемой частью окружающей его природы, и она ему кажется идеальной, чем-то живым, живым эталоном красоты, и он безраздельно влюблен в природу, и не хочет ничего иного, чем жить среди горной тайги, когда рядом шумят реки и звенит тишина, полная птиц и ветра выше голов деревьев.

Шорскую можно назвать природолюбивой и родинолюбивой лирикой.

3.1. Степан Семенович Торбоков (1900–1980)

Степан Торбоков внес большой вклад в существование и развитие шорской культуры сначала как кайчи, то есть как сказитель шорского героического эпоса, потом как собиратель произведений шорского фольклора и, наконец, как поэт. Последнее и будет темой моего рассмотрения.

Так уж распорядилась судьба шорского языка и письменной культуры, что Степану Торбокову не пришлось на родном языке опубликовать ни одного своего произведения.

Его активное личное творчество выпало на годы забвения шорского языка. Даже и ныне шорские стихи поэта редко могут увидеть свет, так как мало сохранилось его текстов на шорском языке. Зачем было их хранить, если не было даже надежды их опубликовать? Хотя несколько его стихотворений на родном языке сохранилось.

Степан Торбоков вынужден был делать русские подстрочники своих стихотворений и на основе этих дословных переводов поэты-переводчики (Г. Сысолятин, М. Небогатов и В. Махалов) «лепили» свои собственные поэтические версии. Надо сказать, что это обычная практика переводов на русский язык произведений советских национальных литератур. Мне не известен ни один поэт-переводчик, который знал бы язык оригиналов, то есть язык народа СССР. Все переводили на основе подстрочников, предоставляемых самими поэтами (а все советские национальные поэты русский язык более-менее знали). И вот в таком искаженном виде, без подлинников мы имеем лирику шорского поэта.

Главный и центральный образ лирики Степана Торбокова – это об-

раз Родины, Шории. Родину он представляет и в синхронном, и в диахронном плане. Остановимся на синхронном плане. Чисто в географическом плане Шория – часть Сибири:

*Бесконечно счастлив я,
Что крепко связана с Сибирью
Родная Шория моя!*

Более того, Шория – часть Советского Союза (иногда называется Россией):

*С настоящим простором земным
Ныне Шория наша знакома.
Мне близки и Каховка, и Крым ...
...Захочу – укачу в Жигули,
Соберусь – вот в столицу поеду...*

И Шория обрела географический простор, и лирический герой Степана Торбокова свободен в вопросе перемещения в пространстве. Свободен, волен, но хочет ли он того? Почти нет, ибо ему мила только Шория, он хочет перемещаться, путешествовать только по своей Родине, жить и дышать только Родиной.

Как же лирический герой видит свою Шорию?

Шория для него – это прежде всего природа со множеством живых существ и обитателей. Среди них редок человек. Шория – это деревья, животные, насекомые, горы, реки, ветер, все многообразие мира природы, мира живого и чувствующего. Мир города в понятие «Шория» не входит. Исключение составляют лишь пути – железная дорога (Южсиб) и шоссе («Асфальт в тайге»). Следовательно, в лирике Степана Торбокова Шория и природа – два абсолютных синонима.

Чуть позже, в 1990-е годы, эту традицию отождествления Шории с природой и несовместимости понятия «Шория» с образом города, местом рукотворных мертвых предметов и сооружений, продолжит и разовьет новая плеяда шорских лириков (Н. Е. Бельчегешев, Т. В. Тудегешева и др.).

Сам себя лирический герой Степана Торбокова воспринимает охотником, кайчи, но прежде всего путешествующим следопытом. Погружение в мир родной тайги для него важно не ради добычи, убийства, извлечения выгоды, а ради его познания, ради сопереживания и сочувствия ему, ради любования его красотой, ради попытки сосуществования с ним. Перед истинной красотой у такого как бы идеализированного шорского охотника опускается ружье:

*Марал невиданно хорош!
Я начеку, и зверь настраже,
Опасность чудится ему.
Мылтык¹ со мной, и он заряжен,
Но я его не подниму...*

Кайчи для лирического героя – это идеал поэта, образец для подражания, это человек, выражающий душу природы, да так точно, что ему

*...вторит вся природа.
Лес и горы подпевают в лад.
Запоеет и дерево сухое
Вновь шумит зеленою листвою.*

Он в идеале может не только выразить, но вдохнуть жизнь в душу природы, как всей, так и отдельного дерева, объекта. По отношению к Шории (то есть к природе) у лирического героя два основных чувства: любовь и сопереживание. Любовь в целом ко всей Шории, к родному краю, и к каждой детали, черточке, субъекту, объекту Родины. Мотив любви неразрывно связан с мотивом любования, умиления, восхищения и пронизывает всю лирику поэта. Мотив любви-любования по отношению к родной природе, к Шории также передан в наследство от Степана Торбокова поэтам 1990-х годов и стал наиболее устойчивым мотивом всей шорской лирики.

Мотив любви к Шории и любования ею у С. С. Торбокова очень силен:

*Люблю мой край, гористый и лесной,
В весну и осень, летом и зимой,
Причудлив он, когда ручьи текут,
Когда саранки пестрые цветут.
Когда в зеленом сумраке лесов,
Как колдовство, звучит кукушкин зов ...
...Шелковой основой, синей и зеленой,
Натянулись струи Кондомы таежной.
Под щекой порога, в чаще углубленной,
Ходит в красных перьях окунь осторожный ...
...За скалистую грядою,
Пробуждая все живое,*

¹ Мылтык (шор.) – ружье.

*Янтарем густым горя,
Сочно брызнула заря.
Ветерок, в простор влюбленный,
На березке шелк зеленый
Растрепал. Опять заплел.
И растаял в звоне пчел...*

Сопереживание лирического героя направлено к отдельным объектам природы. Это «раненая береза», у которой «порез...до самого сердца глубокий, словно кровь, течет из раны сок». Далее образ березы олицетворяется, это уже не береза сама по себе, а юная, красивая, но беззащитная девушка, судьба которой глубоко переживается лирическим героем:

*Такова судьба твоя, видать,
Каждый взгляд собою привлекать,
И кому ты выскажешь упрек?
Ведь виной всему твой сладкий сок.*

Это «осина», которая всегда «дрожит листвою», так как «разве будет жить тепло в осине, у нее лишь горечь в сердцевине», и отсутствие чувства любви, горечь в сердцевине – причина вечного одиночества осины.

Это «рябинка на утесе», которая и выше всех, и одинока, и не понята сородичами внизу, на земле:

*Как понять им всем, растущим там,
Что борьба за жизнь в горах упорней,
Что не по земле, а по камням
У рябинки протянулись корни.
Что ее первой – и мороз, и зной,
Что у ней тут сивер, как на вышке.
Что о нас, родне своей лесной,
Вынуждена знать ся понаслышке.*

Это медвежонок, посаженный на цепь и потому лишенный родной тайги. Это волк, жалующийся на часто необоснованную людскую к нему ненависть:

*Если выйдет мой след на песок –
Волк проклятый бежал, – говорят.
Жеребенок исчез, сосунок, –
Волк-разбойник украл, – говорят.
У-у-у!*

*А его ведь, на самом-то деле,
Воры в чашу угнали и съели...*

Это и турпан, подругу которого убили в забаву, и он теперь летает и безнадежно ищет ее. Всем живым существам, попавшим в беду или обделенным судьбой, сопереживает лирический герой.

Очень важен мотив зова Родины, призыва в дорогу, в путь:

*Я слышу немые укоры:
Напрасно забыл ты о нас!
Родные мои, не корите,
Не мог я забыть вас, не мог.
Хоть нет уже силы и прыти
Взбираться на дальний отрог...
...Душа зовет – не к дальним странам,
А к Алатау, чтоб опять
У ледников седым туманом
И вольным ветром подышать...*

Но лирический герой Степана Торбокова все реже и реже откликается на этот зов, ибо он – стар.

Понятие возраста, времени – важнейший атрибут лирического героя. Диахроника весьма для него органична. Лирический герой как бы вечный старик, пришедший в наши дни из глубины веков. Поэтому и образ его Родины (Шории) имеет не только пространственные характеристики, но и временные. Лирический герой путешествует и по прошлому своей Шории.

Эта торбоковская традиция видеть настоящее Шории через ее прошлое активно воспринята и продолжена шорской поэтессой 90-х годов Т. В. Тудегешевой. Когда прошлое (недавнее и древнее) воспринимается как неотъемлемая часть настоящего.

Как же воспринимается прошлое лирическим героем Степана Торбокова? В основном, контрастно. В стиле наших 1920-30-х годов: прошлое трагично и печально, это царизм, нищета и мрак. Прошлое – это:

*... Бесконечного ветра свист...
...Стрел джунгарских в нем слышу пение.
Свист арканов да лязг цепей.
В нем печаль твоя и терпение
С безысходной тоской твоей...
А настоящее:
Ты веселою, беспечальною*

Стала, родина Шор-Анчы...

... Позабыты, дни горя и бедности...

Шорию спасли от джунгарского плена и неволи русские, и это передано через образ белой березы, которую

Однажды в чаще

Шор-кижи нашли

Дерево из русской

Дружеской земли...

Несмотря на черно-белый и явно прорусский и коммунистический диахронный взгляд, для нас важно то, что в лирике Степана Торбокова впервые в шорской литературе актуализирован ретроспективный образ Шории, который получил затем в шорской литературе продолжение.

Кроме вышесказанного, в лирике Степана Торбокова есть образцы явной переработки произведений шорского фольклора и даже попытки обогатить тот же фольклор. Например, обрядовые свадебные песни типа «Пожелание невесте», «Обращение свахи к невесте», «Наставление невесте», «Песня невесты» и т. п. Последнее не случайно, так как творчество Степана Торбокова всегда существовало и развивалось на стыке фольклора и литературы.

Вызывает сожаление, что лирика выдающегося шорского поэта Степана Торбокова на последующую шорскую литературу оказала влияние не через родное слово, а через идеи, выраженные словом неродным, и создала прецедент выражения чувств любви к Шории на русском языке. Но в этом нет вины самого поэта.

А теперь об известности поэта. Вряд ли в Кузбассе найдется кто-нибудь из образованного старшего поколения, кому было бы неизвестно имя Степана Торбокова – нашего замечательного поэта-земляка, выдающегося представителя шорского народа. Когда-то он имел довольно широкую известность. Можно даже сказать, он был своим, кузбасским Расулом Гамзатовым.

В 50 – 70-е годы прошлого века поэтические произведения Степана Торбокова нередко печатались в областных журналах и сборниках, областных и городских газетах, вышло несколько его поэтических книг.

Степан Торбоков имел своего благодарного читателя, его слово трогало, находило отклик, он просто и вместе с тем глубоко переживал и воспевал изначальное родство человека и природы, побуждал к любви и милосердию, пробуждал чувство сострадания.

Для жителя индустриального Кузбасса такое энергоемкое слово его было особенно значимо.

Но было бы неверно видеть в поэте противника промышленности и прогресса. Как раз напротив, он был активным поборником улучшения и совершенствования мира, искренне радовался и приветствовал изменения жизни в своей родной Горной Шории и в Кузбассе. Всё это можно видеть в его стихах, например:

*Лишь вчера тут сырело болото, гниль,
А сегодня – город во всей красе.
По уму и по сердцу преобразил
Человек, чтобы было уютно всем.
Создают нам машины завтрашний день,
Недра родины вскрыв, берут плоды.*

Но он хотел, чтобы человек, внедряясь в природу, т. е. в изначальное сообщество зверей, птиц, деревьев, воды, ветра, солнца и звезд, всегда помнил, что сам он есть когда-то отделившаяся, но тем не менее все еще неотъемлемая часть этой самой природы, причем часть не самая большая и не самая сильная, но, что чрезвычайно важно, могущая быть мудрой и сострадательной.

В 1980-е мглистые годы, сразу после смерти Степана Торбокова, нас всех увлекло в дали, отнюдь не поэтические. Поэта стали постепенно забывать. Везде, только не на его малой родине – в городе Осинники – и не в среде шорского народа и интеллигенции. В 1990-е годы появилась группа энтузиастов из числа осинниковцев, которая поставила перед собой задачу возродить славное имя Степана Торбокова. У них нашлись образованные шорцы – единомышленники из других городов. Они сообща выпустили сборную книгу произведений поэта, широко отметили его 95-летие, организовали ставшие традиционными областные Торбоковские чтения, потом было 100-летие и так дальше. Имя поэта снова стало на слуху, его произведения снова начали читать.

Имя Степана Торбокова снова является настоящей визитной карточкой города Осинники. Поэтому слова «Торбоков» и «Осинники» стали синонимичными по отношению друг к другу. И это такая синонимия, которая делает честь городу!

Не каждый город Кузбасса имеет такого земляка. Да и не каждый город, если у него все-таки был подобный земляк, стремится упрочить его славу и поддерживать память о нем, взяв на себя заботу о его наследии и публикуя его прекрасные произведения.

Степан Семенович Торбоков родился в 1900 году в том месте, которое много позже стало именоваться городом Осинники. А во время его рождения это был аймак (населенный район), состоявший из нескольких шорских аалов (деревень) во главе с улусом (селом) Тагдагал¹ (параллельное название – Осиновка). Родным селением поэта был аал с поэтическим названием Тайлеп².

Поэтическим в этом аале было не только название. Аал являлся одним из центров бытования традиционного шорского сказительства, т. е. в этом аале испокон веков жили потомственные кайчи — певцы-исполнители героических сказаний. Кайчи в поэтической форме повествовали о тюркских древних героях и их деяниях, исполняя свои сказания не только ритмизованным рассказыванием, но и параллельно (в первую очередь) горловым пением (называется «кай³») под собственный аккомпанемент кай-комуса⁴ — двухструнного щипкового инструмента типа кобзы. Сохранились имена некоторых выдающихся тайлепских кайчы⁵: Н. К. и Г. С. Тельбезековы, Г. С. Торбоков и др.

Традиционное шорское сказительство в тех местах, кроме Тайлепа, еще бытовало в селе Кинерки, тамошние выдающиеся кайчы: братья К. М. и А. М. Атконовы, С. Б. Шалбагашев, С. Т. Тайбычаков.

Эти два села и были центрами бытования так называемой кондомской традиции шорского сказительства. Кроме кондомской, в Шории существовала еще мрасская традиция, ее центры – улусы Чувашка (Ўстүнгү-аал), Казасс (Казас), Усть-Мрасс (Прас-пелтири), Красный Яр (Кызыл Чар) и Карай (Коорай), Сыркаш (Орбун).

Таким образом, Степан Торбоков вырос в удивительной атмосфере народной поэзии. Более того, от своих прямых предков по линии отца он унаследовал талант кайчи, т. е. обладал великолепной памятью, мог после первого или второго слушанья какого-нибудь кайчи запомнить, а потом хранить в памяти десятки сказаний, каждое из которых вмещает в себя несколько тысяч строк-стихов; великолепно пел горлом и виртуозно подыгрывал себе на кай-комусе.

Талант кайчи у него проявился очень рано, мальчиком он прошел,

¹ Тагдагал (Тагдагаал) (шор.) – букв. селение на горах.

² Тайлеп (прашор. кет.) – родник, букв. холодный источник воды.

³ Кай (шор.) – пение горлом, гортанью; героическое сказание, исполняемое таким способом.

⁴ Кай-комус (шор.) – двухструнный щипковый музыкальный инструмент (букв. музыкальный инструмент для исполнения кая).

⁵ Кайчы (шор.) – певец-исполнитель героического сказания, певец горлом.

как было принято, период ученичества у кайчи Н. К. Тельбезекова, очень быстро стал мастером. Спустя многие годы исполнительства у него появился свой ученик, по свидетельству А. И. Чудоякова, им был Т. С. Камзачаков.

В соответствии с кондомской традицией кая-сказительства Степан Торбоков пел с сильным сжатием гортани, но тихим голосом и в чуть замедленном темпе. Всю свою жизнь он успешно исполнял героические сказания, их в его репертуаре было более 50.

Шорский народ знает его и помнит, как одного из великих своих кайчи. Его имя стоит в одном ряду с такими именами великих шорских кайчи, как Морощка (Н. А. Напазаков), Акмет (А. И. Абокаев), Аккоке (П. Н. Амзоров) и Пабел (П. И. Кыдыяков).

Шорский кайчи часто был не просто исполнителем издревле существовавших героических сказаний, но и как бы соавтором этих произведений. Роль повествователя, отводившаяся ему в сказаниях, позволяла не просто вести слушателя по дорогам вечно живого героического прошлого народа, рассказывать, показывать, выражать переживания героев-богатырей, вызывать сопереживание у слушателя, но и позволяла все это интерпретировать по-своему, выражать события по-своему, через свое понимание того времени и тех людей-героев.

В тексты сказаний иногда вносилось свое особенное, авторское (здесь – соавторское) представление, ведь шорский жанр героических сказаний был устным, а следовательно, многовариативным. Жанр предусматривал вариации «узлов» сказания (терминологически — «общие места», «эпические формулы»). Кайчи выбирал тот «узел», который соответствовал бы его нынешнему пониманию события, своему настроению на тот или иной период времени и интересу конкретной публики.

Кайчи мог варьировать повествование (мотивы поступков героя), горловой голос и мелодии кай-комуса. Мог даже вносить в седые сказания что-то от современности и от себя лично (осторожно, конечно). Возможностей было много, жанр был относительно свободным: в нем неизменным оставался лишь сюжет, который мог «обратить» вариациями мотивов и характеристик.

И еще, кайчи редко когда ограничивался одним жанром героических сказаний, он знал и исполнял и другие жанры шорского фольклора: сказки, легенды, пословицы, песни, частушки, загадки. В этих жанрах тоже было возможно соавторство.

Увлеченный возможностью соавторства, Степан Торбоков особенно преуспел в жанре народной песни-сарын. Он стал создавать свои (как бы торбоковские) песни. Первую известность принесла ему «Колыбельная», затем были многие другие. Всё созданное Степаном Торбоковым в жанре народной песни впоследствии широко распевалось народом и пополнило сокровищницу шорской народной песни-сарын. Некоторую часть таких соавторских произведений шорского фольклора (песен, пословиц, загадок и одного сказания), созданных Торбоковым, перевел Г. Сысолятин и в 1975 году издал в московском издательстве «Современник» книгу «Волосяная струна. Произведения устной поэзии горных шорцев».

Известно, что если человек действительно талантлив, то талантлив во многом. У Степана Торбокова в молодости проявился дар поэта (он как поэт — единственный из шорских кайчи, остальные довольствовались лишь возможностями соавторства). Ему стало тесно в рамках фольклорного соавторства, он жаждал полного литературного авторства. Поэтому он начал писать стихотворения, не скованные фольклорными жанровыми рамками. Именно стихотворения, которые уже не нужно было петь (хотя иногда он их пел, подыгрывая себе на кай-комусе). К написанию собственных стихотворений Торбоков приступил в начале 1950-х годов, но первые редкие опыты были еще в 1930-е годы.

Кроме собственно поэтического дара, к данной работе его подвигли следующие обстоятельства:

1. Шорский язык и шорская культура, в том числе фольклор, в его время были обречены. Это было вызвано репрессиями 30-х годов, когда был уничтожен, в частности, Горно-Шорский национальный район (1939 год), свелось на нет национальное образование (национальные школы в 1940 году перешли исключительно на русский язык), была закрыта газета на шорском языке (остался только русскоязычный вариант газеты под названием «Красная Шория», ныне выходящая в Таштаголе), прекратилось издание книг и учебников на родном языке для школ и педагогического техникума (который был сначала в улусе Томазак-Мыски, потом был переведен в улус Кузедеево).

Репрессии коснулись в первую очередь всех грамотных шорцев, деятелей культуры, в том числе кайчи: кто-то был расстрелян, кто-то — посажен, кто-то — просто замолчал. Все национальное стало восприниматься как националистическое, подозрительное, даже «шпионское», направленное на «отделение» национальной территории от страны.

Уцелевшие от репрессий кайчи перестали петь, в том числе и Степан Торбоков, да и слушатели перестали ходить к ним: боялись. Многие уцелевшие кайчи погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Торбокова же на фронт не взяли по возрасту. Торбоков стал искать другое средство для самовыражения.

2. К этому времени Степан Торбоков успел получить образование: до революции окончил церковно-приходскую школу, участвовал в ликбезе (сперва окончил, а потом и сам вел курсы ликвидации безграмотности), получил среднее образование, окончил учительские курсы, заочно закончил в 1943 году географический факультет Томского университета, стал работать учителем, завучем и директором школы в селах Кинерки, Рябиновка, Тайлеп. Не менее важно, что в школе и особенно в культурном Томске он приобщился к великой русской литературе. Вспомните в его стихах:

*Стих я даже писать замахнулся,
Пушкинский почувствовал ритм.*

Появилась потребность проявить себя на поприще шорской литературы, вернее, поэзии, лирики. Он захотел в стихах отразить свое неслыханное время – эпоху революционных преобразований в Шории и России.

Известно, поэт (в отличие от прозаика) может писать лишь на родном языке. Время Торбоковым было упущено, так как на родном языке он уже не мог опубликоваться. Но все равно это его не остановило, он стал активно писать стихотворения и тут же делал для своих будущих переводчиков подстрочники своих произведений.

Первым переводчиком его стихотворений стал хакасский поэт-собрат А. Кильдичаков, которому подстрочник не требовался (хакасский и шорский языки – это почти один язык), потом появились другие переводчики, кому подстрочник уже стал просто необходим, так как они не знали шорского языка (Г. Сысолятин, М. Небогатов, В. Махалов и др.).

Стихи Степан Торбоков создавал одновременно с осуществлением своей титанической деятельности по собиранию и записыванию произведений родного фольклора. Седой фольклор позволял ему уточнять свое миропонимание, подсказывал темы и мотивы, помогал оценить масштаб революции, потрясшей его молодость.

Уверенный (конечно, не до конца), что шорский фольклор и язык

скоро навсегда уйдут в небытие, Степан Торбоков решил все-таки оставить на бумаге все то фольклорное богатство, которое он помнил сам.

Но кому нужно сие богатство? Кому нужны результаты его огромного труда? Области (в то время появилась Кемеровская область, которая заменила Кузнецкий уезд, потом Кузнецкий округ) они не нужны – шорцев как бы не существует в природе, Москве не нужны по той же причине. С. Торбоков обращается к государственным научным структурам родственных народов – алтайцев и хакасов (АлтНИИ ЯЛИ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ныне Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, и ХакНИИ ЯЛИ). Те не сразу, но соглашаются за очень небольшие деньги приобрести параллельные (оригинальный и построчно переведенный на русский язык) тексты произведений шорского фольклора, аккуратно им записанные на листах ученических тетрадей, тетради аккуратно сшиты друг с другом нитками. Эти тетради с тех пор принадлежат этим институтам и хранятся в их фондах.

Таким образом С. Торбоков навсегда сохранил для истории, для своего народа и всего человечества более 50 шорских героических сказаний (опубликовано в переводах 3), несколько сказок (опубликовано в переводах 4), много песен (опубликовано в переводах 54), загадок (опубликовано 101), пословиц (опубликовано 2).

Миропонимание Степана Торбокова сложилось в 20 – 30-е годы XX века и коренным образом больше не менялось. Он, как на черное и белое, делил историческое время на две разноценные части: то, что было до Октября, и то, что было после Октября, т. е. было создано Октябрем. Первая часть уничтожалась, вторая часть идеализировалась.

Но Торбоков не был бы Торбоковым, если бы все-таки по-своему не связал эти два отрезка исторического времени. То есть у него это не отрезки, а части единого времени, которое характеризуется дружбой простых людей, людей труда, людей разных народов, в его случае — шорцев и русских. Просто Октябрь, по мнению Степана Торбокова, усилил существовавшую более трехсот лет дружбу народов, и это дало удивительные результаты.

Можно уверенно сказать, что Степан Торбоков – своего рода мост между шорским и русским народами, мост взаимной симпатии и взаимного уважения, мост, насущно необходимый во всякие времена. Совершенно не случайно гуманистическая тема дружбы между народами проявляется во многих его стихотворениях, ибо это была мысль,

которую он постоянно переосмысливал, и воздух, которым он постоянно дышал.

Данная дружба, как считал Торбоков, имеет более чем трехсотлетнюю славную историю, и она началась с тех простых казаков, которые защитили шорцев от джунгар в XVII веке:

*Был джунгарский хан нам сосед,
Его всадники нам несли
На копье вражды слезы бед –
Унижали, грабили, жгли.
И до наших дней было б так,
Если б не объявился сосед
Новый – храбрый и добрый казак
(Тогда русских так звали все).
Тот казак усмирил джунгар
И включил землю шорскую в Русь.
Лучше тяжкий ясак, чем пожар,
Притеснение, аркан, кровь и гнусь.*

Но особенно, как далее полагает Торбоков, эта дружба проявилась в начале XX века, когда эти народы в боях отстаивали свое право на свободу, равенство и труд и стали сообща строить новый мир, руководствуясь дружбой уже свободных тружеников:

*У шорского народа с русским
Общих триста лет.
Мы вместе – в радости и грусти,
И вместе живем на земле...
Нет силы такой, чтобы
Нас развести по углам!
Наша дружба – высокой пробы!
Все идите – к нам!
И в жару, и в стужу,
В счастья и горя час.
Мы триста лет жили в дружбе,
Тем более – сейчас!*

Мы, люди XXI века, конечно, несколько скептически оцениваем взгляд Торбокова на Октябрь и вообще на начало XX века, но с одним не согласиться нельзя – дружба между шорцами и русскими, основанная на взаимной симпатии и взаимном интересе, всегда была, есть и, хочется верить, будет.

И нельзя отрицать то, что начало XX века значительно улучшило Горную Шорию: из одинокой окраины она действительно превращалась в один из центров совместного труда народов, здесь появились города и стали культивироваться невиданные тогда блага (электричество, радио, различные машины, в том числе автомобили, трактора и т. п.).

Та же советская власть (у Торбокова она вместились в символы — «Октябрь», «Москва») в те годы административно объединила разрозненные шорские земли и создала доселе невиданное — Горно-Шорский национальный район с правами округа, в котором простые шорцы сами стали решать свои насущные вопросы, в том числе культурные. Впервые за всю историю шорского народа стала выходить газета на родном языке, публиковались книги, учебники, каждый ребенок мог свободно учиться на своем родном языке. (Истины ради заметим, что письменность на шорском языке, в том числе и преподавание родного языка в школе, были и ранее (с 40—50-х годов XIX века), но учились в школах не все дети, а только явно способные, родственники паштыков и те, кому повезло попасться на глаза пришлому миссионеру. Речь идет о церковно-приходских школах, их в Шории было сначала одна-две, к началу XX века стало одиннадцать, одну из которых в свое время окончил сам Степан Торбоков. И однажды публиковались на шорском языке рассказы из Библии и псалмы.) Начало же XX века внесло в национальное просвещение невиданный демократизм (школ стало более сорока, что для маленькой Шории очень даже немало).

Все это сообщается для того, чтобы мы могли понять, почему Степан Торбоков всю жизнь был очарован советской властью, т. е. Октябрем и Москвой:

Я слышал с детства о тебе, Москва,

Ты для меня — как святыня!

Я с детства мечтал

Увидеть тебя, Москва,

А посчастливилось только ныне!..

... Радость наделяет силой.

Сносит трудности, преграды.

Уж давно она вселилась,

Октябрем зову ту радость.

За Октябрь я бился, стал я

Вечно молодым за это.

Тем более что революционные преобразования в Шории пришлись на самые молодые его годы (человеку ведь так свойственно идеализировать время своей молодости), поскольку именно тогда он сформировался как личность (и больше в корне не менялся), а значит, это были лучшие годы его жизни.

И что с того, что свободный труд, равенство, братство оказались на деле только декларацией? Что с того, что та же советская власть со временем ликвидировала Горно-Шорский национальный район, вернув шорские земли и народ в прежнее состояние разрозненности, закрыла газету, убрала преподавание по-шорски, не стала печатать книги и учебники на шорском и вообще обрела язык на умирание? Что с того, что из-за той же власти сам Торбоков никогда не видел и даже не имел надежду увидеть свои замечательные стихи на родном языке напечатанными, а только – переводы?

Все равно для Торбокова время его молодости – лучшее, и советская власть – лучшая! Такова логика формирования человеческой личности, с которой нельзя не считаться. И все, им любимое, прекрасное и высшее, отразилось в его стихах.

Можно добавить, что Степан Торбоков – своего рода мост между человеком и природой. Он в своих стихотворениях воспроизвел характерное для шорской культуры уважительное отношение к природе как к живой целостности, как к отдельному миру, который не ниже человеческого. Более того, природа у Степана Торбокова стала настоящим героем его произведений, например, деревья, горы, ветер и т. п. Они умеют чувствовать, переживать, они имеют свою судьбу.

В свое время книжка поэта «Струны кай-комуса» потрясла меня. Первое мое впечатление было таково: сквозь слова я уловил, что поэт вполне серьезно и искренне уравнивает деревья, зверей и горы с человеком. Для него они – такое же человечество, как и сообщество людей. Относится к ним, как к живым людям, радуется встрече с ними, чувствует их душу, знает их судьбы, сопереживает им.

И это узнаваемо. Я вспомнил, как мои бабушка-нанека¹, бабушка-авий² и мама относятся к своим домашним животным. Они разговаривали с ними, словно с людьми, сопереживали им, иногда посмеивались над ними, иногда упрекали, сердились на них всерьез. А в дни, когда

¹ Найнек, нанек (шор.) – бабушка по матери.

² Авий (шор.) – старшая тётя по отцу, воспитавшая своих племянников (букв. отец).

кололи этих животных, они затворялись в доме и тихо плакали. И как отец мой перед тем, как срубить дерево возле дома или в тайге, долго курил и шептал себе под нос какую-то молитву. То же самое он делал и на охоте, прежде чем идти за зверем.

Я понял, что у моего народа это не было блажью, чудачеством или, скажем, ненужной сентиментальностью, а было исконным шорским отношением к природе, отношением живого к живому, души к душе, одного мира к миру другому, равного к равному. Шорцы уверены, что животные умеют чувствовать, понимают человеческий язык, они — тоже люди, тоже человечество. Шорцам бывает стыдно перед животными, они могут ждать от них отмщения, а также душевности, просто животные, звери сказать не могут. Охотясь, срубая деревья, шорцы искренне и серьезно просили у них прощенья, был целый ритуал.

Именно такое исконное шорское отношение к природе прослеживается в произведениях Степана Горбокова. И это не характерное для литературы олицетворение, нечто созданное для красоты; в олицетворении главный герой — тот же самый человек, а не природа сама по себе. Здесь же природа выступает полноправным героем, а человек (в данном случае лирический герой) — лишь путешественник, общающийся, скажем, с осиной, березой и сопереживающий им. В этом случае человек — не чистый лирический герой, а, скорее всего, лиро-эпический,водящий читателя по природе и знакомящий его с ней, отображающий ее так насыщенно, что способен вызвать сопереживание у читателя.

Такой лиро-эпический герой у Степана Горбокова остался от его деятельности кайчи, лишь была усилена лирическая струя. То есть его поэзия лиро-эпична по своей природе, она экстравертивна, направлена на внешний мир более, чем на свой внутренний. Она изображает внешний мир, который густо насыщен эмоциями глядящего и изображающего (в данном случае — лирического героя). Вот, скажем, отрывок из стихотворения о лютном январе:

*Однако красив ты, вот возвращаюсь я лесом,
Еловые ветки в снежных шубах сидят —
Как будто зайцы — вверх по дереву тесно,
И на меня доверчивым взглядом глядят.
Но стоит ветру верткому объявиться,
Холодным порывом выскочить исподтишка,
Как тут же зайцы наземь стали валиться*

*И разбиваться, гибнуть в моих ногах.
Погибли, видно, не все, один – настоящий –
Заяц помчался вдруг от ног моих юрко прочь,
То будучи виден средь снега, то с ним сливаясь,
И скоро исчез в поземке – призрак точь-в-точь.*

Мы думаем, что и человек нашего века найдет в поэзии Степана Торбокова много для себя нового, интересного и полезного, узнает что-то свое в его поэтическом мире, почувствует свою сопричастность этому удивительному миру, а также к миру шорского фольклора.

В 2007 году вышел сборник шорской литературы «Чедыген», в нем произошло невероятное: опубликовано 7 стихотворений Степан Торбокова на языке оригинала – на шорском. До этого весь Торбоков был только в переводах, был показан нам глазами и душами поэтов-переводчиков. А сейчас мы имеем возможность увидеть и почувствовать самую душу поэта и его лирического героя: стихотворение «Чакий» – «Цветок»:

*Чыш чакый пашқа-пашқа (Таёжный цветок, ты бываешь разным,)
Чер-сугымны чазап турча (Ты украшаешь мою землю и воду.)
Таштыңнап көрүп (Со стороны глядя)
Сениң шырайыңны, (На твоё лицо),
Қалық чүреги үргүнча, (Сердце народа радуется),
Қарағын чарыдып турчаң (Ты зажигаешь глаза народа.)
Чақшы чызың пожап турчаң (Ты аромат распространяешь,)
Аарычақ позуңа чыгып турчаң (К себе собираешь пчёл,)
Улуг ажыңны ижирерге (Чтоб дать им попить твой великий
нектар,)
Позунга да артыспан (Ничего не оставляя себе,)
Айагыңнаң аарычаққа перип турчаң (Из своей чашечки всё отда-
ешь пчёлам,)
Чақшы сыйба сыйлапчаң (Одариваешь их хорошими подарками.)
Қачан пүрүн кур-парганда (Когда листья твои высохнут,)
Анда ла сыйлап полбанчаң (Лишь тогда ты пчёл одаривать не смо-
жешь.)
Тагда өлең кур-парганда (Когда на горе растительность высох-
нет,)
Чайгыны пис ундутпанчабыс (Тогда мы прошедшее лето держим
в памяти.)
Аарычаққа қайде сен керексиң (Как ты сильно нужен пчеле,)*

*Сага эдоқ аарычақ керек (И тебе очень сильно нужна пчела.)
Аары чоқта сен чоқсың (Когда нет пчелы, тогда и тебя нет,)
Сен чоқта аарычақ чоқ (А когда нет тебя, то нет и пчелы.)
Андығ алыш-перши (Такой взаимный обмен)
Силердиң по чаиқа полча. (У вас существует испокон веку.)*

Это стихотворение построено как обращение и диалог с таёжным цветком. Весьма характерно для Степана Торбокова. И почти не противоречит структуре переводов стихов поэта на русский язык.

3.2. Шорская литература 90-х годов XX века

Как и многие литературы в период своего возрождения, шорская литература началась в 90-е годы с лирики. Появилась целая плеяда шорских поэтов в два, можно сказать, этапа. Части плеяды поэтов формировались вокруг двух главных сборников этого периода: сборника «Ўлгер¹» (вышел в 1995 году в Кемерово) и сборника «Чедыген²» (был составлен в 1998–1999 года, а выпущен и частично доработан в 2007 году в Кемерово).

Рассмотрим первую часть плеяды новых поэтов, группировавшихся вокруг сборника «Ўлгер». Новых поэтов здесь было пять: Н. Е. Бельчегешев, А. В. Кусургашев, А. С. Каташева, Г. В. Косточаков, Л. Н. Тудегешева (позже – Л. Н. Арбачакова). Новых прозаиков два: А. И. Чудояков и М. П. Амзоров.

Но по воле судьбы и в силу обстоятельств из этого числа авторов продолжили своё творчество и состоялись как поэты лишь три человека: Н. Е. Бельчегешев, Г. В. Косточаков и Л. Н. Арбачакова. Остальные остались лишь авторами данного сборника. Все состоявшиеся поэты – лирики.

Замечено, что лирика, если это настоящая лирика, не посещает сей мир через творчество одного автора. Лирические поэты рождаются целыми плеядами. При этом не столь важно, все ли они одинаково талантливы и все ли талантливы вообще. А важно то, что их порождает. А порождает их колоссальнейшая внутренняя коллизия, острейшее противоречие сознания, охватывающее души многих людей и толкающее их к написанию стихов, к исповеди. Людей определенного языка,

¹ Ўлгер (шор.) – созвездие Плеяды; плеяда звёзд.

² Чедыген (Четтиген) – созвездие Большой Медведицы (букв. Семь \\\ Много Ханов).

культуры, национальности, эпохи. Лирика быстрее других родов литературы может художественно высказать своё отношение к возникшей коллизии, выразить нравственно-эстетическую оценку этого острейшего противоречия.

Шорскую лирику 90-х годов (в данном случае – периода начала 90-х годов) вызвало к жизни общее предощущение надвигающейся катастрофы, гибели шорского этнического сознания. Речь идёт не о жизни отдельных конкретных шорцев, а о коренных изменениях в душе шорского народа, за которыми неизбежно следуют утрата родного языка, исчезновение родной культуры, истории, традиционного, тысячелетиями существовавшего мировоззрения, мироощущения и мирочувствования. Реальная действительность поставила народ как этническую общность на грань исчезновения.

Народ, конечно, не мог и не может не реагировать на это, не может спокойно относиться к такой исторической перспективе, к такой своей участи.

Поэтому и появилась шорская литература 90-х годов, сначала – шорская лирика. Судьба народа вкупе с судьбой родной земли стала главной и лейтмотивной её темой. Это и переживают (судьба народа, языка, культуры = судьба земли, родины) первые стихи первых шорских поэтов 90-х годов в сборнике «Ўлгер».

Лирика – самый субъективный род литературы. Субъективный в том смысле, что оценка мира (этико-эстетическая) осуществляется в нём с точки зрения (и точки взгляда) одного субъекта. Значит, должен быть найден какой-то критерий для осуществления оценки.

В лирике таким критерием выступает некий, для каждого поэта индивидуальный идеал (этико-эстетический). Когда говорят «идеал», то представляют себе нечто совершенное, недостижимое, без изъянов. Нет, в лирике идеал иной. В лирике идеал – это некий объект, который в лирическом герое всякий раз, когда он его видит, вызывает массу положительных эмоций. Объект волнует, вызывает любовь, вызывает тревогу за него, печаль, грусть, если объект утрачен или недостижим. Это высшая ценность для лирического героя.

Проще говоря, предмет переживания в лирике – это человек, которого лирический герой любит, или объект, который любим. Таким любимым объектом в лирике могут выступить родина (малая родина), детство, юность, молодость и др. Так вот, идеал (любимый человек, родина, детство, юность, молодость) является критерием для оценки –

сегодняшнего времени и места, ибо сегодняшнее время и место – вещь зыбкая и, что актуально для 90-х годов, дышит надвигающейся катастрофой.

В пляде поэтов, стоящих вокруг «Ўлгера», ощущается общий идеал – детство. Критерий имеет пространственные и временные очертания, общие для всех: жизнь среди еще нетронутой тайги, ощущение своей слитости с природой, ощущение себя частью природы, а природа – это часть твоей души. Отсюда и особые (не такие, как ныне) взаимоотношения между людьми (потому что люди – это тоже природа).

Детство для каждого из поэтов «Ўлгера»: для Н. Е. Бельчегешева, Г. В. Косточакова, Л. Н. Арбачаковой – имело свои пространственные границы (соответственно – Чувашка, Сыркаш, Онзас), но было и общее в ощущении мира того времени: каждый поэт тогда был самим собой, традиционно, по-шорски, смотрел на природу, людей и себя самого, т. е. имел традиционное шорское этническое сознание и мироощущение.

В детстве не было индустрии, не было города, поэтому город не входит в состав их идеала. Родина, Шория времени детства и нынешняя Шория – это не одно и то же. В настоящем времени поэты и их лирические герои живут в городе, среди камня и стекла. Поэтому Шорию они отождествляют с природой и только с природой и не допускают города.

Такой взгляд на Шорию и мир традиционен в шорской лирике, в лирику 90-х этот взгляд пришел от народной лирики (фольклорной песни-сарын) и от лирики Степана Торбокова. А если посмотреть назад несколько шире, то становится видным, что Степан Торбоков на русском языке хорошо воспринимался и воспринимается благодаря своей близости эстетике «тихой лирики» русской литературы (направление русской лирики 50 – 70-х годов).

Общее между эстетикой Степана Торбокова, «тихой лирикой» и шорской поэзией 90-х годов – природа для лирического героя есть средоточие красоты, она же – живая стихия (звучащая, светящаяся, движущаяся) и обладает памятью о прошлом, которое погребено в ней. При этом всегда чувствуется контраст природы с городом, который не изображается.

Итак, поэты «Ўлгера» смотрят на современность (на Шорию-природу и город) сквозь кристалл своего идеала – своего детства – и видят примерно следующую оценку-результат: Шория гибнет, народ гибнет,

родной язык и культура гибнут. Стихи этих поэтов начала 90-х – плач и набат. Мы творчество этих поэтов рассмотрим далее по отдельности.

В 1997 году появилось 5 членов Союза писателей России и была образована Шорская национальная писательская организация. В Союз писателей России они были приняты на выездном семинаре СПР в городе Горно-Алтайске в октябре 1996 года, а утверждены в Москве в мае 1997 года. Среди первых членов СПР три поэта «Улгера»: Н. Е. Бельчегешев, Г. В. Косточаков и Л. Н. Арбачакова, – и ещё появилась поэтесса Л. И. Чульжанова, которая писала и стихи, и слова песен, и литературно-критические статьи, и публицистику. Л. И. Чульжанова тогда занималась и издательским делом, выпускала книги шорских поэтов и прозаиков на шорском и русском языках (к тому времени стали активно появляться новые поэты и прозаики) небольшим тиражом в виде брошюр. Этим делом она занималась в Междуреченске на своей квартире на простом компьютере, принтере и ксероксе.

В период примерно с 1996 года она стала издавать книги-брошюры, а за год-два до этого она начала регулярно издавать бюллетень «Туған черим», своего рода общешорскую газету. А с 1997 года, с образования Шорской писательской организации, она еще выпускала «Кай¹», своего рода орган писательской организации, в котором печатались поэты и прозаики – члены СПР.

Пятым членом СПР стал кайчы-сказитель М. К. Каучаков из Междуреченска. В Союз писателей кроме писателей обычно принимают и сказителей, сказочников, а также критиков и литературоведов.

В 1997 году началось формирование второго сборника шорской литературы – «Чедыген²», сборника, которому суждено быть выпущенным через 10 лет – в 2007 году, т. е. у этого сборника есть своя история, своя судьба.

В период, когда складывался сборник «Чедыген», еще три человека из шорского народа были приняты в Союз писателей России. Это произошло в 1999 году на выездном творческом семинаре СПР в г. Абакане. Новыми членами СПР стали поэтесса Татьяна (Таяна) Васильевна Тудегешева, прозаик Вениамин Порфирьевич Борискин и кайчы Владимир Егорович Таннагашев.

¹ Кай (шор.) – пение горлом, гортанью; героические сказания (которые всегда исполняются горлом).

² Чедыген (шор.) – созвездие Большой Медведицы (букв. Семь Ханов-Царей). Второй сборник шорской литературы так назвали не случайно: основу нового сборника составляют первые члены Союза писателей России из шорцев, которых ко времени формирования сборника стало восемь человек.

В силу тех или иных причин не стали, но вполне могли бы стать членами СПР следующие шорские писатели: прозаик Виктор Байлагашев, поэтесса Антонина Апонькина, поэтесса Валентина Рыжкина, поэтесса Валентина Тотышева, поэтесса Алевтина Майтакова, поэт Александр Кусургашев. Прозаик Виктор Байлагашев писал на двух языках, а четыре поэтессы и один поэт писали исключительно только по-шорски, причем их стихи (особенно Валентины Рыжкиной и Алевтины Майтаковой) часто становились песнями.

Период десяти лет с 1997 года по 2007-й был временем интенсивного развития шорской литературы. Лучшие произведения этого десятилетия нашли отражение и во втором сборнике шорской литературы «Чедыген», и в отдельных сборниках авторов.

Кроме того, складывался круг писателей, которые в это время только начинали, некоторые, правда, так и остались начинающими, не продолжили литературную деятельность – в силу тех или иных часто объективных причин (некоторые умерли). Речь идет о следующих шорских писателях: поэтесса Татьяна Ачёллова, поэтесса Ида Бекренёва, поэтесса Галина Поломошнова, поэт Геннадий Тайбычаков, поэт Сергей Тенешев, поэт Игорь Толтаев, поэт и прозаик Сергей Тудегешев, прозаик Ирина Улагашева, поэт Николай Уртегешев и поэт Виктор Шулбаев. При этом надо отметить, что все перечисленные, за исключением Сергея Тенешева и Николая Уртегешева, писали свои произведения только по-русски.

В результате структура второго сборника была такая, что авторы подразделялись на три группы:

1. Авторы, писавшие до 1989-го года, писатели классического периода шорской литературы: известный поэт Степан Торбоков (здесь впервые опубликованы его стихи на шорском языке, 7 стихотворений), известный прозаик Софрон Тотыш (два ранее не публиковавшихся рассказа: «Паштык» и «Охотник Окай»), малоизвестный прозаик Леонид Тустугашев (рассказы: «Ветеринар велел... шагом», «Оборотень»), тоже малоизвестный прозаик и поэт Анатолий Амзоров, поэт (больше известен как автор шорско-русского словаря) Федор Апонькин.

2. Авторы, ставшие членами Союза писателей России: поэт Николай Бельчегешев, поэт Геннадий Косточаков, кайчы и поэт Михаил Кауцаков, поэтесса Любовь Арбачакова, поэтесса Любовь Чульжанова, прозаик Вениамин Борискин, поэтесса Татьяна Тудегешева.

3. Новые авторы, сложившиеся и начинающие, которых мы перечисляли выше. К этой же группе можно добавить автора первого сборника шорской литературы «Ўлгер» – поэтессу Аллу Каташеву.

Далее мне хотелось бы рассказать о нескольких талантливых шорскоязычных авторов сборника «Чедыген», о которых мы не будем говорить отдельно.

Алевтина Майтакова. Пишет только по-шорски, да так мелодично, что все ее немногочисленные стихи стали песнями. Судите сами: стихотворение «Кёёленген сös» (Слово любви):

Кўн-кўзези полайын (Стану-ка я цветом огоньком, букв. «глаз\зять солнца»),

Кўнге чагын поларга (Чтобы быть ближе к Солнцу,)

Таң Шолбаны полайын (Стану-ка я утренней Венерой,)

Айга чагын поларга (Чтобы быть ближе к Луне.)

Меең кёёленген қысчагаиш (Моя любимая девушка)

Чагын черде чатпанча. (Не живёт рядом со мной.)

Салгын полуп учугам, (Стану ветром, полечу,)

Сага чагын поларга. (Чтобы стать ближе к тебе.)

Агын чулат шурлапча, (Журчит-поёт быстрая речка,)

Улуз суға маңзрапча (Торопится к большой реке,)

Сарнаганда эркемай (Когда поёт моя любимая,)

Чулат чилеп шурлапча (Журчит-поёт как речка.)

Кирбиктериң чардық ай (Ресницы твои – полумесяц,)

Пелчегежиң тир тудам (Талия – один обхват пальцев,)

Сенең үчүн, эркемай, (О тебе, моя милая,)

Пагрычагым қурунча (Сохнет моя душа, букв. «печень».)

Часқы кўннер келгенде, (Когда приходят весенние дни,)

Қушчагаиштар көглекча, (Птицы поют,)

Часқы салгын шапқанда (Когда подует весенний ветер,)

Суз энчек тебренча (Река шевелится.)

Сугдаң чилеп суқсапчам (Я тебя жажду, букв. «жажду как воду»),

Чердең чилеп чексенчам (Я без тебя тоскую, букв. «боюсь потерять как землю».)

Сенең үчүн, эркемай (О тебе, моя любимая,)

Чүрегежим агрыпча. (Сердце моё болит.)

Любимая (а лирический герой – мужчина, парень) в данном стихотворении соотносится то с солнцем, то с луной, то с речкой, то с водой

речки (через жажду), то с родной землей (через тоску и страх потерять), а само чувство любви то превращается в цветок огонек, то в утреннюю Венеру, то в ветерок, то в пение птиц весной, то в весеннюю реку, что шевелится, сбрасывая с себя лёд. Общий тон стихотворения – одический, волнительный, радостный тон объяснения в любви, но сердце, которое болит, и печень, которая сохнет, дополняют одический тон другим тоном – элегическим, тоном слегка грустным, сообщающим всё-таки о возможной невозможности счастья соединения с любимой. В результате получается сложный лирический тон: ведущий тон – одический, но в него вплетается элегический дополнительный.

В «Чедыгене» Алевтина Майтакова опубликовала семь стихотворений и все они имеют похожий сложный лирический тон и прекрасную звуковую инструментовку, не случайно почти все стихи – песни.

Валентина Рыжкина. Пишет тоже только по-шорски и тоже мелодично, почти все ее стихотворения стали песнями. Судите сами: стихотворение «Меең қазыңым» (Моя береза):

Меең чақышы қазыңым (Моя добрая береза,)

Түжүмге келзең сен (Приди ко мне во сне.)

Мен сееңме полдым, (Я был\была с тобой)

По чақышы чарықта (На этом хорошем белом свете.)

Келзең, келзең, қазыңым (Приди, приди, моя береза,)

Чақышы меең қазыңым (Добрая моя береза,)

Сен мага келиб-одур, (Приходи ты ко мне,)

Чабал кижжи келгенче (Чем будет приходиться недобрый человек.)

Мен сени көбленчам, (Я люблю тебя,)

Чақышы меең қазыңым (Добрая моя береза,)

Сеең ақ қақпаш өсча (На тебе растет белая кора,)

Сен чақышы пүрленчаң (Ты хорошо покрываешься листьями.)

Айт-пер мага, қазың (Скажи мне, береза,)

По чадығда ноо пар (Что есть в этой жизни,)

Ноо писке четпенча (Чего нам не хватает,)

Чооқ пееде чатчабыс (Почему так мы живем?)

Сен чууққа ла тұрчаң (Ты молчишь,)

Сен мага айтпанчаң (Ты мне ничего не говоришь,)

Мен позум уңнапчам – (Я и сам\сама знаю –)

Меең чажым парыбысты. (Что годы мои уже прошли.)

В данном стихотворении мы видим характерный для шорского мироощущения диалог с деревом, в данном случае – с березой. К этому

следует добавить, что береза в шорской культуре – дерево Ульгена (Кудая, Бога).

Посредством березы (священной березы и любой другой) шорцы могут вступать в непосредственный диалог с самим Богом-Кудаем (вернее, это не совсем диалог, а скорее монолог человека с полной уверенностью, что Кудай его слышит). Такой диалог мы и видим в стихотворении. Точнее, это плач, печаль лирического героя\героини, когда он \ она зовет березу добрую, хорошую (чакшы: рефрен, повторяется пять раз) в свой сон (самая сердцевина человека: какие видит сны, так и человек), чтобы береза вытеснила оттуда (из сна) недоброго человека, зло (чабал киж). Зовя березу в свой сон, герой\героиня зовут туда своё прошлое, а настоящее – плохое (почему так живем? чего не хватает?).

Передается элегическое переживание невозможности вернуть прошлое, доброе прошлое, тем более, что «годы мои уже прошли». И это было бы отчаянье, но само наличие вопросов, обращения создают некую надежду на возвращение прошлого. Отчаянье молчит, потому что нет надежды, а отсутствие надежды неплодотворно, это, по М. Бахтину, молчащий крик, крик без голоса. Надежда (даже призрачная, нереальная) создает голос, музыку, пусть и печальную. Элегический тон (почти всегда – чистый, не смешанный с другими тонами) пронизывает лирику Валентины Рыжкиной. В сборнике всего 16 ее стихотворений.

Антонина Апонькина. В сборнике «Чедыген» опубликовано 7 ее стихотворений, все на шорском языке. Ведущий ее тон – одический, прославляющий родную землю и молодость (это ее лирические идеалы, высшие ценности, предметы ее любви). Покажем одно из стихотворений, называется «Ырыс» (Счастье-удача):

По чарықта ырыс пар (Есть на свете счастье-удача,)

Парчын кижги ырыстыг пол (Каждый пусть будет счастлив-удачлив!)

Пистиң эмге, ырыс, кир (Войди в наш дом, счастье-удача,)

Чыл эбире писпе пол (Будь с нами круглый год.)

Чол парзам, тирге пар, (Пойду куда-нибудь, вместе со мной вместе иди,)

Сузба ықсам, тирге ық, (Поплыву по воде, со мною плыви,)

Тага шықсам, мееңме шық (Стану подниматься в гору, вместе поднимайся,)

Тынанзам, мееңме тынан (Стану отдыхать, вместе отдыхай.)

Ырыстыг кижги үргүнча (Счастливый человек радуется,)
Ырыстыг кижги қатқырча (Счастливый человек смеётся,)
Қыйғыр-келип сарнапча (Он поёт во весь голос,)
Кичен-келип иштепча (Он охотно трудится.)
Парчын кижги үргүнзин, (Пусть каждый человек радуется,)
Парчын кижги сарназын, (Пусть каждый человек поёт!)
Ырыс, кижини таштаба, (Счастье, не оставляй человека,)
Ырыс, кижини ундутпа. (Счастье, не забывай человека.)

Стихотворение Антонины Апонькиной, если присмотреться, похоже на молитву. Тем более, что согласно шорскому миропониманию, «ырыс» идёт от Бога-Творца Кудая. В данном случае «ырыс» отождествлён с Кудаем, и обращение к «ырыс» есть обращение к Кудая. Значит, перед нами стихотворение-молитва.

И как всякая молитва, стихотворение есть обращение от реального «я» автора к реальной действительности, к реальному Кудая – просьба за себя и за народ: к нам приди, с нами будь, и тогда, когда я буду идти, и тогда, когда буду плыть, и если буду подниматься в гору, и когда буду отдыхать; не оставляй нас, не забывай.

И вместе с молитвой это – стихотворение, произведение словесного искусства, потому что данный текст изображает личность (вещающую в себя высшие ценности) лирического героя. Форма высказываний, когда сказуемое в повелительно-побудительном наклонении, вызывает отсутствие желаемого. Как лирический текст, данное стихотворение сбивается на элегический тон, содержание которого – утрата или невозможность счастья-ырыс в настоящем времени, усиливающие желание вернуть, обрести утраченное или невозможное в будущем.

3.3. Николай Бельчегешев – Коя Бельчек (1940–2003)

Николай Бельчегешев по профессии военный летчик-механик, закончил Ачинское авиационное училище, всю свою трудовую жизнь пролетал на военном самолете, жил на Украине в Кривом Роге, был в командировках за границей, в Анголе, дослужился до звания майора. Когда вышел на пенсию, тут же вернулся на свою родину и стал поэтом.

Конечно, поэтом он был всегда, таким родился, но всю жизнь вынужден был заниматься другим делом, а, став пенсионером, всем своим существом сконцентрировался на своем истинном призвании.

Так иногда бывает: человек рождается для одного вида деятельности, а всю жизнь ему приходится заниматься другим. Шорцы верят в призвание человека, в то, что человек рождается для чего-то определенного, это называется «предназначение человека на земле». По-шорски «предназначение человека на земле» звучит как «кут» (вольный перевод), говорят «кудым андыг» – «такое у меня предназначение на земле».

Так вот, у Коя Бельчека (такой у него был творческий псевдоним: Коя – это по-шорски Коля, а Бельчек – сокращенное от Бельчегешев) был «кут» – творить поэзию, лирику, образные эмоциональные переживания в текстах, посвященные своей судьбе вкупе с судьбой народа.

Впоследствии свою военную жизнь и профессию, смысл своей минувшей жизни он запечатлел выражением «*черди крестедим*», что можно перевести как «я крестил землю», это значит, он не просто летал над землей (вспомните, что самолет очень похож на крест), он всю свою жизнь крестил землю, над которой он пролетал. Крестить – это значит защищать, спасать. Так он смотрел на свои командировки, оценивая их, на свои полеты на самолете. Он был советским летчиком, он летал спасать землю, спасать мир. Именно так он понимал свою работу. Этот образ запечатлел его работу, профессию.

Он и прежде был спасателем мира, как он понимал себя и свою профессию, таковым и остался на всю жизнь. В этом было его призвание, предназначение, призвание спасать людей, попавших в беду. Таким содержанием он наполнил и образ своего лирического героя: он – спасатель, спасает свой родной народ, своих родных людей.

Во второй половине 80-х годов Николай Бельчегешев возвращается к себе на родину, на свою малую родину в Горную Шорию. Обменял квартиру на Мыски, в родной Чувашке построил дачу – на высоком берегу Тубаласа, речушки, впадающей в Мрассу и давшей, хоть это и может показаться странным, название поселку Чувашка¹.

¹ Тубалас, название реки, слово прашорское кетское, было освоено (искажено) прашорцами уграми как Тюбас и к этому названию добавлен свой (угорский) гидронимический термин со значением «река» – «кы», в результате получилось – Тюбаскы, а современный шорский язык освоил (исказил) это слова в Чубашкы \\ Чобашка, а русский язык освоил (исказил) в Чувашка.

Конечно, он и прежде приезжал сюда, а сейчас, вернувшись навсегда, он застал свою родину в настоящей агонии. В чем проявлялась агония? Давайте посмотрим на Россию второй половины 80-х годов. Это были последние годы Советского Союза, начавшегося в октябре 1917 года. И вместе с тем это было время мук рождения какой-то другой России.

Агония в Шории и у шорского народа была – этническая: шорский народ перестал быть таковым, забыл свой родной язык, свою древнейшую культуру, ассимилировался с русскими, но, к счастью, не полностью. С ассимиляцией этнос обычно никогда не соглашается. И несогласие обычно дает народу вспышку энергии.

Поэтому вместе с агонией шорский народ переживал в то время (конец 80-х – 90-е гг.) подъем национального самосознания – на фоне постепенно начинающегося хаоса в стране, ослабления давления государства.

Николай Бельчегешев вернулся на родину тогда, когда здесь началось этническое брожение. Часть шорцев остро почувствовала, кто они по национальности, то есть по сути, и появился живой интерес к своему прошлому, своей истории и своей культуре.

В самом сердце Шории, в Таштаголе, впервые в истории шорского народа образовался ансамбль «Чылтыс» (Звезда) (в 1985 году), который стал разъезжать по Шории (по малой Шории – по Таштагольскому району), открыто и с удовольствием пел песни на шорском языке, потрясал слушателей, поскольку после ликвидации Горно-Шорского национального района-округа в 1939 году шорский язык и песни на шорском языке были запрещены. А теперь, через почти пятьдесят лет, стало можно.

Ансамбль «Чылтыс» был создан, можно сказать, на пустом месте, до него никто шорских ансамблей не помнил, и песен, чтобы в книгах были записаны, тоже не было. Приходилось вспоминать народные песни, разыскивать издания 30-х годов (прежде всего книгу Н. П. Дыренковой «Шорский фольклор») и самим ездить по деревням и записывать песни от стариков. Ансамбль превратился в своего рода центр по сбору родного фольклора.

Благо, в народе осталась изначальная огласовка названия реки – Тубалас, но и она, как нам кажется, искажена, изначально было, наверное, – Тубасс \\\ Тубасес.

Со временем появились шорские ансамбли и в других местах Шории. Через некоторое время появились комиссии государственных органов, которые стали рассматривать вопросы жизни и устройства шорского народа, кемеровские областные власти наконец-то официально признали, что есть такие шорцы как отдельный этнос и они требуют к себе внимания не отдельно, а в целом – как народ.

Появилась, сначала в Таштагольском районе, должность первого заместителя по национальным вопросам, то есть появились места в районных и городских государственных органах власти, которые закреплялись за шорцами и посвящались проблемам шорского народа. Первым таким чиновником из шорцев стал Георгий Челбогашев, человек с университетским образованием, экономист, он стал заместителем главы Таштагола. Потом такие же заместители главы появились в Мысках, Междуреченске, Осинниках и ненадолго – в Новокузнецке.

В Новокузнецком педагогическом институте в 1989 году была открыта кафедра шорского языка и литературы, которая стала готовить учителей шорского языка и литературы для школ¹.

Стали создаваться национально-культурные центры в городах Шории, включая Новокузнецк, которые готовили национальные мероприятия. Один раз в год стал проводиться общенародный (областной) Пайрам – в дни, как это было принято издревле, летнего солнцестояния, в двадцатых числах июня. Вскоре появился детский фестиваль Элим (Мой народ-земля).

И Николай Бельчегешев на волне этого подъема этнического духа занял своё место, свою нишу: он стал писать замечательные стихи по-шорски, чем попытался протянуть шорскую литературу из прошлого в будущее.

И действительно, когда создавалась кафедра шорского языка и литературы, тогда в смысле литературы упор делался только на прошлое, ведь в сентябре-декабре 1989 года никого из старых шорских писателей и поэтов в живых уже не было, а про новых писателей и поэтов никто ничего не слышал. Но уже через несколько недель, в 1990 году, в кафедральную дверь в Новокузнецке постучался первый новый поэт

¹ Кафедра просуществовала до 2010 года, а потом «растворилась» в объединённой кафедре русского языка и литературы, но шорское отделение (как профиль) ещё продолжает существовать, кудаёгабаш (слава Кудая-Богу).

со своими неслыханными доселе стихами на родном языке. Это был Николай Бельчегешев.

Иначе говоря, Николай Бельчегешев, вернувшись на родину, застал здесь одновременно и этническую агонию, и начавшийся в связи с этим подъём национального самосознания. Два в одном. Неизвестно, чего больше – утраты языка и культуры, этнического сознания и стереотипа поведения или желания всё это вернуть, возродить.

Это было интересное время. Чуть позже это время он выразил в одном из своих стихотворений: «Айда-бер мага сен, Бельчек» («Ты открой-ка мне душу, Бельчек»). Переживание в стихотворении будет построено в стиле, характерном для Николая Бельчегешева. А главной чертой его стиля является диалог, диалог с кем-либо, в данном случае диалог с самим собой. В этом диалоге ситуацию своего возвращения он (его лирический герой) будет представлять как возвращение к гибнущему народу, а сам лирический герой увидит себя спасателем. Его лирический герой, будучи лётчиком, был спасателем для других народов, а теперь он – спасатель для своего народа.

Как спасатель, он появляется в тот момент, когда в нём крайне нуждаются. Но его спасание не понимается как спасание, а понимается как «тормошение» народа, «задирание» народа, как поиски чего-то неясного, непонятного. В стихотворении «Айда-бер мага сен, Бельчек» («Ты открой-ка мне душу, Бельчек») два голоса: голос самого Бельчека (лирического героя) и голос народа. Последний задаёт вопросы и пытается понять поэта (лирического героя):

*Айда-бер мага сен, Бельчек, (Ты открой-ка мне душу, Бельчек¹),
Сага по чарықта ноо керек? (Что ты всё-таки за человек?²)
Но тилепчаң туган чериңде? (Что на Родине ищешь ты?)
Ноо иштепчаң қайран элиңде? (Ты поведай свои мечты?)
Эмге наньп, сен ноо этчаң? (Возвратившись домой, что твоишь?)
Чоёк кижилериңни сен тегчаң? (Задираешь людей почему?)
Чоёк чон-қалығыңны усқатчаң? (Что народ ты свой тормошишь³?)
Айда-бер мага сен, Бельчек. (Расскажи, я никак не пойму.)*

¹ Перевод не подстрочный, а литературно-художественный, то есть переводятся не слово в слово, а смысл и образ.

² Букв. *Что тебе надо на белом свете?*

³ Букв. *будишь.*

*Сеең төллериң тарал-парган, (Весь твой род разбрёлся и сник)
Сеең сёбктериң ундудыл-парган, (Твой народ захирел, как старик,¹)*

*Туган чериң қыстал-парган, (Твою Родину все унижают.)
Туган тилиң таиштал-парган. (Твой родной язык умирает.)
Поны уғыб-алып, (Что ты сделать можешь, Бельчек?²)
Анаң мен айттым: (Я ответил: – Ведь я – человек!)
Ана, анаң аара (Боль отчизны поняв, вострепнулся,³)
Мен нан келдим. (Потому и домой я вернулся.)*

Данное стихотворение ясно обнаруживает (в точках пересечения голоса лирического героя и голоса народа) формы той деятельности, которая понимается лирическим героем как спасение своего народа. Это «Чёбк кижилериңни сен тегчаң? || Задираешь людей почему?» и «Чёбк чон-қалығыңны усқатчаң? || Что народ ты свой тормошишь?». Лирический герой, спасая, задирает людей, и тормошит, будит их. Это и есть формы спасения: задирать, тормошить, т. е. будить народ к новой жизни – в мире своего языка и культуры. Новая жизнь (возрождение) позволит народу остаться самим собой.

Ощущение себя как спасателя народа у Николая Бельчегешева было очень сильно, и не просто сильно, а при помощи его художественного таланта преобразовано в художественный образ, он этим качеством наделил своего лирического героя, вложив в этот образ не только сокровенные глубины самого себя, но и свои мечты.

Образ начинает чего-нибудь значить, чего-то семантически выражать, если только он перекликается с другими образами, известными и всеми признанными, либо неизвестными, но тем не менее чёткими и цельными.

Спасатель спасает народ от этнической гибели, от культурной, языковой гибели, от их сущностной гибели. Это человек, который пришел в нужный момент, и даже этот образ ассоциируется в перспективе с образом Спасителя, образом Иисуса Христа, который тоже пришёл спасти народ.

И как спасатель лирический герой Н. Е. Бельчегешева предпринимает определенные действия. Нельзя сказать, что спасение народа

¹ Букв. *Твои рода забылись.*

² Букв. *это услышав.*

³ Букв. *именно поэтому.*

идентично спасению от пожара или наводнения, потому что в нашем случае внешне народ совсем не гибнет, более того, он благополучен.

В чем тогда его гибель? В том, что народ сменил своё традиционное мироощущение и мирочувствование, стал другим, а не самим собой. Природа перестала восприниматься как живое существо, как что-то подобное человеку, т. е. шорцы перестали общаться с природой, вступать в диалог с ней – как с человеком.

Чтобы понять, что такое воспринимать природу как нечто живое, вспомним образ Дерсу Узала, созданный В. К. Арсеньевым: Дерсу Узала говорил, что *всё вокруг – люди, луна – люди, костер – люди, тигр – люди*. Вся природа может чувствовать, переживать, обижаться и гневаться. У шорцев тоже был такой взгляд на мир. Такое мироощущение – это и есть, по мнению Николая Бельчегешева, традиционное шорское понимание мира вокруг. Понимание-ощущение, которое ныне утрачено.

А вернув традиционное мироощущение, шорцы вернут себе и свой родной язык, который плоть от плоти этого традиционного мироощущения. И вернется родная культура. Надо было, по мысли поэта, дать образец такого традиционного мироощущения. Он мог дать такой образец в стихах. Он и давал в своих стихах утраченное народное мироощущение. И такими стихами он будил народ к традиционной жизни.

Строил он свои такие стихи по законам древнего параллелизма. Эти законы – формальное выражение того народного мироощущения, когда жизнь человека (его переживания, поступки, проблемы) и человеческого общества (взаимоотношения между людьми) понимается как нечто параллельно существующее жизни природы (тайги, степи, космоса) и природного сообщества (отношения животных, деревьев, гор между собой и друг к другу). Параллелизм основан на подобии, сходстве, близости. Дискретный внешний мир становится взаимосвязанным, немного ясным и понятным.

В шорском фольклоре такой параллелизм чисто текстуально строится так:

– в жанре кеп-сӧс (пословице, афоризме) один-два первых стиха (строчки) отдаются изображению чего-то природного, один-два вторых стиха (строчки) отдаются изображению чего-то человеческого; например, *ызырчаң адай тиштерин көргүспес* (собака, которая действительно кусается, зубов своих не оскалит), *чабал кижги чабалын*

кӧргүспес (действительно злой человек не покажет злого своего отношения (к тебе));

– в жанре сарын (песня) тоже два первых стиха отдаются изображению чего-то природного, два последних стиха – изображению человеческого; например, *қанче ле агаиш қыйдым || қазыңның қадығ агаиш қыйбадым* (сколько я не рубил деревьев || твёрже, чем берёза, я не рубил дерева), *қанче ле қыс көрдим || сенең артық қыс көрбедим* (сколько я не встречал девушек || я не встречал девушку лучше, чем ты);

– в жанре тоқпақ (частушка) с точки зрения структуры текста то же самое; например, *сында, сында сынмачақ || сында немиш тапты ба?* (на горе, на горе рябчик || на горе нашел ли себе корм?), *мең көбленген оолағаш || менең артық тапты ба?* (мой любимый паренек || нашел ли девушку лучше меня?).

Николай Бельчегешев использует такую структуру параллелизма, чтоб построить переживание традиционного мироощущения.

Природа и человек изображаются параллельно, связываясь сравнением и сопоставлением, природа очеловечивается, начинает чувствовать, как человек, и между ними существует общение, диалог:

– *Қалба... мени қыырып, (Қалба...меня зовет,)*

Ызайын чайқалча; (Улыбается, качается.)

– *Қымысқаш (Муравей)*

Кичиг салачак ақкелип, (Маленькую веточку несёт,)

Ағын эмин (Хрупкий дом)

Позуның пүдүрча. (Свой возводит.)

Қымысқаш (Муравей)

Кичиг пиченек тарт келип, (Тянет соломинку,)

Позуның чадыйын эдоқ көдүрча. (Поднимает и свою жизнь.)

Қымысқаш... (Муравей)

Палларды (Детей своих)

Чылығлап өстүрча. (Согревает собой, растит.)

Меноқ чилеп, (Как и я же,)

Мозап келип, (Страдая, мучась,)

Қымысқаш (Муравей)

По чарықты чазапча. (Этот мир укрепляет.)

Природа выступает критерием той или иной ценности и оценки для человека:

– *Сеең эңнің (Плечи твои)*

Көбүкке чүүнүг; (Мягкие, как речная пена;)

Сеең қарағын (Твои глаза)

Қараңатқа чўўнўғ; (Как черная смородина.)

– Қонақ (Бабочка)

Чакий ўстўнде (От цветка к цветку)

Учуқ чўрча. (Летает.)

Сен эдоқ (И ты так же)

Ооллар қыйзында (От парня к парню)

Қаштап чўрчаң... (Летаешь).

– Латчын челди қаморта одапча, (Сокол летит, воздух рвет наполам,)

Меноқ чилеп ўлўжин тилепча... (Судьбу свою ищет, как и я.)

Или сравнивается-сопоставляется один человек с другим, их взгляды и оценки:

– Мен сарынма, серкибе чаттым. (Я жил песней и пляской.)

Мен не айдас, кўлўк полдум. (Я был самым удалым и умным!)

– Чақшы чатпадың – мага айтты қааттым. («Ты не жил по-доброму» – сказала мне моя жена,)

Ол сўстерди маттап чабал уқтым. (Её слова зло я выслушал.)

Образ также строится на допущении, что те или иные события природы, страдания ее и радость суть то же самое, что и переживания самого героя. Высшее человеческое сочувствие ко всему живому. Это возможно не только через очеловечивание природы, но и (в слове) через сопоставление внутренних форм, слов, их взаимоассоциаций, близости семантики, переноса значений:

Кўк ағаш сирлеп кел чайқалча, (Живое дерево трясётся и качается,)

Қара салғын ааң пажын одапча. (Чёрный ветер его голову рушит.)

Меең чўрегим қанма ылғапча; (Моё сердце кровью обливается...)

– Ачынчам (Жалко мне)

Парчын кижжи палазын. (Детей человеческих.)

Ачынчам (Жалко мне)

Арғыштардың абазын. (Отцов моих друзей.)

Ачынчам (Жалко мне)

Улўғ кузуқ салазын. (Ветку великого кедра.)

Меңме чатқаң (Со мною живущую)

Умайды кӧӧленчам. (Умай¹ люблю.)

С точки зрения субъективно-объективных отношений переживания лирического героя Николая Бельчегешева суть реплика в бесконечном диалоге с другими. Отсюда частая в стихотворениях прямая речь, многочисленные вопросы, обращения, взывания, причитания. Редко переживания в виде изложения оных, часто они – как молитва, как просьба, как мольба:

– Меең элим! (Родина моя!)

Уқ пиштиң чӱрегибисты! (Услышь наше сердце!)

Сеең чериңде (На твоей земле)

Парчабыс чадарбыс. (Мы все останемся жить.)

Сеең палларың (Мы, твои дети),

Пис қачан да қорарбыс! (Когда-нибудь всё-таки умрём!)

Чонны алғап кел, (Благослови народ свой),

Позуң тудынмыс! (Себя контролирую!..)

– Позунуң чериң, (Свою землю),

Меең Элим, кайрала! (Родина моя, береги!)

Позунун чоның (Свой родной народ),

Меең эрим, кайрала! (Человек мой, береги!)

Позунуң Умайын, (Свою Умай),

Меең чажым, қайрала! (Жизнь моя, береги!)

Чабал небе, (Зло),

Пиштиң тынны алба! (Нашей душою не овладевай!)

Всеобщая диалогичность есть существеннейшая черта лирики Николая Бельчегешева, так как он открыт чужим словам и мнениям, мир его строится как пересечение оных, у него нет готовых ответов, окончательных решений. Мир Николая Бельчегешева – это мир, находящийся в вечном своем становлении и противоречии.

Противоречия располагаются на нескольких уровнях в зависимости от интенций, то есть направленности переживаний лирического героя. Переживания лирического героя направлены:

1. На народ, его ярко-печальную судьбу, общую и для героя; народ и герой объяты процессом возрождения, однако все не так однозначно. Сложное и глубокое противоречие живет между лирическим героем и его народом. Лирический герой верит в возрождение народа, однако

¹ Умай\Бмай\Май (шор., тюрк.) – богиня беременных и детей, символ материнства, символ женщины.

последний как бы не способен на это и даже не хочет этого, а главное, народ не понимает, какие времена пришли:

...Меең чонум, (Мой народ,)

Ноо-ноо полча, (Что-то случилось,)

Позунуң темин (Своего времени)

Ақтап пилбенча. (Он не понимает.)

Народ продолжает пить, придуриваться и сходить с ума:

Эмге келип, (Вернувшись домой,)

Ноо мен көрчам? (Я что вижу?)

Меең чоным эдоқ (Мой народ всё так же,)

Кубулып, ижип алынча. (Пьёт, придуривается и сходит с ума.)

Эдоқ өс-өзере (И так же друг друга)

Чишича, (Ест поедом,)

Позунуң чадыын (Свою жизнь)

Қарғап кел, қыйғырча. (Проклинает громко.)

Лирический герой Николая Бельчегешева не против пьянства, а против неверия народа в собственное возрождение, в жизнь по-своему, в обретение себя. Ведь пьянство – это лишь результат неверия людей в себя. Отсюда чувство одиночества в данном вопросе.

2. Переживания лирического героя направлены также и на родину, которая чаще всего ограничена Мрассу и Тубаласом, горами, селом и полянами у тайги:

Тубалас иштинде (В долине Тубаласа)

Кўн кўези чылтрап-турча, (Сияют огоньки\глаза солнца,)

Тогалақ, қызылаарақ (Круглые, красноватые)

Чакийим өс-турча (Зацвели мои цветы.)

Силер аразында мен (Я среди вас, огоньки,)

Сарнап-кел парчам (Иду и пою,)

Силер паштарың мен (Я ваши головки)

Ачын-кел сыйбапчам (Глажу с любовью.)

Часқының эң қаастыг оғаннар (Вы самые нарядные дети весны,)

Магадоқ көбленген оғаннар (Самые любимые дети,)

Чылын сая писке келаар! (Приходите к нам каждый год!)

Чылын сая чўрегим ажаар! (Каждый год радуйте моё сердце!).

3. И на любимую, тело которой воспринимается как проявление ее души (это особый цикл стихов поэта, которые он называл «эротикалығ кер-сөс» \ «эротическими стихами»):

– Сеең пелиң (Твоя талия)

Қырчынақ ошқаиш (Подобна тростинке,
Қызыл қурың (Красный твой пояс)
Шежил-партыр (Оказался развязан.)
Аны көрүп, (Это увидев,
Алтын Таяғым (Золотой мой Посох)
Тегриге (В небо)
пақ-партыр! (Вознёсья!)
– Ұргүн-келип, (Ты обрадовалась,
Алтын Таяғымны (мой Золотой Посох)
Таптың (Найдя.)
Шым-шырық (Тишина)
Эртен не (Только утром)
Келди (пришла.)
– Көбүк (На пуховом)
Чымчағаш тәжсекте (Мягком ложе)
Сен (Ты)
Ойда чат-турчаң (Лежишь лицом вверх)
Ақтап күш чоқсың! (ты совершенно без сил!)
Меең (А мой)
Алтын Таяғым тезе (Золотой Посох)
Күшитиз, (Сильный)
Ұргүнишитиз (Радостный)
Олоқ! (Всё так же, как был).
– Көбүк (На пуховом)
Чымчағаш тәжсекте (Мягком ложе)
Сен эзрик чилеп (Ты как пьяная)
Чатчаң. (Лежишь).
Алтын Таяғымма (Моим Золотым Посохом)
Ұргүнип (Радостно)
Ойнапчаң. (Играешь, как игрушкой.)
– Айлығ Прас қажында (На берегу лунной Мрассу)
Мен сени тоғаштым, (Я тебя встретил),
Көблен-кел (Полный любви)
Таң ажыра (До рассвета)
Ошқандым, (Тебя целовал.)
Алтын Таяғымма (Золотым свои Посохом)
Эртенге четтире (До самого утра)
Эркелеп (Нежно)

Қачырдым. (Тебя погонял.)

– Ақ азағыңны (Ножки твои белые)

Ошқанчам! (Целую!)

Чымчагаш (Мягкие)

Лотосың (Лотосы твои)

Сыйбапчам! (Глажу я!)

Ныңнагаш (Лёгкие твои)

Кептериң (Одежды)

Кедре (В сторону)

Шелчам! (Откидываю я!)

Маңзрагым чоқ (Весьма медленными)

Полып (Действиями)

Көбленчам! (Люблю тебя я!)

4. И на поэзию, которая, как воздух, незаметна, но вечна.

Но поэзию он видит не эпически (со стороны – как нечто отдельное, самодостаточное), а лирически – изнутри, как часть своей души и души народа. В бельегешевском понимании поэзия – это и есть традиционное мышление и чувство, так, как было в древности, и то, что он пытается возродить в своем народе.

5. И на время (личное и общее), исчезающее, как солнце за горами.

Переживание строится как сложное и глубокое противоречие между лирическим героем и его народом (о чем мы говорили выше); между героем и родиной (она испытывает тревогу и страдание перманентно и от вмешательства в ее жизнь человека, что ощущается как глубокое неудовольствие); между героем и его любимой (стоит некто тумай, ее муж или любимый, отсюда радость героя преходяща и печальна); между героем – поэзией и народом (кому она нужна сейчас и будет нужна потом, кто продолжит мою поэзию?); между героем и временем (время уходит безвозвратно, а что остается? Кто остается? Зачем я жил и страдал? Что я оставлю после себя? Что я нажил?).

Тема возрождения не ограничивается только возрождением народа и его культуры. Она понимается шире: это и возрождение гуманного отношения к природе и к другому человеку, это возрождение потерянной когда-то любви между мужчиной и женщиной, возрождение души, поэзии, наследование сынами ценностей их отцов. Но такое широкое возрождение, страстно желаемое лирическим героем, однако принципиально неосуществимо.

Поэтому чувства лирического героя лирики Николая Бельчегешева колеблются между восторгом, радостью, счастьем, с одной стороны, и печалью, грустью, отчаяньем, с другой стороны. Среднее положение занимают вопросы-причитания типа: «Нооға? Зачем?» – и просьбы-причитания, мольбы-причитания типа: «Қайралла! Береги!». Эти причитания создают связующую нить между противоположными чувствами, между единством с людьми и отчаянным одиночеством, создают воздух и позволяют лирическому герою ещё жить, ещё существовать.

Николай Бельчегешев был первой ласточкой приподнявшейся шорской весны! Был и остается по сей день крупнейшим шорским поэтом, достойным наследником и продолжателем лирического дела Степана Торбокова и множества безвестных авторов народных песен и частушек.

Родной шорский язык дал необходимую тональность для выражения музыки души, а тема возрождения стала искомым идейно-художественным стержнем. Не случайно первый полноценный сборник стихов Н. Е. Бельчегешева (1993 г.) назывался «Таң атча» («Заря занимается»). И действительно, новая заря народа составляла суть переживаний лирического героя автора.

В предисловии к названному сборнику я назвал Николая Бельчегешева надеждой на литературное возрождение народа. И не ошибся. Вслед за Николаем Егоровичем встала новая шорская литература, о которой пойдет речь ниже.

Переживания его лирического героя кратки, насыщены и афористичны. Внешняя форма, внутри которой переживание реализуется, взята из шорской и восточной народной лирики, но используется вольно, не как цель, а лишь как средство. Из восточной лирики симпатичны автору японские танку и хокку в переложении на русский язык. Из шорской лирики – мотив «узақ сарын» (протяжная песня) и форма «такпак» (частушка) в неразрывном их соединении. Пожалуй, шорская жанровая основа наиболее сильна, даже изначально, а японские жанровые свойства важны в смысле тематической широты и деталей отображения в слове нюансов собственных переживаний. Ибо Николаю Бельчегешеву японские стихи позволили по-иному взглянуть на родные фольклорные вещи, а главное, при всеобщем европоцентризме по-

чувствовать особенность азиатского мироощущения. Таким образом, такой дорогой Николай Бельчегешев шел к образу своего лирического героя, к образу его переживания.

О первичной фольклорной основе лирики Николая Бельчегешева говорит то, что главным способом построения образа лирического героя и его переживания является параллелизм. Он зародился в фольклоре тысячи лет назад и до сих пор активно используется. Особенно в шорском фольклоре. Параллелизм основан на отождествлении и взаимоотображении природы и чувств человека. И формально, и фактически. Природа своими объектами является как бы фигуральным выражением тех или иных чувств человека. Из параллелизма в своей фольклорной простой или примитивной форме в литературно развитых языках вырос троп, то есть скрытый параллелизм: это и метафора, и сравнение, и метонимия, и т. п. Николай Бельчегешев использует параллелизм фольклорный (шорский язык литературно мало еще развит), поэтому поэта можно по праву назвать литературным «примитивистом» в хорошем смысле этого слова. Примитивизм как художественное течение известно только в изобразительном искусстве. Значит, оно есть и в лирике. Оно позволяет по-иному, бесхитростно-сложно взглянуть на реальную действительность.

Лирический герой Николая Бельчегешева растерян большими возможностями, открывшимися перед ним, растерян бодростью, этими возможностями вызванной, растерян тщетностью воплощения мечты, рожденной в обновленной его душе. Эта растерянность и порождает диалог и с собой, и с другими, и с Богом.

Поэтому и «примитивизм» лирики Николая Бельчегешева весьма сложен, если рассматривать не отдельные его стихотворения, а всю его лирику в совокупности.

Несомненно, лирика Николая Бельчегешева – явление шорского и общечеловеческого духа.

3.4. Геннадий Косточаков (род. 1959)

В лирике Геннадия Косточакова безусловно влияние русской и восточной литературных традиций. В русской лирике ему симпатичны поэзия Н. М. Рубцова и, частично, С. А. Есенина, а на востоке его привлекают краткие формы китайской (Ли Бо, Ду Фу) и персидской (Ибн

Сина, Омар Хайам) поэзии. Сердце поэта сформировалось как бы на пересечении России и Востока.

Надо сказать, что такое влияние благотворно сказалось на шорском литературном языке поэта, на богатстве его ритмов и рифм, на активном использовании семантического богатства родного языка. И при этом связь с шорским фольклором обнаруживается весьма слабо, простую или примитивную форму параллелизма он употребляет мало, предпочитая троп, то есть актуализирует с разных сторон и позиций внутренние формы ключевых слов стихотворений, иначе говоря, ассоциации, коннотации, близость звучания и значения, нюансы одних слов по отношению к другим.

Прослеживается явная попытка поднять шорский язык до уровня литературно развитых языков. Потому творчество Геннадия Косточакова в шорской литературе (на родном языке) стоит как бы особняком, отличаясь недостаточной читаемостью и слабой понимаемостью. Это и понятно, так как до сего времени шорский язык не стал полноценно литературным, а в последние годы не поднимался выше бытового уровня с соответствующей лексикой и оборотами.

В основе творчества Геннадия Косточакова лежит глобальнейшее противоречие между миром природы (куда естественно входит и человек) и душой человека. Природа живет по своему основному закону, суть которого – цикличность, круг, повторяемость. Неизбежно вновь приходит весна, зима, снова оживает и умирает земля. И человек ходит по тому же кругу: рождается, любит, стареет и неизбежно умирает. И так неизменно повторяется всегда. Однако отдельный человек по своему кругу проходит один только раз. У него закон иной – линейность, прямой путь развития, от простого к сложному, от юности к старости, от рождения к смерти, от обретения к утрате. И ничто в его жизни никогда не повторяется.

И вот именно эту включенность человека как одного лишь звена в циклический ритм природы не приемлет душа человека (имеется в виду душа лирического героя произведений Геннадия Косточакова).

Душа лирического героя не может согласиться с тем, что:

1. Ничто хорошее в его жизни не может повториться.
2. Ничто хорошее нельзя продлить, желательно бесконечно.
3. Неизбежны в его жизни утраты, в конечном счете, – утрата самой жизни. И ничего (из прошлого) нельзя поправить.

А самое главное, с чем душа лирического героя не может согласиться, это с тем, что человек в этом мире ведом, не самостоятелен, над ним стоит Кудай-Бог и айна (Бог злой силы), которые определяют его судьбу. И здесь тоже ничего принципиально нельзя изменить. Стоит Кудай-Бог не только над отдельным человеком, но и над отдельным народом (имеется в виду шорский народ). Кудай-Бог и природа представляют собой почти единое целое.

И не менее важно: душа человека (лирического героя Геннадия Косточакова), его переживания, мечты, желания, внутренняя жизнь и т. п. значительно богаче самой реальности (природы) и невоплотимы в этой же реальности, то есть до конца невоплотимы.

Таков клубок противоречий между природой и душой лирического героя. И он неразрешим, но активно переживаем лирическим героем Геннадия Косточакова. Переживания лирического героя имеют несколько интенций, направленностей. Их можно обозначить условно как взаимоотношения между:

1. Лирическим героем, народом и природой-Кудаем-Богом – и айной (злой силой).

2. Лирическим героем, любимой и природой-Кудаем-Богом – и айной (злой силой).

3. Лирическим героем, человеком и природой-Кудаем-Богом.

В первом своем сборнике «Ала тағларым» (1994 г.) Геннадий Косточаков локализовал эти направленности переживаний своего лирического героя в виде разделов: 1. «Қайран шор чоным» (Дорогой мой шорский народ); 2. «Алғыш ползын сен полғанынға» (Спасибо тебе за то, что ты была); 3. «Парчын черде чер-суғ чозағы» (Везде законы природы) и «Қонақ учуқ чөрча» (Бабочка летает).

Остановимся на характеристике первого раздела, шире – направления переживаний лирического героя. Лирический герой как счастье, как великую радость переживает подъем самосознания родного народа. Это для него как восход солнца, несущего жизнь и процветание:

Кўн шықты! Шығаар. Ажаар (Солнце взошло! Выходите, открывайте)

Көзнетерди, қайран шорлар! (Свои окна, дорогие шорцы!)

Чыш аразынаң салғын (С тайги ветер)

Чыстан-келип, силерге келзин. (Пусть придет к вам своим ароматом.)

Суглардаң сайрап, шоолап, (С рек журчащие, звенящие)

Үннер келзин силерге аалап. (Звуки пусть придут к вам в гости.)

Қуштардың көглері келзин, (Пусть придут к вам песни птиц)

Чақшызын силерде усақатсын... (И пусть разбудят в вас добрые чувства...)

Восход солнца (по мнению лирического героя) должен коренным образом изменить людей, ибо

Айаста кем полар пулуттыз?! (Кто останется сумрачным в ясный день?!)

Айаста сарнабас сарнапча, (В ясный день запоеет и безголосый,)

Чарықта ачынмас ачынча. (В светлый день пожалеет и безжалостный.)

У лирического героя появляются и агитационные, убеждающие нотки:

Кем писти тиридер?! (Кто нас оживит?!)

Кем писти усақадар?! (Кто нас разбудит?!)

– Пис! – айдаңнар, кижсилер, (– Мы сами! – давайте так скажем, люди,)

– Пис! – айдаңнар, шорлар! (– Мы сами! – давайте так скажем, шорцы!)

Однако возрождение народа – дело не только самого народа, но и Кудая-Бога. А Кудай-Бог оставил шорский народ потому, что тот перестал верить в своего Кудая-Бога (он же – Ылген); и народ теперь в руках «айна» (Бога злой силы, Эрлика):

Пай қазын қур-парды пайок, (Священная береза давно высохла,)

Пайоқ шачығ сөзі түйкен. (Давно умолкли слова священного шачига-окропления.)

Пулут соонда наа пулудоқ (И за одной тучей идет другая туча)

Айас туглапча. О, Ылген!.. (Закрывает ясное небо. О, Бог Ульген!..)

Но пока лирический герой полагает, что достаточно лишь желания народа. И он будит это желание:

Чер-суг чилеп, калыгым усақан келзин! (Пусть народ проснется, как природа!)

И все его помыслы связаны с возрождением родного народа:

Ырызым – қайран чоным ползын (Я счастлив, если у моего народа)

Пос чозагыба, пос тилбе! (Живы традиции, жив родной язык!)

Абырым – чоным абыр чатсын (Мне спокойно, если народ мой спокоен (счастлив))

Паиқа қалықтарба, Суг-Черибе! (Среди других народов, среди природы!)

И судьбу свою лирический герой связывает с возрождением народа; прежде всего с возрождением родного языка:

Меең үлүжжим андыг, полар, (У меня, видно, судьба такая)

Тил чоқта, туган тилим тилерге, (Искать родной язык, которого нет.)

Пар сақтарга: кем, кем айдар (Ходить и ждать, кто скажет)

Пос тилбе, ундут-сал эгенерге?! (На своем языке без стеснения?!)

Меең үлүжжим андыг, полар. (У меня, видно, судьба такая)

Ичелер орнунда үргедерге (Вместо матерей учить)

Иче тилинге...Кем айдар? (Материнскому языку...Кто станет говорить?)

Меең үлүжжим андыг, полар, (У меня, видно, судьба такая)

Өлчөң чонымны тиридерге. (Оживлять умирающий народ.)

Қыммаза, ага кем айдар: (Если он не захочет говорить, кто скажет:)

– Тириг пол, чарабас өлерге! (Нельзя быть мёртвым, если мы ещё живы!)

Меең үлүжжим андыг, полар. (У меня, видно, судьба такая.)

А язык действительно мертв, молодые не знают его:

... Қайдазың, пурунгу тилим?! (...Где же ты, древний мой язык?!)

Удуг кижси чоқта, пылтыр (В прошлый год, когда не было дома взрослых),

Ұлген келгенде, меең қызым: (Пришел Бог Ульген и моя дочь)

«Что говоришь? – теп, сураптыр... ((не зная родного языка) Ему ответила вопросом: – Что говоришь?)

Пусты коренные деревни, разграблена природа, питавшая этнос. И лирический герой рад приветствовать даже редких возвращающихся в родные деревни:

Нанчыган кижси ырыстыг ползын! (Пусть счастлив будет тот, кто возвращается)

Пос туган черге нанчыган кижси, (Кто возвращается в свои родные места)

Пос туганчерге, қайда кижси чоқ (В свои родные месте, где нет никого)

Қайда эн эмнер ылгап көрчалар... (Где смотрят и плачут пустые дома...)

Народ не только бросил своего Бога (Ўлгена-Кудая), но и свою природу, беречь которую завещали предки. И сами шорцы тоже среди губителей природы (грабители называются «айна» – дьяволы, черти, а природа – это «кут», душа народа):

Қудың айналар қазып оорлапча, (Душу твою дьяволы роют и грабят)

Кезип оорлапча. Ылар аразында (Пилят и грабят. И среди них)

Мен турчам, меноқ, мен – палаң, палаң! (Я стою, я, я, твой сын, твой сын!)

Сенең үчүн турзам – чагыс кўжим чоқ, (Заступиться за тебя – сил моих не хватает,)

Қудың оорлазам – парчын полушча... (Если тоже граблю тебя – все помогают мне...)

Ощущение невозможности возрождения родного народа сначала порождает такое переживание:

Қайран шор чоным, қудайба! (Прощай, дорогой мой шорский народ!)

Сен көп чаттың, ыраққа чөрдиң (Ты много прожил лет, много исходил мест)

Муң чыл чөрдиң, – парчын сугба, – (Тысячу лет ходил – и всё по воде)

Писке ас изиң четтирдиң... (Поэтому мало оставил нам следов...)

И наконец – основное стихотворение второго сборника поэта, название сборника то же, что и у этого стихотворения «Я последний шорский поэт» (2003 г.):

Мен қалганчы шор кер-сөсчи! (Я последний шорский поэт!)

Кўскүде шабаллар түжер. (Осенью хвоя упадёт с деревьев,)

Чайгыда чел қарлығ, шалчығ (Летом поднимется снежная вьюга, скандальная)

Өлүм сарынын сооқ көглер... (И споем нам холодную песню смерти...)

Ол қуйуннаң шығарбыс паишқа: (Из этой вьюги мы выйдем другими:)

Қыс – абазын пирда таныбас, (Дочь совсем не узнает своего отца,)

Таңзынар – апишыйдың чозаққа, (Удивится тому, как старик ведёт себя,)

Ноо айтқаны қуртуй – уңнабас! (Не поймёт того, что скажет ей)

старуха-мать!)

Ол темде көрүнмес сооқ салғын (В это время невидимый холодный ветер)

Писти палларбысна чарылар. (Отделит нас от наших детей.)

Шор чозағын, тадар тилин (Шорские свои обычаи и родной свой язык)

Чаш кижги, улуккөлен, – таитар. (Молодые оставляют – как ненужные и некрасивые.)

Ундутқан абалар сөөктерин (Могилы забытых наших предков)

Ай-қара чыш келип, алар. (Захватит вечная тайга.)

Кижилер аразында чеере (Среди людей как нарочно)

Шор тилбе қаққуқ ла қағар. (По-шорски будет говорит лишь кукушка.)

Чиш, салғын, сөстеримни, чиш! (Ветер, ешь, ешь эти мои слова!)

Чолбыс чоқ парарға қарчы! (Назад у нас дороги нет!)

Тилибисти тиридерге күй чоқ! (Нет у нас сил оживить наш язык!)

Мен қалғанчы шор кер-сөсчи, (Я последний шорский поэт.)

Қалық сыды – сарынымоқ, (Рыданье народа – это моя песня.)

Сарыным – ол қунаныш сыыдоқ. (Песня моя – это печальное рыданье.)

Чиш, салғын, сөстеримни, чиш! (Ешь, ветер, эти мои слова, ешь!)

Лирический герой окончательно потерял веру в возрождение народа, но не смирился с этим, захотел, чтобы его песня стала лебединой песней своего народа, отсюда – «последний шорский поэт». Он еще представляет последнее поколение истинных шорцев, он еще в силах прославить в веках умирающий народ.

В своих взаимоотношениях с любимой лирический герой также испытывает свою ведомость Богом и айной (злой силой, чертом, дьяволом). Влияние айны:

Меен чүрегимме қадыз (Моим сердцем играл)

Айна ойнаган. (Жестокий айна.)

Сағыжым пулғап келип, (Он смешал мой разум.)

Артыспан чөртирди, (Гнал меня без остановки.)

Эркемге четтир келип, (Привел к моей любимой.)

Тоғаштыр эртирди. (Едва встретились, погнал дальше.)

Мени сүр артыспады, (Гнал меня без остановки.)

Мени шап ачынман. (Безжалостно бил меня.)

Қайда ла мен полбадым, (Где я только не был)
Абыр ла меең полбан... (Лишь покоя у меня не было...)

Влияние Бога:

Қудайла писти тогаиштырды. (Бог один нас с тобой свёл,)
Қудай ла қаттыжарға пербеди... (Он же слиться нам не дал.)

И в результате растрочены в пустую годы, любимая замужем за другим, но любовь сохранена. А зачем?

Любовь лирического героя способна преображать мир внешний:

Сеңме кошта тургамда. (Когда я стою рядом с тобой,)
Таишқарда чақшы аланче! (На улице тогда великолепно!)
Сооқ та полза таишқарда. (Пусть даже будет холодно,)
Чүрегимде сооқ полбанча. (Сердце моё не подвластно холоду.)
Күскү да анда полганда. (Пусть там будет осень,)
Мен көрчам часқыны. (Я там вижу весну.)

Түшкен нұрлер – агаиштарда, (Опавшие листья опять – на ветках,)
Ачыг небелер – татқыныг. (Горькое кажется сладким.)

Причем так преобразуется внешний мир в сознании лирического героя, что это часто не передать словами:

Қоосты көргүзер эдим, – (Я бы показал тебе красоту, которую я вижу.)

Қарагың четтире көрбес. (Но ты этого не увидишь.)

Чүрегим айдар эдим, – (Я бы рассказал свое сердце,)

Тилим айдып четпес... (Но слов мне не хватит...)

И в заключение как реквием несостоявшейся любви, неполучившемуся счастью – «Алғыш ползын сең полганынға...»:

Алғыш ползын – сең полганынға, (Спасибо, что ты была)

Мени күн чилеп – чылытқанынға (Что солнцем грела меня)

Мени ай чилеп – үргүткенинге (Что луной меня радовала)

Алғыш ползын – сең полганынға! (Спасибо, что ты была)

Қайда полганмыс – қунан-кел турчам. (Где мы бывали – стою печальный)

Қайда чөргенмис – сағышрап чөрчам. (Где мы гуляли – хожу задумчивый)

Парчын эрт-парды, сағыш ла қалды: (Всё кончилось, осталось одно:)

Алғыш ползын сең полганынға! (Спасибо, что ты была!)

Наа чачықтар наа оол сыйлар (Другой парень подарит другие цветы)

Наа көӧленген қысқа чүрексинеп (Стесняясь, другой любимой).

Наа тем эртсе, ол ла қалар (Их время тоже пройдёт, останется лишь одно)

Алғыш ползын сеең ползанынга! (Спасибо тебе, что ты была!)

Во взаимоотношениях лирического героя и природы важен момент, когда:

Қайага да көрзе карағың, (Куда не глянут глаза,)

Парчын черде – Чер-Суг чозагы. (Везде – закон природы.)

Паиқа полбас, паиқа иштебессиң, (Этот мир нельзя изменить,)

Иштер Күдай ла – Чер-Сугдың ээзи. (Всё делает Бог – хозяин природы).

Ол андыг да полза, күн сайа (И тем не менее каждый день)

Кижси туғча, айтча кижсилерге: (Рождается человек и говорит другим:)

«По чарық паиқа иштеп парайын, («Пойду-ка я и изменю мир,)

Керек, теп, аны паиқа иштерге». (Мир плох и его нужно менять».)

Лирическим героем так выражается момент отсутствия гармонии между природой и душой человека, его миром мечты и фантазии. Даже то, что мир в принципе изменить невозможно, не останавливает молодых попытаться это сделать. Пусть тщетно, но...

В разделе «Қонақ учук чӧрча» даны трехстишия типа хокку глубокого философского содержания, размышления о мире, о месте человека, его судьбе, о зависимости человека от его предков и состояния природы. Вот несколько их образцов:

– Мен айтпас эдим, (Я бы не стал говорить,)

Сӧзим – ол агаиш чилеп, (Но слово мое, как дерево,)

Пурунгу тобрақтаң позу шықча. (Из древней почвы само растет.)

– Чер-суга күн шалчыгынынаң чақшы. (Солнце светит – природе хорошо.)

Таиштында чақшы да полза, (Пусть даже будет хороший день.)

Кижиге тезе кижидең не чақшы. (Человеку хорошо лишь от человека.)

И тем не менее родина (туған черим, элим) является для лирического героя Геннадия Косточакова самой главной ценностью, источником глубоких эмоций, самых высоких и драматических переживаний, родина – его нравственно-эстетический идеал. Только любимая

может соперничать с родиной по силе порождаемыз в душе лирического героя эмоций.

В первом сборнике поэта «Ала тағларым» (1994 г.) центральным, можно сказать, является стихотворение «Қайран туған черим», посвященное переживанию родины и ставшее ныне как бы классическим на шорском языке. Вот оно:

Қайран туған черим, (Ценная моя родина,)

Сени көөленмеен қайдейин?! (Разве могу я тебя не любить?!)

Меең паза черим чоқ, (У меня нет другой земли,)

Сени ачынмаан қайдейин?! (Разве могу я тебя не жалеть?!)

Тағларың аразында туғам, (Я родился среди твоих гор,)

Мында ойнаған черлерим. (Здесь место моих игр и забав.)

Ол темнерим чўрегимде, (То время в моём сердце,)

Ыларды ундут-кел қайдейин?! (Разве забуду я то время?!)

Тағларыңны, чер қалбаан, (Горы твои, все без остатка)

Парчазын көрдим, пақ чөрўп. (Я исходил и знаю.)

Пожат-салған тағлардаң үчўн (О горах твоих ныне изрытых)

Ам ылғабаан қайдейин?! (Разве могу я не плакать?!)

Тилге ус, ишке ус (Мастер на язык, мастер в работе)

Қалығым сағыжымға кирча. (Мне вспоминается мой родной народ.)

Ам кижи чоқ аалардаң үчўн (О деревнях Шории опустевших)

Мен сықтабаан қайдейин?! (Разве могу я не рыдать?!)

Қайран туған черим, (Ценная моя родина,)

Сен пай үчўн могопчаң черим. (Ты страдаешь потому, что – богата.)

Ол да полза, сеең пайдаң үчўн (Как бы то ни было, глядя на твоё богатство)

Мен үргўнмеен қайдейин?! (Разве могу я не радоваться?!)

Далее было бы к месту привести русскоязычное стихотворение поэта из второго, а главное – из третьего сборника (название третьего сборника – «Ветка родимого кедра») – тоже о родине, не менее драматичное («Родина моя» с эпиграфом из Николая Рубцова: «Тихая моя родина...»):

Родина моя таёжная:

Солнце, слякоть и снег,

Вершины спокойно-тревожные,

Примглённые в вышине;

*Кедры кряхтят, слабея;
Влажная вздыхает земля;
Примглённую гору у шеи
Сжимают ручьи, как петля;
То грозы, то радуги россыпь,
То птичья песнь – высока,
То падают росы – как слёзы,
От солнечного ветерка.
И в зимнюю пору – красавица,
На вечный Мустаг взойди:
Горы бегут – как зайцы,
Слипишися почти.
Я думал, ты – родина счастья:
Богатства есть и дары!
Но – страшно срываются страсти,
Гор рушат – гордый порыв.
К душе и народу глухи,
Жадные, без креста,
Сжимают тебя, как шлюху, –
И руки, и города.
Челяди этой нужна ты, –
Покуда что черпать – есть.
Обладания – грязная радость
Им милей чем – душа и честь.
Но небесной своей красотой
Ты прощаешь им их суету.
От людей скрываешь хвоёю
Роскошную свою нищету.
Отчизна моя таёжная:
Солнце, слякоть и снег,
Вершины спокойно-тревожные,
Примглённые в вышине.
А над Алтаем, над нами,
Летает орёл веков.
Пока он горазд над горами –
Есть вера, надежда, любовь.*

Здесь родина переживается как мать, эмоционально несогласная, но скрывающая «суету» сыновей – челяди из городов, крадущих её богатства и дары. А лирический герой, осуждающий грабёж, тем не менее ничего поделывать не может. И образ «орла веков» остается единственной надеждой на справедливость.

Творчество Геннадия Косточакова оставляет надежду, что заявленный достаточно высокий уровень его лирики будет продолжен далее в шорской литературе, которая переживает свой новый подъем, даже несмотря на некоторые пессимистические взгляды лирического героя Геннадия Васильевича. Главное, шорское лирическое слово звучит, понимается, принимается, да будет оно продолжено!

3.5. Любовь Арбачакова (род. 1963)

Любовь Арбачакова стоит у истоков невиданного доселе направления в шорской литературе: с нее начинается женская лирика, открывающая для читателя все богатство переживаний прекрасной половины шорского народа.

К этому следует присовокупить, что природа щедро одарила Любовь Никитовну: она талантлива не только в словесном творчестве, но и в изобразительном искусстве (превосходный художник), и в научных изысканиях (прекрасный фольклорист). Оставим в стороне науку, но в основе ее словесного и изобразительного искусств лежит одно и то же мирочувствование, мироощущение, мировоззрение. Разница только в материалах.

Попытаемся приоткрыть эту завесу так, как нам кажется.

И там и здесь (то есть в лирике и в изобразительном искусстве) широко и глубоко используется древнейший прием – параллелизм между миром природы и миром человеческих чувств. Этот прием проявляется в том, что живые существа природы (в картинах это кошки, цветы, деревья и т. п.) отождествляются с людьми, то есть могут чувствовать, радоваться, огорчаться, наряжаться, переживать, иметь характер и т. д. А пейзаж – фигуральное отображение того или иного состояния души природы (у природы есть душа и характер). Человек принципиально – с точки зрения чувствования – ничем не отличается от животных, цветов, деревьев и других объектов природы. Этот прием когда-то порожден языческим (шаманистским) мировоззрением. Художница Л. Н. Арбачакова всецело увлечена обаянием такого взгляда

на мир. Именно поэтому в картинах ее привлекает глубина отдельных объектов или фрагменты природы. Краски используются для выражения этой глубины. Краткость, насыщенность и философичность характерны для ее картин: ее мало интересуют панорама, широта, движение, все это она находит внутри маленьких предметов или существ. Ее художественный взгляд направлен не вширь, а вглубь. Ее картины маленькие размером, но сообщают они зрительно очень даже немало.

В лирике Любови Арбачаковой также широко использует параллелизм как прием и краткость, насыщенность и философичность форм. Краткие формы стихотворений, взятые из народной лирики и развитые как внешняя форма собственных переживаний, Любовью Арбачаковой весьма любимы. Краткость, фрагментарность, вспышка и одновременно густая содержательность, досказанность (в принципе), законченность (в целом) – отличительная черта мироощущения Любови Арбачаковой.

Николай Бельчегешев тоже краток, но у него каждое стихотворение – это как бы отдельный мазок на общей картине, тогда как Любовь Арбачакова из отдельного стихотворения делает как бы отдельную картину, как бы отдельную историю отдельного переживания. И общая ее картина состоит из множества отдельных маленьких картин и картиночек. Галерея картин. Так и у художницы, так и у поэтессы.

И параллелизм в слове Любовь Никитовна реализует особенно (в отличие от Николая Бельчегешева). Она актуализирует только внутренние формы ключевых слов в стихотворениях. Это говорит о недюжинном языковом чутье поэтессы. Она использует в своих целях ассоциации, смысловые связи, коннотации слов, обозначающих то или иное явление природы, когда эти слова намекают или отсылают нас к тому или иному человеческому переживанию.

Скажем, вот стихотворение:

Кўскў темнер – сарыг темнери, (Времена осени – времена желтизны.)

Кўскў темнер – сагыш темнери, (Времена осени – времена мысли)

Кўскў темнер – чердиң темнери, (Времена осени – времена земли.)

Кўскў темге мен пас парчам. (Я направляю в осеннее время.)

Здесь используется внутренняя форма слова «кўскў» – это и увядание (сарыг=желтизна), и подведение итогов жизни (сагыш=мысль), и смерть (чер=земля). И ко всему этому время несет лирическую героиню. Несет неотвратимо.

В другом стихотворении осень переходит в образе *күскү эрлер* (т. е. мужчин опытных, проживших жизнь), их листья «кара черге учукчалар» (улетают к черной, недоброй земле), и поэтому они «чарык (светлую, молодую, маловидную, наивную) кысты алактырчалар» (обманывают).

Или вспоминаются *үргенчин* (именно, а не *үргенген*=когда учился) *темнер* (*үргенчин темнер* = времена, когда набиралась опыта жизни; школьные годы), которые характеризуются как «пай темнери» (богатые времена – на впечатления), «чарык ном темнери» (времена светлых книг), узнались тогда «аргыш чакшыйы» (добрые деяния друзей), «кижи чабалы» (зло чужих людей), «көөленгемниң сөзи» (слово любимого), «чылтыс чарыгы» (свет звезды), это были «ырыс темнер» (времена счастья), но «айландыр көрерге (ол темнерди) саназам \ \ – ол черлерде күл шажыл-партыр» (если захочу повернуться к ним и посмотреть \ \ – та земля теперь превратилась в пепел). Образ переживания прошедшего хорошего времени создает здесь слово «күл» (пепел от огня в душе, который уже потух):

Ўргенчин темнер – пай темнер (Школьные времена – богатые времена,)

Ол темнер – чарык ном темнери (Те времена – времена светлых книг,)

Ўргенчин темнерде мен оңнаб-алдым (Я узнала в школьные времена)

Аргыш чакшыйын, кижичабалын (Добрые деяния друзей, зло чужих.)

Ўргенчин темнерде мен оңнаб-алдым (Я узнала в школьные времена)

Көөленгемниң сөзүн, чылтыс чарыгын (Слово любимого, свет звезды,)

Ол черлерди, ырысты оңнаб-алдым (Я узнала тот свет и счастье!)

Айландыр көрерге саназам, – (Если я захочу повернуться и взглянуть туда, –)

Ам ол темнерде күл шыжыл-партыр (Ныне те времена превратились в пепел.)

Л. Н. Арбачакова любит создавать свои образы переживаний лирической героини так, что в конце стихотворения неожиданно вводит слово-антитезу, слово, которое перечеркивает и отрицает все перед

этим сказанное или противоречит тому, спорит, дискутирует с ранее утвержденным. И это противоречие-противостояние-отрицание создает ту искру, которая и творит необходимый образ лирической героини и ее переживания. Образ сложный и мгновенный, сиюминутный, мимолетный и глубокий. Причем поэтесса умеет вовремя остановиться, и недоговоренность заставляет читателя возвратиться к уже прочитанному, по-другому то увидеть, додумывать, домысливать, сопереживать. Например:

– *Мен кижиге пардым, (Я вышла замуж.)*

Паиқа төлге кирдим. (Вошла в другой род,)

Паиқа кижиге поларга иженгем. (Надеялась измениться.)

Но:

Полган -пойым чат калтырым; (Осталась той же.)

– *Чақшы кижиге парып, (Выйдя за хорошего,)*

Улуг тойга кирип, (Сыграв большую свадьбу.)

Ақ күнек кеспедим. (Я не была в белом платье.)

И:

Ам ақ күнек қарағымда турча. (Белое платье теперь всегда перед глазами.)

– *Ачығ, қомнаныш сарынма қожа (Под музыку печальную)*

Пис көчеең ийгеле айланчабыс (Танцуем медленно танго.)

Сен мени маттап қуақтанчаң (Твои объятия все страстней.)

Но:

Сен оңнабанчын поларзың (Тебе еще неизвестно, что)

Мен сенең парыбызарга тықтаныбыстым (Мною поставлена точка давно.)

– *Тоқтап тур (Погоди,)*

Қарақ чажым түйи-парып, эрт-парзын (Дай только росинке слез скатиться),

И:

Анаң машке тыбрагын шығырарым (И я выпущу когти кошки.)

Образ переживаний лирической героини Любви Арбачаковой настоян на противоречии, возникшем между ожиданием, надеждой и реальностью, которая очень далека от внутреннего идеала:

Чағыс пойым мен қалчам, (Остаюсь в одиночестве.)

Көйленгимге парзам, (Если пойду к любимому)

Аға мен керек эбессим, (Я ему не нужна, –)

Чағыс пойым мен қалчам, (Остаюсь в одиночестве.)

Кижги мени кӱӱленгенде, (Другой полюбит меня,)

Мага ол керек эбес. (Он мне не нужен.)

Ээде чагысқа парчам. (Так и живу в одиночестве.)

На противоречии, возникшем между неумолимым течением жизни и невозможностью прожить жизнь так, как хочется:

– Күннең күнге – чыл парча, (День и день – уносят год,)

Күннен күнге – мен өсчам, (День и день – я расту,)

Күннен күнге – тем эртча, (День и день – время истекает,)

Күннен күнге сени ундутчам; (День и день – тебя забываю.)

– Чолдаң чолга (Дорога, ещё дорога –)

Қыйрық пасчам. (Иду криво.)

Күннең күнге (День, ещё день –)

Түбүнге түшчам. (На дно опускаюсь.)

Чылдаң чылга (Год, ещё год –)

Пойым чидирчам. (Себя теряю.)

На противоречии между ожиданием любви (ожиданием красоты) и любовью реальной, которая проста и обыденна, привычна и даже скучна:

– Эңне ырыстыг учуқ чӱрчам, (Я, счастливая, летаю,)

Сееңме, эркемай, айлан-кел. (Любимый, с тобой кружась в танце.)

Чылтыстар айландыра серкишча, (Вместе с нами кружатся звезды,)

Чылтрап писпе үргүн-кел. (Сияя и радуясь, как мы.)

Мен үргүнип усқанчам... (Просыпаюсь от собственной радости...)

Айландыра қарышқы полтыр; (Вокруг меня – тьма.)

– Сен күн сайа айтчазың, (Ты говоришь каждый день,)

Мени кӱӱленчазың, теп; (Я, мол, тебя люблю.)

Шынап та полза, (Это было бы правдой.)

Қарагыңда от таппанчам. (Но я не вижу огня в твоих глазах.)

– Сени по чашқа ундутпассым (Я тебя никогда не забуду.)

Сен аны, эзе, оңнапчазың (И ты это знаешь.)

Сени ундудыбызарга (Чтоб тебя позабыть,)

Чаш-қоос темнер керек (Нужны молодость и красота.)

Ылар паза (Их у меня больше)

По чашқа меең полбастар (Никогда не будет.)

– Сага ачыг, қомай полганда (Когда тебе было горько и плохо,)

Меең чүрегим сееңме агрыган (Сердце моё страдало вместе с тобой...)

Паза ачийың чүрегимни тегбенча (Большие печали нет в моём сердце,)

Сен ырыстыг пол-пардың (Ведь ты теперь обрёл счастье.)

– Паштапқы чадыгда (В начале жизни)

Эрим чакийеқтар (Муж мой цветы)

Маа маңзая сыйлаан (Мне часто дарил.)

Қалганчы чылда (А в последний год)

Пир чакийек та көрбедим (Ваза стала пуста.)

– Чарабассың теп, сага айдарга (Сказать тебе: – Ты никчёмный –)

Тилим айланманча. (Язык мой не поворачивается.)

– Чарарзың теп, сага айдарга – (Сказать тебе: – Ты молодец –)

Чүрегим ынабанча (Сердце не позволяет.)

– Керек полза, мени (Если хочешь, меня)

Қалган сөспе сөк. (Ругай последними словами.)

Меең сағыштарым, эзе, (Мысли мои, знаешь,)

Көк тегриде учуқча (Не здесь, а там, на небе летают.)

– Айтсаң, мен сеең сооба (Сказал бы, я за тобой)

Чер ужынга парар эдим (До края мира пошла бы.)

Чер алтынга кирер эдим (Вошла бы под землю.)

Айтсаң... (Скажи только...)

Сен шым на полчаң (Но ты молчишь.)

– Пир үйедең пис четтеле (Из одного гнезда мы, семеро,)

Четти азыра тарап парыбыстыбыс (Разошлись в семь сторон,)

Ам, эзе, өскен черибисте (Теперь же наше гнездо)

Ачыг шалгынақ пүт-партыр (Заняла горькая крапива.)

– Пис тугчабыс, өлчабыс, (Мы рождаемся, умираем,)

Пис көөленчабыс, ылгапчабыс (Мы влюбляемся, плачем,)

По ла күнге парчын пир полча (А солнцу этому вовсе нет дела до нас.)

Обобщенно говоря, основа лирики Л. Арбачаковой – это противоречие между помысленным чувством и тем, как оно воплощается в действительности, в реальности. И поэтому лирическая героиня поэтессы – это постоянный знак вопроса перед сложностью бытия. Чаще

всего, правда, противоречие только намечается, только эскизно фиксируется, а иногда просто снимается в пользу помысленного чувства. Тогда мы получаем так сказать идеализированное переживание:

Сеең эрке сөзүн уғыб-алып, (Услышав твое нежное слово.)

Сақ кижі мен эзир-пардым. (Я, трезвая, опьянела.)

Таковы и прозаические работы Любови Никитовны, но не все.

Творчество Л. Н. Арбачаковой приближается к своему пику. Мы ждем от поэтессы много и многого.

3.6. Вениамин Борискин (род. 1957)

Вениамин Борискин, уроженец деревни Казас и житель города Междуреченска, является весьма интересным, самобытным шорским писателем, творчество которого еще только приближается к своему пику. Им выпущена самиздатовская книжка «Торумчулар» (1998), которая сразу заставила говорить о нем как перспективнейшем авторе. В 2008 году вышла первая и полноценная книга рассказов на шорском и русском языках «Меен черимниң сөстери \\\ Моёго края рассказы» (Междуреченск, 2008).

Он шорский писатель не только потому, что в основном пишет по-шорски, причем сочным и богатым языком, овевающим читателя уже забываемым ароматом родной речи, а прежде всего потому, что его необычный дар рассказчика являет миру характерные подспудные пласты шорского национального мироощущения, мироотношения, нашего этнического стереотипа поведения, всего того, что знакомо нам с детства и сейчас, если мы родились и живем ныне в шорских деревнях. Он создает образ шорского типа поведения среди своих и с чужими, образ слова и переживания нашего человека.

Шорский духовный и поведенческий мир показан писателем под углом комическо-юмористическим, частью сатирическим, однако это не юмор ради юмора, не сатира ради сатиры, тем более, что события в рассказах иногда заканчиваются трагично. Например, в рассказах «Аҕрыҕ тиш», «Больницада». Это исконно присущий Вениамину Борискину угол художественного взгляда на вещи, здесь – на отдельные типические черты шорского национального характера.

При этом писатель подкрепляет свои возможности богатым опытом шорского фольклора. Я имею в виду жанр «Ныбағаш», то есть

байка, анекдот, бытовой смешной рассказ о том или ином частном событии, широко бытующий в народе и выражающий популярный среди шорцев добродушно-насмешливый, шутивно-серьезный взгляд на мир.

Можно вспомнить тут и древнейший жанр «Сөгүш» – шутка-насмешка одного рода над другим, или жанр «сөгүш-тақпак» – шутивно-насмешливая частушка. Ведь шорскому фольклору и духу народа, тот фольклор породившего, присущи не только героический пафос, глубочайшая мудрость, нежнейшая грусть, но и саморазоблачающая ирония.

Причем связь с родным фольклором у Вениамина Борискина в такой степени ощущаема, что кажется, будто он не сам создал, а лишь подслушал и записал в точности уже бытующие в народе произведения.

Иначе говоря, творчество Вениамина Борискина – плоть от плоти шорского языка, народа и его культуры. Он художественно реализует смеховую часть родной культуры, используя неисчерпаемые возможности как шорского языка, так и шорско-русского двуязычия в шорской среде (при главенстве шорского). Его рассказы теряют что-то важное, но неуловимое, когда переводятся на русский или сам автор пишет их на русском языке. Потому что стихия шорского языка и культуры – это родная стихия Вениамина Борискина, он там свободен, тонок и многозначен.

В основу его рассказов положена анекдотическая ситуация, то есть ошибка, недосмотр, недоразумение, авантюра, уловка и т. п., в которой раскрываются характеры персонажей (через их поведение и поступки и через их слово), обстоятельства их жизни и, конечно же, типы их взаимоотношений друг с другом.

Любимые персонажи Вениамина Борискина, как правило, великовозрастны, выходцы или ныне еще проживающие в патриархальных деревнях, они лишь поверхностно затронуты современной, нивелирующей души людей цивилизацией, более того, всеми силами сопротивляются ее воздействию, стараясь сохранить самобытность своих натур. Великовозрастность важна как показатель сформировавшегося уже характера, стереотипа поведения. Такие персонажи, по мнению писателя, это наиболее типичные представители шорского народа, предмет его любви и иронии.

Всем мужским персонажам присуще богатое воображение, они

большие выдумщики и ввали. Не будем говорить вообще о шорской тяге творчески приукрасить и преобразить простые в сущности вещи, домыслить и представить лучше, чем он есть на самом деле, окружающий его мир и себя в нем, добавить немного тайны и загадки. Будем говорить лишь о том, как эта исконно шорская жилка проявляется в рассматриваемых персонажах.

Богатое воображение мужских персонажей проявляется в их безудержной тяге как бы творчески переосмыслить свое прошлое и свою роль в событиях минувшей жизни.

В рассказе «Ийги чойлаштырчык кижы» («Два ввали») действие начинается со встречи двух стариков, один из которых бывший фронтовик, а другой служил танкистом после войны; первый Шамаркин, второй Ким Кириллыч. Поводом «отметить» эту встречу явилось то, что жена и дети Ким Кириллыча уехали в город, и посидеть двум друзьям никто не помешает. Причиной и встретиться, и посидеть вместе, и занять друг друга рассказами была скука их жизни, вызванная и одиночеством (они на пенсии, у Шамаркина в прошлом году умерла жена, а дети разъехались, у Ким Кириллыча тоже пока никого нет дома), и возрастным острым ощущением однообразия жизни, когда нет ни сил, ни желания к чему-то реально стремиться.

И потому рассказ другому человеку о своей прошлой (не вообще, а о каком-то одном событии) является для них единственным утешением и забавой в этот момент. И они в этом преуспели.

Сначала идет рассказ Шамаркина, спровоцирован он советом Ким Кириллыча жениться вновь, сил ведь еще хватит. «Кому я теперь нужен?» – ответил Шамаркин. – Это в молодые годы у меня было много женщин». И воспоминание о своих удачных молодых годах захватило 70-летнего старика.

Выяснилось из его рассказа, что раньше в каждой деревне была любимая и любящая его женщина, много он породил в свет детей, за одну ночь мог переспать с тремя-четырьмя женщинами.

А потом началась война, он служил в пехоте (приглашали в разные рода войск, но он сам якобы выбрал пехоту, так как хотел воевать с немцами лицом к лицу).

Он, оказывается, был грозой немцев, которые боялись даже его фамилии. Поэтому командир начинал атаку криком: «Шамаркин, вперед» (реально, видимо, не очень стремился вперед, поэтому командир приказывал ему персонально). В атаке Шамаркин закалывал штыком

сразу пять-шесть немцев. Поэтому, увидев его, немцы сразу же подняли руки и кричали «Гитлер капут».

Но однажды его взяли в плен, долго били, выведывая у него военную тайну (это реально), и он, когда ему надоело терпеть побои, изо рта (!) выхватил наган, всех перестрелял и ушел к своим (это выдуманно, реально: плен, страдания и т. п.). Выдуманно и то, что всегда немцы обращались к нему по фамилии (знали, уважали, как и его командир).

Ким Кириллыч, вдохновленный столь красочным рассказом Шамаркина, вспомнил, как он однажды на танке поехал в самоволку, а на дороге стоит генерал. И между ними произошел следующий разговор:

– *Здравствуй, Ким Кириллыч (!), – сказал генерал.*

– *Здравствуй, товарищ генерал.*

– *Куда едешь, Ким Кириллыч?*

– *В самоволку, товарищ генерал!*

– *Трое суток ареста, Ким Кириллыч!*

– *А пошел ты на..., товарищ генерал.*

Следует отметить здесь, что генерал обращается к солдату по имени и отчеству (чего реально не было), не было и последнего ответа генералу.

Рассказы Шамаркина и Ким Кириллыча примечательны тем, что в них выдумываются не события, а своя интерпретация событий, а главное, значительность своей фигуры в них, что проявляется в обращении к ним тогда по фамилии или имени отчеству, что, конечно же, звучит весьма комично.

Иногда выдуманные рассказы персонажей приобретают прямо-таки фантастическую окраску.

В рассказе «Меец пир катнап миндиг небе полган» («Однажды со мной произошло»), который представляет собой историю с поступком во время очередной пастьбы, происходят невероятные вещи.

Повествование идет от имени самого пастуха (он не профессиональный пастух, просто в его местах принято пасти по очереди всем владельцам коров). Он (Мыколай), доведя коров до пастбища, видимо, выпил (об этом не говорит прямо, но сообщает, что стал «то петь, то плясать»), припекло его на солнце, он и уснул, передоверив коров пасти своему быку (Мыколаю стало казаться, что бык смотрит на него и чуть ли не говорит, отдохни, мол, а я стадо посторожу).

Проснулся он от истощного крика быка: оказывается, появился

медведь (огромный) и хочет задрать корову, выбирая себе жертву. А бык не дает медведю подступить к коровам. Он гонится за медведем, бодая его. Стадо (увидев, что пастух проснулся) стало жаться к человеку, а он от них убегает, они – за ним, медведь – за ними, бык – за медведем.

Тут Мыколай вспомнил две вещи: что, если медведь задерет корову, ему вовек за нее не рассчитаться, и что он – опытный медвежатник. Он остановился, нашел дырн и помчался навстречу медведю, чем ввел его в замешательство.

И началась почти фантастическая драка между Мыколаем и быком, с одной стороны, и медведем, с другой стороны. Бык несколько раз поддевал и подбрасывал медведя рогами. Затем была борьба пастуха и медведя.

Потом медведь заговорил человеческим голосом, съел сала, после этого пастух и «медведь» вместе стали пить водку и закусывать, петь песни и плясать.

В конце концов «медведь» ушел домой, а как добрался до своего дома Мыколай, он не помнит. Нет вещей, денег, а утром на голове оказалась сковородка (видимо жена надела на него).

В этом рассказе причудливо соединены два события: нападение медведя на стадо и празднование того, как его отогнали. Богатое воображение рассказчика (Мыколая и Вениамина Борискина) и совершило это соединение, подчеркивая комические моменты.

Богатое воображение персонажей может толкнуть их на выдумку-авантюру. Последнее обычно связано с тем, что муж придумывает это, чтобы выманить у своей жены водку.

Так происходит в рассказе «Аҫрыҫ тиш» («Больной зуб»), когда старик придумывает невыносимую болезнь зуба, однако в больницу идти категорически отказывается.

Так происходит в рассказе «Инопланетянин», когда муж прикидывается (переоделся, голос изменил) инопланетянином, который пришел к своей жене (Степаниде) якобы за ее мужем, их человеком, с которым связь раньше поддерживалась благодаря «эликсиру жизни» (водке), но теперь он подает якобы сигналы тревоги и помощи, так как жизнь стала бить его скалкой. Поэтому «инопланетянин» пришел забрать мужа Степаниды.

Или богатое воображение заставляет безудержно хвастаться, как в рассказе «Қорукпас қыбране» («Бесстрашный жених»).

Или (у замкнутых людей) является причиной их мнительности (рассказ «Қайде ийги арғыш шағлажыбыстылар» – «Как два друга поссорились»): у Прокопия какая-то кошка постоянно воровала мясо, он поставил капкан, та попалась в него и ушла с капканом. А у друга Антона вскоре была замечена хромая кошка. Прокопий решил, что у друга та самая кошка. Друг не соглашался: она с рождения хромает. Оба настойчиво стояли на своем. Дружба умерла. Из-за мнительности одного и упрямства обоих.

Богатством воображения персонажей прикрывается их никчемность, отсутствие практичности ума, сметки, их неспособность реально решать жизненные проблемы, а также нищета их жизни материальной.

Так, в рассказе «Торумчулар» действуют старик-муж и старуха-жена. Возраст у них такой, что они уже плохо видят, особенно старик. Поэтому он и не смотрит на вершину кедра, к которому они подошли. Он просит посмотреть жену, есть ли на кедре шишки. Жена же, которая тоже плохо видит, но, гордая доверием мужа, почетным для нее поручением, видит там (то есть воображает там) множество шишек, хотя на самом деле кедр пуст (об этом позже сообщают более реалистичные и практичные молодые люди, но старик, поверив выдумке старухи, а старуха – своей выдумке, не верят молодым, причем упорно не верят).

Почему же старуха выдумала? Видимо, она, как истинная шорка, верит больше мужу (не мог же он остановиться возле пустого кедра), опыту их жизни (не могли же они остановиться возле пустого кедра), опыту своей жизни (не может же такой огромный кедр быть пустым), чем своим глазам (тем более, что глаза ее ничего не видят).

Она окрылена своей значительностью, что наконец-то в чем-то стала главней и выше мужа. И ей просто не терпится покомандовать своим мужем: «Быстрее лезь на кедр!» А муж просто доверился глазам жены и абсолютно уверился, что на этом кедре много шишек.

И это последнее обстоятельство дало толчок его фантазиям, которые не знают границ. В воображении он уже сбил шишки, продал их и купил себе сапоги и новую рубашку. Об этом стал фантазировать вслух. Но жена от него не отставала: ей нужно платье, нет, два платья. В своих потребностях они пошли дальше: ему нужно шапку и пальто, ей – теплый пуховый платок и шубу, еще новый телевизор, стиральную машину, холодильник (приборы все нужны хорошие, импортные).

Их мечты вслух обнажают перед нами их бедность, даже нищету, их непрактичность, наивность, ненужность никому в мире, одиночество и беспомощность. И этот серьезный момент (вызванный их способностью мечтать вслух у пустого кедра, который есть символ Шории) вряд ли перекрывается комической ситуацией, когда старик слез с кедра, взял в руки длинный дрын и стал носиться по тайге за обманщицей – своей старухой.

Никчемность и беспомощность в жизни заставляет персонажей Вениамина Борискина уйти не только в мир выдумки, фантазии, мечты, приключений, но и (вперемешку с первым) обратиться к спиртному. Водка как бы та соломинка, за которую хватаются потерянные (по возрасту в основном) в этом суровом мире. Один из персонажей (рассказ «Апшак ачыгы») спрятался от мира (от алиментов) в берлоге, и спал бы там спокойно, если бы не охотники.

Любопытна характеристика женских персонажей В. П. Борискина. Это жены, любящие и жалеющие своих мужей, ради сохранения семьи могущие многое простить (пристрастие к алкоголю и т. д.).

Однако есть у них черта характера, достойная сочувствия. Они иной раз до того упрямы, что их не сдвинуть с какой-то мысли ни на шаг. Такова старушка в рассказе «Торумчулар», которая уверилась в мысли, что на кедре есть шишки.

Такова жена в рассказе «Больницада» («В больнице»). Она так уверилась, что ее муж умирает в больнице от рака, что эту веру не может поколебать даже живой муж, стоящий перед ней. Вышло недоразумение: умирает от рака другой человек, однофамилец мужа, но жену уже не сдвинуть с места, она уже позвала людей на похороны, приготовилась к ним, в том числе и морально. Как же так? «Врач сказал, что ты умер, а ты говоришь, что не умрешь. Кому верить?»

И она выходит из этого положения, которое никак не может понять, очень просто: она начинает обвинять мужа в том, что он «издевается над ней», «не уважает ее», так как «никогда ее не слушался» и сейчас продолжает ее не слушаться, позорит ее перед теми, кого она позвала на похороны и для кого она приготовила угощения. Если он ее не слушается, то хоть бы врача послушался! И весь этот абсурд она заканчивает не менее абсурдно: «Если не умрешь, то домой не приходи, в дверь я тебя не пущу... Я тебе больше не дам меня позорить!» И ушла, хлопнув дверью.

В абсурдных фразах жены сконцентрированно выразилась вся их

прошлая несчастная семейная жизнь, конец которой может быть только в смерти мужа. И поэтому, чтобы жена без стыда ходила среди людей и осознав наконец все свое ничтожество и вину перед женой и семьей, муж решается повеситься. Но не так все просто, последняя фраза рассказа (слова мужа) многое ставит на свои места: «Как можно мужьям с такими женами жить на этом свете!» Значит, дело прежде всего в женах. И в самой жизни, ее сложностях и проблемах.

Творчество Вениамина Борискина приближается к своему пику, блистательному и интересному, и хочется надеяться на не менее блистательное и интересное продолжение.

3.8. Таяна Тудегешева (род. 1957)

Таяна Тудегешева, в девичестве Каныштарова, родилась 19 ноября 1957 г. в пос. Усть-Анзас, в самом сердце Шории, в многодетной (6 детей) семье сельского учителя и директора школы.

У нее прекрасное наследство: по матери она относится к талантливому тёллю Бельчегешевых, а отец у нее был талантливым, но, к сожалению, не состоявшимся поэтом Василием Васильевичем Каныштаровым. Ее отец как поэт участвовал в первом шорском поэтическом сборнике «Кызыл Шор» («Красная Шория»), вышедшем в 1936 году в честь десятилетнего юбилея Горно-Шорского национального района. Больше публикаций у отца не было, более того, вскоре (после ликвидации района, закрытия газеты «Кызыл Шор», в период начавшихся репрессий) оставив центр района, активную жизнь и творчество, он был вынужден затвориться и сосредоточиться лишь на собственной семье, преподавании и директорстве в малодоступной глуши Усть-Анзаса и Большой Суеты.

У нее прекрасное наследство и в другом смысле: она родилась в самой гуще родной шорской природы, у истоков традиционной культуры и языка.

На горизонте шорской литературы Таяна Тудегешева впервые появилась в 1998 г., когда самиздатом в Междуреченске вышла в свет ее первая книга-брошюра «Шория моя». Через год вышла ещё одна книга-брошюра – «Поющие стрелы».

Стихи Таяны Тудегешевой сразу же привлекли внимание читателя своим национальным пафосом. И привлекли внимание в то время первых шорских поэтов – членов Союза писателей России (их в 1997 году

было пять человек, и они уже образовали Шорскую писательскую организацию). В 1999 г. Шорская писательская организация отправила Таяну Тудегешеву (а вместе с ней и В. П. Борискина, В. Е. Таннагашева и др.) в Абакан, где в тот год проходил выездной семинар Союза писателей России. На этом семинаре по рукописям и брошюрам в порядке исключения из-за талантности и красоты Таяну Тудегешеву приняли в Союз писателей России. Следует добавить, что вместе с ней в Союз писателей России на том же семинаре приняли (тоже в порядке исключения) нашего шорского рассказчика Вениамина Борискина и нашего знаменитого кайчы Владимира Таннагашева (уже умершего, к сожалению). Таким образом, Шорская писательская организация в 1999 году стала включать в себя 8 человек (ныне в живых лишь 6 человек). Я не случайно упоминаю Шорскую писательскую организацию, поскольку Таяна Тудегешева с 2008 по 2010 гг. являлась председателем этой творческой организации.

В 2000 г. Таяна Тудегешева выпускает первую полноценную книгу своих стихотворений «Поющие стрелы времён» – в г. Новокузнецке, в издательстве «Кузнецкая крепость».

Следует отметить, что первые годы третьего тысячелетия в жизни Таяны Тудегешевой оказались самыми напряжёнными, самыми плодотворными и, может быть, самыми счастливыми годами. В том же 2000 и 2001 гг. она посредством энергии, пота, нервов и бессонных ночей создаёт в г. Новокузнецке уникальное детское этнографическое объединение «Тазыхан», где рядом с классами и другими помещениями постепенно накапливает своеобразный шорский национальный музей. Участвовала во Всемирных тюркских фестивалях в Турции, где сама и ее воспитанники нередко получали высокие награды. Вскоре (в 2001 г.), почувствовав необходимость специального литературного образования (по первому образованию она швея, технолог), по рекомендации писательских организаций Кузбасса Таяна Тудегешева поступает на Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького в Москве, где успешно занимается в творческом семинаре выдающегося русского поэта Юрия Кузнецова. В Москве много публикуется. По окончании курсов (2003 г.) возвращается на родину. Работала заместителем директора городского Дворца культуры в Новокузнецке, курировала работу НКЦ «Аба-Тура» и «Тазыхан». На ее стихи в эти годы композиторы (М. Маслов, О. Антонова, Г. Реброва) пишут музыку.

В 2007 г. в честь своего юбилея Таяна Тудегешева выпускает вторую свою книгу «Небесный полёт девятиглазых стрел» – в Кемерове, в издательстве «Кузбасс». Презентацию своей книги проводила в Кемерове и Москве.

Для миропонимания и мироощущения Т. В. Тудегешевой, запечатлённых в ее лирике, характерны следующие моменты:

1. Сфера переживания лирической героини Таяны Тудегешевой, так уж получилось, не включает в себя город, то есть не переживаются индустриальные какие-то вещи, приметы и формы, коробки из бетона и стекла, стройки, заводы, фабрики, в целом не переживаются город и индустрия. Это всё неживое, мёртвое, не достойное переживания. Сфера переживания лирической героини ограничивается только и прежде всего природой. Только природа достойна внимания и переживания. Потому что природа – живая. Живая, как и человек. Город, хоть и является местом проживания человека, принципиально не входит в переживания и даже в зону внимания. Слово города нет вовсе, нет такой много значащей для других поэтов городской составляющей нашей современности, а есть только одна природа, живая природа, вековая природа, природа, многое могущая (в представлениях и ощущениях лирической героини).

Такой взгляд на мир весьма характерен для шорской лирики. Это торбоковская традиция в шорской лирике, когда Шория и природа (тайга, горы, реки, звери, птицы и т. п.) понимаются и ощущаются как вещи тождественные.

И дело не только в городе как предмете. Лирическую героиню не интересует город потому, что в нём нет дорогих для нее примет прошлого, нет того времени, которое чрезвычайно важно для лирической героини. Ведь город активно изображается как правило теми, кто всю восхищается современностью и предвкушает прекрасное будущее. А здесь совсем нет восхищения современностью (в лице города), а будущее отнюдь не вдохновляет. Поэтому современного города нет в лирике Таяны Тудегешевой.

Иначе говоря, современный город не входит в сферу личного идеала лирической героини. Но есть редчайший случай, когда, например, город Стамбул имеет всё-таки отношение (косвенное) к ее личному идеалу, поэтому он переживается в характерном для лирической героини ракурсе – как город, хранящий следы идеального времени (см. во второй книге поэтессы стихотворение «Воспоминание о

Стамбуле»).

2. Итак, природа является главным объектом переживания. А поскольку природа тождественна с Шорией, то главный объект переживания – Шория-природа. Что это за природа, которая переживается? Она вся насквозь живая, но не это самое главное. Самое главное то, что природа памятьлива, она помнит всё, что происходило с ней и в ней когда-то. Переживаемая природа – своего рода кладёшь памяти, какое-то глобальное сознание, которое хранит в себе человеческое прошлое, прежде всего прошлое тюрков, историю, те великие эпохи.

По отношению к природе актуализируются два аспекта: переживаемая природа жива; переживаемая природа памятьлива и на недавнее прошлое, и на очень давнее прошлое – она хранит всё, что происходило на этой земле.

Живость переживаемой природы позволяет ей быть и вести себя как человеку (конечно, в представлениях и ощущениях лирической героини): природа поёт («дикий ветер поёт древний эпос», «Песнь Шории»), грустит («о чём грустишь ты (Шория) \ сотни долгих лет»), бывает задумчивой («Тих аксакал Таскол, \ задумался глубоко»), разговаривает («Вершины гор, \ храня молчанье, \ Ведут свой \ вечный разговор», «И лишь шумные волны Томи \ о былом говорят»), камлает («Всё камлает шаманка-метель, \ Шлёт пророчество чьей-то судьбе»), тоскует («Ветер птицей бесшумной, пугливой \ Пролетает с нездешней тоской»), обладает памятью, помнит («Ширь Алтая, простор евразийских степей \ Помнят древние вехи забытых путей») и т. п.

Живость переживаемой природы позволяет лирической героине общаться с этой природой, вступать в диалог, разговаривать – как с человеком. Природа почти то же самое, что и человек.

У Степана Торбокова, казалось бы, то же самое: переживаемая им природа тоже живая. Но есть разница: У Таяны Тудегешевой в диалоге «лирическая героиня – природа» акцент поставлен на героине. Природа хоть и живая, но самое важное не то, что чувствует, ощущает переживаемая природа, а то, что чувствует и ощущает героиня, что происходит внутри нее. У Т. В. Тудегешевой нет и не может быть стихотворений, написанных от имени, скажем, осины, медвежонка и др., как у С. Торбокова. Лирика у нее не ролевая, не многоличностная, а одноличностная, в центре внимания то, что происходит в душе лирической героини. Налицо самая типичная (монологическая, эгоцентрическая) лирика.

Второй аспект переживаемой природы – ее памятьливость (которой нет и не может быть без выше упомянутой живости), конструктивно важный признак природы. Это, как говорилось выше, какое-то глобальное сознание, глобальная память. И эта памятьливость природы очень важна для лирической героини, потому что позволяет ей актуализировать свой личностный идеал.

Память в переживаемой природе существует в виде звуковой стихии: чаще всего в виде ветра, но также в виде шороха («Чуткий шорох там вечную тишь колышет»), шелеста («Тайги прохладной \ шелест нежный\ Расскажет быль о старине»), волны («В волнах таится гул набатов \ Спит быль,\ легенды давних дней»), дыхания тайги, вечного разговора гор и т. п. Одним словом, живая природа наполнена звуками, и в этих звуках существуют и хранятся былые времена, былые эпохи, не только давние времена, но и совсем недавние.

3. Памятьливость переживаемой природы потому конструктивный признак, что лирическая героиня Таяны Тудегешевой имеет доступ к этой памяти. Хранитель памяти, как мы отметили выше, – звуковая стихия природы. Доступом к памяти является умение вслушиваться в эту звуковую стихию, особая чуткость, необыкновенная внимательность.

Лирическая героиня представляется чутким человеком, она постоянно вслушивается в природу. Зачем это ей надо?

Вслушивание в природу позволяет создать в душе лирической героини видения, картины прошлого. Природа навевает, создаёт и статические картины (визуальные, неподвижные, фрагментарные), и динамические видения (визуально-звуковые, сменяющиеся).

Эти статические и динамические картины-видения чрезвычайно важны для лирической героини. Они, как правило, имеют самое прямое отношение к ее личностному идеалу. Ведь лирическая героиня видит картины из той древнетюркской эпохи, в которой коренится ее личностный идеал, ее идеал находится именно в древнетюркской эпохе.

Что представляет собой древнетюркская эпоха? Это, по представлению и ощущению лирической героини, эпоха высшей доблести древних тюрков, их всемирной власти, общего единства и семейной тёплой спаянности, пика культуры и обычаев. Следует заметить, что в состав древних тюрков Т. В. Тудегешевой почему-то входит и фигура

Чингиз-хана. Это потому, наверное, что древние тюрки для Т. В. Тудегешевой – понятие не историческое и этническое, а эстетическое: они олицетворяют самые лучшие людские качества – воинов, мужчин, отцов, братьев. Современный шорский народ мыслится прямым потомком тех древних тюрков.

Древнетюркская эпоха происходила, протекала и в Шории (связь с Великой степью осуществлялась через Абинскую степь), поэтому шорская тайга хранит память о той великой эпохе и великом народе.

Видения о древних тюрках создают в душе лирической героини тон восхищения, трепета, воспевания, радости, счастья. Говоря терминологически, это одический лирический тон. Такой тон возникает, когда лирическая героиня может увидеть, приобщиться, причаститься, даже прикоснуться к своему личностному идеалу, к своим святыням. Героиню охватывают самые высокие и самые лучшие чувства.

Воспевания удостаиваются не только древние тюрки («И тюрков взлёт – степи Великой безраздельность»), но и сама Шория-природа, потому что она, пережив те времена и эпохи, сохранилась и, что наиболее важно, сохранила память о том времени и людях («Шория моя, тебя благодарю \ За мудрость, за долготерпенье!», «И, если рай земной возможен на Земле, \ То я скажу, что это будет Шория!»).

Однако одический лирический тон не единственный тон в лирике Т. В. Тудегешевой. Преобладающим тоном ее лирики всё-таки является не одический, а элегический лирический тон, то есть грустный, печальный тон утраты, потери, забвения. Ведь от той великой древнетюркской эпохи ничего не осталось, только память в природе и у таких чутких людей, как лирическая героиня: «Отшумели года, отзвучали напевы, \ Под бубны шаманов и звон комусов, \ Под топот коней и поющие стрелы \ Умчались, исчезли в пучине веков», «(воины) Что за солнцем навеки ушли», «И весь твой цвет – все лучшие сыны \ Умолкли песней недопетой».

Элегический тон легко мог бы оборваться трагической нотой, ведь всё прошло, всё исчезло, надеяться не на что, тут и переживать, казалось бы, не о чём, но такого не происходит. Если бы был трагизм, то не было бы лирики Таяны Тудегешевой, ибо трагизм неплодотворен. Элегический же тон плодотворен, поскольку опирается на надежду. На надежду на возвращение утраченного, возрождение умершего, одним словом – на лучшее. Надежда сия – вещь не рациональная, какая-то

сверхрациональная. Очень важно иной раз иметь надежду, хотя бы самую слабую, ничтожную, но надежду. Надежда на возвращение утраченной эпохи, на «возвращение богатырей», на возвращение былой доблести, нравственной высоты и внешне-душевной красоты и т. п. позволяет лирической героине Таяны Тудегешевой преодолеть трагизм и утвердить элегический лирический тон своих переживаний.

Конечно, все видения лирической героини происходят и проходят на фоне гибели, исчезновения родной природы и родного народа, но тем не менее трагизма в переживаниях нет, а есть сложное сочетание элегического и одического тонов в переживаниях. Одический тон появляется в тот момент, когда в своих видениях лирическая героиня воочию видит идеальные картины, элегический тон – в начале и в самом конце переживания, когда идеальные картины меркнут, исчезают, тухнут.

Вот некоторые примеры идеальных картин, одического тона:

И каждый был, как беркут в небе синем,

Пылал отвагой, полной чистоты...

Земля сынам дарила мощь марала,

Сияли удалью раскосые глаза.

Богатырей тогда земля рождала...

О, как же милостивы были Небеса!..

Они (каганы) мудро могли смуты ход преломлять

И на подвиг народ в трудный час вдохновлять.

Об алыпах, чей дух был – орлиный полёт,

Сердце-молот в груди, кровь горячая жжёт...

Берегли свою честь не за смерть, не за страх...

Переход к элегическому тону:

Сынов твоих скосили... беды, лихолетья,

Подбитым журавлём живёт теперь тайга.

Застыло Время, в Закат ушли столетья,

Затихла песнь кайчи и... молкнет навсегда...,

Годы-кони умчались стрелой в горизонт.

Тюрки... Быль ушедших эпох в сердце вольных степей.

Глас менгиров седых, вечность древних камней.

Тих и прозрачен мир рун молчащих, седых.

Спят в них думы веков – \ неразгаданный стих...

И бескрайняя грусть \ вековых ковылей... и т. п.

Утверждение элегического тона (проникновенная нота надежды): «И верь, что за зимой всегда идёт весна», «Но слово живёт, \ пройди сквозь века-лихолетья, \ Гордо беркутом вольным \ над жизнью невечной парит!», «Но легче с мыслью жить, – что где-то есть земля, \ Где мы нужны, где будем поняты, согреты.», «Спит мудрое Небо - свидетель тех лет. \ Проснётся оно...», «Разбужу ото сна ширь Великой степи и Алтая, \ И земля пробудится.», «Очнётся Мрасс когда-нибудь с рассветом, \ Когда лучи пробьют ночную мглу. \ И озарятся горы ясным светом, \ И Солнца дух изгонит Ночи тьму» и т. п.

Момент слияния одического и элегического тонов: «Хотя отмечена ты думой безотрадной, \ Но всё же, Шория, ты всех красивей на Земле!», «О, Пырассуг, молча волны несёшь безвозвратно, \ Унося годы-грусть, бывшие счастьем когда-то...»

Таким моментом слияния тонов проникнуто целое стихотворение: «В горных изломах снежных вершин – царит нетленность. \ В дерзком галопе коней – тайных сил непреклонность. \ В гордом полёте орлов – духа неутомимость. \ В храмах тысячелетних – молчит неколебимость. \ Слышишь? И по ним тоже – звонит колокол Времён». Все строки объята одическим тоном восхищения, но элегичность вплетается фразой «И по ним тоже – звонит колокол Времён» (колокол звонит по умершим; колокол истории, в которой всё преходяще, временно, невечно).

Итак, лирика Таяны Тудегешевой тонально строится как царствование элегического тона, в который временами тонко вплетается одический тон (яркими блёстками, вспышками). Одический тон только подчёркивает всеохватный элегический тон, так как воспевание, восхищение касается не настоящего, а далёкого прошлого, это то лучшее-нравственно, физически и эстетически, что утрачено, тоска и печаль по которому и мучит лирическую героиню. Ведь увидеть и коснуться своего идеала героиня может только в своих видениях прошлого (утраченного), а не в настоящем времени, не реально, не сегодня.

Если лирические тона мы переведём на язык вербального смысла, то получается, что Шория – вся в прошлом, лучшие времена у нее давно прошли, а шорский народ (как народ, этнос) доживает свои последние дни. Шория вся в прошлом. Но прошлое утрачено не безвозвратно, оно хранится в природе (в широком смысле), в ее звуковой стихии. Надо только вслушиваться в природу (уметь вслушиваться), вслушивание даёт возможность чуткому человеку воспроизводить в своём

сознании – через видения и отдельные картины – это исчезнувшее прошлое. Лирическая героиня вслушивается и видит прошлое своего народа. При этом ее душу переполняет чувство печали, временами на миг сменяющееся счастьем, радостью, слезами умиления. Но счастье непродолжительно, оно вновь сменяется печалью, грустью. Однако у лирической героини есть твёрдая вера в то, что народ и родину можно возродить, можно вернуть лучшие моменты великого тюркского народа, потомком которого являются шорцы. Прошлое вернут такие чуткие люди, как лирическая героиня. И их должно быть много и больше. Ибо такие люди, как лирическая героиня, люди, обогащённые знанием прошлого, могут многое.

Природа помнит и личное прошлое лирической героини. Прошлое не разделяется на общее и личное, прошлое – единый поток звуковой стихии: ветра, шелеста, шума, метели. Каждый день, прожитый лирической героиней, уходит в эту звуковую стихию природы, остаётся навсегда в памяти природы. Вслушиваясь в ветер, лирическая героиня вспоминает (видит, слышит в воображении) и личное прошлое: отчий дом, семью, отца, мать, гору Айган, Усть-Анзас, Мрассу и др.

Жизнь подвижна, бежит, как ветер, но этот ветер является и символом устойчивости, вечности, ибо он не только уносит, уничтожает, но и хранит в своей памяти прошлое.

Вот такой получается основополагающий круг идей лирики Таяны Тудегешевой, если лирические тона перевести на вербальный язык.

Вторая книга стихотворений Таяны Тудегешевой («Небесный полёт девятиглазых стрел») подтвердила, что творческий метод поэтессы остаётся неизменным, лишь уменьшилась доля одического тона – за счёт увеличения доли элегического тона. Но чисто вербально, с точки зрения содержания, смысла, элегический тон лишь немного усложняется, вводится мотив неоднократности жизни лирической героини, мотив жизни как вечного жёсткого испытания, мотивы новых шорских легенд и др.

Вторая книга подтвердила, что основной пафос лирики Таяны Тудегешевой – национальный тюркский. Она патриот шорского народа и шорской земли, патриот в целом тюрков, человек, поклоняющийся святыням шорцев и в целом тюрков.

Лирика Таяны Тудегешевой – одно из удивительных проявлений таланта шорского народа, народа, пришедшего к нам из глубины истории.

Выводы к главе 3

Шорская литература переживает несколько этапов развития.

Во время первого этапа шорская литература началась с повести и стихотворения Ивана Штыгашева, но воздействие повести на народ было бы сильнее, если бы она, подобно повести основоположника алтайской литературы Михаила Чевалкова «Ундулбас кереес» («Завещание, которое нельзя забыть»), была бы написана на родном языке. И если бы идейно не противоречила, даже не отрицала бы ценности национальной (не христианской) шорской культуры. Но такова судьба и конкретно Ивана Штыгашева, и первого периода развития литературы шорского народа.

Второй этап литературы начался с творчества Федора Чиспиякова, который, несомненно, есть выдающееся явление в шорской литературе. Пусть даже сегодня многие коллизии, затронутые в повестях, не кажутся актуальными, очень интересными, однако произведения Федора Чиспиякова важны как наша духовная жизнь, запечатленная в слове (особенно в шорском слове), как наша литературная история и память.

Этот же этап развития литературы связан с творчеством Софрона Тотыша, которое направлено на то, чтобы попытаться сохранить для потомков общие и особенные стороны шорского национального мировоззрения и с точки зрения содержания (фольклор, охота, шаманское искусство), но главное – с точки зрения морально-нравственных норм, выработанных в шорском этносе веками. Его произведения представляют собой художественную актуализацию этих норм через фольклорные и личные сюжеты, через внутренний мир и поведение персонажей, через погружение читателя в необычный, но понятный мир взаимоотношений человека с другим человеком и человека с великой природой.

В том же этапе развития литературы удивляет лирический герой Степана Торбокова, который стар. Понятие возраста, времени – важнейший атрибут лирического героя. Диахроника для него весьма органична. Лирический герой Степана Торбокова как бы вечный старик, пришедший в наши дни из глубины веков. Поэтому и образ его Родины (Шории) имеет не только пространственные характеристики, но и временные. Лирический герой путешествует и по прошлому своей Шории.

Эта торбоковская традиция видеть настоящее Шории через ее прошлое активно воспринята и продолжена шорской поэтессой 90-х годов

Таяной Тудегешевой. Когда прошлое (недавнее и древнее) воспринимается как неотъемлемая часть настоящего.

Николай Бельчегешев был первой ласточкой приподнявшейся шорской весны и открытием третьего периода развития литературы. Был и остается по сей день крупнейшим шорским поэтом, достойным наследником и продолжателем лирического дела Степана Торбокова и множества безвестных авторов народных песен и частушек.

Родной шорский язык дал необходимую тональность для выражения музыки души, а тема возрождения стала искомым идейно-художественным стержнем. Не случайно первый полноценный сборник стихов Николая Бельчегешева (1993 г.) назывался «Таң атча» («Заря занимается»). И действительно, новая заря народа составляла суть переживаний лирического героя автора.

Третий период развития литературы связан с творчеством Геннадия Косточакова, который заявляет надежду, что художественный уровень его лирики будет продолжен далее в шорской литературе, которая переживает свой новый подъем, даже несмотря на некоторые пессимистические взгляды лирического героя Геннадия Косточакова. Главное, шорское лирическое слово звучит, понимается, принимается, да будет оно продолжено!

Тот же третий период развития литературы связан с лирикой Любови Арбачаковой, суть которой – противоречие между помысленным чувством и тем, как оно воплощается в действительности, в реальности. И поэтому лирическая героиня поэтессы – это постоянный знак вопроса перед сложностью бытия. Чаще всего, правда, противоречие только намечается, только эскизно фиксируется, а иногда просто снимается в пользу помысленного чувства.

Наиболее полно третий период развития литературы проявился в творчестве Таяны Тудегешевой. Если ее лирические тона мы переведем на язык вербального смысла, то получается, что Шория – вся в прошлом, лучшие времена у нее давно прошли, а шорский народ (как народ, этнос) доживает свои последние дни. Шория вся в прошлом. Но прошлое утрачено не безвозвратно, оно хранится в природе (в широком смысле), в ее звуковой стихии. Надо только вслушиваться в природу (уметь вслушиваться), вслушивание даёт возможность чуткому человеку воспроизводить в своём сознании – через видения и отдельные картины – это исчезнувшее прошлое. Лирическая героиня вслу-

шивается и видит прошлое своего народа. При этом ее душу переполняет чувство печали, временами на миг сменяющееся счастьем, радостью, слезами умиления. Но счастье непродолжительно, оно вновь сменяется печалью, грустью. Однако у лирической героини есть твёрдая вера в то, что народ и родину можно возродить, можно вернуть лучшие моменты великого тюркского народа, потомком которого являются шорцы. Прошлое вернут такие чуткие люди, как лирическая героиня. И их должно быть много и больше. Ибо такие люди, как лирическая героиня, люди, обогащённые знанием прошлого, могут многое.

Природа помнит и личное прошлое лирической героини. Прошлое не разделяется на общее и личное, прошлое – единый поток звуковой стихии: ветра, шелеста, шума, метели. Каждый день, прожитый лирической героиней, уходит в эту звуковую стихию природы, остаётся навсегда в памяти природы. Вслушиваясь в ветер, лирическая героиня вспоминает (видит, слышит в воображении) и личное прошлое: отчий дом, семью, отца, мать, гору Айган, Усть-Анзас, Мрассу и др.

Жизнь подвижна, бежит, как ветер, но этот ветер является и символом устойчивости, вечности, ибо он не только уносит, уничтожает, но и хранит в своей памяти прошлое.

Третий этап развития литературы шорского народа начался в 90-е годы XX века. Это новый расцвет, судьба которого пока неизвестна.

ГЛАВА 4. ТЕМА СУДЬБЫ ШОРСКОГО НАРОДА В МИССИОНЕРСКИХ ЗАПИСКАХ XIX ВЕКА И В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ

Интерес филологии к локальным текстам связан с актуальностью проблемы диалога культур [Алексеев 2016; Алексеев, Шастина 2018] и значимостью исследования «имаготипических структур», у истоков которого стоят представители французского сравнительно исторического литературоведения 1950-х гг. Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяр [Ощепков 2010, 251–252]. В главе рассматриваются лексические особенности локального текста, отражающего специфику межкультурной коммуникации, связанной с колониальным дискурсом. Представляется перспективным семантико-стилистический анализ локальных текстов, созданных в период миссионерской деятельности на территории Алтая и Сибири. Подобный анализ, нацеленный на имагологическое изучение региональной составляющей истоков современной аксиосферы, позволяет выявить систему лексических репрезентантов специфики восприятия русскими миссионерами коренных народов, их быта, традиций, верований.

В XIX и начале XX века развиваются российские духовные миссии, связанные с освоением Сибири и Дальнего Востока: Енисейская, Забайкальская, Камчатская, Алтайская и др. [Мельникова 2008, 2015; Щербич 2016]. Среди них «самой значительной» является Алтайская [Мельникова 2008, 34], к наследию которой относятся записки Василия Ивановича Вербицкого, позволяющие рассмотреть своеобразие «сибирского текста» в русской культуре, в частности отражение темы коммуникации в становящемся поликультурным регионе.

Современная городская газета рассматривает широкий круг вопросов, связанных с историей и культурой шорцев, коренного населения юга Западной Сибири, с жизнью удивительного края – Горной Шории. Значимость шорской темы как краеведческой доминанты городской газеты «Кузнецкий рабочий» связана с проблемой сохранения малых народов России и их культуры, с осмыслением современной ситуации мультикультурализма. Городская газета активно участвует в обсуждении судьбы шорского народа. Во многих материалах отражается особая роль Новокузнецка в сохранении и развитии шорской культуры, при этом учитываются как исторический аспект, так и современное состояние проблемы.

Особый интерес представляет динамика семантико-стилистического воплощения этой темы в конце XX – начале XXI в., в эпоху перемен, коснувшихся не только общественно-политических и экономических условий жизни страны, но и духовной жизни народа. В данной главе материалы городской газеты рассмотрены в соответствии с хронологическим принципом, что позволяет выявить динамику ценностной картины мира, прежде всего актуализацию темы возрождения шорского народа в конце 80-х – начала 90-х гг. XX в.

4.1. Лексика сферы коммуникации в «Записках миссионера» В. И. Вербицкого¹

Региональная составляющая современной аксиосферы обусловлена комплексом факторов: исторических, географических, этнических, экономических, административно-территориальных. Региональные дискурсивные практики актуализируют определённые краеведческие доминанты, одной из которых для юга Западной Сибири является тема «Судьба шорского народа». Лингвоаксиологический анализ данной краеведческой доминанты в синхронии органично дополняется диахроническим рассмотрением локальных текстов, которые, в частности, позволяют предпринять семантико-стилистический анализ лексики сферы коммуникации в таких аспектах, как сакральный, социально-психологический, этнографический, метаязыковой.

Миссионер Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священник В. И. Вербицкий (1827–1890) большую часть службы (27 лет) провёл в улусе Кузедеевском Кузнецкого уезда, где создал миссионерские записки, опубликованные в 1858–1878 гг. Этот популярный во второй половине XIX – начале XX в. жанр позволяет отразить не только богатый этнографический материал, но и опыт общения с местным населением (шорцами), осмысленный с точки зрения христианских и общечеловеческих ценностей. Лексика сферы коммуникации представлена глаголами речи, контекстами, в которые они включены, этикетными знаками, лексическими репрезентантами, отражающими цели, мотивы, характер общения. Анализ текстовой системности лексических репрезентантов сферы коммуникации, выполненный на материале «Записок миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии», позволяет рассмотреть семантико-стилистическое

¹ В параграфе использованы материалы статей: [Pushkareva, Kiseleva 2020; Пушкарева 2020].

своеобразие текста в имагологическом аспекте. Материалом семантико-стилистического анализа послужили записки за 1861 г., опубликованные в марте 1862 г. в Москве, в типографии В. Готье (ежемесячное издание «Душеполезное чтение») [Вербицкий 1862; Записки миссионера 2008, с. 6–271].

В данных записках сосуществуют два жанровых начала, выделенных С. В. Мельниковой: «В “официальных” [записках] преобладают факты, имена, статистика, этнографические данные, приводятся подробно беседы и споры с местным населением, часто высказывается мнение о задачах и работе миссии. В “неофициальных” больше живых подробностей путешествий, описаний природы, быта и обычаев местного населения, портретов, авторской рефлексии и психологизма» [Мельникова 2008, с. 35]. С одной стороны, основу повествования в записках В. И. Вербицкого составляет установка на «официальность», с другой стороны, для многих фрагментов характерна «неофициальность», проявленная в эмоционально-экспрессивной окраске изложения.

Контексты с лексическими репрезентантами сферы коммуникации выявлялись с помощью сплошной выборки. Для толкования лексического значения привлекался словарь В. И. Даля [Даль 1994], наиболее близкий ко времени создания записок. Исследование текстовой системности лексика сферы коммуникации (глаголов речи, контекстов, в которые они включены, этикетных знаков, лексических репрезентантов, отражающих цели, мотивы, характер общения) позволило выявить сакральный, социально-психологический, этнографический и метаязыковой аспекты коммуникации.

4.1.1. Лексические репрезентанты сакрального аспекта коммуникации

Сакральный аспект сферы коммуникации является основным в жанре миссионерских записок: главная цель миссии видится именно в проповедовании слова божия (*слова Божія*). В рассматриваемом тексте сакральный аспект сферы коммуникации представлен в пяти разновидностях: обращение миссионера к Богу, к местным жителям (массовое общение), миссионерское общение с конкретным человеком, цитирование и упоминание определённого фонда сакральных текстов; особый случай сакральной коммуникации – «голос» природы, отклик

природы на присутствие Бога в мире. Выражение слово *Божіе* [Вербицкий 1862, с. 4, 9, 18] встречается в записках трижды, в том числе актуализировано с помощью антитезы: *Слова Божія у меня много, а вина нѣтъ* – ответ В. И. Вербицкого старику Чотушке [Вербицкий 1862, с. 18].

19 контекстов представляют коммуникацию проповедующего миссионера и местных жителей (обобщённый образ): 8 из них содержат слово *проповедь* или глагол *проповедовать*, 3 – имя существительное *учение*, 1 – *наставление*, 3 упомянутых контекста и 7 других включают глаголы и глагольные формы, связанные с деятельностью адресанта (*предложена проповедь, оглашены евангельским учением, предложил учение, сказанное мною, сказал, прибавил, доказывал, объяснял*) и адресата (*слушают, соглашаются*). Именная и глагольная составляющая лексики репрезентируют семантику просветительского и волюнтаривного воздействия миссионера на местных жителей. Показательна количественная характеристика. Во-первых, ярко обнаруживается доминирование ключевого жанрового имени *проповедь*: *проповедовать* – «говорить всенародно, извѣщать, провозглашать; поучать, взывать к слушателямъ речью, убѣждая и наставляя; бол. о речахъ и поученіяхъ духовныхъ» [Даль 1994, т. 3, с. 503]. Используются выражения *проповѣдовать слово Божіе* [Вербицкий 1862, с. 4], *предложена (евангельская) проповѣдь* [Вербицкий 1862, с. 9, 17, 23], например: *1–22 Мая. Посещалъ я ближайшіе ко мне улусы инородцевъ; проповѣдоваль имъ слово Божіе <...>* [Вербицкий 1862, с. 4]; *Собралось народу человекъ до 100, исключая дѣтей, и предложена была имъ проповѣдь объ истинномъ Богѣ, съ опроверженіемъ ихъ заблужденій, относительно ложныхъ ихъ боговъ, о человекѣ, его сотвореніи, назначеніи <...>* [Вербицкий 1862, с. 9]. Во-вторых, глаголы и глагольные формы, связанные со сферой коммуникации, указывают на доминирующую коммуникативную роль адресанта-миссионера. Дважды с помощью местоимений актуализируется личностное начало: *Ученію моему никто не противорѣчилъ, и всѣ соглашались, что все, сказанное мною, действительно справедливо* [Вербицкий 1862, с. 10]. Характер воздействия адресанта на слушателей выражается и специальной по окраске глагольной формой *оглашены*: *Въ улусъ Покатунскомъ ожидали меня двое инородцевъ, которые уже были мною оглашены евангельскимъ ученіемъ. Теперь они воспріяли крещеніе вмѣстѣ съ дѣтьми другихъ новокрещенныхъ инородцевъ* [Вербицкий 1862, с. 5]. *Оглашенные –*

«црк. стар. Оглашенный в храмъ идолопоклонникъ, принимающій христіанство <...> *Огласить слушателей словом истины, поучать, наставлять*» [Даль 1994, т. 2, с. 643].

Отметим разнообразие глаголов, передающих характер речевого поведения миссионера. Так, в контексте, где миссионер рассказывает о своей аргументации во время проповеди, наряду с наиболее распространённым глаголом *сказать* использованы глагол *прибавить*, передающий семантику добавления информации, и глаголы *доказывать*, *объяснять*, указывающие на аргументативный характер убеждающей и воздействующей речи миссионера: *Посль того я предложиль имъ учение о томъ, что собственно должно разуметь подъ зломъ; я доказываль имъ <...>; Въ этомъ-то и состоитъ, сказалъ я, превосходство добраго христіанина предъ человекомъ некрещеннымъ <...>; <...> а какъ вы этому не совершенно вѣруете, прибавиль я, то вамъ и потерпеть здѣсь ничего не хочется <...>* [Вербицкий 1862, с. 10]. Все глаголы речи использованы в форме прошедшего времени, что соответствует характеру дневниковой записи об уже произошедших событиях.

Глаголы речи, передающие действия внимающего учению местного населения, встречаются значительно реже. Эти глаголы представляют как реакцию на речь миссионера, так и независимое от неё действие. Например, в «Записках...» передана общая характеристика «черновых инородцев кузнецкого округа» (имя прилагательное образовано от топонима *Чернь*): *<...> учение христіанское слушаютъ охотно, и называютъ его: Кутай дын – указ, т. е. Божій указъ <...>; соглашаются, что христіанская вѣра лучше, только отстать отъ шаманства не рѣшаются, изъ опасенія миценія злаго духа* [Вербицкий 1862, с. 27]. Обратим внимание на характеристику признака действия: *охотно*, т. е. с желанием, расположением. Речевым поведением инородцев (*соглашаются*) в целом подтверждается эффективность аргументации миссионера, с одной стороны, с другой же стороны, проявляются социально-психологические аспекты коммуникации: местным жителям интересно посмотреть на проповедника, любопытно послушать его. Формы глаголов речи, включённые в общую характеристику местного населения, передают значение настоящего неактуального.

Сакральная межличностная коммуникация представлена меньшим количеством контекстов, чем массовая, выражена с помощью лексических репрезентантов общения священника с прихожанами (благословение, отпущение грехов, наставление в вере) – всего 6 контекстов. Три лексических репрезентанта передают речевое поведение местных жителей: цель – *17 Февраля. Бѣдный инородецъ улуса Кузедѣевскаго Михаилъ, еще юноша, пришелъ ко мнѣ испросить благословеніе на добычу звѣря* [Вербицкий 1862, с. 1], речевое действие и традиционное для русской православной культуры обращение к духовному лицу – *19 Февраля. Инородецъ отъчалъ: «какъ Богу, такъ и вамъ каюся, батюшка, что за великіе грѣхи свои я наказанъ. Было у меня двое дѣтей, которыхъ одного за другимъ шайтан (злой духъ) съгль <...>* [Вербицкий 1862, с. 2]. Три лексических репрезентанта отражают коммуникативные действия миссионера, причём два из них – косвенным способом, через формы страдательных причастий, обозначающих результат воздействия миссионера: *Сдѣлавъ сему инородцу приличное случаю наставленіе <...>* [Вербицкий 1862, с. 2]; *Былъ наставленъ въ главныхъ истинахъ христіанства, обученъ краткимъ молитвамъ, нареченъ Николаемъ и вечеромъ восприялъ св. крещеніе въ р. Казась* [Вербицкий 1862, с. 16].

Четырьмя контекстами представлены сакральные тексты, которые упоминает и цитирует В. И. Вербицкий. Три контекста наряду с сакральной имеют социально-психологическую окраску, поскольку отражают ситуации общения миссионера с реальными людьми (местными жителями), не во всём с ним соглашающимися, сомневающимися. Так, в увещевании беглеца, не вынесшего тяжёлых условий работы на Спасском золотом промысле, упоминается заповедь Божия: *Итакъ, любезный, ты поступаешь противъ заповѣди Божіей, противъ присяги, тобою данной?* [Вербицкий 1862, с. 18–19]. Характерно что в ряду однородных членов стоят обозначения закона высшего и закона государственного (жанровое имя *присяга* – «клятвенное обѣщанье или увѣренье в чёмъ»; *присягнуть, дать присягу* – «призывать гласно и торжественно Бога в свидѣтельство, съ установленными церковью обрядами, цѣлуя Св. Крестъ и Евангеліе» [Даль 1994, т. 3, с. 450]. В двух других случаях автор цитирует сакральные тексты. Рассказывая историю о беглеце, в форме косвенной речи приводится замечание св. Златоуста: *<...> и мы иногда забываемъ замѣчаніе св. Златоуста, что «никому невозможно быть всегда въ скорбяхъ; этого*

не перенесет природа человеческая. Но поелику мы всегда желаемъ быть въ радости, то и думаемъ, что всегда находимся въ печали; сверхъ того, поелику радостное и приятное скоро забываемъ, а печальное всегда помнимъ, то и говоримъ, что всегда находимся въ печаляхъ» [Вербицкий 1862, с. 21]. Употребление «мы инклюзивного» позволяет расширить референтную область высказывания и переводит его в генеритивный регистр. Если высказывание Иоанна Златоуста представлено с помощью безоценочной номинации *замечание*, то другой цитируемый текст охарактеризован как *мудрое слово*: *И Аванасій послѣдовалъ за нею; ибо не смогъ вмѣстить въ себя мудрое слово: «не даждь женѣ души твоя, еже превзыти ей надъ крѣпость твою»* (Сир. 9. 2) [Вербицкий 1862, с. 22]. Цитируемый сакральный текст из «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова» выделен курсивом, призван объяснить состояние не сумевшего пойти против мнения своей жены инородца Афанасия. Обратим внимание на лексические репрезентанты смысла постижения, принятия мудрости: *не смог вмѣстить в себе мудрое слово* – характерно использование именно локатива в предложном падеже.

Особый контекст цитирования сакрального текста связан с прикосновением человека к высшей красоте созданного Творцом мира. В целом в «Записках...» неоднократно отражено общение человека и природы. Наиболее ярким является момент пробуждения путников, сопровождаемого прекрасным пением птиц, которое воспринимается автором записок в двух ипостасях – как приветствие человеку и славословие Бога: *Въ Черни долго не спать; мы проснулись на зарѣ; и, не оставляя ложа, любовались звѣзднымъ небомъ и, будучи привѣтствуемы птицами, изъ которыхъ каждая съ соревнованіемъ и по своему славословила Господа, и мы съ Пророкомъ, размышляя о дѣлахъ рукъ Божіихъ, восхищались и говорили: дивна дѣла Твоя, Господи! вся премудростію сотворилъ еси; благослови душе моя Господа (Пс. 103, 24. 35.)* [Вербицкий 1862, с. 7]. *Славословить* – «прославлять, улаживать, честить, возносить, величать, восхвалять, воздавать хвалу, воспѣвать чью славу» [Даль 1994, т. 4, с. 215–216]. Образ пения птиц, из которых каждая с соревнованием и по-своему славословила Бога, воплощает идею разнообразия сотворённой красоты и её божественной природы. Хотя и в дохристианские времена образ птиц (например, ласточки) соотносился с миром метафизическим, образ божьих птиц в записках

В. И. Вербицкого имеет библейские истоки (Нагорная проповедь) и связан также с сочинениями Франциска Ассизского. Сила образа стала причиной активного обращения к нему в русской поэзии (например, в творчестве Н. Н. Гнедича, А. С. Пушкина, В. В. Маяковского), где он помогал воплощать размышления о красоте, свободе, назначении творчества. В повествовании В. И. Вербицкого именно в наивысший момент осознания красоты мира, созданного Творцом, возникает соединение человеческого голоса и речи Пророка (...и мы с Пророком... говорили...). В эмоционально насыщенном, наполненном светом контексте глагол речи является однородным с глаголом выражения восторга: *восхищать* – «возносить кого духомъ, приводить в восторженное состояние, въ восторгъ, восхищенье; радовать, утѣшать в высшей степени» [Даль 1994, т. 1, с. 252]. Форма несовершенного вида позволяет передать эмоциональную напряжённость.

Личное обращение миссионера к Богу представлено двумя контекстами, в которых используется устойчивое выражение «читать (прочитать) молитвы»: *28 Мая. Воскресенье. По прочтении утренних молитвъ, мы отправились въ путь <...>* [Вербицкий 1862, с. 8]; *1 Июня, Вознесение Христова. Возставши отъ сна, мы съ толмачемъ прочли утрення молитвы и часы* [Вербицкий 1862, с. 22]. *Молиться Богу* – «сознавая ничтожество свое передъ Творцомъ, приносить Ему покаяние свое, любовь, и просьбы за будущее» [Даль 1994, т. 2, с. 341]. В церковном употреблении молитва является жанром ритуального обращения к Богу. Специальную окраску – црк. [Даль 1994, т. 4, с. 584] – имеет слово «час» в метонимическом употреблении (специальное богослужение). Отметим упоминание именно утренних молитв, что соотносится со смыслом начала, которое каждый раз открывает новый этап пути, наполненного добрыми делами и преодолением трудностей во имя Божие.

4.1.2. Лексические репрезентанты социально-психологических аспектов коммуникации

Социально-психологические аспекты коммуникации связаны с особенностями взаимоотношений местных жителей и миссионера, с чертами общения, присущими всему народу, определённому коллективу или личности. Значительная часть таких контекстов затрагивает сакральные аспекты массовой и межличностной коммуникации, од-

нако в них на первый план выходит не религиозное начало, а отражение характеров, уклада жизни, обстоятельств. Рассмотрим воплощение в лексических репрезентантах социально-психологических аспектов массовой и межличностной коммуникации.

1. Межличностное общение представлено в «Записках...» чаще, чем иные формы, в более 30 контекстов, в которых отражены 11 эпизодов встреч и разговоров. Преобладают глаголы говорения (*сказать, говорить, заметить, прибавить, спросить, ответить, рассказывать, подтвердить, предложить, уговаривать, убеждать, склонять, возразить, согласиться, совещаться, рассуждать*), используются также расщеплённое сказуемое (*иметь разговор*), отглагольное имя существительное (*убеждение*), выражения, передающие содержание речи (*изъявить желание, выразить сожаление*) и характер слушания (*внимательно слушать*).

Глаголы говорения сконцентрированы при передаче диалогов и группируются в пары «стимул – реакция»: *заметил* (собеседник) – *ответил* (нарратор) [Вербицкий 1862, с. 2]; *спросили* («мы инклюзивное» – *отвечал* (собеседник) [Вербицкий 1862, с. 2]; *спрашивал* (собеседник) – *сказал* (нарратор), *сказал* (нарратор) – *ответил* (собеседник), *спросил* (собеседник) – *сказал* (нарратор), *сказал* (нарратор) – *подтвердил* (собеседник) [Вербицкий 1862, с. 17–18]; *сказал* (нарратор) – *подтвердили* (собеседники), *сказал* (нарратор) – *прибавили* (собеседники) [Вербицкий 1862, с. 19]; *заметил, сказал* (нарратор) – *ответил* (собеседник) [Вербицкий 1862, с. 30–31]. Как видим, преобладает форма прошедшего времени совершенного вида, ориентированная на журнальную запись о произошедших событиях, репрезентантом речевого поведения нарратора чаще всего является глагол *сказать*, хотя миссионер выступает и в роли спрашивающего и отвечающего. Глаголы, не включённые в передачу диалога, раскрывают коммуникативную цель миссионера: *Проходя по берегу, я встрѣтилъ бѣглеца изъ Спасскаго золотого промысла, утекавшаго съ работы и уговаривальъ его возвратиться* [Вербицкий 1862, с. 18]; *Но сколько мы ни убеждали жену его къ принятію христіанства, она осталась непреклонною* [Вербицкий 1862, с. 23]; *Отъ 22 Августа до 8 Сентября. Быль я въ главномъ пунктѣ миссіи – Улалѣ, по служебнымъ обязанностямъ, гдѣ, между прочимъ, съ начальникомъ миссіи о. протоіереемъ и іеромонахомъ о. Макаріемъ совѣщались о переводѣ литургіи и священной исторіи новаго завѣта*

на языки алтайских калмыковъ и кузнецкихъ татаръ, и **разсуждали**, какой орфографіи держаться при подобныхъ переводахъ [Вербицкий 1862, с. 31]. Коммуникативная роль пропонента, характерная для миссионера, воплощается не только глаголами, но и отглагольным именем существительным **убеждение**: 3 Июня. Онъ [Сарапанъ] очень печалится о смерти своего сына, который умеръ въ тайгъ на звѣроловствѣ, такъ что безъ слезъ не можетъ **разсказывать** объ этомъ своемъ горѣ. На **убѣжденіе** мое принять христіанство **отвѣчалъ**: «Зачѣмъ мнѣ идти къ Богу, когда я лишился сына, значитъ я человекъ недостойный», и проч. [Вербицкий 1862, с. 25]. Используются глаголы со значением «мы инклюзивное»: 19 Февраля. Приходитъ ко мнѣ инородецъ улуса Туштелепа съ ознобленными руками за врачевствомъ и насущнымъ хлѣбомъ. Къ отмороженнымъ пальцамъ мы привязали **тертаго** картофелю и **спросили** его, какъ съ нимъ случилось такое несчастіе? Инородецъ **отвѣчалъ** <...> [Вербицкий 1862, с. 2].

Речевое поведение собеседников нарратора, отражённое глаголами говорения, более разнообразно: они **замечают**, **отвѣчают**, **спрашивают**, **подтверждают**, **прибавляют**, **говорят**, – что позволяет конкретизировать картину общения. Реплики собеседников миссионера отражают их житейские наблюдения: При этомъ случаетъ **М замѣтилъ**: «вотъ такъ-то все отъ насъ къ богатымъ переходитъ» – о бедности [Вербицкий 1862, с. 2]; Когда я **замѣтилъ** ему, что онъ напрасно отказался отъ своей должности, и **сказалъ**, что алтайскій зайсанъ Карту получилъ медаль за свою службу, **Петръ отвѣтилъ**: «что намъ медаль, **батюшка?** въ работѣ она не пособитъ, въ бѣдности ее не укусишь, а худое что сделаешь, и на медаль не посмотрятъ.» [Вербицкий 1862, с. 30–31]. В единичных случаях в контекстах с глаголами говорения конкретизируется характер речи, например охарактеризована неискренность: Здѣсь я узналъ, что **встрѣтившійся** со мною бѣглець, **говоря** о своей тяжелой работѣ, **утаилъ**, что чрезъ двѣ недѣли работы дается имъ недѣля, такъ называемая гульная, для отдохновенія [Вербицкий 1862, с. 21].

В ещё большей степени образы собеседников конкретизируются с помощью выражений, передающих содержание речи и характер слушания, например: **Послѣ проповѣди и бесѣды съ камомъ одинъ инородецъ, слушавшій весьма внимательно, изъявилъ желаніе креститься** [Вербицкий 1862, с. 16]. Один из самых ярких эпизодов, пред-

ставляющих эмоциональную межличностную коммуникацию, – неудачная попытка убедить жену Афанасия принять христианство: <...> и онъ [Аванасій], **склоняя** жену свою къ принятію христіанства, **выразилъ сожалѣніе**, что ему, человѣку некрещенному, въ будущей жизни не видать своего отца; на что жена его съ **грубостію сказала**: «какую ты тамъ еще жизнь нашель, когда умрешь», — и удалилась изъ нашей юрты [Вербицкий 1862, с. 24].

Идеологически значимыми эпизодами являются ситуации общения с камом (шаманом). В таких случаях выражен дискуссионный характер общения – столкновение двух сакральных систем: *Въ числе слушателей моихъ былъ и камъ или шаманъ, который тоже **не противорѣчилъ, только не соглашался**, что шайтанъ (злой духъ) не можетъ сделать зла безъ поущенія Божія, представляя его всемогущимъ во злѣ нравственномъ и физическомъ [Вербицкий 1862, с. 10]; Камъ, съ которымъ я теперь **имѣлъ разговоръ, согласился**, что онъ не всегда же можетъ умилостивить шайтана, но никакъ не хотѣлъ сознаться въ своей лжи <...> [Вербицкий 1862, с. 15]; Когда я **предложилъ** ему, чтобы онъ, если надѣется на шайтана, вошелъ въ огонь, то онъ **сказалъ**, что шайтанъ не имѣетъ такой силы, чтобы его выручить оттуда. На это я **разказалъ** ему примеры, что вѣрующіе въ истиннаго Бога и на Него уповаюіе, и въ огонь не сгарали [Вербицкий 1862, с. 15]; Слѣдовательно, одинъ только всемогущій Богъ — христіанскій, съ чѣмъ и онъ, **не умѣя ничего сказать, вполне согласился**, и если бы другіе приняли христіанство, крестился бы и онъ [Вербицкий 1862, с. 15–16].* Используются глаголы говорения, жанровое имя *беседа*, характеристика коммуникативной роли адресата (*слушатели*). Сопоставим лексические репрезентанты речевых партий. Миссионер: *имел разговор, предложил, рассказал*. Кам: *не противорѣчил, не соглашался, согласился* (2), *сказал, не умея ничего сказать*. Как видим, нарратор сосредоточен на представлении реакции своего оппонента, в которой наблюдаются противоположные проявления и динамика.

2. Этикетная сторона общения представлена в 13 контекстах и позволяет наблюдать за лексическими репрезентантами степени знакомства, ситуациями приглашения, просьбы, обещания, за формами обращения, приветствия, прощания, передачи благожелательного отношения другого лица, при этом используются как этикетные знаки, так и

глаголы и имена прилагательные, указывающие на этикетно значимые ситуации.

В пяти случаях при передаче чужой речи используется форма обращения к миссионеру. Трижды – форма *батюшка*, традиционное для русской православной культуры обращение к духовному лицу, причём дважды не в ритуально значимом кругу ситуаций, а в непринуждённой беседе. Например, в житейских размышлениях умудрённого опытом крещёного инородца Петра: *Петръ отвѣтилъ: «что намъ медаль, батюшка? въ работъ она не пособитъ, въ бѣдности ея не укусишь, а худое что сделаешь, и на медаль не посмотрятъ.»* [Вербицкий 1862, с. 30–31]. Три формы обращения представлены в диалоге миссионера с беглым рабочим. Сам священник, увещевая отчаявшегося и измученного человека, использует форму *любезный*: *Итакъ, любезный, ты поступаешь противъ заповѣди Божіей, противъ присяги, тобою данной, чтобы служить, не жалгя живота своего* [Вербицкий 1862, с. 19]. В речи же беглого представлены стилистические синонимы *батюшка* и разг. *батька*. Разговорная форма органична в эмоционально-экспрессивном, выражающем боль и возмущение контексте: *«Да какъ терпѣть-то, батька? работа каторжная: тройкѣ (3 человекъ) каждый день должно вырыть 100 пуд. песку со щѣбнемъ, отнести на носилкахъ отъ 50 до 70 сажень; посмотрите на меня, вгдѣ на мнѣ лица нѣтъ.»* [Вербицкий 1862, с. 18]. Традиционная форма *батюшка* включена в высказывание, передающее твёрдую убеждённость: *Нѣтъ, батюшка, я уже решилъ, и назадъ не возвращусь.»* [Вербицкий 1862, с. 19].

В «Записках...» мы встречаем и такие знаки речевого этикета, как формулы передачи благожелательного отношения другого лица и прощания: *Мы остановились въ юртѣ знакомаго мнѣ инородца Унакная, передали ему поклонъ отъ роднаго его брата, крещеннаго инородца Кузедѣевского улуса* [Вербицкий 1862, с. 9]; высказывание беглого рабочего в ответ на предупреждение миссионера, что он расскажет о нём:

– *А если я скажу въ Александровкѣ о твоёмъ побѣгѣ?*

– *«Пожалуй, хотъ и скажите. <...> Прощайте.»* [Вербицкий 1862, с. 19].

Наряду с этикетными знаками указывают на этикетно значимые ситуации знакомства, приветствия и приглашения другие языковые средства, хотя в этом случае указание становится косвенным. В трёх контекстах эксплицирована степень знакомства, например: *Баилыкъ*

Эбискэ мнѣ знакомъ, и въ проѣздѣ свой съ ясакомъ чрезъ нашъ улусъ, **заѢзжаетъ ко мнѣ** [Вербицкий 1862, с. 9]. В единичных контекстах отражены ситуации приглашения и просьбы: <...> я узналъ, что Якуша, башлыка (старосты) Кондомско-Итиберской волости, нѣтъ дома, а до юрты Эбискэ, башлыка Карачерской волости, не болѣе 8 верстъ; туда мы и отправились на смѣнныхъ коняхъ, **пригласивъ собравшихся ко мнѣ инородцевъ** <...> [Вербицкий 1862, с. 9]; **Я просиль его созвать изъ близкихъ къ нему кочевьевъ инородцевъ, что онъ и исполниль** [Вербицкий 1862, с. 9], – обещания и приветствия. Ситуация приветствия конкретизирована: **Посль обыкновенныхъ привѣтствій съ той и другой стороны** <...> [Вербицкий 1862, с. 9]; благодаря такой форме выражения становится очевидным, что обмен приветствиями является естественным началом общения с местными жителями. В ситуации обещания интересно использование языковых средств, включённых в отношения конверсии: **Сдѣлавъ сему инородцу приличное случаю наставленіе, и получивъ отъ него обѣщаніе** никогда не прибѣгать къ шаманству, я опустилъ его съ миромъ и снабдилъ 2 пудами муки [Вербицкий 1862, с. 2]. В отличие от более привычной в современном русском языке пары *дать обещание – взять обещание*, В. И. Вербицкий использует форму *получив обещание*, позволяющую сделать акцент на достижении миссионерской задачи.

3. Отношение местных жителей (инородцев) к священнику и его проповедям выражены в шести контекстах. Четыре контекста представляют картину распространения информации о приезде миссионера (*вестъ разнеслась быстро*), приглашения на проповедь (*пригласив инородцев*), при этом как главный мотив присутствия на проповеди для священника выступает желание услышать слово божие (*если кому из них желательно слышать слово божие*), а для самих местных жителей – любопытство (*собираются ко мне из любопытства*): **Вѣсть, что пріѣхаль Абызь (священникъ), разнеслась между инородцами быстро: нѣкоторые изъ ближайшихъ юртъ стали собираться ко мнѣ изъ любопытства, потому что здѣсь никакой священникъ не бываль никогда** [Вербицкий 1862, с. 9]; <...> **туда мы и отправились на смѣнныхъ коняхъ, пригласивъ собравшихся ко мнѣ инородцевъ, если кому изъ нихъ желательно слышать слово Божіе, чтобы они завтра прибыли къ намъ** [Вербицкий 1862, с. 9]. Два контекста представляют интересный с психологической точки зрения момент отказа

от крещения после прослушивания проповеди: *Прочіе же инородцы вмѣстѣ съ башлыкомъ отложили крещеніе **подъ предлогомъ**, что они, безъ **совѣщанія** своей волости — во время сбора ясака (въ полѣ), на это рѣшиться не могутъ* [Вербицкий 1862, с. 16]. Мы встречаем выражение *под предлогом*: предлог – «вымышленная причина, мнимый поводъ, отговорка, оправданье, причина для виду» [Даль 1994, т. 3, с. 386]; узнаем о такой реалии социального устройства, как совещание волости во время сбора ясака.

4. Речевое поведение людей в генеритивном регистре отражено в тексте дважды: первый случай связан с представлением шорской народной мудрости, а второй – общечеловеческой. В данных случаях используется глагол *говорить*.

Один из названных случаев связан с наблюдением над человеческой природой, представленным со значением «мы инклюзивное»: <...> сверхъ того, поелику радостное и пріятное скоро забываемъ, а печальное всегда помнимъ, то и **говоримъ**, что всегда находимся въ печаляхъ [Вербицкий 1862, с. 21].

В генеритивном регистре используется также глагол, характеризующий речевое поведение местных жителей, – *говорите*: <...> *но въдь сколько ни камлайте, а отъ смерти никуда не скочуете; это вы и сами знаете, когда **говорите**: кому должно умереть, того камъ не отниметь, кому съ голоду умереть, того и богачъ не избавить* [Вербицкий 1862, с. 10–11]. В данном контексте миссионер представляет опровержение веры в языческий обряд *камланья* – «шаманской мистерии» [Записки миссионера 2008, с. 280]. Дискуссионная стратегия выражена экспликацией образа оппонента, апелляцией к нему (*вы и сами знаете*), включением паремии, свойственной речи оппонента, отражающей его культурные традиции. Таким образом, здесь глагол речи является репрезентантом мира народной мудрости. В данном случае с сакральными аспектами коммуникации взаимодействуют этнографические.

4.1.3. Лексические репрезентанты этнографических и метаязыковых аспектов коммуникации

Этнографические аспекты коммуникации связаны с отражением в «Записках...» местного колорита. В единичном контексте (ближе к концу текста) мы встречаем репрезентант коммуникативной позиции

автора заметок, выполняющий метатекстовую функцию: *Подъ впечатлѣніемъ перваго обозрѣнія Черновыхъ инородцевъ сдѣлаю слѣдующее общее замѣчаніе о нихъ* [Вербицкий 1862, с. 27]. Перед нами предстаёт образ путешественника-миссионера, изучающего нравы и обычаи местного населения. Этнографические аспекты коммуникации в тексте проявляются в контекстах, посвящённых миру природы и верованиям шорцев.

До сих пор сохраняется особое отношение шорского народа к природе, когда человек мыслится частью пира природы. В записках В. И. Вербицкого представлено 9 контекстов с лексическими репрезентантами темы общения человека и природы. Три контекста отражают мифопоэтические представления шорцев о горах-великанах. Образы гор персонифицированы и антропоморфны, что отражают глаголы говорения и жанровое имя «просьба»: *Однажды Мустагъ замедлилъ сборомъ дани съ своихъ подчиненныхъ и послалъ своего почталіона Азрадэша **попросить** у Абагана отсрочки, **приказавъ** посланному, чтобы онъ нисколько не медлилъ въ дорогъ; Абаганъ, соскучась ожидать дани или **просьбы** объ отсрочкѣ, напалъ на Мустага <...>* [Вербицкий 1862, с. 20] (Мустаг, Абаган – совр. Абакан – горы, Азрадэш – название раздвоенного камня).

Четыре контекста содержат лексические репрезентанты «общения» с хозяином тайги – медведем. В одном из них мы находим глагольную форму, связанную с этикетными аспектами общения: *27 Мая. <...> медвѣдь шель съ горы навстрѣчу къ намъ и не дойдя 20 сажень, своротилъ вправо, побоявшись пламени отъ зажженнаго нами валежника, а также **уваживъ** въ насъ человѣческое достоинство* [Вербицкий 1862, с. 7]. Это пример невербальной коммуникации, когда медведь своим поведением выражает уважительное отношение к людям. Остальные контексты содержат репрезентанты речевого поведения проводника, который выступает в роли наставника, поскольку сам является частью мира природы и знает её законы, в отличие от приезжих: *4 Юня. Проводникъ **закричалъ**: эй абшакъ! (собственно знач. старикъ, а въ переносномъ значеніи: медвѣдь) и передалъ намъ наставленіе, какъ держать себя <...>; Хотя это **наставленіе** и было принято мною къ свѣдѣнію, но все же я не желалъ слишкомъ близкой встрѣчи съ кровожаднымъ звѣремъ* [Вербицкий 1862, с. 25–26]. Авторский

комментарий делает акцент на представлениях шорского народа о медведе. С учётом небольшого количества конкретизаторов речевого поведения в записках можно отметить, что их неоднократное использование в создании образа проводника свидетельствует о внимательном отношении к нему миссионера, о тщательном наблюдении за тем, как местный житель ведёт (умеет себя вести) в мире природы. Так, фазисный глагол *закричал* конкретизирует характеристику речевого поведения в эпизоде встречи с медведем, а наречие *шёпотом* помогает создать яркий образ человека, умеющего слышать и понимать природу, тонкого наблюдателя, искусного рыбака: *Проводникъ нашъ, замѣтивъ въ ямѣ небольшой речки, у колодины, кусуча [рыба], пришель въ восторгъ, который отразился въ глазахъ и на лицѣ, шепотомъ остановилъ насъ, слѣзь съ коня, вынулъ изъ-за-пазухи петлю изъ конскихъ волосъ, привязалъ ее на конецъ развилчатой палки и въ одно мгновение осилилъ двѣ рыбы—одну за другою. Трапеца наша вышла богатая и соответствующая праздничному дню* [Вербицкий 1862, с. 26].

В 10 контекстах, представляющих специфику верований шорцев, используются лексические репрезентанты коммуникации кама с духами. Автор подробно описывает этапы камлания. Преобладают глаголы настоящего времени, характеризующие динамику поведения кама: *На пятомъ небѣ вступаетъ въ разговоръ съ сильнымъ духомъ Яучи, который творитъ младенцевъ, — и набравшись отъ него силы, начинаетъ пророчествовать: предсказанія, касательно житейскихъ потребностей, сыплются во множествѣ* [Вербицкий 1862, с. 14]; глаголы выражают и содержание информации, полученной в ходе коммуникативного обмена кама с духами: *<...> отъ [Ульгэня] онъ узнаетъ, пріятна ли жертва или нетъ, и почему, а также узнаетъ впередъ состояніе и измененіе погоды, каковъ будетъ сборъ ореховъ, урожай хлеба и ловъ звѣря, также не требуется ли еще отъ кого-либо жертвы* [Вербицкий 1862, с. 14–15]. Сценический характер всего происходящего и увиденного миссионером отражается в использовании такого значения «настоящего неактуального», как «настоящее изложения». Динамику поведения шамана удачно передаёт разговорное по окраске выражение автора записок, которое также обытовляет, десакрализует мистический ритуал: *Но каму не до разговоровъ съ ними: ему предстоитъ ѣзда еще на 9-ть круговъ небесныхъ* [Вербицкий 1862, с. 14].

Для фиксации процесса общения шамана с духами важны также отглагольные существительные *призывание* (встречается дважды), *предсказание* и *отзыв*: *Далѣе слѣдуетъ призываніе въ известныхъ стихахъ, при сильныхъ ударахъ въ бубень, множества духовъ, подчиненныхъ Ульгэню: Керь-гыдая, Хан-Каришта, Кыгыр-Хана, Мергень-Хана и проч. и Эрлика съ его темными силами. И вотъ будто бы полученъ отъ духовъ удовлетворительный отзывъ; На другой день начинается второе дѣйствіе, призываніемъ новыхъ духовъ и между прочими пената юрты Баштутхана, хозяина бубна Тюн-гурь-ээзи, хозяина огня От-ээзи* [Вербицкий 1862, с. 13]. Лексические репрезентанты *предсказания*, *призывание* и *пророчествовать* связаны с сакральной семантикой, значимой для воплощения в тексте атмосферы камлания. Колорит обряда передаётся также указанием на то, что у шорцев существуют специальные (*известные*) *стихи*, которые звучат в ритуале. Несмотря на преобладание лексических репрезентантов речевого поведения шамана, используются и знаки коммуникативного поведения духов (от них получен удовлетворительный отзыв, от Ульгения шаман узнаёт важную информацию).

Метаязыковые аспекты коммуникации представлены в одном высказывании, переданном в генеритивном регистре: *Вообще, если утомишься, то, несмотря на душевное усердіе, слово не слагается и языкъ плохо повинуется* [Вербицкий 1862, с. 17]. Высказывание содержит номинации ключевых понятий сферы коммуникации – *слово* и *язык*. Координируемые с именами существительными глаголы передают значение «настоящего абстрактного», благодаря чему звучат не локализованные во времени мысли о коммуникативной деятельности. Утверждение речевого субъекта отражает специфику его миссии – направить своё ораторское искусство на донесение слова божьего до людей другой веры. Два компонента отражают такие составляющие риторического канона, как изобретение (*слово не слагается*) и произнесение (*язык плохо повинуется*). Примечательно мудрое соотнесение двух ипостасей миссионерской деятельности – духовной и телесной (материальной): с одной стороны, основа жизни миссионера – сила духа, напряжённая внутренняя работа (*душевное усердие*), с другой стороны, физические силы миссионера ограничены, обычная человеческая ипостась естественна для него (обобщённо-личная форма *утомишься*, выражение *язык плохо повинуется*).

4.2. Тема «Судьба шорского народа» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI в.¹

4.2.1. Шорская тема в городской газете 1980-х гг.

Большая часть материалов 1980-х гг. написана не журналистами, а специалистами в определённой сфере (деятелями культуры и искусства, филологами, историками, геологами, спелеологами). Во второй половине 80-х гг. появляется большее количество публикаций специалистов по истории и культуре шорского народа (среди авторов – *А. Огурцов*², научный сотрудник краеведческого музея; интервьюируемый *А. И. Чудояков*, доцент кафедры литературы НГПИ, возглавивший научно-методический центр по проблемам изучения шорского языка и литературы), чаще звучат суждения самих журналистов (*Т. Михайловой*, *Т. Головковой*). Интересно, что в части публикаций имя автора-журналиста не обозначено – в роли коллективного автора выступает газета (например, «*Слово к читателям!*», 29.08.1989). Основные темы первой половины 80-х гг. – красивая природа, развивающаяся промышленность, интересная история. Новая интерпретация шорской темы впервые представлена в 1988 г. С этого времени главными становятся вопросы истории и культуры шорского народа в контексте размышлений о сохранении национальных традиций и природы Горной Шории. Рассмотрим семантико-стилистическое своеобразие газетных материалов, обращая особое внимание на номинационную цепочку публицистического текста (см. об этом: [Матвеева 1990, с. 85–88]), оценочную программу и её воплощение в системе регулятивных средств и структур, прежде всего в онимах и эмоционально-экспрессивных средствах.

В материалах первой половины 80-х гг. с шорской темой сопряжены только одобрительная оценка, будь то красота и величие природы (эстетическая оценка) или польза природных ресурсов (утилитарная и телеологическая оценка). В материалах конца 80-х гг. ярко выражена оценочная программа, прежде всего пейоративный полюс, связанный с такими темами, как разрушение культуры, уничтожение природы.

¹ В параграфе использованы материалы монографий [Пушкарева 2016, 2019] и статей [Пушкарева 2013, 2015, 2016, 2018(а), 2018(б), 2020(а), 2020(б)].

² Все упоминаемые в параграфе публикации представлены в списке источников.

Мелиоративная же оценка отражает тему спасения, возрождения, причём приобретает этический характер, хотя телеологическое и эстетическое начала сохраняются.

Рассмотрим особенности воплощения оценочной программы в текстах первой половины 80-х гг. Как уже отмечалось, в городской газете первой половины 80-х гг. гармонично сосуществуют эстетический и утилитарный взгляды на Горную Шорию. С одной стороны, неоднократно передаётся эстетическая оценка, например: *В этической широте пейзажа, его спокойствии и торжественности художник видит прочность и незыблемость родного края* (Л. Кайгородцева, 09.09.1982). С другой стороны, одобрительно оценивается и производственная деятельность человека по освоению природных богатств Шории. Например, в статье Л. Сухариной и др. (02.04.1983), насыщенной химической и производственной терминологией, рассказано о фосфоритах как богатстве Горной Шории, *сырье для удобрений, необходимых сибирским землям*.

В газетных материалах создаётся яркий образ шорской природы. Повторы слов *горы* и *тайга* отражают природную доминанту образа Горной Шории. Важная изотопическая цепочка представлена в очерке Л. Кайгородцевой (09.09.1982). Она вбирает не только слово *величие* (неоднократно повторённое), не только синонимы *тишина* – *безмолвие*, но и большое количество других абстрактных имён существительных (*суровость, спокойствие, торжественность, прочность, незыблемость*), а также эпитет *исполинская*. Например: *Тишина зимних долин стала сродни величию гор, и, кажется, ничто не сможет нарушить этого безмолвия*. Этот ряд слов «растягивает» по тексту возвышенную эмоционально-смысловую доминанту образа Горной Шории. С помощью контраста автором-искусствоведом подчёркнуто несоответствие «формального», поверхностного взгляда на шорский край и взгляда одухотворённого: *Для кого-то из нас этот край – несколько строк из энциклопедии со справками о занимаемой площади, особенностях флоры и фауны. Для М. Кадышева горнотаёжная местность стала мастерской* (Л. Кайгородцева, 09.09.1982).

В газете используются разнообразные экспрессивы, создающие эстетическую оценку. Эпитеты характеризуют общее впечатление от красоты природы (*Едем на двух автобусах по живописнейшим местам Горной Шории. <...> Красота неопишная!* – А. Ляпин,

25.07.1985; **исполинская** сила пространства подчеркнута Л. Кайгородцевой – 09.09.1982), отношение к природе (*Вот уже около двадцати лет бывает он один на один с природой, и та в благодарность за постоянство, трудолюбие и внимание к себе, за **трепетно-восторженное** отношение открывает художнику свои секреты.* – Л. Кайгородцева, 09.09.1982), оттенки восприятия отдельных картин природы (<...> *безмолвие камней с **редко добегающими кверху** деревьями <...>; **Густая тайга, теряющаяся в черноте глубоких впадин и долин, таинственна и неподвижна.*** – Там же). При воссоздании отдельных картин природы эпитеты включены в контексты, насыщенные и другими изобразительно-выразительными средствами, – используются сравнение, метафора, олицетворение: <...> *будто тайга в щедрости на «ладони» поляны преподнесла художнику и всем нам один из своих сюрпризов* (Там же). Момент эмоционального напряжения эстетической оценки передаётся с помощью обобщённо-личной конструкции, выражающей преклонение человека перед чудом природной красоты, и номинативного восклицательного предложения: *И тут начинаешь понимать, почему этот край сравнивают со Швейцарией. Красота неопиcуемая!* (А. Ляпин, 25.07.1985).

Неоднократно мы встречаем зарисовки, выдержанные в художественно-публицистической стилистике. Яркий пейзажный образ столицы Горной Шории создан в очерке о творческой командировке народного коллектива Дворца культуры ЗСМК – ансамбля песни и танца «Сибирские зори»: *Таштагол встретил хмуρο. Тучи, нависая, буквально цеплялись за верхушки гор и, перекаtywаясь по их ложбинам, готовы были выплеснуть на наши головы потоки воды* (А. Ляпин, 25.07.1985). В информационной корреспонденции об экспедиции спелеологов в Горную Шорию, предпринятой для исследования *крупнейших в области пещер*, такая зарисовка помогает передать тему противостояния подготовленного к трудностям человека и природы, сопротивляющейся его вторжению: *Из Кызасской вытекала настоящая река. Вода здесь поднялась до самого свода, отрезав тем самым путь к ранее заброшенному сюда снаряжению* (В. Мошкин, 13.11.1982).

Экспрессивы, связанные с утилитарной и телеологической оценкой природных богатств Шории, менее разнообразны. Они представлены в заголовках, отражающих поэтизацию смелости и труда человека, который вторгается в природную кладовую, например, метафора *Штурм земных глубин* (В. Мошкин, 13.11.1982), метонимия *Хлебный*

камень Горной Шории (А. Сухарина и др., 02.04.1983). Поэтизация труда человека, осваивающего природные ресурсы, проявляется в эмоционально-экспрессивных контекстах (изучение фосфоритов представлено А. Сухариной и её соавторами как *одна из интереснейших страниц в истории объединения «Запсибгеология»*), в выборе экспрессивных номинаций и сопровождающих их характеристик (*В числе энтузиастов назовём такие колоритные фигуры, как первооткрыватель шорских фосфоритов Гурген Иванович Спандераишвили; Михаил Петрович Тараймович, вдохновитель работ по успешно теперь идущей переоценке Горношорского фосфоритоносного бассейна <...>*).

Обратим внимание на изменение эмоционально-экспрессивных средств воплощения оценочной программы в публикациях второй половины и особенно конца 80-х гг. В газетных материалах активно используются регулятивные структуры, основанные на повторе и контрасте. Чистое воспевание красоты шорской природы встречается уже в единичных случаях. Так, безмятежный шорский пейзаж воссоздаётся в заметке об отдыхе в пионерском лагере «Юбилейный»: *Яркое солнце и чистый воздух Горной Шории – лучшее лекарство от многих болезней <...>* (18.08.1987). В целом же в материалах конца 80-х гг. создана удручающая картина. Лексические повторы и изотопические цепочки эксплицируют тему гибели природы: *...В Таштаголе спустить лодки на воду не удалось. Берега реки в городе перерыты и засорены, а сама река основательно загажена. Нужно сказать, что также прочно засорено устье реки Мундыбашиа, погребённое под отходами обогатительной фабрики. <...> Продолжается варварское истребление леса. <...> Лес продолжают валить, реки Кузбасса мелеют. Однако гораздо страшнее другая перспектива. Если здесь найдут уголь, нефть или что-то ещё – это смерть кондомской тайги* (А. Огурцов, 30.09.1988). И боль от гибели ещё сильнее, поскольку авторы осознают красоту того, что приносится в жертву: *От Спасска до посёлка Кондома река ещё в самой малой степени сохраняет остатки своей бывлой грозной силы. Сотни тысяч лет назад Кондома, пробив твёрдые породы, вырвалась на простор. С тех пор довольно успешно грызёт скалы. Ближе к Мундыбашиу она течёт по равнине и, кажется, окончательно замирает. Лишь в верховьях клыки порогов напоминают о*

том, что это – бывшая горная река (Там же). В приведённом фрагменте экспрессия описания усилена благодаря аллитерации [p]: *грозной, пробив, грызёт*.

Как тема красоты шорской природы, так и тема её разрушения и гибели становятся лейтмотивами газетных материалов в 1990-е гг. и в начале XXI в. Так, в рекламном очерке И. Ким с характерным названием «*Таёжная сказка*» (28.04.2001) изобразительно-выразительную роль играют эпитеты, восклицательные предложения, полисиндетон, а также фитонимы и другие номинации природных объектов: *Панорама сверху потрясающая! На востоке синее Абаканский хребет, на юге белеет Бийская грива, на севере самоцветно сияют отроги Кузнецкого Алатау*.

Теперь ваш путь лежит к священной «Ледяной горе» шорцев. Муштагу возносили молитвы, об этой горе слагали песни и легенды. Муштагский массив – самый крупный гранитный массив Горной Шории. Здесь отважные пешеходы откроют и белые поляны снежников, и причудливые скалы-останцы, и «первые шаги» новорождённой реки Мундыбаш, и солнечные кедры, и нежные горные фиалки. Весь удивительный мир Горной Шории – тайга, альпийские луга и даже горная тундра с каменными реками-курумами! – окажется перед вами, как на ладони.

Как видим, для создания местного колорита и конкретизации впечатлений от красоты первозданной природы Шории журналисты включают лексику с ограниченной сферой распространения. В роли приложения к имени существительному *реки* выступает слово *курумы* в значении «скопления глыб, возникающие обычно в горах в результате интенсивного физического выветривания. Залегают в виде плаща (“каменные моря”) или движущихся вниз по склону полос (“каменные реки»)» [Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия].

Как и в газете 1980-х гг., в более поздних материалах тема красоты природы органично пишется в материалы о творчестве, причём количество таких текстов постепенно увеличивается, вплоть до первых десятилетий XXI в. Например: *Синий цвет... Так говорят про море, небо и глаза. В Таштаголе синяя тайга. Если вы не можете съездить в тайгу, пойдите в культурный центр «Собор», там сейчас выставка художников Таштагола. Горные реки, перекаты, снежные вершины, заброшенные пасеки и ели, пихты – вся эта красота, среди которой (возможно ли это?) живут художники <...>. Живя в такой*

красоте, можно только восторгаться миром, воспринимать его во всей прелести и чистоте. Так и воспринимают окружающую их реальность (и реальность ли эта головокружительная синева?) живописцы Горной Шории (Т. Тюрина, 02.04.1998); Экспозиция «Благодать Шории» разнообразна по тематике и стилю, включает в себя пейзажи тех мест, откуда художница родом, – небольшого горного села Анзасс под Таштаголом («Вечерний зал», «Зимний зал»). Сочные краски, насыщенный колорит – в натюрмортах – букетах таёжных цветов, нежных первоцветов, кандыков, кипенно-белой черёмухи, алых лесных пионов – марьиного корня... Всё многоцветье черневой тайги умеет увидеть и донести до зрителя художница (отзыв о выставке работ Л. Арбачаковой, Т. Михайлова, 08.03.2001). В последнем примере употреблено слово с ограниченной сферой распространения черневая: «Черневáя тайгá (чернь) – разновидность темнохвойной тайги, густые пихтово-еловые леса с примесью осины и березы в Сибири. Черневая тайга распространена в среднегорном поясе Алтая, Горной Шории, на западных предгорьях Кузнецкого Алатау до высоты 900 м над уровнем моря, на Салаирском кряже (Горный Алтай, Кемеровская и южная часть Новосибирской области)» [Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия].

Образ прекрасной природы в газете 1990-х гг. нередко служит контрастным фоном для отражения бедственного положения шорского народа: *Посёлок, выражаясь литературным языком, раскинулся на берегах двух рек – Мрассу и Кабырзы. Вокруг горы. Прямо напротив гостиницы – пейзаж, достойный кисти художника: скалистый утёс, а у его подножия река. <...> Смертность, как и везде, превышает рождаемость. Умирают не только старики. Молодые тоже. От болезней. От безысходности. Работать практически негде. <...> Мизерные зарплаты, нищенские пенсии* (И. Лавренова, 27.07.1996). В очерке И. Лавреновой особую экспрессию печального изложения создаёт парцелляция.

В 1990-е гг. в газете появляется тема человека, живущего в гармонии с природой, жизнью непритязательной, естественной. Например, это образы жителей селений Горной Шории, созданные журналистами И. Лавреновой, Ю. Тереховым: *Затерянная в дебрях тайги деревушка на этот раз встретила меня звонким ржанием жеребца. Как*

*и в прошлый раз, в посёлке не видно ни одного человека. И даже ребятишки куда-то разбежались. <...> У печи на берёзовых поленьях мирно спит кот. Рядом на скамеечке пригорюнился Пётр Прокопьевич (Ю. Терехов, 18.07.1998); ... Затерянное в глухомани тайги Горной Шории небольшое селение. Домики разбросаны по склонам холмов, в загонах неторопливо жуют сено коровы. С горки катаются на санках ребятишки. <...> Перед обратной дорогой Пётр Прокопьевич напоил меня чаем с домашним хлебом и предложил отведать солёной колбы. «На закуску сгодится», – заметил я. Улыбнувшись уголками губ, хозяин посоветовал: «Приезжайте сюда весной или осенью – природа здесь в эти времена особенно красива» (Ю. Терехов, 14.03.1998). Такая жизнь представлена в газете и как сознательный выбор, как тема ухода человека от цивилизации в лоно природы. Например, В. Коровина в своём очерке знакомит нас с В. М. Кочергиным, которого называют «белым шаманом»: *А у него есть другая [наряду с «городской»], длиной в полгода жизнь на природе в Горной Шории. Вот уже несколько лет уезжает он в знакомые ему места, богатые самыми разнообразными целебными травами. <...> В понимании Виктора Максимовича цивилизацию определяет не уровень технического прогресса, как сегодня понимают многие, а уровень интеллекта человека и его связь, слияние с природой (18.10.1994).* Такое мироощущение оценивается журналистом как созидательное и протипопоставляется варварскому, разрушительному подходу: *И каждую весну он начинает с одного и того же – ремонтирует избу, разорённую дикими, как он их называет, браконьерами, которым почему-то нравится разрушать. Опасные для природы люди... Антитеза ремонтирует – разорённую, разрушать позволяет автору расставить смысловые акценты.**

Тема разрушения природы экспрессивно представлена в материалах 1990-х гг. Так, в ответе главы администрации посёлка В. Топокова на вопрос о возможной добыче золота создана несущая концептуальную нагрузку антитеза *мутная жижа, ручей мутный – чистая вода: Сами не вытянем. И чужим я отказал. Приезжали тут одни с Алтая. Обещали воду, в процессе мытья золота превращающуюся в мутную жижу, очищать и отстаивать, но ведь обещания сейчас никто не выполняет. В районе Александровки уже добывают золото: ручей мутный, и Кондома тоже. А таймени и хариусы любят чистую воду (И. Лавренова, 27.07.1996).* Изотопическая цепочка гипонимов *суррогат западной культуры – деятельность промышленных предприятий*

– ракетные полигоны конкретизирует гипероним *опасностей*, которые угрожают традиционной культуре саяно-алтайских народов и Матери-природе, в аналитической корреспонденции В. Валиулина (11.12.1999). Особое место журналист уделяет *экологической опасности*, значимость которой охарактеризована с помощью акцентуатора, выраженного формой превосходной степени: *И последняя, экологическая, опасность для саяно-алтайских народов сейчас острее всех прочих. Ведь если природе этих уникальных мест будет нанесён невосполнимый ущерб, в чём будут черпать силы и вдохновение народы, их населяющие?* Изотопическая цепочка «сохранение культурного наследия – защита природы» указывает на единство двух основных направлений созидательной деятельности: «*Великие тюркские предки оставили нас – хакасов, тувинцев, алтайцев и шорцев – как стражников, чтобы мы берегли Мать-природу*». Эти слова Игоря Ирбита [тувинского писателя] могут стать определяющими и для кузнецких защитников природы. Деятельность наших промышленных предприятий давно уже распространила своё вредное воздействие на окружающие регионы: чахнет тайга, несёт ядовитые выбросы Томь. Жители Саяно-Алтайского нагорья (Горная Шория и Кузнецкий Алатау являются частью его) постарались широко взглянуть на проблему сохранения культурного наследия и защиту природы (В. Валиулин, 11.12.1999).

На рубеже XX и XXI вв. авторы газетных публикаций подчёркивают, что гибель природы чревата расплатой: *И перед нами воскресший Тайга-эзи – Дух тайги. И оживут тогда лоси, олени, быки, оживут каменные изваяния, и придёт тебе, человек цивилизованный, платить за уничтоженные леса, горы, за выкачанную земную кровь* (Е. Тулик, 08.05.2001).

Главный акцент оценочной программы конца 80-х гг. – гибель культуры и необходимость её спасения. Работы журналистов имеют проблемный характер изложения, что отражает большое количество вопросительных предложений: *Как чувствуют себя эти люди в окружении русскоязычного населения, сохраняют ли культурные традиции своего народа, имеют ли возможность изучать свой родной язык? <...> В какой форме он [«национальный вопрос» в нашем городе] существует? В чём ущемлены права представителей различных национальностей? <...> Что нужно сделать, чтобы дети могли изучать не только русский, но и свой, родной язык, чтобы взрослые общались*

между собой, чтобы не забыли своих истоков? (29.08.1989). Важная регулятивная роль в выражении этих ключевых тем принадлежит цифрам, включённым в тексты (обозначение дат, статистические данные). Так, А. И. Чудояков выделяет три значимых периода в истории шорской культуры, которые предшествуют современному: XIX век (до революции), 1926–1939 – период существования Горно-Шорского национального района, *тёмная полоса* в послевоенное время: *Элементы распада национального сознания, тотальная индустриализация пришли в наш край в послевоенное время* (08.11.1989). Далёкое прошлое шорского народа противопоставляется его настоящему: *Вспомним, что название реке Аба дал сильный когда-то шорский род, что прежде, чем сюда пришли русские землепроходцы, здесь было коренное население* (29.09.1989). Эпитет и концептуально нагруженное имя существительное подчёркивают былое величие и глубокие корни шорского народа. Иной оценочный контекст мы находим в размышлениях А. И. Чудоякова: *16 тысяч человек – такова, если верить энциклопедии, численность шорцев. Но на самом деле их меньше, гораздо меньше. Потеря связи с родной землёй подчёркнута сравнением: Часть шорцев, как цыгане, кочует по свету* (08.11.1989). В 1990-е гг. мы находим яркий фразеологизм, передающий трагедию шорского народа: *Народ тает как снег* (заголовок заметки о V съезде шорского народа; 03.04.1997).

Ключевую роль в спасении культуры играет язык. Это отражается в употреблении соответствующих лексем («*Звучит шорская речь*» (Т. Михайлова, 12.09.1989); *Изучение языка, фольклора велось отдельными энтузиастами* (А. И. Чудояков, 08.11.1989); используются названия фольклорных жанров: *легенды, предания, песни, сказания*), во включении шорских слов и выражений: *В языке сохранились слова, обозначающие понятия письменной культуры: пас – писать, кыр – читать, как кыр – читай бумагу <...>* (Там же). Эта тенденция сохраняется в материалах 1990-х гг. и начала XXI в.

Тёмным временам, согласно газетным материалам, противопоставлена светлая перспектива. Концептуальную нагрузку приобретают слова, несущие соответствующую семантику (*спасение, возрождение* и др.). Важна роль инфинитивов совершенного вида, которые помогают чётко обозначить цель деятельности: *Язык, обычаи, многовековую устную литературу шорцев надо сохранить. Как это сделать?*

<...> Кому же, как не Новокузнецкому пединституту, который готовит учителей для Кузбасса, в том числе для Горной Шории, заняться этим? (Чудояков, 08.11.1989).

Рассмотрим особенности употребления такого важного регулятивного средства периодической печати, как онимы. В публикациях 80-х гг. базовой номинацией является хороним *Горная Шория* (о видах номинаций см.: [Матвеева 1990, с. 22–23]). Чаще других его замещает таксономическая номинация *край*, указывающая на значительность размера и существование отличительных особенностей. В первой половине 80-х гг. также отмечена референтно тождественная номинация *горнотаёжная местность*, передающая природный колорит края.

В материалах первой половины 80-х гг. пространственные, исторические и даже эстетические характеристики Горной Шории отражаются хоронимами. Например, в статье Э. Ф. Чиспиякова (28.02.1985) образ Горной Шории представлен с помощью названий регионов, причём наряду с *Южной Сибирью*, *Западной Сибирью* упоминаются *Южный Урал*, *Северный Казахстан*, что соответствует мысли о расселении народов. Особое место занимает хороним *Швейцария*, который используется для образной характеристики красоты шорского края: *И тут начинаешь понимать, почему этот край сравнивают со Швейцарией. Красота неопишуемая!* (А. Ляпин, 25.07.1985).

С хоронимами в материалах 80-х гг. и более поздних публикациях соседствуют онимы, значимые для истории и археологии: предки шорцев пришли *предположительно из степного Алтая, с территории Кимакского союза тюркских племён, памятники которых археологами называются Сроткинской культурой* (Э. Чиспияков, 28.02.1985); *Когда-то шорский народ славился кузнечным делом, и сами воины Золотой Орды предпочитали доспехи, созданные шорцами* (И. Колпакова, 17.11.2001).

Географическое пространство Горной Шории конкретизируется с помощью различных гидронимов (реки *Кызас*, *Чеболсу*), спелеонимов (крупнейшие в области пещеры *Юбилейная*, *Кызасская*). Отметим, что употребление гидронимов также характерно и для материалов второй половины 80-х гг. Включённые в тексты онимы не только передают музыку шорской речи, но и становятся объектом изучения лингвистов, и в этом случае включение гидронимов в текст позволяет судить об истории шорского народа. Так, Э. Ф. Чиспияков (28.02.1985)

отмечает, что в ономастике Горной Шории сохранились названия из языка *угров*; в подтверждение приводятся гидронимы *Шора*, *Шалым* (приток *Кондомы*).

Присутствие человека на шорской земле, результаты его хозяйственной деятельности отражают ойконимы (столица *Таштагол*, посёлок *Шерегеш*). Интересно, что они позволяют судить о значительных размерах края. Так, упоминается поездка *в отдалённый район – посёлок Кабырза* (Ляпин, 25.07.1985). Не только ойконимы свидетельствуют о присутствии человека в природном мире Горной Шории, но и названия промышленных объектов: объединение «*Запсибгеология*», месторождения *Белкинское*, *Мрасское*, *Кайгызинское*, *Верхузасское*.

Отметим изменения в употреблении онимов в материалах второй половины 80-х гг. Хоронимы, употреблённые в публикациях конца 80-х гг., по-прежнему отражают тему истории и культуры шорцев (*Ещё в VII веке на территории Южной Сибири, в том числе в Горной Шории, существовала письменность*. – А. И. Чудояков, 08.11.1989), но связаны и с новыми смысловыми акцентами. Так, *Кузнецкая земля* характеризуется как родина коренной народности – шорцев (Т. Михайлова, 12.09.1989). Хороним *Кузбасс* используется в контексте, где звучит мысль об экологических проблемах региона: *Лес продолжают валить, реки Кузбасса мелеют* (А. Огурцов, 30.09.1988). С другой стороны, этот же хороним называет поле деятельности будущих учителей шорского языка и литературы (А. И. Чудояков, 8.11.1989). Хороним-перифраз *Сибирская Швейцария* в материалах конца 80-х гг. и в 90-е гг. помогает контрастно оттенить проблемы современной Горной Шории: *Село это сейчас уже не существует, семьи переселены, род Амзоровых и по сей день живёт под Мысками, а реки горного края «Сибирской Швейцарии» тогда были ещё не замутнены, вода в них была кристально чистой. В деревне шорцы зимой охотничали, уходили на неделю, две, три и более в тайгу и возвращались с богатой добычей, летом – шишковали. Тайга кормила их, одевала и обувала* (Т. Михайлова, 02.02.1991).

Новое звучание приобретают контексты с ойконимами. В них неоднократно рассматривается проблема исчезновения шорских селений: *Перед войной между Таштаголом и Мундыбашем насчитывалось 77 поселений. Сразу после войны население стало таять, а деревни исчезать. Сейчас существуют посёлки Спасск, Турла, Усть-Калташ, Кондома* (А. Огурцов, 30.09.1988). Появляются эргонимы,

называющие не промышленные предприятия, а общественные организации, учебные заведения, которые были или становятся центрами сохранения шорской культуры: *В прошлом веке Алтае-Саянская духовная миссия сделала попытку возродить письменный язык шорцев, был издан букварь, учебные и художественные книги на шорском языке, существовали национальные школы* (А. И. Чудояков, 08.11.1989). В конце 80-х и в 90-е гг. употребление гидронимов связано с эмоционально-экспрессивными контекстами, включёнными в очерки о выдающихся сыновьях и дочерях шорского народа и раскрывающими тему родной земли.

Особый интерес в описании смыслового пространства текстов представляют антропонимы. В первой половине 80-х гг. преобладают имена учёных – геологов и исследователей шорской культуры. В первом случае отражена тема промышленного освоения Шории: *первооткрыватель шорских фосфоритов Гурген Иванович Спандерашвили; Михаил Петрович Тараймович, вдохновитель работ по успешно теперь идущей переоценке Горношорского фосфоритоносного бассейна* (Сухарина и др., 02.04.1983). Во втором случае представлена культурологическая доминанта. Так, Э. Ф. Чиспияков (28.02.1985), говоря об истории этнонима «шорцы» и истории шорского народа, называет *«отца русской тюркологии» В. Радлова, учёного Л. Р. Кызласова*. Некоторые антропонимы отличаются по своей смысловой нагрузке. Чтобы рассказать об истории шорцев, Э. Ф. Чиспияков включает в изложение имя *Чингисхан*, указывающее читателю на известный период истории: *<...> предки шорцев <...> пришли в Горную Шорию задолго до Чингисхана, в X–XI веках*. Л. Кайгородцева (09.09.1982) посвящает очерк творчеству новокузнецкого художника *М. Н. Кадышева*, для которого Шория стала *мастерской*. Антропонимы второй половины 1980-х гг. называют многих исследователей шорской истории и культуры: *ленинградские учёные Н. П. Дыренкова, Л. П. Потапов; в Омске – Г. М. Патрушева, в Кемерове – антрополог Л.А. Битадзе, в Прокопьевском районе – В. М. Шабалин* (А. И. Чудояков, 08.11.1989). А. И. Чудояковым дана развёрнутая оценочная характеристика деятельности ушедшего из жизни заведующего кафедрой иностранных языков НГПИ Э. Ф. Чиспиякова – одного из авторов публикаций первой половины 80-х гг. Особая роль в текстах конца 80-х гг. принадле-

жит библионимам, которые отражают тему спасения культуры шорского народа. Так, названы книга этнографа В. М. Камиева «Шорцы: кто они?», книга шорских легенд и преданий «Девять бубнов шамана» (составитель А. И. Чудояков). Онимы, употреблённые в материалах конца 80-х гг., наряду с другими стилистическими средствами включены в ассоциативно-стилистический комплекс «Возрождение шорского народа», которому мы посвятим следующий подраздел.

4.2.2. Ассоциативно-стилистический комплекс «Возрождение шорского народа»

Шорская тема обретает новое звучание в городской газете с 1988 г. (в различных подходах историков это соответствует концу первого этапа преобразований – 1985–1988 гг. [Новейшая история России 2010, с. 396–397] или второго этапа перестройки – 1987–1988 гг. [Согрин 1992, с. 133]). Журналисты отмечают изменение национальной политики в стране и порождённое им духовное пробуждение: *<...> в современных условиях, когда суверенность нации, народности в нашей стране наполняется новым содержанием <...>* (Т. Михайлова, 12.09.1989; именно Тамара Михайлова является автором большей части публикаций о судьбе шорского народа); *Мы все были одинаковы, однолики, мы и семья своей кровной не знали, и генеалогического древа не помнили. <...> Хорошо, что мы просыпаемся, что подвергаем анализу и критике себя. Это живая жизнь. Я думаю, что живительный процесс затронет и пласт нетронутой истории шорского народа, и появятся среди местных учёных ещё и этнографы, и историки, и социологи, которые изучат и сохраняют для будущих поколений феномен шорского народа* (Т. Михайлова, 02.02.1990). Газета делает акцент на нравственной основе происходящего: *И только-только почувствовали вдруг, что ничего хорошего в таком беспамятстве нет, что порождает такое беспамятство недобрых, агрессивных людей, с ограниченным кругозором и глухим ко всему, кроме своего, личного и корыстного интереса, внутренним миром* (Там же). Гуманистический дух перемен, акцент на духовном преображении, возвращении к должному состоянию отразило в эпоху перестройки такое «ключевое слово текущего момента», как *возрождение*, играющее важную роль и в семантико-стилистическом воплощении шорской темы. В региональном медиадискурсе актуализируется идеологема с положительным аксиоло-

гическим модусом *возрождение шорского народа*, являющаяся региональным вариантом идеологемы *возрождение*, актуализированной в период перестройки.

Согласно толковому словарю, *возрождение* – «появление вновь, возобновление, подъём после периода упадка, разрушения» [Ожегов 1975, с. 86]. М. К. Шемякина рассматривает концепт «Возрождение» как «действенный и всеобъемлющий», необходимый «для подлинного понимания русской традиционной культуры» [Шемякина, 2013]. Культурная память старославянизма *возрождение* связана с христианской традицией. Так, российский историк и богослов П. П. Васильев в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» даёт толкование богословского понятия *возрождение*: «<...> (ἀναγέννησις, παλιγγενεσία, regeneratio, Wiedergeburt) – широкое по смыслу и значению богословское понятие. Догматика обозначает словом возрождение, в тесном смысле, плоды и благодатные действия в человеке крещения. В крещении подается человеку не только освобождение от грехов, в смысле прощения и невменения их, но и действительное внутреннее очищение и сообщение новой жизни действием даров св. Духа» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона]. Специфика Ренессанса как особой эпохи в истории культуры определяется гуманистическими идеями и преодолением средневекового догматизма. Л. Е. Пинский даёт следующую характеристику ренессансного гуманизма: «Освобождение культуры от церковной опеки, защита свободы мысли, расшатывание сословных рамок и раскрепощение человеческой личности (человек сам творит свою судьбу, он способен к беспредельному совершенствованию своей природы) – таковы основные принципы гуманизма Возрождения с его идеалом свободного и гармонично развитого человека» [ЛЭС, с. 67]. В контексте шорской темы важна культурная память слова *возрождение*, его семантика возвращения от упадка и разрушения к исконному состоянию жизни, поиск которого имеет нравственную основу и связан с духовным преображением и спасением.

О ключевой роли слова *возрождение* в эпоху перестройки свидетельствует то, что оно вошло в «Словарь перестройки» в значении «восстановление разрушенного, пришедшего в упадок, забытого» [Максимов 1992, с. 36]. Родственные имени существительному глаголы также представлены в «Словаре перестройки»: *возрождать* –

возродить в значении «восстанавливать – восстановить что-либо разрушенное, утраченное, забытое» и *возрождаться* – *возродиться* в значении «восстанавливаться – восстановиться после разрушения, упадка, забвения, замалчивания» [Там же, с. 35]. Все приведённые слова сопровождаются пометой «актуализированное», которая характеризует слова и выражения, «находившиеся до перестройки на периферии языка, а теперь ставшие частотными» [Там же, с. 5].

Ключевая роль слова *возрождение* (а также глаголов *возрождать* – *возродить*, *возрождаться* – *возродиться*) в воплощении шорской темы была выявлена с учётом традиционно выделяемых признаков ключевых слов [Мурзин, Штерн 1991, с. 73–74; Лукин 1999, с. 83–88; Николина 2003, с. 185–187; Болотнова 2008, с. 54–55]. Во-первых, слово *возрождение* несёт особую смысловую нагрузку, служит опорой не только при интерпретации текста, но и, что характерно для медиадискурса, для выражения ключевых смыслов, имеющих межтекстовый статус, что характерно для «ключевых слов текущего момента» [Шмелёва 1993, 2009]. Во-вторых, признаком ключевых слов медиадискурса является внутритекстовая и межтекстовая повторяемость. Для медиадискурса особенно важна межтекстовая повторяемость ключевых слов. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка) позволяет говорить о резком возрастании частотности слова *возрождение* в публицистике 1990–2000-х гг. (показатель частотности – 43,3) в сравнении с периодом 1970–1980-х гг. (19,1) [Ляшевская, Шаров 2009]. Согласно нашим наблюдениям, ключевые слова *возрождение*, *возрождать*, *возродить* встречаются в 22 % рассмотренных текстов периода 1989–1999 гг. В-третьих, рассматриваемые ключевые слова используются в сильных позициях газетного текста (в заголовке, лиде, начале, концовке). В-четвёртых, ключевые слова актуализированы с помощью комплекса стилистических приёмов, включены в смысловые лексические парадигмы.

Журналисты городской газеты поддерживают идею сохранения исторических и культурных традиций региона, например: *Нужно только, наверно, нам помнить и знать прошлое, изучать его, не обобщённо-усреднённую историю страны, а историю своих краёв и областей <...>. Почему, действительно, мы, сегодня живущие в Новокузнецке – а именно на месте его когда-то стоял главный город Горной Шории Аба-Тура, центр и пересечение торговых путей, – ничего или*

почти ничего, кроме историко-этнографических данных времён чуть ли не каменного века, о шорцах-кузнецах, об одежде и украшениях из серебра и меди, не знаем об исконных обитателях земли здешней? (Т. Михайлова, 02.02.1990). Неравнодушная позиция журналиста как представителя горожан подчёркнута использованием персонального мы-изложения, риторического вопроса, инверсии, амплификации. Концептуальную нагрузку имеет смысловая лексическая парадигма ойконимов *Новокузнецк – Аба-Тура*, смысловые отношения в которой могут быть рассмотрены на двух уровнях: на уровне реального это противопоставление современности и забытого прошлого, на уровне должного это глубокая внутренняя связь настоящего с исконным, коренным. Ойконим *Аба-Тура* значим и в интервью, посвящённом шорскому альманаху «Элим». Древний шорский оним обозначает место издания и отражает концепцию альманаха, стремящегося к возрождению шорского народа: *Аба-Тура – так называется, согласно легенде, шорский городок на левом берегу Томи, возле Абы (Маяковое городище). Там жил глава шорцев Аба-отец* (Т. Михайлова, 29.04.1993). Именно на Новокузнецк возлагаются надежды представителей шорской общественности (например, Г. Н. Куюкова, Н. Я. Чудоякова, М. А. Тодышева), поскольку здесь *живут около полутора тысяч шорцев – наиболее грамотная и прогрессивно настроенная часть нашего народа* (19.01.1990). Эксплицирован в материалах о судьбе шорского народа и образ газеты, которая должна справедливо судить о состоянии проблемы: *Впору здесь, на газетной полосе, удивиться и высоким стилем сказать о проснувшемся самосознании народа. Но сказать так – значило бы невольно покривить душой. <...> поставлен он [народ] был в такие условия, что, как говорится, куда ни кинь – всюду клин* (Т. Михайлова, 02.02.1990). Как видим, антитеза противопоставляет идеальное состояние реальному, пейоративная оценка которого ярко передана с помощью экспрессивного выражения с разговорной окраской.

Предпринятый анализ показал, что актуализация ключевого слова *возрождение* началась в конце второго этапа перестройки (согласно периодизации В. В. Согрина: [Согрин 1992, с. 133]), продолжилась в 1990-е гг. XX в. и пошла на спад в первом десятилетии XXI в. Для выявления специфики АСК «Возрождение шорского народа» рассмотрим особенности текстовой синтагматики и парадигматики ключевых слов,

специфику их актуализации с помощью различных стилистических приёмов, регулятивную роль онимов.

Использованное для определения ключевого слова *возрождение* имя прилагательное *национальное* (Т. Михайлова, 02.02.1991; Т. Михайлова, 21.02.1990) позволяет судить о глобальном смысле, который вкладывают авторы публикаций в слово *возрождение*. Однако глобальная цель представлена не абстрактно, а в соотношении с конкретными шагами, необходимыми для её достижения. Так, синтагма *национальное возрождение* используется в очерке о М. П. Амзорове и входит в контекст с возвышенной окраской: *Михаил Прокопьевич Амзоров вложил посильную лепту в дело национального возрождения: недавно он закончил русско-шорский разговорник и грамматику частей речи шорского языка* (02.02.1991); лепта – (высок.) «посильное подаяние, скромный вклад» [Ожегов 1975, с. 295]. Использование поясняемой и поясняющей частей бессоюзного сложного предложения позволяет конкретизировать гипероним и подчёркивает мысль о сохранении языка как необходимом условии сохранения народа. В другом контексте – общественно-политической направленности – речь идёт об *органах национального возрождения*, который необходим в Новокузнецке (21.02.1990).

В целом текстовая синтагматика рассматриваемых ключевых слов свидетельствует об особой смысловой нагрузке имени существительного, управляемого ключевым словом: *возрождение (чего?)*, *возрождать / возродить (что?)* (на это указывает и «Словарь перестройки» [Максимов 1992, с. 36]). Рассмотрим данные имена существительные, учитывая текстовую парадигматику и использование различных стилистических средств.

Главный объект возрождения, согласно речевой системе текстов 1990-х гг. XX в., – *культура*. В единичных случаях в текстах начала 1990-х гг. в качестве объекта возрождения выступает *автономия*. Однако и при таком административно-территориальном акценте главным остаётся возрождение культуры, о чём свидетельствует, например, изотопическая цепочка *возрождение автономии – возрождение культуры*, актуализированная с помощью экспликации логических связей и благодаря синтаксическому параллелизму: *Возрождение автономии нашего народа будет способствовать возрождению культуры, изучению родного языка, научным изысканиям* (Т. Михайлова, 19.01.1990).

Характерно, что имя существительное *автономия* появляется в интервью с представителями общественных организаций, в их статьях (например, интервью с инициативной группой общества шорцев – Г. Н. Куюковым, Н. Я. Чудояковым, М. А. Тодышевым, 19.01.1990; статья В. Шарчакова, кандидата в народные депутаты облсовета, члена совета общества «Шория», 21.02.1990). Включён в контексты с общественно-политической направленностью и такой репрезентант объекта возрождения, как *малочисленные народы*. Он встречается, например, в интервью с президентом Ассоциации народов Южной Сибири Г. Н. Куюковым (13.04.1991), где гипероним *малочисленные народы* вводит гипоним-этноним *шорцы* в контекст размышлений о специфике национальной политики новой России: <...> за последние годы <...> начался активный процесс возрождения малочисленных народов <...>.

Остановимся подробнее на семантико-стилистическом описании основного репрезентанта объекта возрождения – имени существительного *культура*, которое определяется с помощью словоформ *народа* (08.11.1989, 19.01.1990, 21.02.1990), *шорцев* (27.03.1990, 02.02.1991) и с помощью имён прилагательных *национальная* (29.03.1992), *само-бытная* (27.03.1990), *шорская* (17.11.2001). Возрождение культуры охарактеризовано как цель, представленная с помощью акцентуатора *далеко идущая* в последнем абзаце аналитического интервью с доцентом кафедры литературы НГПИ А. И. Чудояковым, возглавившим научно-методический центр по проблемам изучения шорского языка и литературы: *Кроме практических целей – подготовки учителей для шорских школ, а также изучения шорского языка и литературы, мы имеем и далеко идущую цель: **возродить** культуру народа, открыть перед ним перспективу* (Т. Головова, 08.11.1989). В контексте создаётся изотопическая цепочка *возродить культуру народа – открыть перед ним перспективу*, смысловая нагрузка которой подчёркнута цитатным заголовком «*Возродить культуру народа*» и расположением в сильной позиции конца текста слова *перспектива*. Мысль А. И. Чудоякова оформлена с помощью градации – от *практических целей* к *далеко идущей цели*.

В небольшом очерке о шорском поэте Н. Бельчегешева, предвещающем подборку его стихов, служение идее возрождения национальной культуры представлено с помощью акцентуатора *одержим: Писал*

о родной земле, о красоте тайги, о своём народе. А теперь Николай одержим идеей возрождения и развития национальной культуры (Т. Михайлова, 26.03.1992). Отметим градуальную изотопическую цепочку *возрождение – развитие (национальной культуры)*, связанную с верой в будущее Родины.

Синонимическая изотопическая цепочка *Тазыхан – возрождение* (шорские слова приводятся в соответствии с газетным текстом, их сверка с шорской орфографией не проводилась) создаёт характерную для текстов о шорской культуре конца XX – начала XXI вв. параллель шорского языкового средства и его русского эквивалента: *«Тазыхан» с шорского переводится как «возрождение». По древнему преданию, Тазыхан – мать Ульгена, правителя добрых духов. Покровительница центру выбрана не случайно. Руководительница этнографического объединения Татьяна Тудегешева надеется, что «Тазыхан» возродит шорскую культуру, а в работе помогут добрые духи* (лид; И. Колпакова, 17.11.2001). Шорское слово в публицистическом тексте выполняет концептуальную функцию – выражает ключевую мысль о сохранении национальной культуры, которое немислимо без сохранения языка. В приведённом контексте читатель приобщается к культурной памяти слов: при этимологизации названия этнографического объединения использована языковая игра на основе принципа ассоциативного наложения. «Ассоциативное наложение моделирует такой тип ассоциативного контекста, в котором один ассоциант воспринимается на фоне другого, что создаёт интерпретационную неоднозначность восприятия слова в высказывании» [Гридина 1996, с. 20].

Роль сохранения языка подчёркивается как неоднократно использованием соответствующих репрезентантов объектов возрождения (*письменность, письменный язык*), так и включением имён существительных *язык* и *возрождение* в изотопические цепочки. Именно исчезновение языка заставляет бить в набат журналистов и представителей шорского народа. Ключевой становится антитеза исчезновения и восстановления языка. И если о гибели национальной культуры говорится в смягчённой форме (*За годы советской власти, в результате существенных изменений в их [шорцев] образе жизни, были утеряны некоторые элементы традиционной культуры этого народа, и сейчас стоит проблема их возрождения и развития.* – С. Борисов, 09.07.1994), то о потере языка сказано чётко и категорично, например:

<...> за годы культивирования и становления во главу угла ассимиляционных процессов <...> шорцы потеряли ту толику письменной культуры, что существовала. Язык шорцев стал бесписьменным (Т. Михайлова, 12.09.1989); К сожалению, из-за известных обстоятельств шорская молодёжь хорошо не владеет родным языком или вообще не знает его (А. И. Чудояков, 20.06.1990); Школ, где велось бы преподавание на родном языке, у шорцев нет, как и учебников тоже (В. Шарчаков, 21.02.1990); Скоро, возможно, не найдётся шорца, кто свободно говорит на своём родном языке. Единицы выпускников кафедры шорского языка и литературы говорят на нём (В. П. Колокольцева, 03.04.1997).

Антитеза потери и возрождения письменности актуализирована в материале, в котором используются акцентуатор *чрезвычайно важно*, ретардация и формируется изотопическая цепочка *возрождение письменности – сохранение и развитие национальной культуры: Задача возрождения письменности, а значит, сохранения и развития национальной культуры, что чрезвычайно важно в современных условиях, когда суверенность нации, народности в нашей стране наполняется новым содержанием, – задача сложная* (Т. Михайлова, 12.09.1989). Ключевая мысль в приведённом газетном материале поддержана рематическим заголовком – *«Звучит шорская речь»*. Антитеза попытки возродить письменный язык шорцев и тёмной полосы в истории шорского народа актуализирована в интервью с А. И. Чудояковым: *В прошлом веке Алтае-Саянская духовная миссия сделала попытку возродить письменный язык шорцев, был издан букварь, учебные и художественные книги на шорском языке, существовали национальные школы. После революции просветительская деятельность получила новый импульс <...>. Потом наступила тёмная полоса в нашей национальной истории. Прекратились академические издания шорского фольклора* (Т. Головкова, 08.11.1989). В этом контексте возрождение письменного языка шорцев становится гиперонимом, содержание которого конкретизируется с помощью нескольких гипонимов.

Изотопическая цепочка *знать свой язык – возрождение культуры* актуализирована в размышлениях Ф. Г. Чиспияковой о кафедре шорского языка и литературы НГПИ и поддержана нагруженным культурными смыслами заголовком – *«Помни своё имя»*: имя не только часть

языка, но и знак твоего рода (Т. Михайлова, 22.11.1994). В высказывании, эксплицирующем ключевую мысль, подчеркнута значимость модальности: *Вопрос ставится так, что каждый народ должен знать свой язык, без этого невозможно возрождение культуры* (Там же).

Отметим другие репрезентанты объекта возрождения, связанные с культурой, её духовной и материальной составляющими. Так, в очерке об А. И. Чудоякове (Т. Тудегешева, 08.10.1998) *заветной мечтой* учёного-фольклориста названо *возрождение самосознания шорского народа*; формируется изотопическая цепочка *возрождение самосознания шорского народа – открытие шорских школ*, показывающая важную роль образования в сохранении национальной культуры. Заветная мечта А. И. Чудоякова противостоит современному забвению корней, обычаев, исчезновению языка: *Он ясно видел, что современная жизнь несёт шорскому народу много бед, что забываются корни, обычаи; исчезает язык, без которого шорцы не смогут называться народом*. Тема истоков народа актуализирована изотопической цепочкой *корни – обычаи*.

С другой стороны, возрождение народа связано и с его материальной культурой, чему посвящена, например, заметка об открытии мастерской народных промыслов «*Для возрождения традиционных промыслов*» (Т. Михайлова, 05.04.1990). В представлении темы возрождения материальной культуры, как и духовной, стилистически значимы шорские слова, передающие особый колорит и введённые в текст как эквиваленты русских (или наоборот): – *Участвовать в конкурсе могут те, кто знает секреты изготовления национальной одежды (коньнек), головных уборов (порук), обуви (одук), лыж (шана), сувениров и других предметов народных промыслов*, – сказал В. И. Ачелов («Конкурс центра “Кызыл Шор”», 27.03.1990). Рассказ о традиционных шорских промыслах неоднократно используется в очерках о великих представителях шорского народа, например:

В деревне шорцы зимой охотничали, уходили на неделю, две, три и более в тайгу и возвращались с богатой добычей, летом – шишковали. Тайга кормила их, одевала и обувала.

Семья удачливого охотника Амзорова была немаленькой, сыновья с детства приучались к промысловому делу (Т. Михайлова, 02.02.1991).

Естественно, что особое место в возрождении культуры шорского

народа занимает *возрождение деревни* как хранительницы традиционной культуры: *Ведь сейчас положение тревожно. В Горной Шории есть деревеньки, в которых нет школ, нет электричества, дорог, в которых плачевен быт* (Т. Михайлова, 19.01.1989); *<...> многие из которых [сёл и посёлков Горной Шории] – что скрывать! – в заброшенности и запустении* (Т. Михайлова, 02.02.1990); *Исконные жители богатейшего таёжного края, они живут сегодня, отброшенные молохом цивилизации почти в каменный век. Посёлки Усть-Анзасского, Чулису-Анзасского, Майзасского сельсоветов не электрифицированы, в посёлке Шор-Тайга, расположенном в красивейшей горной местности на берегу чистой Мрассу, нет ни школы, ни фельдшерского пункта, ни клуба, ни магазина* (Т. Михайлова, 03.10.1990); *Ассоциация шорского народа занималась проблемой возрождения глубинки, шорских деревень* (Т. Михайлова цитирует М. А. Годышева, 30.04.1992). Нацеленность на светлую перспективу передаётся изотопической цепочкой *возрождение – путь – будущее*, актуализированной с помощью экспрессивного заголовка *«Один путь, одно будущее»* (Т. Михайлова, 30.04.1992). Шорские деревни находятся в плачевном с социально-бытовой и культурной точек зрения состоянии, но именно они хранят островки традиционной шорской культуры.

Духовная основа темы возрождения шорского народа отражается в неоднократном использовании в текстах слова *душа*, несущего важную смысловую нагрузку. А. И. Чудояков, размышляя об утрате шорским народом своих традиций, говорит о деятельности христианских миссионеров: *Дело в том, что миссионеры, появившиеся в наших краях в 1828–1830 гг., с созданием в Барнауле Алтайской духовной миссии, были очень умны, действовали очень тонко, учитывая особенности духовной жизни местного населения, христианские праздники умело подстраивали под местные обычаи* (Т. Михайлова, 09.01.1992). Выделенное с помощью абзаца предложение, выражающее боль и печаль сына шорского народа, оформлено с помощью просаподосиса, благодаря чему актуализирована особая смысловая нагрузка слова *душа*, находящегося в позиции объекта воздействия: *Душу взять было непросто, но они брали душу* (Там же). Своеобразный ассоциативный код, отражающий современное состояние шорского народа, включает в свой очерк И. Лавренова, рассказывающая в одной из зарисовок о местном художнике: *Живёт в посёлке художник Яков Пепелов. Шорец*

по национальности. Работает пожарным в ВД. В свободное время пишет картины. <...> Но одно панно, выпиленное из дерева, Яков показал. В левом углу – языки пламени лижут бубен шамана, в другом – христианское распятие. А между ними – пустота. Насквозь прорезанное отверстие – контур, очертание человеческой головы. «Это душа, – поясняет Яков, – душу опустошили, ничего в ней не вложив...» (27.07.1996). Тема потери и возвращения души становится лейтмотивом текста и переходит на символический уровень: *Кырмокссы шаману помогают, если душу больного другие духи унесли куда-то далеко. <...> Задача шамана найти эту душу и вернуть. Он начинает обряд камлания. (Ведь «шаман» на шорском – «кам»). Он обращается поочередно к духам речек, гор. <...> Но совершенно ясно и то, что когда кто-то (пусть и целый народ) лишается своего Хозяина, бывает очень сложно отыскать его душу, даже если её не закрывали в Чёрной горе (Там же).*

В семантико-стилистическом воплощении темы возрождения шорской культуры важны такие регулятивные средства, как онимы.

Органично употребление в газетных текстах о возрождении шорской культуры хоронима *Горная Шория*, используется также перифраз «Сибирская Швейцария». Хороним *Горно-Шорский национальный округ* отражает новое видение национальной политики, характерное для рубежа 1980–1990-х гг.: *Наша главная цель – способствовать образованию Горно-Шорского национального округа, который существовал с середины двадцатых годов и до конца тридцатых. Возрождение автономии нашего народа будет способствовать возрождению культуры, изучению родного языка, научным изысканиям (позиция инициативной группы общества шорцев – Г. Н. Куюкова, Н. Я. Чудоякова, М. А. Тодышева; Т. Михайлова, 19.01.1990). Интересно использование хоронимов в очерке о Н. Бельчегешеве, где многочисленные названия далёких стран и регионов используются для создания антитезы чужого и родного, представленного астионимом *Мыски*: *Бортмехаником военно-транспортного самолёта Ан-12 облетел весь мир, Египет, Алжир, Гвинея, Ангола, Афганистан, страны Восточной Европы – таков его послужной список. <...> Он понял ещё, что Родина у человека одна, она даётся однажды и навеки: это уголок земли, где родился и куда непременно должен вернуться. И Николай Бельчегешев вернулся: в 44 года вышел на пенсию и сейчас живёт по соседству с нами, в Мысках (Т. Михайлова, 26.03.92).**

Антропонимы, употреблённые в газетных текстах, связаны с именованнием активных представителей шорской общественности, которые нередко являются речевыми субъектами, и хранителей шорского слова, шорской культуры. Например: *В зале звучали шорские песни и частушки. Их исполняли слушатели курсов для руководителей кружков шорского языка при Новокузнецком педагогическом институте. Была организована маленькая выставка шорской художественной и научной литературы, на столе лежали книги языковеда Н. П. Дыренковой, этнографа В. М. Кимеева, шорских поэтов и прозаиков С. Тотыша и С. Торбокова, совсем новенькая книжка легенд и преданий шорцев «Девять бубнов шамана»* (Т. Михайлова, 02.02.1990).

Неоднократно встречаются очерки, посвящённые хранителям шорской культуры. Очерки, интервью сопровождаются фотографиями, создающими сквозную тему «Шорская культура в лицах».

Авторы очерков используют насыщенные в семантико-стилистическом отношении номинационные цепочки, причём характерно вынесение в заголовок ключевой экспрессивно-оценочной номинации. Другие номинации, имеющие особую нагрузку в тексте, также актуализируются с помощью стилистических приёмов. Например, в очерке о М. П. Амрозове, помещённом в рубрике «Люди и судьбы», использован метафорический заголовок «Собираетел нетленных сокровищ» (Т. Михайлова, 02.02.1991). Для характеристики героя очерка автор использует экспрессивную конструкцию с просиопезой, апосиопезой, просаподосисом: *... Учитель, газетчик, фронтовик... Учитель. Не просто учительство само по себе, а радение о родном его шорском языке, ныне исчезающем, теряющем своих носителей <...>*. Актуализированная характеристика «учитель» наполняется особым смыслом. М. П. Амрозов предстаёт перед нами в очерке как *последний из могикан*, причём эта характеристика является гиперонимом: *Михаил Прокосьевич, как и большая часть немногочисленной шорской интеллигенции – до недавних пор последние из могикан, хорошо понимает, что язык – это главное, это хранилище всей культуры шорцев*.

Как автор статей, интервьюируемый и – после ухода из жизни – как герой очерков или статей предстаёт перед нами на страницах городской газеты *Андрей Ильич Чудояков*. В характеризующую его межтекстовую номинационную цепочку входят компоненты номенкла-

турные и эмоционально-экспрессивные, хотя в контексте даже номенклатурные компоненты насыщаются коннотативной информацией: *учёный-фольклорист* (Ф. Г. Чиспиякова о кафедре шорского языка и литературы НГПИ; Т. Михайлова, 22.11.1994), *доцент кафедры литературы НГПИ, возглавивший научно-методический центр по проблемам изучения шорского языка и литературы* (Т. Головкова, 08.11.1989), *профессор, заведующий кафедрой шорского языка и литературы Новокузнецкого государственного педагогического института* (Т. Тудегешева, 08.10.1998). Авторы газетных материалов используют такие эмоционально-экспрессивные номинации-характеристики А.И. Чудоякова, как *«крёстный отец» кафедры* (Ф. Г. Чиспиякова о кафедре шорского языка и литературы НГПИ) Т. Михайлова, 22.11.1994, *выдающийся учёный, сын Шории* (Т. Тудегешева, 08.10.1998).

В очерках концептуальную и экспрессивную нагрузку несёт описание детства хранителей шорской культуры. Тема детства связана с тем родовым истоком, который навсегда наполнил «последних из могикан», радеющих за сохранение культурной памяти. В семантико-стилистическом воплощении темы детства важны образы природы, родных людей. С антропонимами соседствуют комонимы, гидронимы. Например: *Его родина – Горная Шория, село Сибирга на берегу речки Мрассу. Село это сейчас уже не существует, семьи переселены, род Амзоровых и по сей день живёт под Мысками, а реки горного края «Сибирской Швейцарии» тогда были ещё не замутнены, вода в них была кристально чистой* (Т. Михайлова, 02.02.1990); *Николай Бельчегешев родился в самом сердце Горной Шории, на берегу Мрассу. Дышал чистейшим горным воздухом, ходил таёжными тропами; родная земля его взрастила* (Т. Михайлова, 26.03.1992); *Андрей Ильич Чудояков родился 9 августа 1928 года в шорской деревне-улусе Корай в семье охотника* (Т. Тудегешева, 08.10.1998); *А любовь к шорскому фольклору родилась, видимо, ещё в далёком детстве, может быть, когда мне пели шорские колыбельные песни, прежде всего, моя мать, хотя она не отличалась особым голосом; Помню, мы, подростки 10–15 лет, зимой собирались по вечерам, рассказывали истории, которые можно назвать русским словом «страшилки», или былички, – о самых разных духах шорской мифологии (из воспоминаний А. И. Чудоякова; Т. Головкова, 04.08.1990); Вспоминает часто свой Анзас, холодную-холодную речку, так же она называется, и другую речку – Пызас, в трёх*

километрах от села, ребятишками ловили там мелкую рыбёшку – усацей, большеголовиков, чебаков. А на подходящую наживку можно было и налима с хариусом взять. А ещё хорошо было в тихий-тихий летний вечер ехать верхом на лошади по готовой уснуть земле... (из очерка о Л. Н. Арбачаковой; Т. Михайлова, 11.02.1993); Родился поэт в семье шорца-охотника в селе Тагдагал (Осинники). Степан рано полюбил охотничье ремесло: уходил с отцом в тайгу на несколько месяцев. Тайга стала для него вторым домом. Охотничьими тропами ходил Степан вдоль Томи, Мрас-Су, Кондомы, охотясь на соболей, белок, коз, маралов. По возвращении домой охотников встречали шумно, устраивали праздник – той. Очень привлекала будущего поэта игра на шорском инструменте кай-комусе. Именно из звучания этого инструмента родилась первая колыбельная, сочинённая Степаном для маленького братишки (из очерка о С. С. Торбокове; Т. Шатилова, 23.12.1995).

Тема природы не только переплетается с темой детства, но и существует как самостоятельная в создании образов выдающихся сыновей и дочерей Шории, например: Он очень любил свою родину: горы Шории, её вечнозелёные кедры и свой добродушный немногочисленный народ (об А. И. Чудоякове; Т. Тудегешева, 08.10.1998); Любуется Степан Торбоков красавицей Кондомой, её рукавами, островками. Автор просит читателя другими глазами взглянуть на величие и красоту природы Горной Шории (Т. Шатилова, 23.12.1995).

Библионимы конкретизируют информацию о лепте, внесённой в возрождение шорской культуры. В очерке об А. И. Чудоякове создаётся интересная образная параллель подготовленных им книг и выращенных плодов: Через год после его смерти вышла книга «Этюды шорского эпоса», в которую вошли его статьи и комментарии. Совсем недавно вышел очередной том «Шорский героический эпос», из 20-томного издания «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», над которым он работал в течение 10 лет. Как вспоминает его дочь Алла Андреевна Сербигешева, в жизни он любил сеять, садить, наблюдать и ухаживать за всходами. Ему хотелось видеть плоды своих трудов. Но жизнь распорядилась так, что плодов своего творческого труда ему увидеть не пришлось (Т. Тудегешева, 08.10.1998).

Эргономы называют учебные заведения (*Новокузнецкий государственный педагогический институт*), издательства («*Кемеровское книжное издательство*», «*Наука*»), общества и организации, занимающиеся сохранением шорской культуры, национальные культурные центры («*Шория*», «*Кызыл Шор*», *Ассоциация народов Южной Сибири*). Неоднократно подчёркивается важная историческая роль в сохранении шорской культуры *Саяно-Алтайской духовной миссии*. Внимание к судьбе шорского народа передаётся с помощью введения эргонимов, называющих зарубежные и международные организации, например: *В творческую группу входят и единомышленники из Германии – три специалиста Института тюркологии Университета им. Гёте во Франкфурте-на-Майне. Цель данного проекта – возвращение шорскому народу его ранней литературы путём сбора и публикации фольклорных и бытовых текстов на шорском языке, а также их лингвистического анализа* (21.09.2000). В интервью с главой Совета старейшин шорского народа М. А. Тодышевым альтернативный вопрос, вынесенный в заглавие «*Кому ближе проблемы шорцев: ООН или местной власти?*», создаёт антитезу, значимую для проблемного изложения и заставляющую критически оценить позицию местных властей: *Я могу только согласиться с Михаилом Анатольевичем. А то неудобно как-то получается, когда наши земляки-шорцы на ООН надеются больше, чем на местные власти* (И. Лавренова, 24.12.1996).

Смысловая нагруженность имён собственных в контексте подчёркивается с помощью метаязыковой рефлексии, когда приводится перевод и (или) толкование онима. Так, эргоним соотносится с мифонимом в информационной корреспонденции об открытии в городе центра шорской культуры – этнографического объединения «Тазыхан»: «*Тазыхан*» с шорского переводится как «*возрождение*». По древнему преданию, Тазыхан – мать Ульгена, повелителя добрых духов. Покровительница центру выбрана не случайно. Руководитель этнографического объединения Татьяна Тудегешева надеется, что «Тазыхан» возродит шорскую культуру, а в работе помогут добрые духи (И. Колпакова, 17.11.2001). В контексте актуализируются изотопические цепочки «Тазыхан» – *добрые духи, возродит – помогут*, созидательный смысл подчёркивают сакральная формула заголовка «*Да поможет вам Тазыхан!*» и перекликающаяся с ней концовка: *Надеемся, что у первого в городе центра шорской культуры всё получится. Пожелаем,*

чтобы не смолкал колокольчик и благоволила им Тазыхан. Концептуально и толкование другого эргонима: *В Абагуре организована община «Палам» (в переводе с шорского – «ребёнок», «дитя»)* (Т. Михайлова, 16.06.1993). Библионим и его перевод помогают представить автору очерка одно из сокровищ М. П. Амзорова: *Михаил Прокопьевич бережно хранит учебник, на обложке которого значится: М. Амзоров. «Келиштире пазарга ургенченъ упражнениелер» учебник правописания шорского языка для 4-го класса* (Т. Михайлова, 02.02.1991). Редактор альманаха «Элим» С. Тенешев отвечает на вопрос журналиста о концептуальном выборе гемеронима: *Элим условно можно перевести как «земля предков», а дословно это слово означает «своя земля», «родина», «свой народ». В эпоху первого тюркского каганата так называли свою страну, государство* (Т. Михайлова, 29.04.1993). Прозвище и его перевод важны для создания образа удивительной певицы в рассказе А. И. Чудоякова: *Песни я успел записать из уст последней нашей удивительной певицы Марии Такмагашевой, Алтын-Мани – Золотой Мани, как её звали, работавшей в селе Казас в избе-читальне. Больше таких песен я нигде не слышал* (Т. Головкова, 04.08.1990). Образ первозданной природы Горной Шории создаётся с помощью перевода на русский язык гидронима, выполняющего эстетическую функцию: *Говорят, прежде она [река] была бурная, пенистая, поэтому её так и назвали: Пенистая река. На шорском Кубыр-су* (И. Лавренова, 27.07.1994).

Таким образом, на межтекстовом уровне в воплощении шорской темы ключевую роль играет антитеза возрождения (жизни) и гибели (смерти), каждый полюс которой концептуально и экспрессивно актуализирован в различных контекстах. Обратим внимание на специфику текстов первого десятилетия XXI в.: среди 95 текстов, отобранных на официальном сайте газеты и опубликованных в 2002–2013 гг., лишь в двух мы встречаем рассматриваемые ключевые слова.

В одном контексте речь идёт о возрождении традиционного национального промысла – пчеловодства, и акценты в интервью с генеральным директором предприятия «Сибирь-Эко» Владимиром Котовым носят экологический и экономический характер: *Все пасеки были разбросаны от границы Алтайского края до Мундыбаши. Пчелы собирали самый цвет Горной Шории.*

– *И сейчас вам надо решать вопрос и возобновления производства, и сбыта в деловых масштабах?*

– *Жаль окончательно терять все это. Мы очень серьезно думаем сейчас о прямых поставках на крупные промышленные предприятия, о форме кооперации с ними. Это был бы выход в **возрождении** пчеловодства (М. Стахович, 20.01.2007).*

Другой текст – аналитическая корреспонденция об этнографо-краеведческой экспедиции «Туган черим» (О. Тенешева, 02.10.2008) – связан с темой сохранения шорской культуры. Характерно, что автор использует возвратную форму, которая не была частотной в материалах предыдущего периода, – *возродиться: Жизнь движется по кругу, по солнцу. Все начинается, заканчивается и снова начинается. Шорский народ должен **возродиться** и жить достойно. Шестая этнографическая экспедиция «Туган черим» завершилась в поселке Усть-Кабырза, собранный ею материал будет изучаться учеными-краеведами. Идея возрождения передаётся символическими образами круга, солнца и актуализируется антитезами *начинается – заканчивается, заканчивается – снова начинается*, в которых расположение фазисного глагола со значением начала создаёт эффект кольца. Однако в речевой структуре не используется характерная для городской газеты 1990-х гг. позиция объекта; употребление возвратного глагола указывает на то, что в качестве субъекта и одновременно объекта действия мыслится сам шорский народ, а образ внешней силы, способной помочь его возрождению, не эксплицирован.*

Предпринятый анализ показал, что в материалах городской газеты «Кузнецкий рабочий», посвящённых судьбе шорского народа, слово *возрождение* является ключевым в конце 1980-х и в 1990-е годы и играет ключевую роль в газете первого десятилетия XXI в. Соотнесение выявленных закономерностей с данными частотного словаря современного русского языка О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова (на материале Национального корпуса русского языка) позволяет сделать интересные наблюдения. По данным словаря, слово *возрождение* обладает более высоким показателем частотности (26,4), чем однокоренные глаголы, и в большей степени актуализировано именно в публицистике, причём наиболее высокие показатели частотности характерны для публицистики 1950–1960-х гг. (43) (это время связано с периодом «оттепели») и 1990–2000-х гг. (43,3), тогда как в 1970–1980-х гг. (большая часть этого времени приходится на «эпоху

застоя») показатель частотности значительно ниже – 19,1. Как видим, роль «ключевого слова текущего момента» *возрождение* в публицистике (и, соответственно, в общественном сознании) меняется волнообразно, с чередованием периодов «подъёма» и «спада». Однако словарь частотности представляет время 1990–2000-х гг. недифференцированно, как единый период, тогда как материалы предпринятого исследования позволяют ограничить период «подъёма» в употреблении слова *возрождение* в городской газете «Кузнецкий рабочий» ограничивается 1990-ми годами. Период «подъёма», приходящийся на конец 1980-х и 1990-е гг., свидетельствует о важной роли слова *возрождение* в семантико-стилистическом воплощении шорской темы в городской газете, представляющей региональный медиадискурс, и соответствует контексту активных духовных исканий общества, основанных на вере в возможность созидательных изменений в жизни. В региональном медиадискурсе первого десятилетия XXI в. ключевая роль слова *возрождение* не сохраняется, что позволяет судить об изменении общественного сознания и контрастно оттеняет своеобразие СМИ эпохи перестройки и 1990-х гг. Таким образом, пик жизненного цикла идеологемы *возрождение шорского народа* приходится на 90-е гг. XX в.

4.2.3. Шорская тема в городской газете начала XXI в.

Этническая культура шорского народа – это *«его язык, религия, фольклор, быт и т. д.»* (О. Тенешева, 02.10.2008). В рассмотренных материалах акцент сделан на духовной культуре шорского народа – фольклоре и творчестве современных авторов. Материалы, посвящённые именно этому аспекту шорской темы, составляют основную часть публикаций начала XXI в. Особое внимание в публикациях уделено мифологическим истокам мироощущения и фольклору. Представлено многообразие фольклорных жанров: *бесценные образцы народных шорских сказаний, загадок, сказок* (Т. Петрова, 12.03.2005); *сказки, мифы, легенды, предания, описания обрядов и лирическая поэзия* (В. Валиулин, 04.12.2010). В статье В. Валиулина с помощью катафорической связи акцентирована специфика шорского эпоса и актуализирована изотопическая цепочка эпитетов *родной – близкий: Есть, правда, у саяно-алтайского эпоса одна особенность, отличающая его от других мировых эпосов. Он не историчен, то есть параллелей ему в истории народов Саяно-Алтая не прослеживается. Это больше*

миф, волшебная сказка, чаяния и мечты народов. И это делает его еще более родным и близким (В. Валиулин, 26.02.2011).

В газетных материалах отражена мысль о взаимодействии различных видов искусства: *С образом Матери-Лосихи связано интересное совпадение творческих поисков Татьяны Тудегешевой и таштагольского скульптора Дашина Намдакова. Последнему кузбасский губернатор Аман Тулеев поручил изваять образ Горной Шории, знак, который будет в глазах туристов отличать этот край. Намдаков слепил лосиху с сидящей на ней девушкой* (В. Валиулин, 01.08.2010). Важнейшей для авторов газетных публикаций становится мысль о связи времён. Эта мысль воплощается в описании жизни фольклора в наше время. Читатель городской газеты узнаёт о фольклорных коллективах (*Любители национальных видов искусства познакомились с творчеством двенадцати виднейших фольклорных групп: «Оюн», «Отчагаиш» из Мысков, «Чылтыс», «Ак Чаяк» из Таштагола и других.* – Н. Каменева, 13.04.2006), об исполнительском искусстве. Например, о встрече с шорским сказителем вспоминает преподаватель лицея № 11 Галина Дмитриевна Сметанникова, дочь кайчи Дмитрия Константиновича Турушпанова: *«Из Чувашки вышли рано утром, в Верхний Тоз пришли к вечеру. Пригласили сказителя. Собрались родственники, друзья. На протяжении пяти или шести часов не прерывалось действие. Слушали не дыша... <...>»* (Н. Каменева, 20.12.2007). Также журналисты рассказывают о сохранении искусства горлового пения, значимого для шорцев: *Кстати, многие из молодых шорцев (например, Андрей Бекренев, Сергей Тенешев) проявляют большой интерес к технике горлового пения – кая. Сейчас у шорцев остался только один кайчи – мысковчанин Владимир Егорович Таннагашев, ему уже за семьдесят* (Н. Каменева, 18.02.2006). Неоднократно упоминаются шорские праздники, обряды, ритуалы: *Процесс очищения – не только физический, но и духовный. Каждый человек должен завязать узлом свои болезни, обиды, проблемы на черной ленте, освобождая себя от них. Черная лента – чалама – сжигается на специально разведенном костре, это процесс очищения человека от зла в самом себе* (о праздновании Нового года – Чыл-Пажы: Н. Каменева, 13.04.2006). Особое внимание уделено творчеству наших современников – сыновей и дочерей Шории, например:

Новая книга стихов члена Союза писателей России Таяны Тудегешевой «Небесный полет девятиглазых стрел» вышла в свет в издательстве «Кузбасс» тиражом 600 экземпляров.

Сборник включает в себя новые стихи, а также некоторые вошедшие в предыдущую книгу, на которые композиторами написаны песни и романсы. Стихи Таяны Тудегешевой – это гимн Горной Шории. Они пронизаны легендами, преданиями и раздумьями о месте человека в жизни (21.06.2008).

На страницах городской газеты представлена также и материальная культура шорского народа. Читатель узнаёт о жизненном укладе шорцев, который формировался веками, о блюдах национальной кухни: *Общеизвестно, что у шорцев с давних времен активно развивалось кузнечное ремесло (Н. Ничик, 15.01.2013); Знаете ли вы, что такое толкан? Если нет, тогда вам надо побывать на шорском празднике и отведать этого несложного в приготовлении блюда – обжаренных и измельченных ячменных зерен. Шорские охотники и следопыты знали, как сохранить силы в тайге: горстка этого калорийного продукта способна насытить человека (Н. Каменева, 13.04.2006).* Духовная культура народа тесно связана с образом жизни: *Сейчас же думаю: «Хорошо, что у меня была деревня, тайга вокруг нее с животными и птицами. Ведь это те корни, которые сейчас питают мое творчество, тот материал, из которого возникают мои стихи» (размышления Т. Тудегешевой: В. Валиулин, 01.08.2010).* Или: *Именно так выглядит лицо шорца-охотника – спокойствие, умиротворение, слияние с природой (о картине Е. Лоншаковой «На охоте»: С. Михайлов, 24.01.2009).*

Мысль о красоте шорской природы звучит в газетных текстах как аксиома: *Это живописное место на карте Кемеровской области по праву считается одним из красивейших уголков мира. Многие, кто там побывал, утверждают: природа Горной Шории дает силы и положительные эмоции (С. Дуфник, 07.02.2009).* Как и в материалах предыдущих лет, тема природы соотносится с темой творчества: *На полотнах – величие сибирской природы, мудрость и вечность Горной Шории (заметка о выставке работ В. Пешкова; Е. Черняк, 11.06.2005); Вот, к примеру, гора Зеленая в изображении таштагольца Сергея Пальянова и новокузнецчанки Натальи Саломыкиной. Наталья, к слову, увлечена горными лыжами, уже восемь лет регулярно катается в Шерегеше. Ее взгляд на Зеленую – точнее, с Зеленой – это взгляд человека, влюбленного в скорость, в окружающую природу, дарящую радость*

(информационная корреспонденция С. Михайлова о передвижной выставке «Под небом Шории. Природа», 24.01.2009). Сохраняется и тема соприродного существования человека, удалённого от цивилизации: *Можно многое рассказать о нашей экспедиции. Люди там живут добрые, чистые душой, отзывчивые. Не испорченные цивилизацией. Угощали нас чем могли. Но и мы в долгу не остались, везли с собой гостинцы. Одним словом, все остались довольны.*

А какая там природа! Вода – чистый хрусталь, а воздух! Какие горы, там есть даже водопад! Куда ни глянь – сопки, сопки. Пустине, люди, живущие там, – счастливые, хотя у них нет электричества, привычно нам комфорта. Шорцы любят и ценят природу, они в ней живут. У нас к ним одно пожелание – чтобы они и дальше охраняли свою природу, землю. И не пускали туда людей, которые хотят нажиться на их доверии (мини-очерк о миссионерской экспедиции; В. Изыгашев, 01.09.2005). Как видим, по смыслу и эмоционально-экспрессивной окраске переключаются характеристики человека (изотопическая цепочка *добрые – чистые душой – отзывчивые – не испорченные цивилизацией – доверие*) и природы (сравнение *чистый хрусталь*). Тема цивилизации представлена с помощью изотопической цепочки *цивилизация – электричество – привычный комфорт*. При этом создаётся антитеза соприродного состояния (*счастливые*) и нравственной деформации человека, происходящей под влиянием цивилизации (изотопическая цепочка *испорченные – нажиться*).

Новым акцентом материалов начала XXI в. является тема развития туризма в Горной Шории. Идея развития туризма в целом сопровождается мелиоративной оценкой и находится в гармонии с идеями сохранения культуры и природы Шории: *Администрация области и Таштагольского района видят будущее Кузбасса не только в его индустриальной мощи, но и в развитии туризма в Горной Шории на мировом уровне, не нанося при этом урон её культуре и природе* (М. Казанцева, 28.07.2009). В контексте (стилистическое впечатление от которого омрачает грамматическая ошибка) важна изотопическая цепочка *культура – природа*, подчёркивающая единство этих основных направлений созидательной деятельности по сохранению шорского народа.

В городской газете тема туризма представлена аналитической и художественно-публицистической стилистикой. В аналитических контекстах значима утилитарная, нормативная и телеологическая оценка,

например: <...> в потенциале юг Кузбасса имеет хорошие возможности для развития туризма. Правда, чтобы он прижился у нас, нужно немало средств и хорошая организация. Ни того, ни другого пока нет. Но даже если бы у нас были средства и возможности для развития туризма, я бы все равно продолжал настаивать на приоритете бережного отношения к природе. Туризм не может быть самоцелью. Главное – природа, ее сохранение и изучение (размышления А. Арбачакова, руководителя региональной экологической организации; В. Валиулин, 09.11.2002). Аналитические материалы могут использовать разговорные и эмоционально-экспрессивные средства: <...> если в регион потекут денежки, то Горная Шория начнет развиваться неслыханными темпами. И новые рабочие места появятся (все знают, как трудно в маленьких городках и поселках вроде Шерегеша с хорошо оплачиваемой работой), и дорогу до Таштагола и дальше, до горнолыжных трасс, будут ремонтировать часто и тщательно, и инфраструктуру вроде мотелей, кафе и прочих удобств вдоль трассы создадут. А там, глядишь, и аэропорт в Новокузнецке подновят, и авиарейсы новые введут – надо же как-то гостям добираться до модного курорта в Горной Шории, и...

Мечтать, конечно, не вредно (А. Лиханова, 30.05.2006).

Художественно-публицистическая стилистика используется прежде всего для передачи личных впечатлений путешественников: Татьяна Крашенникова, студентка:

– В наших краях поднималась на Поднебесные Зубья, сплавила по реке Казыр, спускалась в пещеры Горной Шории. Там свой сказочный мир, сотканный из сталактитов и сталагмитов, в котором хочется побывать еще и еще. Тренер рассказывал, что в нашей области есть удивительной красоты пещера, в нее спускаются только босиком. Наверное, чтобы красоту не испачкать. На следующий год постараюсь в ней побывать. А этим летом всей группой спелеологов клуба «Орион», где я занимаюсь, решили полазить по пещерам Урала (М. Герман, 23.06.2005);

Мы идем по непролазной чаще уже Бог знает сколько времени. Где-то далеко позади, за деревьями и прочей растительностью (сомневаюсь, можно ли назвать цветами или травой растения в человеческий рост) осталась вахтовка, на которой протряслись час с лишним. Ох, как сжималось сердчишко, когда тяжелая машина, натужно

рева, взбиралась на очередной косогор, а за окном открывалась пропасть. Такое ощущение, что еще чуть-чуть – и колеса, скребущие по влажной глине, сорвутся с дороги. Думать об этом не хотелось, но себе не запретишь. Теперь эта оранжевая будка вспоминается чуть ли не как дом родной. Над нагретой летним солнцем тайгой стоит непрерывный звон насекомых, мошки и букашки лезут в глаза, рот, уши (М. Васильева, 03.09.2005);

Чудесная земля – таинственная и гулкая, как эхо старых шорских сказок. Она может почти напугать своей какой-то мистической красотой. А может улыбнуться солнечным зайчиком, прыгающим по веселой воде лесных ручьев, зеленым ветром, запутавшимся между сосновыми иголками (И. и П. Бестужева, 24.06.2006).

Мы можем наблюдать органичное соединение аналитической и художественно-публицистической стилистики: *Не так давно мне довелось побывать в Горной Шории – совершенно потрясающей стране гигантских кедров, где вековые обряды и предания переплелись с налаженным горнолыжным бизнесом (Е. Казьмина, 14.02.2008).*

Тема промышленного освоения природных богатств Шории представлена в единичных текстах и имеет проблемное звучание. Об актуальности этой темы свидетельствует резонанс, который вызвала статья директора «Тетис-Т» Александра Аввакумова, доктора наук Владимира Бутвиловского и заслуженного геолога России Александра Платонова (16.03.2010): откликом на эту статью стало несколько серьезных аналитических материалов.

Так, журналист А. Денисов в комментарии, который следует непосредственно за статьёй, иронично размышляет о недалёковидности промышленного подхода, согласно которому рассматриваются самые различные перспективы развития региона (формулировки некоторых для журналиста *дико звучат*), за исключение традиционной – развития горно-шорской рудной базы: *Надеюсь, что публикация этой статьи подвигнет власти, недропользователей и общественность Кузбасса вернуться к обсуждению промышленных перспектив юга области. До сих пор складывалось впечатление, что вопрос сокращения горно-шорской рудной базы предрешен. И областные власти лишь сдерживают процесс ее свертывания в поисках альтернативы в занятости тысяч горняков. Совершенно непонятно, как за разговорами о туристическом потенциале «нашей Швейцарии» забыли о «золотой карте». Вза-*

мен были другие козыри: строительство цементного завода в Учунене, не слишком определенные планы по открытию в Казе фабрики пошива евразовской спецодежды и – на полном серьезе! – «сбор дикоросов». И правда, дико звучит: могучий потенциал колбы, папоротника и кедровой шишки разглядели, а золото не по глазам пришлось (комментарий А. Денисова; А. Платонов и др., 16.03.2010). Такой подход находит интертекстуальную поддержку в публикации А. Кириллова: *Словом, у властей, недропользователей и у работников рудников Горной Шории есть шанс заняться делом, а не осваивать «могучий потенциал дикоросов», заключает Иван Сычев (20.04.2010)*. В аналитических материалах о перспективах промышленного развития Горной Шории мы встречаем постоянную апелляцию к власти. Причём образ идеальной власти соотносится с темой ответственности и мудрого подхода и противопоставляется реальным ошибкам, например: *И если прогнозируемая специалистами ликвидация железных рудников будет проведена так же по-варварски, как это произошло с золотыми рудниками Тисульского района, то, думается, администрациям разных уровней уже не отделаться головной болью. Тут можно и голову потерять. Хочется верить, что у местных и областных властей есть просчитанные сценарии экономического развития. Но поскольку они не озвучены, приходится рассматривать свои (А. Кураев, 04.05.2010)*.

В информационно-оценочном пространстве газетных материалов начала XXI в. о Горной Шории актуализируются два главных оценочных полюса – мелиоративный, связанный с темой сохранения и развития культурных традиций, и пейоративный, соотнесённый с темой культурного беспамьятства. В концептуальной интеграции рассмотренных материалов важна межтекстовая изотопическая цепочка оценочных эпитетов с мелиоративной окраской. Оценочные средства характеризуют родину шорского народа (*чудесная*), язык (*красив*), фольклорное наследие (*золотой фонд шорского фольклора; старинный, красивый и наполненный глубоким смыслом обряд*), творчество современных авторов – поэтов, художников (*замечательные стихи; о Л. Н. Арбачаковой: Самобытная художница с собственным мироощущением, с интересной передачей материала, с тонкой цветовой гаммой*). Особое место занимают оценочные контексты, характеризующие результаты самоотверженной деятельности учёных, сохраняющих шорскую культуру: *драгоценные тома; уникальные записи шорских героических*

сказаний. Межтекстовый статус имеют и другие изотопические цепочки, актуализирующие ключевые темы. Например, тема преемственности в сохранении культуры воплощена в неоднократно встречающемся образе ребёнка: *Победительницей стала Аня Сергеева из школы № 72. Ей по душе пришлась работа под названием «Шория», и девочка очень интересно и своеобразно описала эту картину* (Е. Черняк, 04.06.2005); *В поселке Кондома, например, сейчас шорцы не проживают. Но никто не отказался поклониться огню, положить кусочек мяса, повязать на березу ленту. Больше всех радовались дети, с удовольствием загадывали желания* (О. Тенешева, 24.10.2006); *Надо сказать, что нынешние детские стихи Татьяны Тудегешевой – это не просто стихи в их обычном понимании. Это маленькие рассказы о каком-либо животном – обитателе шорской тайги. Для нынешних шорских ребятишек это очень важно. Ведь они сейчас зачастую, не зная родного языка, не знают и мира живой природы Шории* (В. Валиулин, 01.08.2010).

Изотопические цепочки нередко включают компоненты, концентрированно расположенные на небольшом участке текста. Синтагматические связи компонентов изотопических цепочек органично воплощаются, например, рядами однородных членов и пояснительными конструкциями: *Чтобы сохранить для своего народа, для мировой культуры живое слово поколений, устную исполнительскую традицию героических сказаний, Андрей Ильич на протяжении десятков лет из года в год организовывал этнографические экспедиции в Горную Шорию – в поселки, аалы, где еще живы были народные сказители-кайчи. В слякоть, стужу, в дождь и снег, с рюкзаком за плечами и магнитофоном в руках, он шел, чтобы услышать сказителей, сделать бесценные, уникальные записи* (Н. Каменева, 20.12.2007).

Отметим важную роль синонимических рядов, включающих шорское слово или выражение и их русский эквивалент. Использование в тексте данных средств не только передаёт местный колорит, но и актуализирует мысль о роли языка в сохранении культуры: *Ольга Тенешева сшила шорский халат – шабыр и рубашку – кунж своими руками* (Н. Каменева, 10.08.2006); *«Туганчерим» в переводе с шорского означает «родная земля»* (О. Тенешева, 02.10.2008); *Чакиш Шория – алтын чер. В переводе с шорского это означает «добрая Шория – золотая земля»* (С. Дуфник, 07.02.2009). Мысль о роли языка в сохранении

культуры подчёркивается также использованием различных выразительных средств (*Шорский язык красив и загадочен. В нем слышатся гром камнепада, плеск ручья и шум листвы.* – В. Валиулин, 02.03.2010).

Антитезы в материалах о Шории также обладают большой информационно-прагматической значимостью. Текстовые антонимические пары позволяют читателю оценить полноту охвата явления, выделить ключевую мысль: *В образах легенд и поверий, в обрядах передавались знания об окружающем мире, о месте человека во Вселенной, о нравственном и безнравственном. Все мировоззрение шорцев было направлено на внутреннее совершенствование, а не на переустройство мира. Человек боролся с собой, а не с окружающей природой* (Т. Тудегешева, 09.08.2003).

Ключевая межтекстовая антитеза актуализирует два оценочных полюса – сохранение культуры шорского народа и её утрата. Как и ранее, оба полюса представлены эмоционально-экспрессивными средствами, но, что показательно, перестаёт быть «ключевым словом текущего момента» слово *возрождение*. Мы встречаем мелиоративные контексты, например: *Сохранить национальные корни, развить традиции – такую задачу шорцы уже давно ставят для себя как одну из главных. «Зерна брошены в землю – теперь они дают плоды». Сегодня выросла целая плеяда молодых ученых, исследователей, способных продолжить дело, начатое старшими коллегами* (Н. Каменева, 18.02.2006); *«Алтын керим» – моя золотая земля, – так говорят шорцы о своей горной стране. И они будут хранить свой язык и развивать его* (В. Валиулин, 02.03.2010). Особую группу составляют проблемные контексты, где мелиоративная и пейоративная оценка представлены во взаимосвязи: *«Пусть не вымрет язык моего народа», – говорит Татьяна Тудегешева. В этих ее словах, кроме надежды, звучит и утверждение* (В. Валиулин, 02.03.2010); *Вообще одно из самых перспективных направлений – изучение памятников местных народов в момент прихода русских в XVII–XVIII веках. Мы знаем шорцев XIX–XX веков, но мы совсем не знаем, с кем русские столкнулись по приходу сюда. Сейчас памятники гибнут, так как Шория интенсивно осваивается. Градостроительство проходит именно в местах, где концентрировались поселения шорцев. Нам надо торопиться. Но торопиться получается плохо* (размышления археолога Ю. Ширина; Т. Эмих, 19.08.2010). Собственно пейоративные контексты единичны:

Окидывая взглядом прошлое и настоящее Шории, моей малой родины, ощущаешь грусть и отсутствие будущего. Молодое поколение не знает своего языка, утрачиваются древние обычаи, исчезают сами корни народа. Существует и множество других проблем (лид проблемной статьи Т. Тудегешевой, 09.08.2003). В решении темы сохранения шорской культуры, как и в материалах о перспективах экономического развития региона, звучит тема ответственности власть имущих за судьбу Шории: В августе прошлого года мне довелось присутствовать на заседании Ассоциации шорского народа, где в числе других обсуждалась и проблема несанкционированной установки креста на Мустаге. Члены ассоциации сетовали на то, что никто с ними не посоветовался. Но на этих сетованиях все и закончилось, претензии остались недовысказанными. Я понимаю уважаемых людей Шории: одни, облеченные властью, беспокоятся о карьерном росте, другие, ведущие коммерческие дела, думают о благополучном будущем. Но когда-нибудь земные дела подойдут к завершению и придется задуматься о том, что «ни меч, ни деньги властвуют в мире, а тот, кому принадлежат души людей». Так говорит древняя мудрость Алтая (Т. Тудегешева, 09.08.2003). Т. Тудегешева противопоставляет земные дела (изотопическая цепочка карьерный рост – коммерческие дела – благополучное будущее) и духовную миссию человека.

В материалах о шорской культуре начала XXI в. представлены различные виды онимов. **Антропонимы** называют тех людей, благодаря которым сохраняется шорская культура. Это ушедшие из жизни и ныне здравствующие миссионеры, учёные, педагоги, поэты, художники, исполнители произведений народной культуры, представители общественных организаций. Нередко один человек предстаёт сразу в нескольких ипостасях: *Кроме филологических занятий, Любовь Арбачакова известна своими живописными и поэтическими трудами (В. Валиулин, 04.12.2010). Представлена рефлексия над ролью имени в истории: В старом Абашеве жил Герой Советского Союза Михаил Михайлович Куюков. Общественная организация «Шория» сейчас ходатайствует о том, чтобы на доме, где жил М. М. Куюков, установить мемориальную доску с надписью, увековечивающей имя и подвиг нашего земляка (Т. Петрова, 12.03.2005). Характеристика названного с помощью антропонима человека чаще всего оформлена приложением или составным именным сказуемым. Особое место среди антропони-*

мов занимает имя *Андрея Ильича Чудоякова*. При осмыслении авторами публикаций его роли в сохранении шорской культуры значимы следующие характеристики: *выдающийся сын шорского народа, духовный лидер, наставник, учитель, духовный отец, старший друг, учёный-фольклорист, создатель кафедр шорского языка*.

Среди антропонимов, употреблённых в газете начала XXI в., отметим имена представителей власти, включение которых связано с рассмотрением актуальных вопросов. В единичных случаях такие антропонимы входят в укоризненные контексты проблемного изложения, например: *Удивлены мы были и отстраненным отношением Амана Гумировича Тулеева к этой проблеме, а ведь когда-то шорский народ поддержал его кандидатуру на выборах в депутаты Верховного Совета России. Утешает то, что, давая согласие на установку креста на Мустаге, Аман Гумирович поинтересовался у инициаторов этой акции: согласована ли она с шорским народом? И разрешил установку, когда получил утвердительный ответ, хотя согласия нашего не было* (Т. Тудегешева, 09.08.2003).

Активная духовная деятельность, связанная с сохранением культуры шорского народа, отражается в использовании большого количества *идеонимов*. Среди них – библионимы, прежде всего названия научных книг и учебных пособий: *«Шорский фольклор», «Кызыл Шор», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», «Фольклор Горной Шории», «Героические шорские сказания», «Литературный портрет Шории», «Шорский язык в картинках»; названия конференций, пленэров и других мероприятий: «Историко-культурное взаимодействие народов Сибири», «Горная Шория», «Хоомей»; названия творческих проектов, культурных центров и коллективов: Передвижная выставка «Под небом Шории. Природа» <...> – первая часть проекта «Коренные малочисленные народы Кузбасса в начале XXI века. Природа. Быт. Культура» (С. Михайлов, 24.01.2009); название фильма Ольги Козловой и Сергея Шакуро «Слушая музыку ветра» о Любви Арбачаковой и природе ее родных мест (В. Валиулин, 04.12.2010).*

Особое место среди эргонимов начала XXI в., употреблённых в связи с шорской темой, занимают имена собственные, соотносённые с темой памяти о репрессиях: *К примеру, едет человек по Таштагольской ветке покататься на лыжах в Горной Шории и даже в голову не*

берет, что на строительстве этой железной дороги с 1930 по 1940 год погибли тысячи, если не десятки тысяч зеков Горшорлага. А еще на территории нынешней Кемеровской области были Кузбаслаг, Южкузбаслаг, Камышлаг, Араличевский и другие лагеря (А. Денисов, 30.10.2010); В Усть-Кабырзе ко Дню памяти жертв политических репрессий, отмечаемому 30 октября, открылся музейный комплекс «Шорский ГУЛАГ» (С. Бабинов, 29.10.2011).

Использованные в материалах о шорской культуре **географические названия** не только играют роль обозначения реалий (<...> *побывали в шорских деревнях Усть-Кабырза и Усть-Анзас, совершили сплав по реке Мрассу, поднялись на гору Зеленую в Шерегеше*. – М. Казанцева, 28.07.2009), но и отражают духовный мир народа. Так, в воспоминаниях Таяны Тудегешевой, Любви Арбачаковой топонимы (ойконимы-комонимы) *Сёттуэ*, *Телесу-Анзас*, гидроним *Мрассу* являются знаками духовной связи с родиной. В размышлениях Т. Тудегешевой (В. Валиулин, 01.08.2010) антитеза онимов (исконного шорского комонима *Сёттуэ* и его современной замены – *Суета*) подчеркивает боль и печаль утраты: *«Я выросла, – вспоминает Татьяна Тудегешева, – в глухой таежной деревушке Сёттуэ (ее сейчас переименовали по-русски в Суету), где не было электричества. Его там, кстати, нет до сих пор. О таких говорят: Богом забытый угол»*.

Как уже отмечалось, новым акцентом материалов начала XXI в. является идея развития туризма в Горной Шории, в воплощении которой значимы географические названия и антропонимы, называющие представителей власти: *Вот и на этот раз тридцать пять ребят с заболеваниями опорно-двигательного аппарата, в том числе колясочники, побывали в поселке Усть-Кабырза Таштагольского района (в предыдущие годы команды посетили Терсь и Томусу). Красотам Горной Шории и кристально чистой воде реки Пызас подивились гости из Барнаула, Бийска и Томска. <...> Первую робинзонаду проводили на собственные средства, а вот для двух других уже нашлись спонсоры – депутат Госдумы С. Неверов и администрация города* (Т. Петрова, 09.09.2004); *<...> участники [культурологического пленэра] в течение восьми дней посетили города Новокузнецк, Кемерово, Таштагол, побывали в шорских деревнях Усть-Кабырза и Усть-Анзас, совершили сплав по реке Мрассу, поднялись на гору Зеленую в Шерегеше* (М. Казанцева, 28.07.2009); *Полномочный представитель президента в Си-*

бирском федеральном округе Виктор Толоконский побывал на юге Кузбасса. <...> Невзирая на сорокаградусный мороз, Толоконский, управляя снегоходом, по первой в России специально подготовленной трассе отправился в самую глубинку горного края, в поселок Усть-Кабырза, посетил недавно открывшийся музей ГУЛАГа и знаменитую Азасскую пещеру, где три года назад были найдены следы снежного человека (С. Штиль, 08.01.2011).

Антитезы топонимов, именующих близлежащие территории и излюбленные туристами регионы мира, позволяют авторам публикаций подчеркнуть преимущества «внутреннего туризма»: ... *Что интересно: многим моим соотечественникам нужно объехать полмира, облазить пещеры в Турции, испытать рафтинг на реках Северной Америки, взобраться на какую-нибудь горку в австрийских Альпах, прежде чем осознать, что родной-то край тоже еще не познан, а экстрим – это не только внешние обстоятельства, но и состояние души. Эта мысль не раз приходила в голову, когда путешествовали по Шории и дальше по Алтаю, в сторону монгольской границы. Мало освоенные земли – благодатнейшее поле для развития так называемого внутреннего туризма, экотуризма и прочих программ, связывающих регионы, делающих наши края привлекательными для инвестиций. Но об этом в следующем раз* (М. Васильева, 03.09.2005).

Традиции народной шорской культуры отражены **геортопонимами** (Чыл-Пажы, Шачиг) и **сакронимами** (об употреблении термина «сакроним» см.: [Терентьева 2011, с. 90–91]). В нескольких текстах подчёркивается роль сакронима-оронима Мустаг: *Веками поклонялись шорцы Мустагу, совершали обряды. Только избранные могли подняться на вершину. Мало кто знает о существовании на Мустаге «долины шаманов»; по рассказам стариков, самые сильные шаманы Горной Шории поднимались туда, чтобы завершить свой земной путь. Существует целая система запретов, правил поведения на священной горе, их необходимо соблюдать, чтобы не заблудиться и остаться в живых. Нельзя громко разговаривать, петь, сквернословить, допускать плохие мысли, рвать без надобности траву, ломать деревья, жечь огонь, оставлять мусор. Боялись и почитали шорцы в древности Мустаг.*

А вот сейчас боятся пришествия людей, которым здесь ничто не дорого. Хватит ли сил защитить свою природу и защититься самим?

Что останется будущим поколениям? Развитие туризма в поселке Шерегеш грозит уничтожением уникальных мест. Святую березу у подножия Мустага несколько лет назад срубили, а вновь посаженная березка не прижилась. Горько сознавать свое бессилие в решении многих проблем. Они, кстати, схожи у коренных малочисленных народов мира (О. Тенешева, 24.10.2006).

Неоднократно сакронимы включены в эмоционально-экспрессивные контексты, передающие смысл попраения святынь: *Сейчас, с перестройкой, шорский народ начал будто бы просыпаться от тяжелого сна, вновь пробудился интерес к древним традициям. Установка же металлического креста на священной горе – это тяжкий удар по народу, для которого Мустаг является одной из главных духовных святынь. Установка креста шорцы считают ее осквернением (Т. Тудегешева, 09.08.2003); Священный символ «Сарчин» (коновязь, выполненная руками мастера из Кузедеева и подаренная нам администрацией Новокузнецкого района) оказался уничтоженным, сожженным вандалами... (А. Скрипникова, 21.08.2008). Безусловно, в таких контекстах главной является этическая оценка, но связана она и с нормативной оценкой – с идеями правовой основы демократического общества. Так, Т. Тудегешева в своей проблемной статье неоднократно использует риторические вопросы и актуализирует градуальный ряд *бесцеремонность – беспредел* и изотопическую цепочку *чувство меры – деликатность: Как известно, беспредел начинается с бесцеремонности. Затем утрачивается чувство меры и деликатность становится досадной помехой в делах. При таком подходе что будет удивительного в том, что шорский народ, утратив язык и традиции, перестанет существовать как этнос?* (Т. Тудегешева, 09.08.2003).*

Итак, в городской газете такой краеведческой доминанте, как шорская тема, соответствует особая система стилистических средств – одна из составляющих «стилистического портрета» регионального издания.

Выводы к главе 4

Региональная составляющая современной аксиосферы обусловлена комплексом факторов: исторических, географических, этнических, экономических, административно-территориальных. Региональные дискурсивные практики актуализируют определённые краеведческие доминанты, одной из которых для юга Западной Сибири является

тема «Судьба шорского народа». Лингвоаксиологический анализ данной краеведческой доминанты в синхронии органично дополняется диахроническим рассмотрением локальных текстов. Особенности восприятия русскими коренного населения юга Западной Сибири – шорского народа – представлены в миссионерских записках XIX в. и в региональном медиадискурсе XX – XXI вв.

Исследование текстовой системности лексики сферы коммуникации (глаголов речи, контекстов, в которые они включены, этикетных знаков, лексических репрезентантов, отражающих цели, мотивы, характер общения) позволило выявить в «Записках» миссионера В. И. Вербицкого сакральный, социально-психологический, этнографический и метаязыковой аспекты коммуникации.

Сакральный аспект сферы коммуникации представлен в пяти разновидностях: обращение миссионера к Богу, к местным жителям (массовое общение), миссионерское общение с конкретным человеком, цитирование и упоминание определённого фонда сакральных текстов; особый случай сакральной коммуникации – «голос» природы, отклик природы на присутствие Бога в мире. Именная и глагольная составляющая лексики репрезентируют семантику просветительского и волюнтаристического воздействия миссионера на местных жителей. Сакральная межличностная коммуникация представлена меньшим количеством контекстов, чем массовая, выражена с помощью лексических репрезентантов общения священника с прихожанами (благословение, отпущение грехов, наставление в вере).

Социально-психологические аспекты коммуникации связаны с особенностями взаимоотношений местных жителей и миссионера, с чертами общения, присущими всему народу, определённому коллективу или личности. Значительная часть таких контекстов затрагивает сакральные аспекты массовой и межличностной коммуникации, однако в них на первый план выходит не религиозное начало, а отражение характеров, уклада жизни, обстоятельств. Межличностное общение представлено в «Записках...» 1861 года, отражает 11 эпизодов встреч и разговоров. Преобладают глаголы говорения (*сказать, говорить, заметить, прибавить, спросить, ответить, рассказывать, подтвердить, предложить, уговаривать, убеждать, склонять, возразить, согласиться, совещаться, рассуждать*), используются также

расщеплённое сказуемое (*иметь разговор*), отглагольное имя существительное (*убеждение*), выражения, передающие содержание речи (*изъявить желание, выразить сожаление*) и характер слушания (*внимательно слушать*). Глаголы говорения сконцентрированы при передаче диалогов и группируются в пары «стимул – реакция». Речевое поведение собеседников нарратора, отражённое глаголами говорения, отличается разнообразием: они *замечают, отвечают, спрашивают, подтверждают, прибавляют, говорят*, – что позволяет конкретизировать картину общения. Реплики собеседников миссионера отражают их житейские наблюдения. Идеологически значимыми эпизодами являются ситуации общения с камом. В таких случаях выражен дискуссионный характер общения – столкновение двух сакральных систем.

Этикетная сторона общения позволяет наблюдать за лексическими репрезентантами степени знакомства, ситуациями приглашения, просьбы, обещания, за формами обращения, приветствия, прощания, передачи благожелательного отношения другого лица, при этом используются как этикетные знаки, так и глаголы и имена прилагательные, указывающие на этикетно значимые ситуации.

Этнографические аспекты коммуникации связаны с отражением в «Записках...» местного колорита. Перед нами предстаёт образ путешественника-миссионера, изучающего нравы и обычаи местного населения. Этнографические аспекты коммуникации в тексте проявляются в контекстах, посвящённых миру природы и верованиям шорцев. В контекстах, представляющих специфику верований шорского народа, используются лексические репрезентанты коммуникации шамана с духами. Автор, используя в том числе и лексику сферы коммуникации, подробно описывает этапы камланья – «шаманской мистерии».

Лексические репрезентанты метаязыковых аспектов коммуникации отражают специфику духовной миссии – направить ораторское искусство на донесение слова божьего до людей другой веры.

Результаты предпринятого анализа позволяют судить о динамике семантико-стилистического воплощения шорской темы в городской газете конца XX – начала XXI века. Основные темы первой половины 80-х гг. – красивая природа, развивающаяся промышленность, интересная история. Новая интерпретация шорской темы впервые представлена в 1988 г. С этого времени главными становятся вопросы истории и культуры шорского народа в контексте размышлений о сохранении национальных традиций и природы Горной Шории.

В материалах первой половины 80-х гг. с шорской темой сопряжена только одобрительная оценка, будь то красота и величие природы (эстетическая оценка) или польза природных ресурсов (утилитарная и телеологическая оценка). В материалах конца 80-х гг. ярко выражена оценочная программа, прежде всего пейоративный полюс, связанный с такими темами, как разрушение культуры, уничтожение природы. Мелиоративная же оценка отражает тему спасения, возрождения, причём оценка приобретает этический характер, хотя телеологическое и эстетическое начала сохраняются.

Гуманистический дух перемен, акцент на духовном преображении, возвращении к истинному состоянию жизни отразило в эпоху перестройки такое «ключевое слово текущего момента» (понятие Т. В. Шмелёвой), как *возрождение*, играющее важную роль и в семантико-стилистическом воплощении шорской темы и связанное с актуализацией регионально маркированной идеологемы *возрождение шорского народа*.

В материалах городской газеты «Кузнецкий рабочий», посвящённых судьбе шорского народа, слово *возрождение* является ключевым в конце 1980-х и в 1990-х гг. и теряет ключевую роль в газете первого десятилетия XXI в. Согласно данным частотного словаря, роль «ключевого слова текущего момента» *возрождение* в публицистике (и, соответственно, в общественном сознании) меняется волнообразно, с чередованием периодов «подъёма» и «спада». Однако словарь частотности представляет время 1990–2000-х гг. недифференцированно, как единый период, тогда как материалы предпринятого исследования позволяют ограничить период «подъёма» в употреблении слова *возрождение* в городской газете «Кузнецкий рабочий» 1990-ми годами. Период «подъёма», приходящийся на конец 1980-х и 1990-е гг., свидетельствует о важной роли слова *возрождение* в семантико-стилистическом воплощении шорской темы в городской газете, представляющей региональный медиадискурс, и соответствует контексту активных духовных исканий общества, основанных на вере в возможность созидательных изменений в жизни. В региональном медиадискурсе первого десятилетия XXI в. ключевая роль слова *возрождение* не сохраняется, что позволяет судить об изменении общественного сознания и контрастно оттеняет своеобразие СМИ эпохи перестройки и 1990-х гг.

В рассмотренных материалах начала XXI в. акцент сделан на духовной культуре шорского народа – фольклоре и творчестве современных авторов. Материалы, посвящённые именно этому аспекту шорской темы, составляют основную часть публикаций начала XXI в. Представлена также и материальная культура шорского народа: читатель узнаёт о веками сложившемся образе жизни шорцев, о блюдах национальной кухни и учится понимать, что духовная культура народа тесно связана с образом жизни. Мысль о красоте шорской природы звучит в газетных текстах XXI в. как аксиома. Как и в материалах предыдущих лет, тема природы соотносится с темой творчества. Сохраняется тема соприродного существования человека, удалённого от цивилизации. Новым акцентом материалов начала XXI в. является тема развития туризма в Горной Шории. Идея развития туризма в целом сопровождается мелиоративной оценкой и находится в гармонии с идеями сохранения культуры и природы Шории. В аналитических материалах о перспективах промышленного развития Горной Шории мы встречаем постоянную апелляцию к власти. Причём образ идеальной власти соотносится с темой ответственности и мудрого подхода и противопоставляется реальным ошибкам.

В целом в информационно-оценочном пространстве газетных материалов начала XXI в. о Горной Шории актуализируются два главных оценочных полюса – мелиоративный, связанный с темой сохранения и развития культурных традиций, и пейоративный, соотнесённый с темой культурного беспамяатства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное филологическое исследования социокультурного пространства юга Кузбасса, результаты которого представлены в монографии, включает несколько направлений.

Первое направление связано с исследованием русской традиционной народной культуры и опирается на уникальные материалы диалектологических и фольклорных практик, собранные под руководством преподавателей-филологов НГПИ (позднее КузГПА и НФИ КемГУ). Исследование охватывает слова и фразеологические единицы традиционных старожильческих говоров Кемеровской области, диалектные монологические тексты, записанные в Кемеровской области, фольклорный материал русских песен Кузбасса.

Второе направление комплексного филологического исследования социокультурного пространства юга Кузбасса включает историко-лингвистическое и системно-структурное описание языка коренного населения земли Кузнецкой – шорцев. Изучение и скорейшая фиксация лексики и грамматики шорского языка помогут сохранить для мирового филологического сообщества исчезающий язык.

Третье направление предполагает лингвоаксиологическое исследование текстов городской устной речи и современного регионального медиадискурса, отражающих актуальное состояние общественного сознания регионального социума.

Результаты, представленные в монографии, могут быть использованы в реализации федерального и регионального компонентов высшего филологического и педагогического образования – в практике преподавания вузовских дисциплин для будущих учителей русского языка и литературы, шорского языка и литературы («Русская диалектология» – особенности говоров Кузбасса; «Устное народное творчество» – фольклор юга Кузбасса; «Стилистика русского языка» – разговорная речь современного сибирского города, стилистика региональной прессы; «Шорский язык» – ономастика (антропонимика, топонимика, этнонимика), грамматика (морфология, синтаксис, сопоставительная грамматика); «Шорская литература» – история шорской литературы, современная шорская литература).

Предпринятое исследование направлено на решение социальных проблем индустриального региона: способствует формированию и осознанию региональной идентичности, гуманизации общества, актуализации ценностных ориентиров, основанных на знании традиционной народной культуры, истории родного края и уважении к ним.

Перспективы комплексного филологического исследования социокультурного пространства юга Кузбасса связаны как с сохранением традиционной народной культуры, изучением творчества писателей Кузбасса, истории региональных СМИ, так и с лингвоаксиологическим анализом языка и речевой культуры нашего времени.

По словам Д. С. Лихачёва, «краеведение – прекрасная школа воспитания гражданственности», «теория краеведения должна быть предметом изучения в гуманитарных и педагогических вузах». И неотъемлемой частью комплексного изучения родного края является филологическое краеведение, которое позволяет увидеть в слове отражение социокультурного портрета региона.

ЛИТЕРАТУРА ко второму тому

Введение ко второму тому: об истории создания и деятельности кафедры шорского языка и литературы

1. *Попова Л. И., Чайковская Е. Н.* Кафедра шорского языка и литературы как субъект межсекторного социального партнерства // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И. В. Шенцовой, Д. М. Токмашева. Новокузнецк, 2008. С. 415–418.

2. *Телякова В. М.* История создания и деятельности кафедры шорского языка и литературы (к 30-летию со дня образования) // XIV Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925–1995): к 80-летию высшего педагогического образования в Кузбассе : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч. конф., г. Новокузнецк, 26 апреля 2019 г. / редкол.: К. В. Герш (отв. ред.) [и др.]. Новокузнецк, 2019. С. 130–140.

3. *Чиспиякова Ф. Г.* Педагог, ученый, общественный деятель (к 75-летию со дня рождения Электрона Федоровича Чиспиякова, канд. филол. н., доцента кафедры иностранных языков НГПИ (ныне КузГПА) // Языки, история, культура тюркских народов Южной Сибири и прилегающих регионов : материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения Э. Ф. Чиспиякова). Новокузнецк, 2005. С. 3–6.

4. *Шенцова И. В.* Деятельность кафедры шорского языка и литературы (к 15-летию со дня образования) // Языки, история, культура тюркских народов Южной Сибири и прилегающих регионов : материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения Э. Ф. Чиспиякова. Новокузнецк, 2005. С. 112–119.

Глава 1 («Шорская ономастика»)

1. *Аносский сборник.* Омск, 1915.

2. *Анучин В. И.* Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб., 1914. (Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Т. 2).

3. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поруч. Имп. Рус. географ. общ. членом-сотр. А. В. Адриановым // Зап. ИРГО по общ. геогр. Т. 11. Вып. 2. СПб., 1886. С. 149–422.

4. *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведений об их численности. СПб., 1897.

5. *Бутанаев В. Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999.

6. *Бутанаев В. Я.* Хакасы. Этнографический очерк. М., 1995.

7. *Бутанаев В. Я.* Хорай аттары / Хакасские имена. Абакан, 1993.

8. *Бутанаев В. Я., Абдылкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII–нач. XVIII вв. Абакан, 1995.
9. *Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.* Мы родом из Хонгорая : хакасские мифы, легенды и предания. Абакан, 2010.
10. *Васильев Б. А.* Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78–102.
11. *Вербицкий В.* Алтайские инородцы. М., 1893.
12. *Вербицкий В. И.* Выписка из журнала миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии, священника Василия Вербицкого // Христианское чтение. Ч. 1. СПб., 1862. С. 400–418.
13. *Вербицкий В. И.* Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого. Новосибирск, 2008.
14. *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
15. *Воеводы Кузнецкие* // Историческая энциклопедия Кузбасса. Кемерово, 1996. С. 100.
16. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.
17. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
18. *Дополнения к тому III* // Землеведение Азии Карла Риттера. Т. IV. СПб., 1877. С. 491–495.
19. *Дульзон А.* Былое расселение кетов, по данным топонимики // Вопросы географии. Сб. 58: Географические названия. М., 1962. С. 50–84.
20. *Дульзон А.* Древние передвижения кетов по данным топонимики // Известия Всесоюзного геогр. общ. М., 1962. № 6. С. 474–482.
21. *Дульзон А.* Кетские наречия первой половины XVIII века // Труды Томского обл. краевед. музея. Т. 6. Вып. 2. Томск, 1963.
22. *Дульзон А.* Кетский язык. Томск, 1968.
23. *Дульзон А. П.* Очерки по грамматике кетского языка. Томск, 1964.
24. *Дульзон А.* Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Уч. зап. Том. гос. пед. ин-та. Т.19. Вып. 2. Томск, 1961. С.152–189.
25. *Дульзон А.* Топонимия Западной Сибири как один из источников её древней истории // Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964. С. 246–257.
26. *Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М.-Л., 1940.
27. *История Земли Кузнецкой* // История Кузбасса. URL : <http://NK-INFO.RU> (Справочно-информационный сайт города Новокузнецка).
28. *Кастрен М. А.* Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем, составленной др. М. Александром Кастреном и изданной в С.-Петербурге при Императорской Академии наук в 1849 году. Тобольск, 1902.
29. *Кимеев В.* Забытая страница истории шорцев // Разыскания. Кемерово, 1990. С. 21–27.
30. *Кимеев В.* Шорцы. Кто они? Кемерово, 1989.
31. *Косточаков Г. В.* К этимологии компонента Узут (Узют) в шорском этнониме Узут-Шор (Узют-Шор) // Чтения памяти Э. Ф. Чиспиякова (к 70-летию со

дня рождения) : материалы науч. конф. Новокузнецкого госпединститута. Новокузнецк, 2000. Ч. 1. С. 55–60.

32. *Косточаков Г. В.* Словарь шорских фамилий. Кемерово, 2005.

33. *Косточаков Г. В.* Три названия реки Мрассу // Современное образование: тенденция и перспективы : материалы науч. программы I Всекузбасской образовательной выставки-ярмарки 13-16 окт. 1998 г. Новокузнецк, 1999. С. 149–152.

34. *Косточаков Г. В.* Река Мрассу: опыт ономастического анализа // Педагог-филолог : межвуз. сб. науч. ст. Новокузнецк, 2010. С. 177–187.

35. *Косточаков Г. В.* Шорский язык : учеб. пособие для бакалавров. Новокузнецк, 2015.

36. *Косточаков Г. В.* Этимология шорского этнонима Челей // Качество подготовки специалиста и проблемы повышения конкурентоспособности выпускников педвузов на рынке труда : материалы науч.-практ. конф. «Этнорегиональный компонент гуманитарного образования в Кузбассе». Новокузнецк, 1998. С. 42–47.

37. *Коцюба Д. В.* История Кузбасса. Кемерово, 1983.

38. *Кузнецкая старина.* Вып. 5. Новокузнецк, 2003.

39. *Миллер Г.* История Сибири : в 2 т. М.; Л., 1937.

40. *Миллер Г. Ф.* Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 // Кузнецкая старина. Вып. 5. Новокузнецк, 2003. С. 63–85.

41. *Миротворцев К. Н.* Южная часть Кузнецкого имения Алтайского округа // Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г. Барнаул, 1911.

42. *Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. М., 1984.

43. *Народы Сибири* / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956.

44. *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974.

45. *Никонов В. А.* Словарь русских фамилий. М., 1993.

46. *Новые памятники Сибирской истории.* Акты XVII (1633–1699). Томск, 1890.

47. *Памятники сибирской истории XVIII в.* Кн. II, 1713–1724 гг. СПб., 1885.

48. *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных спец. разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2. СПб., 1911.

49. *Поступление в училище* и продолжение учения шорца (алтайца) И. М. Штыгашева. Казань, 1885.

50. *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. М., 1991.

51. *Потапов Л. П.* Очерки по истории Шории. М., Л., 1936.

52. *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. М., 1969.

53. *Путешествие шорца (алтайца)* в Киев, Москву и ее окрестности. Казань, 1884.

54. *Радлов В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 198–210.

55. *Радлов В.* «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в

- Южной Сибири и Дзунгарской степи», собранные В. В. Радловым. СПб., 1866.
56. *Радлов В.* Шорцы // Шорский сборник. Вып. 1. Кемерово, 1994. С. 32–43.
57. *Радлов В. В.* Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929.
58. *Радлов В. В.* Этнографический обзор тюркских племен Южного Алтая и Джунгарии. Томск, 1887.
59. *Руденко С. И.* Инородцы Нижней Оби : (этнографический очерк). СПб., 1914 (Труды Отдела Общества земледения при Имп. Спб. ун-те. Т. 3).
60. *Русско-мансийский словарь.* Л., 1946.
61. *Русско-хантыйский словарь.* Л., 1949.
62. *Священная история на шорском наречии.* Казань, 1883.
63. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков:* Фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1984.
64. *Список населенных мест Сибирского края.* Выпуск XIV. Кузнецкий округ. Новосибирск, 1929.
65. *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л., 1982.
66. *Старцев Г. А.* Остяки. Социально-этнографический очерк. М., 1928.
67. *Хакасско-русский словарь* / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск, 2006.
68. *Хроника событий с 1618 г. по 2005 г.* // История Кузбасса. URL : [http: NK-INFO.RU](http://NK-INFO.RU) (Справочно-информационный сайт города Новокузнецка).
69. *Чистяков Э.* Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерово, 2004.
70. *Чистяков Э., Бабушкин Г.* Диалекты шорского языка // Чистяков Э. Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерово, 2004.
71. *Чульжанов Г. Д., Судочаков М. Л., Косточаков Г. В.* Шорско-русский словарь. Новокузнецк, 1992.
72. *Шорский букварь.* Для инородцев восточной половины Кузнецкого округа-Казань, 1885.
73. *Штыгашев И.* Поступление в училище и продолжение учения алтайца (шорца) Иоанна Матвеева Штыгашева. Казань, 1885.
74. *Яворский В. И.* Земля Кузнецкая от древних времен до наших дней. М., 1973.

Глава 2

(«Категория залога в шорском языке (в сопоставлении с русским)»)

1. *Алмадакова Н. Д.* Грамматическая категория залога в алтайском языке / отв. ред. докт. филол. н., профессор М. И. Черемисина. Горно-Алтайск, 2005.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / под ред., со вступит. статьей и комментарием Ю. С. Степанова. М., 1974.
3. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика / отв. ред. В. Н. Ярцева. Л., 1984.
4. *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол : пособие для студентов и

учителей / под ред. Ю. С. Маслова. Л., 1967. 192 с.

5. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 2006.

6. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.

7. *Галямина Ю. Е.* Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актантной деривации // Исследования по теории грамматики. Вып. I. Глагольные категории / ред. В. А. Плунгян. М., 2001. С. 178–197.

8. *Гузев В. Г.* О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. № 4. Баку, 1985. С. 3–11.

9. *ДТС – Древнетюркский словарь* / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969.

10. *Данков В. Н.* Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола : учеб. пособие для филолог. специальностей. М., 1981.

11. *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М. – Л., 1941.

12. *Залоговые конструкции в разноструктурных языках* / отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1981.

13. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка / под общей ред. Г. А. Золотовой. М., 2004.

14. *Касевич В. Б.* Акцессивные, рецессивные и рефлексивные конструкции в бирманском языке // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981. С. 99–103.

15. *Коклянова А. А.* Глагольные словосочетания в узбекском языке // Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962. С. 39–100.

16. *Кузина М. В.* Средства выражения результативности действия в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

17. *ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

18. *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. II ; пер. с фр. / общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. Москва – Вена, 1998.

19. *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

20. *Наделяев В. М.* Залоговость в тувинском языке // Морфология тюркских языков Сибири : сборник научных статей. Новосибирск, 1985. С. 3–64.

21. *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1969. С. 5–19.

22. *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1969. С. 20–50.

23. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956

24. *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику : учеб. пособие. М., 2000.
25. *Потапенко Т. А.* Эпидигматика глаголов разрушительного воздействия на объект как отражение их семантической структуры // Семантика и формы языковых явлений. Л., 1978.
26. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. Л., 1941.
27. *Русская грамматика.* М., 1982. Т. I.
28. *Современный русский язык* в таблицах и схемах. Ч. 3. Учеб. пособие для студентов-заочников III к. фак-та русского языка и лит-ры пед. институтов. Глагол, наречие, категория состояния, модальные слова, служебные части речи: предлоги, союзы, частицы. Междометия, Звукоподражательные слова / отв. ред.: Л. К. Кузнецова, А. М. Дмитриева. М., 1985.
29. *Сравнительно-историческая грамматика* тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1988.
30. *Телякова В. М.* Каузативная конструкция с дательным падежом в шорском языке // Известия Национальной Академии наук республики Казахстан. Серия филологическая. 1993. № 1. С. 28–32.
31. *Телякова В. М.* Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.
32. *Телякова В. М.* Значения совместно-орудного падежа в шорском языке // Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. М. И. Черемисина, Е. К. Скрибник. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 96–102.
33. *Телякова В. М.* Шорские каузативные предложения косвенной номинации и трудности перевода их на русский язык // Лингвистические / психологические проблемы усвоения второго языка : материалы межвуз. науч. конф. / отв. ред. Ю. А. Левицкий. Пермь, 2003. С. 60–63.
34. *Телякова В. М.* Одноактантные каузативные и пассивные конструкции шорского языка в сравнительном освещении // Сибирский филологический журнал. 2009. № 3. С. 140–150.
35. *Типология каузативных конструкций.* Морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1979.
36. *Типология пассивных конструкций.* Диатезы и залоговые формы / отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1974.
37. *Харитонов Л. Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке / отв. ред. В. М. Надеяев. М. – Л., 1963.
38. *Храковский В. С.* Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоговые формы / отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1974. С. 5–45.
39. *Храковский В. С.* Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981. С. 5–38.
40. *Черемисина М. И., Ковган Е. В.* Хантыйский глагол : методические указания к курсу «Общее языкознание». Новосибирск, 1989.

41. Черемисина М. И., Соловар В. Н. Предложение в хантыйском языке : методические указания к лабораторным работам к курсу «Общее языкознание». Новосибирск, 1990.
42. Чистяков Э. Ф. Учебник шорского языка : пособие для преподавателей и студентов. Кемерово, 1992.
43. Чудинов А. П. О семантике и классификации каузативных глаголов // Семантические классы русских глаголов : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 47–54.
44. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. Л., 1941.
45. Шенцова И. В. Шорский язык. Морфология : учеб. пособие. Новокузнецк, 1999.
46. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.
47. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
48. Ganshina and Vasilevskaya — English grammar by M. Ganshina and N. Vasilevskaya. М., 1951.

Список источников к главе 2

1. БВ – Вениамин Борискин. Мең черимниң сөстери. Моего края рассказы. Междуреченск : ООО «Потенциал-Медиа», без года издания. 163 с.
2. Верб. – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Горно-Алтайск : Изд-во «Ак Чечек», 2005. 504 с.
3. ДШГ – Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.
4. ДШФ – Дыренкова Н. П. Шорский фольклор / отв. ред. И. И. Мещанинов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
5. ИВШ – Шенцова И. В. Шор черибисте. У нас в Шории. Сказки на шорском и русском языке для младших школьников. Новокузнецк : ОАО «Новокузнецкий полиграфкомбинат», 2003. 27 с.
6. КК – Пушкин А. С. Капитанның кызы / пер. И. Я. Арбачакова. Новосибирск, 1941. 171 с.
7. Курп 2012 – Курпешко Н. Н., Сандыкова Н. А. Тексты на шорском языке // Энциклопедические материалы по языкам народов Сибири (1995–2012 гг.) / отв. ред. Н. Н. Широкова. Новосибирск : Изд-во ООО «Открытый квадрат», 2012. С. 200–210.
8. КШТ – Курпешко-Таннагашева Н.Н. Шор тили 2. Ийгинчи класстың грамматиказының номы. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1992. 78 с.
9. РШР – Амзоров М. П., Шенцова И. В. Русско-шорский разговорник. Казак-шор эрбектери / науч. ред. А. И. Чудояков. Новокузнецк : Новокузнецкий гос. пед. институт, 1991. 92 с.
10. Словарь – Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шор-казак пазок казак-шор Ыргедиг сөстөк: Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1993.

11. СРГТ — Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. 698 с.

12. Токмашов – Токмашов Б. И. Қаан Оолак. Богатырское сказание кондомских шорцев с переводом на русский язык. Новокузнецк : Изд-во «Новокузнецкий полиграфкомбинат», 2009. 149 с.

13. Ёлгер – Ёлгер. Кыырчаң ном / сост. Г. В. Косточаков / под ред. А. И. Чудоякова, М. П. Амзорова. Кемерово, 1995. 174 с.

14. ФШ – Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 1990–2007 годов / сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск : Наука, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 29). 608 с.

15. ЧиШа 1999а – Чиспиякова Ф. Г., Шавлова Н. В. Шор тили 5–6 : учебник шорского языка для 5–6 классов общеобр. школы. – Кемерово : Изд-во ОблИУУ, 1999. 127 с.

16. ЧиША 2002а – Чиспиякова Ф. Г., Шавлова Н. В. Шор тили : учеб. пособие по шорскому языку для студентов 1 к. и учащихся старших классов (тексты и упражнения). Новокузнецк : РИО НГПИ, 2002а. 35 с.

17. ЧиШа 2002б – Шор тили : учеб. пособие по шорскому языку для самостоятельной работы студентов. Новокузнецк: РИО НГПИ, 2002б. 29 с.

18. ЧиШа 2002в – Чиспиякова Ф. Г., Шавлова Н. В. Кыырчаң ном : книга для чтения на шорском языке. 5 кл. Новокузнецк : РИО НГПИ, 2002в. 43 с.

19. Чудояков. Пакёсте. – Чудояков А. И. Пакёсте (рассказ в рукописи).

20. ЧУШЯ – Чиспияков Э. Ф. Учебник шорского языка : пособие для преподавателей и студентов. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1992. 318 с.

21. ШН – Бабушкин Г.Ф. Шор ныбактары. Новосибирск, 1940. 95 с.

22. Шолбан – Чиспияков Ф. С. Шолбан. Стихтербе рассказ. Новосибирск : Новосибирское обл. гос. изд-во, 1940. 88 с.

Информанты:

Зинченко А. А.

Кискорова Е. С.

НБ – Бельчегешева Надежда

СТ – Тенешев Сергей Гордеевич

Тептегешев Г. Г.

Тудегешев Н. А.

ФЯБ – Байлагашева Федосья Яковлевна

Чуд. – Чудояков Андрей Ильич

Шв. – Швидко Валентина Васильевна

Глава 3

(«Художественная литература шорского народа сегодня»)

1. Арбачакова Л. Н. Онзас черим : (Тернии души). Новокузнецк, 2001.
2. Арбачакова Л. Н. Колыбель любви. Новокузнецк, 2004.
3. Арбачакова Л. Н. Песни шориянки. Новосибирск, 2013.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
5. Бельчегешев Н. Туған черим-Тағлығ Шор. Новокузнецк, 1992.

6. *Бельчегешев Н.* Таң атча. Новокузнецк, 1993.
7. *Бельчегешев Н.* С тобою вместе люблю. Новокузнецк, 1993.
8. *Бельчек К.* Наа-Эски Чурт : (Небесная Мрассу). Новокузнецк, 2000.
9. *Борискин В.* Торумчылар. Междуреченск, 1998.
10. *Борискин В.* Меен черимнең сөстери // Слова моей родины. Междуреченск, 2008.
11. *Дочь, ветвь абинского народа* : учеб.-метод. пособие по творчеству Т. В. Тудегешевой. Кемерово, 2013.
12. *Косточаков Г. В.* Ала тагларым. Новокузнецк, 1994.
13. *Косточаков Г. В.* Ветка родимого кедра. Книга созвучной лирики. Томск, 2013.
14. *Косточаков Г. В.* Как слово наше отзовется (История родной литературы) : учеб. пособие для бакалавров. Новокузнецк, 2015.
15. *Косточаков Г.* Лекции по шорской литературе. Междуреченск, 1999.
16. *Косточаков Г. В.* Я последний шорский поэт. Новокузнецк, 2003.
17. *Литературный портрет Шорши* : кн. для учителя родной (шорской) литературы / сост. Е. Н. Чайковская. Кемерово, 2009.
18. *Торбоков С. С.* Белая береза. Кемерово, 1960.
19. *Торбоков С. С.* Пихточка. Кемерово, 1960.
20. *Торбоков С. С.* Струны кай-комуса. Кемерово, 1967.
21. *Торбоков С. С.* Моя Горная Шория. Новокузнецк, 1995.
22. *Торбоков С. С.* Шория всюду со мной. Кемерово, 2006.
23. *Тудегешева Т. В.* Поющие стрелы времен. Новокузнецк, 2000.
24. *Тудегешева Т. В.* Небесный полет девятиглазых стрел. Новокузнецк, 2007.
25. *Гюпа В. И.* Анализ художественного текста. М., 2009.
26. *Ўлгер* : книга для чтения на шорском языке / сост. Г. В. Косточаков. Кемерово, 1995.
27. *Чедыген* : произведения шорской литературы на шорском и русском языках / сост. Л. Чульжанова, Л. Арбачакова, Г. Косточаков. Кемерово, 2007.

Глава 4

(«Тема судьбы шорского народа в миссионерских записках XIX века и в дискурсе современной городской газеты»)

1. *Алексеев П. В., Шастина Т. П.* VI Международная научная конференция «Диалог культур: поэтика локального текста» (26-29 мая 2018 г., Горно-Алтайский государственный университет) // Имагология и компаративистика. 2018. № 10. С. 197–208.
2. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста : Словарь-тезаурус. Томск, 2008.
3. *Вербицкий В. И.* Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии за 1861 год. М., 1862.
4. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество : монография / науч. ред. проф. П. А. Лекант. Екатеринбург, 1996.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994.
6. *Диалог культур: поэтика локального текста* / под ред. П. В. Алексеева. Горно-Алтайск, 2016.
7. *Записки миссионера* Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / сост. И. Кропочев. Новокузнецк, 2008.
8. *Литературный энциклопедический словарь* / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987.
9. Лукин В. А. *Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа* : учебник. М., 1999.
10. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. *Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка)*. М., 2009. URL : <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
11. Максимов В. И. и др. *Словарь перестройки* / под общ. ред. проф. В. И. Максимова. СПб., 1992.
12. Матвеева Т. В. *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк*. Свердловск, 1990.
13. *Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия*. URL : <http://megabook.ru/>
14. Мельникова С. В. Оценка инородческих культур и проблема культурного взаимодействия в путевых журналах и дневниках сибирских православных миссионеров XIX века // *Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях*. Иркутск, 2015. С. 179–183.
15. Мельникова С. В. *Записки алтайских миссионеров и их жанровая специфика* // *Сибирский филологический журнал*. 2008. № 2. С. 34–42.
16. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. *Текст и его восприятие*. Свердловск, 1991.
17. Николина Н. А. *Филологический анализ текста* : учеб. пособие. М., 2003.
18. *Новейшая история России* : учебник / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков ; под ред. А. Н. Сахарова. – М., 2010.
19. Ожегов С. И. *Словарь русского языка* / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1973.
20. Ощепков А. Р. *Имагология* // *Энциклопедия гуманитарных наук*. 2010. № 1. С. 251–253.
21. Пушкарева И. А. *Дискурсивно-стилистическое воплощение шорской темы в городской газете «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири / Сибирьде чуртапчатхан чоннарның культуразын паза тиллерин хайраллири паза тиллери : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Абакан, 24–25 мая 2018 года) / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан, 2018(а). С. 59–66.*
22. Пушкарева И. А. *Ключевое слово возрождение в материалах о шорской культуре городской газеты «Кузнецкий рабочий» конца XX – начала XXI века* // *Сибирский филологический журнал*. 2016. № 4. С. 162–173.
23. Пушкарева И. А. *Краеведческие доминанты в дискурсе городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) конца XX – начала XXI века: семантико-стилистический анализ*. Новокузнецк, 2019.

24. *Пушкарёва И. А.* Краеведческие доминанты в региональном медиадискурсе конца XX – начала XXI века: семантико-стилистический анализ на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Новокузнецк, 2016.

25. *Пушкарёва И. А.* Образ шорского народа в лексике сферы коммуникации «Записок миссионера» В. И. Вербицкого 1861 г. // Язык. Культура. Этнос. Чтения памяти Э. Ф. и Ф. Г. Чиспяковых. Новокузнецк, 2020(а) (в печати).

26. *Пушкарёва И. А.* О семантико-стилистическом воплощении краеведческих доминант в городской газете: тема шорской культуры в городской газете «Кузнецкий рабочий» // Филология и культура в межрегиональном пространстве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора И.А. Воробьевой. Барнаул, 15–17 мая 2013 г. Барнаул, 2013. С. 265–269.

27. *Пушкарёва И. А.* «Шорская тема» в региональном медиадискурсе 80-х гг. XX в. (на материале новокузнецкой городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Русский язык в контексте национальной культуры : материалы III междунар. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Саранск, 21–23 мая 2014 г. Саранск, 2015. Т. 2. С. 342–347.

28. *Пушкарёва И. А.* Этническая тема как краеведческая доминанта регионального медиадискурса (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Взаимодействие языков и культур: материалы Междунар. науч. конф., 28–30 мая 2018 г. / под ред. О.А. Турбиной. Челябинск, 2018(б). Т. 2. С. 48–52.

29. *Согрин В. В.* Перестройка: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 133–147.

30. *Терентьева Е. Ю.* Названия русских и болгарских православных праздников: критерии классификации // Вестн. ПСТГУ III: Филология. 2011. Вып. 2 (24). С. 90–98.

31. *Шмелева Т. В.* Ключевые слова текущего момента // Colloquium. 1993. № 1. С. 33–41.

32. *Шмелева Т. В.* КРИЗИС как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63–67.

33. *Щербич С. Н.* Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60-70-е гг. XIX в.): анализ публикации источников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3(34). С. 154–163.

34. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* URL : <http://be.scilib.com/article022477.html>

35. *Pushkareva I., Kiseleva N.* LEXIS OF THE COMMUNICATION SPHERE IN NOTES OF THE MISSIONARY V. I. VERBITSKY // WUT 2020. 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. 2020(б) (в печати).

Список источников к главе 4¹

1. Бабилов С. Эхо ГУЛАГа // КР. 2011. 29 окт.
2. Басаргина Т. Пайрам – передышка между буднями // КР. 2010. 3 июля.
3. Бестужевы Т. и П. В Горную Шорию на выходные // КР. 2006. 24 июня.
4. Борисов С. Алтайская духовная миссия и Кузнецкий край // КР. 1994. 30 июля.
5. Борисов С. Кузнецкие инородцы в середине XIX – начале XX вв. // КР. 1994. 9 июля.
6. Вайсберг Б. Маленькое открытие // КР. 1991. 22 мая.
7. Валиулин В. А крест, по совести, надо бы убрать // КР. 2003. 11 сент.
8. Валиулин В. «Алтын керим» – моя золотая земля // КР. 2010. 2 марта.
9. Валиулин В. День шорской культуры // КР. 2010. 18 нояб.
10. Валиулин В. «Небесные гости» в Кузбассе // КР. 2010. 7 окт.
11. Валиулин В. Новый статус Поднебесных Зубьев // КР. 2002. 9 нояб.
12. Валиулин В. Ребятам о зверятах Горной Шории // КР. 2010. 7 авг.
13. Валиулин В. Стражники природы и культуры // КР. 1999. 11 дек.
14. Валиулин В. Тебе, моя Шория, поёт твоя дочь-шориянка // КР. 1998. 7 июля.
15. Валиулин В. Фольклор Горной Шории // КР. 2010. 4 дек.
16. Валиулин В. «Язык мой, в тебе сохранились века» // КР. 2011. 26 февр.
17. Васильева М. Чёрный коршун в синем небе, или Увидеть невиданное // КР. 2005. 3 сент.
18. Владимиров В. Учёные педакадемии – городу и стране // КР. 2009. 19 нояб.
19. Военные любят хариуса, а хариус военных... // КР. 1991. 13 мая.
20. Волкова О. «Имею честь предупредить... о тайфуне» // КР. 2008. 27 марта.
21. Впервые – на шорском // КР. 1992. 26 дек.
22. Герман М. Пора в отпуск. А куда? // КР. 2005. 23 июня.
23. Гимн Шории («Служба новостей») // КР. 2008. 21 июня.
24. Головкова Т. Вернуть самостоятельность // КР. 1990. 3 апр.
25. Головкова Т. Возродить культуру народа // КР. 1989. 8 нояб.
26. Головкова Т. Судьба народа и фольклорные традиции // КР. 1990. 4 авг.
27. «Горная Шория: вчера, сегодня, завтра» // КР. 1995. 14 янв.
28. Горная Шория – кладовая сырья для металлургических гигантов // КР. 1997. 23 янв.
29. Гревнёв М. Храм Веры и Александра // КР. 2006. 27 июня.
30. Гуляев И. По следам первооткрывателей // КР. 2003. 11 сент.
31. Дашевская Г. Шория – край богатый, златоносный // КР. 1992. 29 дек.
32. Денисов А. Ключ к прогнозу – тайна двух океанов // КР. 2007. 28 июля.
33. Денисов А. Неестественная монополия // КР. 2010. 30 окт.
34. Дуфник С. Чакши Шория – алтын чер // КР. 2009. 7 февр.
35. Золото – у Горной Шории («Служба новостей») // КР. 2002. 12 сент.
36. И том шорского фольклора // КР. 1991. 14 марта.
37. Иванова С. Под небом Шории // КР. 2008. 24 апр.
38. Изгашев В. С экспедицией в Горную Шорию // КР. 2005. 1 сент.
39. Казанцева М. «Горная Шория – 2009»: новые возможности // КР. 2009. 28 июля.
40. Казьмина Е. Жестокости – нет! // КР. 2010. 10 апр.
41. Казьмина Е. Подарок из родного края // КР. 2008. 14 февр.

¹ Сокращение: КР – «Кузнецкий рабочий»

42. Кайгородцева Л. Пейзажи Горной Шории // КР. 1982. 9 сент.
43. Каменева Н. «...А мы останемся» // КР. 2006. 12 сент.
44. Каменева Н. Белое солнце Шории // КР. 2006. 10 авг.
45. Каменева Н. Живой голос народа // КР. 2007. 20 дек.
46. Каменева Н. «Когда готов ученик – приходит учитель» // КР. 2006. 18 февр.
47. Каменева Н. Новый год по-шорски // КР. 2006. 13 апр.
48. Кафедра шорского языка // КР. 1990. 20 июня.
49. «Кен-Кыз-93» // КР. 1993. 6 апр.
50. Ким И. Таёжная сказка [Реклама фирмы «Шория-Тур»] // КР. 2001. 28 апр.
51. Кириллов А. Есть шанс заняться делом // КР. 2010. 20 апр.
52. Кириллов А. По следам учёного и проповедника // КР. 2007. 10 июля.
53. Кобзарь Б. Сказки доброго кайчи // КР. 1985. 17 окт.
54. Ковякина Л. Лесная гостя // КР. 2006. 21 окт.
55. Козлова О. Вкус хлеба и мёда // КР. 2007. 1 марта.
56. Колпакова И. Да поможет вам Тазыхан! // КР. 2001. 17 нояб.
57. Конкурс центра «Кызыл Шор» // КР. 1990. 27 марта.
58. Коровина В. Его называют белым шаманом // КР. 1994. 18 окт.
59. Косточаков Г. «Слово – это то, что движет горы и реки» // КР. 1997. 15 февр.
60. Кравков М. А. Тельбесские зарисовки // КР. 2007. 17 февр.
61. Кураев А. Если «железный век» на исходе... // КР. 2010. 4 мая.
62. Лавренова И. «Иногда жених воровал приглянувшуюся ему девушку...» // КР. 1997. 18 янв.
63. Лавренова И. Кому ближе проблемы шорцев: ООН или местной власти? // КР. 1996. 24 дек.
64. Лавренова И. О дочке хана и жёлтом мальчике. Откуда пошли названия рек // КР (приложение «Окраина»). 1996. 29 июня.
65. Лавренова И. Таёжные жители // КР (приложение «Окраина»). 1996. 27 июля.
66. Ларин В. Ода родному краю // КР. 2005. 24 февр.
67. Лето пионерское // КР. 1987. 18 авг.
68. Лизогуб П. Они были первыми // КР. 2007. 25 окт.
69. Лиханова А. Все флаги в гости будут к нам? // КР. 2006. 30 мая.
70. Ляпин А. Несколько дней в Горной Шории // КР. 1985. 25 июля.
71. Макарова Е. В родном стане // КР. 2004. 10 авг.
72. Мальковец Н. Издано в Ленинграде // КР. 1986. 19 дек.
73. Межеков Г. «Шория-тур» // КР. 1991. 2 апр.
74. Михайлов С. Канны для нас – не пример // КР. 2007. 6 окт.
75. Михайлов С. «Под небом Шории. Природа» // КР. 2009. 24 янв.
76. Михайлов С. Хранитель огня // КР. 2012. 4 февр.
77. Михайлова Т. Возвращаясь к истокам // КР. 2000. 26 сент.
78. Михайлова Т. Горная Шория ждёт своих Никитиных // КР. 1993. 16 июня.
79. Михайлова Т. Горная Шория находит друзей // КР. 1993. 28 дек.
80. Михайлова Т. Для возрождения традиционных промыслов // КР. 1990. 5 апр.
81. Михайлова Т. Звучит шорская речь // КР. 1989. 12 сент.
82. Михайлова Т. Земля предков // КР. 1993. 29 апр.
83. Михайлова Т. Каждый пишет, как он дышит... // КР. 1993. 11 февр.
84. Михайлова Т. Коренной – значит, имеющий корни // КР. 1992. 29 дек.

85. Михайлова Т. Негромкая песня // КР. 2005. 24 дек.
86. Михайлова Т. Николай Бельчегешев: «Родина даётся однажды и на всю жизнь» // КР. 1992. 26 марта.
87. Михайлова Т. Новый год – это надежда // КР. 1992. 9 янв.
88. Михайлова Т. О земле Кузнецкой // КР. 1989. 2 февр.
89. Михайлова Т. Общество Горной Шории // КР. 1990. 19 янв.
90. Михайлова Т. Один путь, одно будущее // КР. 1992. 30 апр.
91. Михайлова Т. Певец земли родной // КР. 2000. 25 апр.
92. Михайлова Т. Первый съезд шорского народа // КР. 1990. 22 марта.
93. Михайлова Т. Помни своё имя // КР. 1994. 22 нояб.
94. Михайлова Т. Решение не принято // КР. 1990. 3 окт.
95. Михайлова Т. Собираетел нетленных сокровищ // КР. 1991. 2 февр.
96. Михайлова Т. Союз коренных народов // КР. 1991. 13 апр.
97. Михайлова Т. Феномен народа // КР. 1990. 2 февр.
98. Михайлова Т. Фотоальбом о Горной Шории // КР. 1990. 5 июля.
99. Михайлова Т. Эпос и символика Л. Арбачаковой // КР. 2001. 8 марта.
100. Мошкин В. Штурм земных глубин // КР. 1982. 13 нояб.
101. Народ тает как снег // КР. 1997. 3 апр.
102. Немиров В. Вызывает интерес наш строительный процесс // КР. 2000. 22 авг.
103. Немиров В. «Малая сказка» Михаила Шевалье // КР. 2003. 11 окт.
104. Немиров В. С вечностью наедине // КР. 2006. 25 нояб.
105. Немиров В. Штрихи к портрету // КР. 2005. 15 нояб.
106. Немиров В. Это новое совсем «Хорошее кино» // КР. 2005. 28 апр.
107. Немов А. Путь миссионера // КР. 2008. 13 нояб.
108. Николаев Д. А у нас, как в Греции, всё есть. Даже... алмазы // КР. 2010. 11 мая.
109. Ночка А. Не останавливаться на достигнутом // КР. 2011. 24 сент.
110. Ночка А. Чудеса, да и только // КР. 2012. 13 марта.
111. О Шории на шорском («Служба новостей» // КР. 2007. 27 февр.
112. Огурцов А. От Таштагола до Мундыбаша // КР. 1988. 30 сент.
113. Огурцов А. «Стоязыкая» земля // КР. 1988. 12 марта.
114. Одним абзацем («Служба новостей») // КР. 2008. 30 апр.
115. Панова О. В Шорию за песнями // КР. 2010. 18 марта.
116. Петров И. «Это обогатило нас новыми идеями» // КР. 2010. 24 авг.
117. Петрова Т. Государство – не бездонная бочка // КР. 2009. 16 апр.
118. Петрова Т. Душа народа // КР. 2007. 17 марта.
119. Петрова Т. От «Весёлых бурундучков» до «Икэнипке-2009» // КР. 2009. 25 июня.
120. Петрова Т. Снова победили // КР. 2008. 11 дек.
121. Петрова Т. У шорцев есть не только свой язык, но и культура и многое другое // КР. 2005. 12 марта.
122. Петрова Т. Уроки доброты // КР. 2004. 9 сент.
123. Печенина Н. Запечатлённое слово // КР. 2008. 8 мая.
124. Печенина Н. «Играем в охотников» // КР. 2009. 19 февр.
125. Платонов А. и др. От «моно» к «топеу». Почему нет? // КР. 2010. 16 марта.
126. Подхомутникова Н. Семь дней в Горной Шории // КР. 1984. 6 сент.
127. Проблемы Шории – в комплексе // КР. 1995. 15 июня.
128. Савельева О. Новогодняя афиша // КР. 2010. 21 дек.
129. Савельева О. Нужен ли универсальный язык? // КР. 2009. 19 февр.

130. Савицкая Л. К национальным истокам // КР. 1991. 5 июля.
131. Семёнов Г. Откуда у парня саянская грусть? // КР. 2012. 25 апр.
132. Скрипникова А. Детский праздник // КР. 2008. 26 апр.
133. Скрипникова А. Хоомей в Тыве // КР. 2008. 21 авг.
134. Слово к читателям! // КР. 1989. 29 авг.
135. Сницкая А. Лето всё-таки // КР. 2010. 15 июля.
136. Сницкая А. Пельмешки и орешки // КР. 2012. 27 марта.
137. Стахович М. Живая вода // КР. 2009. 25 июня.
138. Стахович М. Что это мы такие бледные? Мало мёда ели // КР. 2007. 20 янв.
139. Субботина С. Четыреста миллионов из Горной Шории // КР. 2001. 23 янв.
140. Сухарина А., Куропаткин Ю., Боровик Ю. Хлебный камень Горной Шории // КР. 1983. 2 апр.
141. Талалайкин М. С концертами по Горной Шории // КР. 1987. 30 июля.
142. Твёрдым шагом к мировой культуре // КР. 1993. 31 авг.
143. Тенешева О. По Мрассу к Мустагу // КР. 2006. 24 окт.
144. Тенешева О. Туган черим – родная земля // КР. 2008. 2 окт.
145. Терехов Ю. Таёжный феномен // КР. 1998. 14 марта.
146. Терехов Ю. Таёжный феномен. Новая встреча // КР. 1998. 18 июля.
147. Тивяков С. Кроссворд «Топонимический» // КР. 1986. 28 февр.
148. Тихомирова Т. Циклы большие и маленькие // КР. 2009. 11 авг.
149. Тихомирова Т. Чудеса мастихина // КР. 2006. 11 февр.
150. Толтаев Н. С. Потому, что я сын Шории [политическая реклама] // КР. 1990. 3 февр.
151. Трухин А. Царевна-лягушка XXI века // КР. 2012. 12 янв.
152. Тулик Е. Чему можно научиться у первобытных? // КР. 2001. 8 мая.
153. Тугдешева Т. Крест на священной шорской горе // КР. 2003. 9 авг.
154. Тугдешева Т. Сын Шории // КР. 1998. 8 окт.
155. Тюрина Т. Был жаркий день... // КР. 2011. 6 авг.
156. Тюрина Т. И художники по плану живут // КР. 2010. 2 окт.
157. Тюрина Т. Излучающая тепло // КР. 2009. 7 нояб.
158. Тюрина Т. Искусство в городе // КР. 2011. 30 июня.
159. Тюрина Т. Пленённые пленэром // КР. 2006. 26 авг.
160. Тюрина Т. Синий цвет Таштагола // КР. 1998. 2 апр.
161. Урюмов В. Моя альма-матер // КР. 2010. 25 марта.
162. Фёдоров И. Яркое солнце над Туманной // КР. 2005. 12 марта.
163. Форум шорского народа // КР. 1995. 2 марта.
164. Хворостинина Я. Они могут шагать по воде! // КР. 2008. 28 авг.
165. Цыпленков С. «Металлэнергофинанс»: на острие событий // КР. 2005. 26 февр.
166. Черняк Е. Ощущая живое // КР. 2005. 11 июня.
167. Черняк Е. Состязание юных искусствоведов // КР. 2005. 4 июня.
168. Чиспияков Э.Ф. Откуда пришли шорцы // КР. 1985. 28 февр.
169. Чиспиякова Ф.Г. На кафедре – первый доктор наук // КР. 1999. 17 дек.
170. Чудояков А.И. Анчи Абышка // КР. 1993. 9 сент.
171. Чудояков А.И. О шорском фольклоре // КР. 1992. 26 марта.
172. Чудояков А.И. От одухотворения природы – к художественному образу // КР. 1993. 18 авг.

173. Чудояков А.И. Сквозь призму времени // КР. 1993. 9 дек.
174. Шарчаков В. Приглашает общество «Шория» // КР. 1990. 21 февр.
175. Шатилова Т. Певец Горной Шории // КР. 1995. 23 дек.
176. Шерегеш: что нам готовит сезон грядущий? (<http://vashgorod.ru>) // КР. 2012. 8 окт.
177. Шипилова Т. «Воду из его рек хочется черпать горстями» // КР. 1999. 18 нояб.
178. Шипилова Т. «Земля в долгу не останется» // КР. 2000. 14 нояб.
179. Штиль С. Наперегонки с ветром // КР. 2007. 13 нояб.
180. Штиль С. Полпред посетил Горную Шорию // КР. 2011. 18 янв.
181. Шорская деревня у скалы Писаной // КР. 1995. 15 авг.
182. Шорский фольклор на компьютере // КР. 2000. 21 сент.
183. Щеголев Б. Несколько дней на Казыре // КР. 1991. 22 июня.
184. Эмих Т. Поцелуй лопаты и другие прелести археологии // КР. 2010. 19 авг.

**Страницы истории кафедры
шорского языка и литературы
в фотографиях**

*Выдающиеся учёные и педагоги
Андрей Ильич Чудояков (фото слева), первый заведующий кафедрой иорского языка и литературы;
Электрон Фёдорович и Фавзия Гизатулловна Числяковы (фото справа)*

Кафедра шорского языка и литературы КузГПА (2004)

На снимке слева направо: (стоят) А. А. Чудоякова, Д. М. Токмашев, Г. В. Косточаков, В. М. Телякова;
(сидят) Ф. Г. Чистякова, Л. И. Попова, И. В. Шенцова (заведующая кафедрой)

Любовь Никитовна Арбачикова – учёный, поэт, художник

В. Я. Бутанцев, преподаватели и студенты отделения шорского языка и литературы НГИИ (1997)

На снимке: (сидят) Ф. Г. Чистякова, заведующая кафедрой (слева от В. Я. Бутанцева),

Л. И. Полова, заместитель декана ФРЯиЛ по шорскому отделению (справа от В. Я. Бутанцева);

(стоят) В. М. Телякова (третья справа), студенты

Последний звонок (1997)

На снимке: Г. И. Чудоякова (передний ряд, справа); правая часть фото: И. В. Шенцова (крайняя справа), Т. Л. Староверова, Н. С. Уртегеев (задний ряд); центральная часть: Г. В. Косточаков, слева от него И. Н. Скударнова, декан ФРЯиЛ, справа от него Л. И. Полова, заместитель декана по шорскому отделению; крайняя слева – В. М. Телякова; студенты шорского отделения

Юбилейный выпуск отделения шорского языка и литературы КузГПА (2003)

На снимке: (сидят, слева направо) Л. И. Попова (заместитель декана ФРЧУ.П по шорскому отделению), В. М. Телякова, Ф. Г. Чиспякова, И. В. Шенцова (заведующая кафедрой), Л. А. Тенишева (заместитель председателя Новокузнецкой городской общественной организации «Шория»); (стоят) Г. В. Косточаков, студенты (10-й выпуск)

Любовь Ивановна Попова и Елена Николаевна Чайковская со студентками шорского отделения КузГПА (2008)
Л. И. Попова – заместитель декана ФРЧ.П по шорскому отделению,
Е. Н. Чайковская – руководитель Центра языков и культур народов Сибири

*Геннадий Васильевич Косточаков – поэт, учёный, педагог; студенты шорского отделения факультета филологии
НФИ КемГУ (выпускницы 2019 г.)*

Научное издание

Серия «Филологическое краеведение»

Монография

**ЯЗЫК И РЕГИОНЫ:
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮГА КУЗБАССА**

*Н.А. Баланчик, Н.С. Баланчик, Ю.В. Косицина, Г.В. Косточаков,
И.А. Пушкарева, В.М. Телякова, В.В. Трубицына*

Том 2

Г.В. Косточаков, И.А. Пушкарева, В.М. Телякова

Под редакцией *И.А. Пушкаревой*

Корректурa: *Н.С. Баланчик*
Техническое редактирование: *В.В. Трубицына*
Компьютерная вёрстка: *И.А. Пушкарева; Sitall*

Подписано в печать: 29.04.2020
Печать плоская. Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 22,4
Тираж 100 экз. Заказ № 60840-3.

Изготовление: Полиграфическая компания «Sitall»
Тел.: (391) 218-05-15, www.sitall.com
E-mail: sitall@sitall.com